

ДРУГИЕ - 1

CASPERDOG

Это не одна история. Их несколько. Тех, в которых правды больше, чем мистики. Я б не говорил — выдумки. Автор просто пытается рассказать то, с чем сам столкнулся в жизни и о чём рассказывали его друзья и знакомых.

Структуру подразделений, где служат и работают герои, взаимоотношения между сотрудниками, название должностей и другое — автор сознательно изменил, что бы было больше человечности. Саму структуру автор знает очень хорошо — несколько близких его товарищей всю жизнь там служили или служат в настоящее время.

Предисловие

Сегодня, как не включишь телевизор, не возьмешь в руки газету — прорицатели, гадалки, белые и черные колдуны и ведьмы. И всё деньги, деньги, деньги...

А если б не платили денег этим лицам с экранов и газет? Много ль их осталось бы??? Ни одного. Ну, может, два-три. Остались бы те, кто жил с надеждой поиметь с людей чуть позже.

Ведь истинные ведуны никогда не брали денег. Да, не отказывались от помощи односельчан, не отвергали с сердцем открытым протянутую еду и представленный кров. Но они не вымогали ничего, не жили за счёт других людей. Они всегда знали, что они — это помощники и хранители людей, но ни как не враги рода человеческого.

Мы не будем вспоминать про Чёрных. Те жили всегда за счёт людей. Питались их болью и страданиями. И их, к сожалению, было намного больше, чем светлых.

И всегда была меж ними вражда. Борьба за веру людей. За здоровье Рода. За выживание Рода.

Так было ранее. Так есть сейчас. Так будет всегда, покуда люди не перестанут искать добра себе за счёт горя и болезней других.

Пролог.

— Товарищ полковник, разрешите? — дежурный по управлению после разрешения вошёл в кабинет.

— Срочно?

— Так точно.

— Говори.

— У нас ЧП. По ленте сообщили — Около Вуоксы Белый с женой попали в аварию. Жена в критическом состоянии. Несколько проникающих. А он — сильно обгорел, когда вытаскивал застрявшую жену из загоревшейся машины. Сам занёс её в машину Скорой помощи. Сел рядом, обнял жену и отключился.

— Понял. Спасибо. Свободен.

Через минуту полковник вызвал своего подчинённого, который и осуществлял надзор за Белым.

— Что есть по ДТП с Белым. В курсе?

— Так точно. В курсе. наших там не было. Тот просто ездил на лодочную станцию в Приозерск. Мы там были бы лишние.

— Подробности есть?

— Да. Сейчас их везут в Питер. Оба опять без сознания. Я только что связался с врачами через их диспетчеров. Прогнозы — очень плохие. Особенно у жены.

И ещё. Недалеко от случившейся аварии работали дорожники. Первыми подбежали и пытались помочь. Прибывшим сотрудникам ДПС они сообщили, что вроде перед самой аварией слышали хлопок. На звук лопнувшей шины было не похоже. Скорее на хлопок петарды, что мальчишки запускают в Новый Год. Машина выгорела полностью. Остался только остов. Там движение в это время не такое интенсивное как утром или вечером. Когда первые машины подъехали — авто горел весь. Водители остановившихся машин

использовали более десятка огнетушителей, но толку... Когда пожарные приехали, то и тушить уже было нечего.

— Отправь нашу бригаду на место. Пусть посмотрят по округе. Знаю, что это не наш профиль, но лишние глаза не помешают. Если стреляли, то...

— Так точно. Группу уже отправил, но когда доберутся... Местые, из Сосново, поставили оцепление. Машину не трогали.

Полковник с побелевшим лицом смотрел на своего подчинённого.

— Куда везут? Больница?

— Пока нет информации. Им добираться больше часа. Наверное, куда ближе.

— Ты же в курсе моих проблем?

— Да, товарищ полковник, в курсе по внучке. Сейчас у нас почти все знают и сочувствует.

— Ладно. Свободен и... спасибо всем. Держи ситуацию под контролем. Как появится любая информация — сразу мне. Немедленно.

— Есть.

Майор Крайнев вышел, а полковник откинулся на спинку рабочего кресла. Закрыв глаза. Его трясло.

«Господи. Ну почему? Как? Ведь только появилась надежда, что его Катеньку, любимую внучку, можно спасти. Ведь всего 5 годиков маленькой. И ведь Белый, посмотрев малышку, дал надежду её родителям. Был готов взяться... Попросил всего 3 дня... Ведь на всём белом свете мог помочь теперь только он. Он один. Единственный. Последняя надежда... И что теперь? Что я скажу своим...

Глава 1

Полковник всесильной службы закрыл глаза и, с комом в горле, вспоминал.

Как они всей семьёй радовались, когда появилось это Солнышко. С зелёными, как у мамы, глазами и ярко рыжей копной волос. Когда они всей семьёй таяли от нежности, когда их малышка светилась под лучами солнца. Это была не девочка, а именно Солнышко. Мягкая, нежная, с громадными глазищами в пол-лица, она ни разу за всю свою крохотную жизнь не расстроила ни родителей, ни деда. Она почти никогда не плакала. Даже пару раз, больно упав, ударившись, прикусывала губки и терпела боль. Молча. А потом сама всех успокаивала, что, мол, ей совсем не больно.

И все её родные, когда брали девочку на руки, испытывали непонятное тепло, исходящее от её крохотного тельца. А когда взрослые смотрели в её глаза, то их голова начинала просто кружиться. Её глаза затягивали в себя как глубокие омуты. И если взрослый мог не отвести взгляд, то в глубине глаз малыша он мог увидеть крохотные золотые искорки. И это было не видением, ни придумкой. Все взрослые делились потом своими ощущениями и удивлялись.

— Я — Волшебница — смеясь, лопотала Катька. — Я всё могу, только не знаю пока как. Я вас всех люблю и знаю, что и вы все меня любите за то, что я — Солнышко. Я вас всех согрею своим теплом, и никто не замёрзнет в самую страшную зиму. И когда придёт Дед Мороз — он даже близко не подойдёт — он побоится, что растаит.

— И не жалко тебе Дед Мороза? — смеясь, спрашивали родные.

— Жалко, но он не мой. А вы — мои. И я хочу, что бы Вы всегда были теплыми. Ведь я — Солнышко! Я — Волшебница!!! А Вы — мои родные. Я — Ваша, а вы — мои.

И вот, после дня рождения, когда ей исполнилось ВСЕГО 5 лет, она стала таять. Именно таять, не болеть. Родые с ума сходили, а малыш угасал. Потухли глазки, стала мало двигаться. Постоянно клонило ко сну. Солнышко гасло...

После всех обследований стал ясен страшный диагноз. Бич времени — онкология. Причём, как выяснилось, уже не операбентабельна. После проведения «химии» болезнь не то, что отпустила — стала прогрессировать ещё больше. Врачи же просто разводили руками.

Самое же странное, что отстриженные волосы у ребёнка росли просто с фантастической быстротой. Они стали ещё гуще, теперь вились и не были прямыми как раньше. И каждый, кто заходил пообщаться в комнату к ребёнку, совсем произвольно гладил малыша по головке — это стало просто навязчиво для всех. Все родные как бы отдавали девочке свои силы, свою любовь и свою надежду.

Дочь полковника, Виктория, сама стала похожа на привидение. Почти не спала и не ела, почти всё время проводя у постели дочери.

А Катенька, уже вполне понимая, что её маленькая жизнь подходит к концу, постоянно испытывая боли, сама пыталась поддерживать своих родных.

Однажды утром, когда мама подошла к кровати и увидела свою улыбающуюся сквозь боль малышку, услышала:

— Не плачь, мамочка. Всё будет хорошо. Я это знаю. Я немного поболею и поправлюсь.

Мне сегодня во сне дядя Белый обещал и дедушка Панкрат. Дед Панкрат такой старей-старей, но очень красивый. Он как из сказки — живёт в лесу и лечит зверей. У него волосы длинные-длинные, как у тебя, даже длинней — почти до пояса. А на лбу — такая ленточка. И она светится. Он меня погладил по головке и сказал, что Солнышко должно светить ещё долго-долго, ведь Солнышко даёт радость и тепло всем, кто вокруг. А дядя Белый, такой красивый, пообещал мне, когда я поправлюсь, свозить на необитаемый остров и познакомить с настоящей русалкой, со своей подружкой. Только я его немного боюсь. У него были глаза серые, как дымок, а когда я отвернулась — случайно увидела, что они стали белые-белые, как снег. И руки у него светились. Когда смотрела на него — были нормальные, как у тебя, мам. А как отворачивалась — так случайно увидела, что они стали как золотые. И искорки сверкали.

А потом ко мне подошёл медвежонок. Такой маленький-маленький и круглый, как мячик. Облизал меня и сказал, что я поправлюсь. Скоро. Что бы мама-папа-дедушка не плакали, а больше улыбались.

Мама зарыдала и прижала к груди дочь.

— И где же их найти, твоих дядю Белого и деда Панкрата? Ведь это всего лишь сон. И как они тебя вылечат?

— Они сказали, прощаясь, что мы встретимся скоро. Только надо немного подождать.

— Подождать? Сколько подождать? — и у мамы вновь в глазах появились слёзы.

— Мамочка. Ну не плачь. Ты мне веришь? Ведь это был не просто сон. Смотри. — И дочь вынула из-под подушки несколько длинных волосков темного и серых цветов.

— Тёмные — это мишкины. Он мне их подарил! Сказал, что когда я поправлюсь, мы с ним встретимся у Деда Панкрата и он научит меня понимать язык зверей. И мы будем друзьями. А эти волоски помогут мне. Помогут не забыть.

А серый волосок — это Дяди Белого. Когда он меня взял на руки и прижал к себе, я погладила его по голове и у меня остался один в руке... Случайно. Он опустил меня на землю и, увидев, что я рассматриваю его волосок, повернувшись к деду, сказал:

— Не знал, что стал линять... — И засмеялся.

А дедушка строго так посмотрел на дядю и недовольно сказал.

— Не смей. Ещё рано.

А я немного испугалась и проснулась.

Мама тихонько заплакла и отвернулась. Она понимала, что у её дочери осталось очень мало времени. Буквально несколько месяцев и.... Надежды не было.

Анализы и снимки опухоли отправляли в лучшие клиники Германии и Израиля. Но и оттуда ответы на прогноз были неутешительны. Приглашали приехать, попробовать, но... без гарантий...

В семье давно не звучал смех и мало кто мог просто улыбнуться.

Но каждый вечер ужинали всей семьёй, сидя за одним столом. Это было традицией. Даже Катеньку доставали из кровати и укладывали в специальное полукресло. Без неё взрослые не могли есть. И только когда девочка оказывалась за столом, будто пронёсся по квартире тёплый ветерок, придавал всей семье силы.

С малышом пытались шутить, улыбались ей, пытаясь передать хорошее настроение, отдавали свои силы как могли. Но как только мама уносила девочку в её комнату, опять

наступало тягостное молчание.

В тот вечер Виктория рассказала своим мужчинам, мужу и отцу, сон дочери. А Катя, словно совсем не своя, весь вечер была молчалива и пила свой любимый апельсиновый сок через трубочку маленькими глоточками. Нормально есть она уже почти не могла.

Она не была смешлива как всегда и только переводила внимательный взгляд с одного лица на другое.

— Да. Уж приснится так приснится — со вздохом произнёс отец. — И зверь с тобой разговаривал? Медведь?

— Да. Пап. Только это был маленький медвежонок. Он тоже болел и его вылечили. И он мне подарил — во! — И дочка, вытащив из-под пижамы несколько волосков, показала их отцу.

— Странные волосы, — сказал отец, взяв в руки прядь. — И пахнут... Странно.

— Дима, дай, пожалуйста, — попросил дед.

Взяв в руки волоски, он потёр их между пальцами и понюхал. Пахло Зверем.

Нет, он не был заядлым охотником, как множество его сослуживцев, но запах... Таким запах может быть только у свежей шерсти, это он понимал. А потом... буквально через мгновение, запахло лесом. Тем лесом, который он всегда любил — после дождя в лесу всегда такой специфический запах — прелой листвы, цветов, запахи смолы сосен, елей.

И этот аромат волной прошёл по всей гостиной и взрослые замерли, а Солнышко улыбнулось.

— Ну что, не верите? И сейчас не верите?

— Катенька, а можно я возьму один волосок с собой? — тихо попросил дед. — Покажу на работе, похвастаюсь, что моей внучке медвежата дарят свою шерстку?

— Только, деда, не потеряй и потом отдай мне обратно. Ладно? Их, мишкиных, всего 5. Столько, сколько и мне лет. А Серых — всего один.

— Хорошо, Солнышко. Завтра обязательно верну вечером.

— А миша мне тихонько сказал, что б эти волосы я держала под подушкой. И, знаешь, когда я их глажу — мне становится не так больно.

На глазах у всех взрослых вновь появились слёзы и, отвернувшись, украдкой вытерев глаза, продолжили ужин, всё так же стараясь поддержать ребёнка.

* * *

На следующее утро конверт с тёмным волоском был передан помощнику и тот помчался в отдел судебно-медицинской экспертизы. После обеда в кабинете раздался звонок по внутренней линии и, подняв трубку, услышал голос старого друга, майора медицинской службы Васильева.

— Здравствуй, Палыч. Это Алексей Васильев.

— Здравствуй, Алёша. Давненько тебя не было слышно. Как твоё?

— Да загнали меня в тьму-таракань. Полгода как цивилизации не видел. Позавчера только вернулся. Хотел тебе домой звонить, а моя сообщила о твоём горе. Соболезную. Не верю, что с Солнышонком так... Может быть чем помочь? Ну, ты же знаешь... Как ты?

— Не надо, Алёша. Спасибо, но не надо. У нас всё есть, так что... А как я? Да никак Еле живой. На работу хожу, что бы дома не быть. А домой? Домой ноги не несут. Меня на службе довозят, так я потом хожу вокруг дома ещё с час, наверное. Всё оттягиваю момент,

как надо подниматься наверх.

— А надежда есть? Хоть какая-нибудь? Ведь если у нас не могут помочь, то в Израиле или в Германии? Их же так хвалят!

— Алёш. Ну, ты же знаешь о ВСЕХ трудностях. Ладно деньги. Это мы найдём. Но ты сам в курсе, что мы ВСЕ известны ТАМ? И дай только повод засветиться. Да и фамилия у моей дочки моя. Не стала менять фамилию. И по внучке настояла. Они даже с мужем поругались. Почти неделю не разговаривали... Там целая сцена была. Прямо как театре. Моя говорила.

«— Дим. Ну сам послушай. Как звучит? — Ярая Виктория, Ярая Екатерина. Громко. Красиво. А если поменять? Игнашева Екатерина или Игнашева Виктория. Что, не чувствуешь Разницу??? Я НЕ БУДУ менять фамилию...» Крик тогда стоял. Молодец Димка. Утих.

А сейчас? Сам же понимаешь чем всё может закончиться. Ведь для ТЕХ нет ничего святого. И так на днях получил по телефону выговор из Москвы, что я анализы и диагноз отправлял туда без согласования. А это согласование — не одну неделю. Как будто сами не знают! Еле сдержался, что бы не высказать всё...

— Да знаю. Понимаю. Но сидеть ровно тоже нельзя!

— Мы сделали всё, что можно было сделать. Всё, что было в наших силах. Я поднял все свои знакомства, все связи, но без результата. Ладно, прости. Не хочу жаловаться и тебя грузить. Тяжело на душе. Ты же знаешь, я никогда не пускал слезу, а тут, вчера, на улице, перед тем как войти, понял, что слёзы текут как у барышни... Поймал себя на мысли, что рад, что моя Маша не дожила до сегодняшнего дня. Мне тогда вообще было бы не жить.

— Ну, ты и сказал. Маша твоя, светлая ей память, не плакала бы днями и вечерами, а поставила бы всю Россию-Матушку с ног на голову, если не раком, но добилась бы результата.

— Какого, Алёш? Какого результата? Ты же медик, как и твоя Лена. Она тебе же всё наверняка рассказала? И Вы знаете, что то, что можно было сделать, мы сделали. Леночке спасибо особо — она очень помогла нам в трудную минуту. Со снимками и анализами, с документами, с «химией». Если бы не она...

— Сочувствую, Серёжа. Прости. Да. Я вот чего звоню. Мне сегодня передали на экспертизу волосок. Ты что, на охоту ходил? Свежатины. Не более 2-х дней. Волос ещё живой. И знаешь, Палыч, не от взрослого медведя. От медвежонка 5–6 месяцев. Так, по крайней мере, сказали мои спецы.

— ...

— Ты чего молчишь?

— Алёша, мне этот волосок вчера внучка дала под честное слово, что я его сегодня верну. Вы как, не повредили его? А то мне...

— Нет. Всё в порядке. Сделали несколько маленьких срезов так, что и незаметно. А откуда он у внучки?

— Ты не поверишь, но ей во сне медведь сам отдал прядку своих волос. Как талисман здоровья. Смешно? А мне вот нет. Ты знаешь, что мне пришлось в жизни повидать, да и тебе тоже досталось по-полной. Было всякое, но вот вчера вечером стало просто жутко. Жутко — потому что не понятно. Это уж за всякие грани нормального и разумного выходит. А то, что я не понимаю, меня пугает.

— Да, дела чудные. И ты поверил в это? Небось, дома лежали где-то. Хотя... Да. Сказали, мол, что это свежак. Вообще ничего не понимаю. Откуда в Питере медведь? В

зоопарке, да в цирке. Может быть ещё несколько на руках по домам. А кто тогда принёс? Кто и, главное, зачем?

— Да мне самому стало любопытно. Дома-то чужих не бывает вообще. Я посмотрел сегодня по камерам — никто не заходил к нам, а малыш уже практически не ходит. Да и зачем принесли? Знаешь, а когда в руки взял и потёр между пальцами волоски, так запах пошёл по комнате такой, как будто в лесу нахожусь. Самое интересное, что сначала был запах зверя, запах мокрой шкуры, а потом всё перебил запах леса. Такой... как летом, на поляне в лесу. Запах цветов, сосны... Да и не только я почувствовал. И Вика с зятем... Как на мгновение в лесу побывали. Вообще, приплыли. Шиза у всех в семье, а я так вообще скоро с ума сойду.

Да. Пока не забыл. Кроме такого, как я тебе передал, был и другой, единственный, серого цвета. Почти стального. А я побоялся попросить у внучки. И так она словно отрывала от сердца. Может быть, позже выпрошу. Давай уж определимся с тем, что есть на руках сейчас.

— Слушай. У меня тут идея возникла. Дам своим ЦУ — пусть попробуют определить место по спектру. Хотя б приблизительно. Появилась у нас тут забугорная техника. Что только осваиваем, а что ещё и в упаковке лежит. Любопытные результаты выдаёт. Мои-то работнички хоть и лентяи, но многое могут после волшебного пинка. А если скажу, что это для тебе лично нужно, так вообще на уши встанут. Ты же знаешь, как многие тебе обязаны...

— Алёш. Спасибо на добром слове, но передай своим, что они отблагодарили меня уже давным-давно. Все так называемые долги — закрыты. А если помогут — так и мне не зазорно стать их должником. Лады?

— Хорошо. Я сейчас к ним, потом в контору. Если будут результаты — забегу, занесу. Хорошо?

— Договорились. До встречи.

За полчаса до конца рабочего дня раздался сигнал секретаря через селектор.

— Товарищ полковник. В приёмной майор Васильев и подполковник Игнашев. Сказали

— по вызову. Впускать?

— Давай, Миша. Я их жду.

В кабинет вошли двое. Совершенно разных внешне, но было видно, что всех троих связывало очень и очень многое.

Полковник вышел из-за стола, подошел к вошедшим. Обнял каждого и посадил рядом с собой.

Вызвал секретаря.

— Миша. Я тут чаю-кофе сделаю своим товарищам. Будь добр — сгоняй в столовку. Принеси с десятков бутербродов. А то мои гости голодные. Вон, аж лысины поблёлки.

Все рассмеялись. В кабинете была та атмосфера, когда становилось понятно, что люди собрались не только не случайные, а со своей общей если не тайной, то судьбой точно.

Интерлюдия.

Майор Алексей Евгеньевич Васильев, (по прозвищу Шприц) — невысокий колобок с блестящей лысиной и постоянной улыбкой на лице. Его полковник знал уж около сорока лет. Вместе были в Афгане. Тогда и познакомились. Там и побратались. С начала молодой старлей, рискуя жизнью, практически тащил на себе почти десяток километров до точки эвакуации молодого врача-лейтенанта. А спустя полгода всё случилось наоборот. Уже лейтенант, буквально прикрывая своим телом раненого командира, одиночными отгонял окруживших их группу духов, дожидаясь эвакуационной вертушки. Всё тогда сложилось. Задание выполнили и группа не имела безвозвратных потерь, но целыми никто не остался. Всех попятнало. Потом опять госпиталя и судьба в дальнейшем их разбросала. Переписывались постоянно, звонили друг другу. Но позже, совершенно случайно, пересеклись на каком-то торжественном мероприятии и... далее держались вместе. Служа хоть и в разных подразделениях, но часто встречаясь и поддерживая друг друга.

А кличка Шприц к нему пристала из-за постоянного ношения одноразового шприца в упаковке в нагрудном кармане вместо авторучки. Когда спрашивали — зачем носишь, следовал традиционный ответ.

— Что вколоть, я всегда найду, а вот чем? Тут может возникнуть проблема. А так я всегда готов как пионер.

А по факту этот жизнерадостный человек был носителем энциклопедических знаний. И не только в медицине. Прекрасно знал литературу, разбирался как в классической, так и в современной музыке. А в истории живописи и архитектуре — он был настолько знатоком, что, порой, в Эрмитаже или Русском музее, когда тот приходил на очередную выставку, искусствоведы, которые вели тематические экскурсии, видя Васильева, контролировали каждое слово, боясь ошибиться и сказать что-то не то. Многие знали или помнили, когда этот всезнайка, совершенно не стесняясь, прервал речь на открытии очередной выставке самого Пиотровского потому, что, как показалось Васильеву, тот не правильно назвал отчество супруги художника. А далее, в гробовой тишине, после слегка издевательского предложения провести самому экскурсию, мгновенно согласился и с энтузиазмом водил

посетителей почти час по Эрмитажу, ни на минуту не закрывая рот.

После той экскурсии ему предложили перейти в штат Эрмитажа, но майор откзался. Зачем было время даром терять на обычные экскурсии, когда он мог посвятить его своему самообразованию.

* * *

Второй друг полковника, подполковник Игнашев Александр Александрович (Сан Саныч или СС) — был отцом его зятя. Они служили в последнее время в одной конторе, правда, в разных подразделениях после того, как и подполковника перевели в Питер из Москвы. А близко познакомили офицеров их собственные дети.

* * *

Сын Александра Александровича, Дмитрий, не захотел идти по стопам отца и закончил в Питере Корабелку. И на последнем курсе обучения, его закадычные друзья как-то пригласили на концерт в Филармонии. Все были с подругами, и только Дима был один.

Он был целеустремлённым человеком и никогда не пропускал занятий в институте. Он не хотел, как многие, иметь лишь корочки об окончании «вышки», а учился с полной отдачей и выходил на красный диплом. Да и с распределением было вообще-то ясно. ТАКИХ студентов было немного и его давно приметили и вели лучшие преподаватели института. Одни предлагали остаться в аспирантуре и далее преподавать на кафедре. Другие преподаватели уже пытались его «продать» в ведущие КБ как гражданского, так военного профиля.

А Дима не хотел опять окунуться в армию. Он своё отрубил после школы. Да, не смог поступить с первого раза, хоть и закончил школу с серебряной медалью. Но накануне первого экзамена подрался из-за незнакомой девушки. Надавал паре выпивших парней по мордам и... попал в милицию за нанесение тяжких побоев несовершеннолетним.

Как оказалось, один из тех двоих уродов, что избивал девушку, был сыном какого-то высокого чиновника из мэрии. Родители «потерпевших» начали угрожать судом и реальным сроком заключения, требовать крупную материальную компенсацию и... завертелось...

Когда Дима не позвонил в Москву родителям и не сообщил о результатах экзамена — об истории узнал его отец и, подключив уже свои связи, очень быстро освободил сына, но с поступлением, как говорится, «поезд уже ушел».

Отказавшись от помощи отца, пошел сам в армию. Без блата и протекции. Туда, куда Родина-мать пошлёт. И она «послала». Но, к дивлению Димы, в Ленобласть, в погранвойска. Самое забавное, что отец не предпринял никаких шагов для помощи сыну после резкого, на повышенных тонах, «разгора по душам». Он, конечно, отслеживал судьбу единственного ребёнка, но не вмешивался. Понимая, что если тот узнает, будет очередной скандал дома, а его супруга и так очень близко приняла к сердцу провал с экзаменами и попадание сына в милицию, проводя последнее время на лекарствах от сердца и высокого давления, порой вызывая неотложку.

Отслужив положенное, парень, хорошо подготовившись, поступил практически слёту туда, куда и мечтал. А далее — серые и светлые будни обучения.

6 лет назад.

И вот Филармония... Дима немного завидовал своим друзьям, что у тех есть свои девушки, а его самый близкий друг, Паша, уже подал заявление в ЗАГС. У Димы тоже были подружки, но так, мимолётные. Не все могли вытерпеть, что высокий красивый парень предпочитал кафешкам и тусовкам учёбу, а вечеринкам — пропадал вечерами в лабораториях института. Так что, к последнему курсу, его не смогла охмурить и привязать к себе ни одна из красавиц, хоть было множество попыток.

Первое отделение концерта он просидел вполне спокойно, но всё же слегка устал. Ну не его это было — сидеть тихо и слушать спокойно музыку, когда в одной из лабораторий в это же самое время делали макет по его дипломной работе.

Не выдержав и извинившись перед друзьями, он, в антракте, оделся в гардеробе. Вышел на улицу, сделала пару шагов... подскользнулся и, услышав тихое — ОЙ... упал на что-то мягкое.

Это «мягкое», спустя пару секунд, тихо прошептало.

— Молодой человек. Я понимаю, что Вы можете лежать на мне и отдыхать довольно долго, но мне всё же холодно и... мокро. Не могли б Вы встать с меня и хотя бы извиниться? — и добавило тихо, почти не слышно.

— Ну за что мне сегодня такое? Второй раз за день один и тот же мужчина сбивает меня с ног и укладывается на меня совершенно беспардонно???

Дима, встав, протянул незнакомке руку и с ужасом понял, что буквально чуть более часа назад, выйдя из метро, уже сбивал с ног эту невысокую красивую милую девушку. Правда, первый раз, он её почти поймал, а она приняла его извинения молча и пошла своей дорогой. Он же почти не обратил внимания на свою «жертву», так как бежал на встречу к своим друзьям, боясь опоздать на концерт.

Сейчас же девушка выглядела совсем иначе. Её светлая шубка была мокрой и грязной после купания в луже. Она была как маленький мокрый котёнок. Жалкой, потерянной, но, как не мог не заметить Дима, безумно красивой и нежной. И на фоне её грязной белой вязаной шапочки — яркие зелёные глазки. И у Димы ёкнуло сердце. Впервые в жизни он почувствовал, что проглотил язык. Чуть ли не в прямом смысле.

В голове совершенно не было мыслей. Исчезли желания куда-то бежать и что-то делать. Ему хотелось только одного — прижать это мокрое маленькое существо к себе и никуда никогда не отпускать.

И всё, что мог сказать, это назвать — своё имя, буквально прорывая звуки через перехватившее спазмом горло.

— Д-Д-Ди. И. Ма. То есть Ди-И-Ма. Это как Дмитрий.

— Это «КАК» Дмитрий? Забавное, если б не было так обидно. Это Ваши извинения?

— Да. То есть нет. Нет. То есть. Да.

— Так да или нет? — строго спросила девушка.

— Не знаю, наверное. Да. Точно.

Она была безумно расстроена. Совершенно случайно ей достались билеты в театр, куда она хотела пригласить вечером свою подругу. Они так мечтали попасть на премьеру в свой любимый Ленсовета.

Виктория сунула руку в карман, где лежали заветные билеты и, вынув, поняла, что в театр они уже точно не попадут. Вместо билетов в её руке лежал мокрый бумажный комок, в котором только с большим трудом можно было опознать бывшие билеты. Жалко было

билетов, жалко было денег, заплаченных за них. Ведь она студентка, да и живёт далеко от дома. Да, папа помогает, но и соблазнов в этом городе так много...

И так стало ей обидно и захотелось плакать... А тут ещё эта косноязычная дылда. Нет, он был по-своему симпатичен, но Вике в данный момент хотелось только исчезнуть, мгновенно оказавшись у себя в комнате, где можно было бы переодеться в сухое и просто тихо поплакать... А этот... Ну что ему ещё надо? Что он пристал?...

Сквозь душившие слёзы, как сквозь вату, она услышала его слова. Подняла свои глаза и увидела. Чёрт! Не хватало только ЕГО дурацкого и, похоже, ехидного голоса.

Ей показалось, что тот просто издевается над ней, но совершенно не расстроен случившимся. Да и почему ОН должен быть расстроен? Ведь это она лежала в этой дурацкой луже, а он почти лежал до этого на ней, прижав своим телом так, что б, наверное, вся вода, что была вокруг, впиталась в её одежду. И за что мне такое???

Так... Надо хоть немного успокоиться и, в конце концов, попытаться исчезнуть от этого...

— Молодой человек! Отпустите меня. Что Вы в меня вцепились? Я в состоянии стоять сама. И вообще. Странно. Раньше я слышала иные слова. Извините. Простите. Другие слова и выражения, которые более понятны для слуха нормального человека. А здесь — ДИ-И-МА И всё?

— Наверное, да. А что Вам не нравится в моём имени?

— А. Так это, оказывается, Ваше имя? А я думала, что ДИ — И-МА — это извинение на языке племени тумба-юмба.

— Нет. Это моё имя. А как Ва-ас зовут?

— А зачем ВАМ моё имя?

— А может Ваше имя звучит на языке племени... как там? Тумба-юмба? Да? Как красивое, но мокрое?

— Хватит издеваться! Из-за Вас мне сейчас надо будет добраться как-то домой и переодеться. Меня ж в таком виде даже в метро не пустят. Как облезшая кошка! Да и в театр уже не смогу пойти. Помимо того, что и билеты теперь не билеты. ВОТ — И Вика протянула буквально к глазам юноши мокрый бумажный комочек. — Так если б даже они были бы целы, кто в таком виде меня б пустил? У меня не только шуба мокрая, а, пожалуй, и всё, что одето на мне... Как облезшая кошка!!!

— Вы? В театр хотели? А почему облезшая кошка? Вы не облезшая кошка, а мокрая... Ой! Простите. Вы не кошка, вы...

— Ладно. Я всё поняла. Вы — косноязычный молодой человек, который испортил не только мне настроение и сегодняшний вечер, испачкал мою одежду, но не можете даже просто извиниться и поступить как настоящий мужчина...

— Простите меня, что перебиваю... А могу я Вас, мокрую кошку, ой, простите, не кошку... пожалуйста, довезти домой? Если Вы снимете свою шубку, то в такси нас пустят. Вы же будете со мной.

— Нас? Я с Вами?

— А как же? Я не могу Вас вот так, в таком жутком виде, как облезшую... Боже, что я мелю... Просто я не могу Вас оставить в положении.

— Молодой человек. Я не в положении ещё и я не облезшая... тьфу, да что за чертовщина какая-то? Вместо извинения — меня обзывают облезшей кошкой...

— Я так не обзывался. Я сказал — мокрая кошка!

— Слушайте. Да Вы вообще можете помолчать?

— А выходите за меня замуж?!

— ...

— Нет. Правда. Я Вас отвезу сейчас ко мне в общежитие, вымою, высушу...

— И выкину?

— Нет. Я Вас никогда не выкину. Тем более в таком положении.

— В каком таком?

— В... таком. Мокром положении. Да... А знаете... Можно ко мне на квартиру поехать.

Я год снимаю однокомнатную квартиру в Купчино. Иногда и забываю. Ночую где придётся — иногда в общежитии, иногда на съёмной. Давайте туда?

* * *

С этой однокомнатной квартирой вообще была целая история. Когда родители, осознав, что их сын не вернётся к ним в Москву, продав дачу, купили, в тайне от него, недорогую однокомнатную квартиру в Санкт-Петербурге. А чуть позже, под видом, что родная сестра его мамы переезжает жить к своим детям (а она до этого жила в Питере), по доступной цене будет сдавать свою квартиру племяннику, число за условную сумму.

Так что студента, после первого визита и осмотра жилья, всё устроило. Обставлена квартира была не богато, но было, где поспать и перекусить. Благо, что он имел возможность небольшой подработки в институте и имел небольшие, но СВОИ деньги, которые потом пересылал по почте вроде как хозяйке квартиры. Его тётка, в свою очередь, эти деньги отправляла сестре. А мама Димы, хоть и не постоянно, но пыталась ненавязчиво помочь материально своему сыну, хоть тот и был категорически против. Но, под видом того, что в Москве снабжения всё же было лучше, присылала то обувь, то джинсы, то свитера и куртки, купленные, по её словам, по знакомству и не дорого. Дима ворчал, но принимал вещи. Он прекрасно понимал, что сам он себе это не купит, а выглядеть совсем уж жалким среди сокурсников, ему не хотелось.

* * *

— Так что, мы едем? Вы стойте на месте, а я попытаюсь поймать машину.

— М-да. Стойте на месте... Мокрая и замёрзшая... Мне холодно!!!

— Ну что же мне делать тогда? Хорошо. Снимаёте с себя эту мокрую ко... шубу. А Вы оденьте мою куртку. Соглашайтесь. Пожалуйста.

— Хорошо. Сейчас я уже на всё согласна.

Виктория сняла свою шубку, которая внешне и в самом деле стала выглядеть как что-то совсем мерзкое. Её заячья шубка, которую она так берегла и которая ТАК ей нравилась... А тут эта куртка. С виду дорогая и тёплая на самом деле...

— Господи! Я в ней выгляжу как Пьеро — рукава почти до колен...

Она потихоньку согревалась, хотя её свитер и юбка были тоже насквозь мокрые. Она подняла воротник и капюшон куртки, сняв свою мокрую шапку и машинально засунув её в карман куртки. И почувствовала запах. Приятный запах, который шёл от капюшона. Немного странный, но не отталкивающий, а какой-то... волнующий, что ли.

Виктория уже несколько иначе посмотрела на молодого человека. Симпатичный парень. Волосы почти пепельные и глаза какие-то девичьи. Голубые. Рост за 180, но и плечи

уже не как у подростка. Чем-то напоминал её папу. Любимого и родного человека, её папочку. Да и запах, что шёл от куртки, на удивление был похож на домашний, папин запах...

Так... Ладно... Надо собраться. Надо ехать домой. Да и парень, по-моему, не совсем комфортно чувствует в своём лёгком свитерке. А на улице почти ноль. А собственно. Почему она должна переживать за него? Это он её искупал, запачкал, да и держит на улице вместо того, что б найти такси и отвезти домой! И что он опять «несёт»?

— Зато тепло и не поддувает. Смотрите — у Вас низ куртки закрывает колени. И никто ничего не видит!

— А что должны все не видеть?

— Ваши коленки. Ой, простите. Вам не холодно?

— Странно, но я немного согрелась. Если б ещё и под курткой было сухо — вообще было бы прекрасно.

— Я сейчас Вас отвезу к себе. Вы примите душ, согреетесь. Я вам одежду свою дам сухую. И сам постираю Ваши вещи и высушу их. И напою Вас горячим чаем с малиновым вареньем.

— Прямо джентельмен. Даже чай с вареньем. МАЛИНОВЫМ???

— Да. Это моё самое любимое. Мама присылает. Она сама варит варенье. У нас на даче много кустов малины растёт. И так едим, и варенье варим.

— Варим? Или мама варит?

— Ну, сейчас мама варит. Я ведь в Питере заканчиваю учиться. На последнем курсе. В Корабелке. Скорее всего, здесь и останусь. А родители живут в Москве. Раньше мы с мамой варили варенье вместе на даче. У меня даже вкуснее получалось, чем у неё. Ну... она так говорила.

— ДИ-И-Ма, как Вы представились ранее. Смешно. Так мы поедем хоть куда-нибудь или так и будем стоять здесь? А? Так. Стоп. Подождите. Говорите, кошка? Пожалуйста, наклонитесь.

Дима наклонился к лицу девушки, и та, совершенно неожиданно для него, довольно больно укусила его за нос.

— Ой. Мяу. Больно же. У Вас зубы как иголки. Зачем кусаться-то? Тем более так больно?

— Да так. Проверяю древний тест.

— Что за тест дурацкий. И для этого надо было обязательно укусить меня за нос? Нет, я понимаю, что я безумно виноват перед Вами, но это уж слишком. Я, если честно, уже Вас немного боюсь.

— Угу. Вы ведь так и не извинились, что изваляли меня в грязном снегу, а чуть позже ещё и в лужу кинули.

— Я не кидал и не валял. Просто так как-то неловко получилось. Я же извинился и в первый раз и сейчас.

— Ну да. Как там? «Меня зовут ДИ-И-МА?» Забавно. Так что, молодой человек? Будем и дальше стоять? Может быть стоит ожидать третьего столкновения? Или купания? Снег был. Лужа была. Теперь где, в канале???

— Не. Пожалуйста, я больше так не буду. Правда.

— Как маленький. Больше так не буду. Да идите уже. Я опять стала замерзать.

— Только, пожалуйста, не уходите. Я теперь без Вас не смогу.

— Прям, не сможете?

— Знаете, да. Я хочу, что б Вы со мной всегда были рядом. Такая необыкновенная, красивая, мокрая... ой...

— Кошка??? Идите уж. Сами Вы кот. Кто из нас первым сказал «Мяу»?

— Я?

— Ну не я же? Всё, идите. И отвезите пострадавшую девушку в тепло. А то я могу простыть и заболеть. А мне этого совсем не нужно...

* * *

Уже через пару часов, Виктория, попив вкуснейшего чая с НАСТОЯЩИМ, её любимым МАЛИНОВЫМ вареньем, уже больше получаса буквально летала, находясь на руках юноши. Вначале, переодевшись в его громадные, но тёплые вещи, когда он сверху напялил на неё ещё и два совершенно гиганских толстых свитера и две пары теплых шерстяных носков, которые заканчивались у неё почти под коленями, она почувствовала, что наконец-то согрелась. И дрожь, которая была её последние часы, ушла.

Надо признать, внимание юноши ей было приятно. Его забота, его тёплые руки и его совершенно безумные глаза. Глаза болванчика, который, как поняла Вика, в неё влюбился...

А потом она стала летать. Когда он подхватил её на руки, прижал к груди и стал носить по квартире. Вначале она пыталась отбиваться, а потом... ей понравилось. Ведь только в детстве её папка вот также носил на руках, качал и подкидывал вверх. А она заливалась радостным смехом и была счастлива... И сейчас. Почти как в детстве...

И Вика, совершенно неожиданно для себя, обняла руками Диму за шею и положила голову ему на плечо... и ей стало ТАК хорошо...

Дима ходил и держал СВОЁ, так неожиданно приобретенное сокровище на руках, почти не ощущая её тяжести. Он устал чуть-чуть, но совершенно не хотел отпускать её из рук. И постоянно что-то шептал. Но что...

— Эй, медведь, что ты постоянно дуешь мне в ухо и что-то шепчешь? Не могу понять!

— Ты мой котёнок, я тебя никогда не отпущу. Ты мой котёнок, зеленоглазое чудо. Ты моё сокровище. Слушай, а как тебя зовут и откуда ты свалилась на мою голову?

— Вообще-то, это ТЫ свалился на мою голову. А зовут меня Победа! (Боже. Что я несу???)

— Победа? Как машина? Странное имя. Никогда не слышал.

— Да нет. Не машина. Победа — это Виктория. Меня так называли.

— Кто назвал?

— А кто может назвать ребёнка, если не его родители?

— Победой? Родители... А... Так Победа или Виктория???

— Виктория. Вика. Станный ты, ДИ-И-МА. Не знаешь таких простых вещей.

— Вика! Нет, это имя совсем тебе не подходит. Ты — маленький тёплый комочек. Ты больше похожа на...

— На мокрую кошку?

— Сейчас на сухую. — Дима засмеялся. — Только маленькую. Маленькую, теплую, пушистую, нежную, ласковую....

— Всё. Закончили. Ты меня отпустишь наконец? У меня уже голова кружится!!!

— Не отпущу. Больше. НИКОГДА!!!

— Надоестносить на руках. Я ведь не пушинка. И ты уже устал. Я же чувствую. Да и

домой надо собираться. Моя подруга наверняка волнуется. Мы ведь в театр договорились сегодня пойти. Она, наверное, вся с ума сходит.

— А телефон у неё есть? Номер помнишь?

— Да.

— Так давай позвонишь и успокоишь. А я тебя, комочек, не хочу выпускать из рук. Ты пострадала из-за меня. Всё у тебя сегодня кувырком. Поэтому я сделаю так, что б исправиться в твоих глазах. А компенсацию за моральную травму ты придумаешь сама.

— Любую? Смотри, не пожалей! Моя мстя будет неподъёмной. Хотя, для такого медведя...

Дима отнес свою ношу к телефону и, естественно, услышав весь разговор с подругой, много узнал о девушке, что он носил на руках.

--

Виктория, как выяснилось, тоже была студенткой. Правда училась ещё на 3 курсе педагогического института и так же, как и её избранник, жила в общежитии, вдали от отца, который жил и служил в Москве, но ожидал скорого перевода по службе в Питер.

Как оказалось, её подруга уже успела позвонить её папе и тот, похоже, тоже психанул. Ведь на часах уже было почти 9 вечера, и дочь пропустила традиционный вечерний звонок. Они договорились, сразу после поступления дочери в институт, что каждый день будут созваниваться по вечерам, приблизительно в 8 вечера, когда отец уже возвращался домой. Это за годы стало просто жизненно необходимым для обоих. Отец, узнавая ежедневные новости дочери и слыша её голос, успокаивался и это была его единственная отдушина в жизни. А дочь всегда закрывала глаза при разговоре с её любимым папкой и представляла, что она находится совсем рядышком, буквально в соседней комнате, в своей комнате.

Пришлось поэтому звонить Вике уже и отцу, рассказывая о случившемся, успокаивая и обещая, что не совершит никаких глупостей. Получив трубку от девушки, Дима услышал угрозы её отца в свой адрес на счёт того, что, если... вообще, если останется жить, то не будет иметь головы и... других частей тела...

А Виктория понимала, что ей и самой уже совершенно не хочется никуда уезжать отсюда. От человека, в глазах которого она увидело то, что порой видела в глазах своего только папки — заботу, волнение, страх от потери и... любовь. Не ту, конечно, что у папы, иную, но которой она, наверное, боялась. У неё не было ещё мужчин и она очень боялась того, что могло случиться. Она ещё ни в кого никогда по-настоящему не влюблялась. Были, конечно, заинтересованные взгляды от юношей в школе, в институте, были увлечения и поцелуи после кино. Но это, скорее, было просто любопытство.

А сейчас в этих глазах она просто потерялась. Его совершенно идиотская постоянная улыбка. А его руки, с которых она так и не смогла спуститься на пол. А хотела ли она, что б он её отпустил? Скорее нет.

Мелькнула дурацкая мысль. А если я захочу в туалет? Он отпустит меня или так же отнесёт на руках?

— Дим. Я хочу в туалет. Отпусти меня, пожалуйста.

— Не-а. Я тебя отнесу. А потом обратно принесу в комнату. Я же чувствую, что ты убежишь, а я без тебя не смогу. Так что, в туалет?

— Надеюсь, ты не будешь стоять рядом?

— Нет. Сегодня не буду.

— Только сегодня? Что-то это меня настораживает...

Вике стало одновременно смешно, волнительно и... страшно. Она поверила, что ей не убежать... да и поймала себя на том, что и убежать-то не хочется. Ей было безумно хорошо в этих сильных, тёплых и нежных руках. Хорошо и спокойно. И уютно. Она впервые почувствовала себя опять маленькой. Впервые после того дня, как ушла её мама.

Глава 3

На свадьбу, которую играли молодые, приехали из Москвы родители как жениха, так и невесты. Тогда и познакомились двое мужчин, отцов, которые, как оказалось, хоть и работали в одной организации, но практически не встречались друг с другом. Разговорились, хмыкнули в унисон и остались довольны как друг другом, так и выбором своих детей.

* * *

А через год после того странного знакомства и купания в луже, в молодой семье родился ребёнок. Желанный, красивый. С такими же зелёными глазками, как у мамы. Но с яркими рыжими волосами.

Когда Вика впервые увидела свою дочь, то не могла оторвать глаз от ребёнка. Это было чудо. Ведь таких волос — густых и ярких, как ей сказали акушерки, никто в роддома никогда не видел.

Качая малютку, мама подошла к окну и тут на дочь вдруг попал луч весеннего солнца, и головка у ребёнка словно вспыхнула как подсолнух. Дочь гукнула и улыбнулась маме. Первые слова, которые та смогла произнесла, глядя на своё красивое и желанное дитя — СОЛНЫШКО!!! Ты моё СОЛНЫШКО!!!

* * *

Когда отец Вики смог окончательно переехать в Питер и обустроиться в служебной квартире, то настоял, что бы дочь с семьёй переехали к нему — и ему, вдовцу, не было бы так одиноко, да и сам он хотел помочь молодым, особенно поняньчиться с внучкой.

С зятем у них сразу наладилось полное взаимопонимание. А о дочери и вообще разговора не было. Он вырастил и воспитал её практически один. Когда той исполнилось 12 лет, из жизни ушла её мама. Она сторела буквально за месяц. И, перед самым уходом своей любимой, своей Маши, он пообещал ей, что сделает всё, что б дочь была счастлива. И он своё слово сдержал.

Вначале Вика очень переживала и тосковала без мамы. Но чуть позже, когда ей исполнилось чуть больше 14 лет, однажды пришла утром к отцу, пробралась к нему под одеяло, прижалась к плечу и прошептала.

— Папка. Мне очень плохо без мамы. Знаю, что и тебе одиноко. Ты тоже тоскуешь. Но нашу маму не заменить никем. Ни одна женщина не сможет стать мне мамой, а тебе заменить твою любовь. Я часто слышу, как ты ночью стонешь, бормочешь и зовешь маму по имени.

Знаешь, а мне сегодня приснилась наша мама. Она меня обняла и сказала, что я выросла. Что стала старше и умнее. Стала такой, какой она всегда мечтала меня увидеть. И просила передать тебе, что ты своё обещание, данное ей, выполнил. И она освобождает тебя. А если ты захочешь привести в этот дом другую женщину — она не будет против. Только, нахмурившись, пообещала, что не простит, если меня будут обижать. Пап. Ты слышишь?

--

Отец лежал рядом, судорожно хватая сухими губами воздух и, прижав к себе единственное родное существо на белом свете — свою доченьку. Он просто ничего не мог

ответить. А странным же было то, что и ему сегодня приснилась покойная жена и сказала почти те же самые слова, что он услышал сейчас от дочери.

— Прорвёмся, милая, — сказал Сергей Павлович. — Будем дальше жить. Жить и вспоминать нашу маму. И беречь другу друга. А женщина... Я не хочу для тебя другой мамы. Ведь ты не против?

— Нет, пап. У меня есть ты. А у тебя — я. Если тебе не нужна другая женщина дома, то мне и подавно. Ведь я стараюсь тебя порадовать — и кушать готовлю, и стираю, и убираю в квартире. Разве тебе этого мало? Тебе не нравится моя готовка?

— Роднуля. Так, как ты готовишь, могла делать только твоя мама. Безумно вкусно. Я даже и не заметил, как ты мне стала помогать по дому. А ведь и в самом деле. Когда я в последний раз покупал домой что-то готовое?

— Да года два назад точно, — смеясь, ответила дочка, целуя папу в нос. — И ты не замечал столько лет, что, приходя уставшим домой, садишься за стол, ужинаешь и уходишь к себе в кабинет? А завтраки? А обеды порой с собой??? Взял в холодильнике и уехал. Как тебе не стыдно?

Отец, нежно прижав к груди свою дочь, буквально выдавил из себя, стораю от стыда и понимания того, насколько он был невнимателен последние годы к своему малышу.

— Прости. Викуська. Ты самая лучшая. Ты самая хозяйственная и заботливая! Ты самая-самая!

— То-то же. И, пожалуйста, не забывай, что я ещё и учусь. И учусь хорошо. Кстати. Наверное, на золотую не окончу, но на хорошо — попытаюсь.

— А что, есть проблемы в школе?

— Пап! Ты мои "домашки" когда в последний раз проверял? А? Давай, колись!

— Не помню. Ведь ты всегда была самостоятельной и умницей.

— Да. Я такая. Ладно. Со школой всё будет пучком. Хорошо? Я тебе обещаю. Слушай, а давай, когда у тебя будет выходной, сходим в кафе? И поедем неплохо, и мне не надо будет стоять после школы у плиты. Сделай мне праздник и выходной?

— Родная. Как скажешь. Обещаю! — И отец, сдерживая слёзы, прижал к себе ещё сильнее свою помощницу, свою доченьку, покрывая всё её лицо поцелуями.

— Пап! Раздавишь! Ты как медведь. Я же маленькая и хрупкая. Вот сломаешь — кто тебя кормить-то будет? И не облизывай меня как котёнка. Ты не кошка-мама.

— Ты мой маленький котёнок. Была, есть и будешь такой. Даже когда вырастишь и станешь большой-большой. Даже когда у тебя будут и свои котята.

— Ладно. Отпускай и вставай. Я тебе завтрак уже почти приготовила, так что давай, не ленись. Да и машина твоя скоро подъедет...

— Вик. Я одного боюсь. Скоро ты окончательно вырастешь. Выйдешь замуж и оставишь меня одного. Что я тогда буду делать без таких вкусных ужинов и завтраков? Ты обо мне подумала?

— Папка, ты — оконченный эгоист. Знаешь, я ведь тоже об этом думала. Для себя многое решила и выношу тебе сейчас приговор. Обжалованию не подлежит. Только выслушай серьёзно.

Первое. Замуж я выйду только за того, кто умеет варить варенье. Малиновое.

— Почему варенье и почему именно малиновое?

— Не перебивай. Это самое вкусное, что есть на всём белом свете. (Хихикает). Ведь ты же не умеешь варить такое варенье, как варила мама? Нет? Вот.

Второе. Он должен быть высоким, красивым и сильным... Как ты.

Третье. Он не должен меня валять в снегу. Помнишь, чем закончилась наша поездка к твоим знакомым на дачу? Я вся была мокрая насквозь, а Вы все смеялись надомной. То же мне повод для смеха. А ты, пап? Сам хохотал громче всех, тискал меня и говорил, что я похожа на грустного маленького мокрого котёнка. И что? А я потом заболела. Помнишь? Всё, не хочу больше такого. Так. Ладно. Продолжу. А если он сделает это — я укушу его за нос. Больно. Но он в ответ должен будет только улыбнуться и мяукнуть. Как кот.

— Дочь. Какие-то не нормальные у Вас будут отношения. Ты его будешь кусать, а он мяукать? Тебе не кажется странным то, что, по меньшей мере, это должно быть наоборот?

— Пап. Мы сами разберёмся в своих отношениях. И ещё. Я не договорила. Теперь самое страшное для тебя. Приготовился? Так. Без страха в глазах. И не трясись от ужаса... Или от смеха? Слушай! Я тебе серьёзные вещи говорю!!! Пожалуйста. Успокоился? Так. Барабанная дробь. Пап. Я торжественно обещаю, что я тебя... никогда не брошу. Потому, что ты хороший. Ой. Папка! Перестань меня тискать и лизать!!! Брысь кушать и на работу!!!

* * *

Сергею Павловичу нравился зять. Даже не статью и мужественной красотой. (Они были даже где-то похожи между собой). И не из-за того, что он носил свою жену буквально на руках и был готов броситься по любому поводу на её защиту.

Отец поддержал выбор своей дочери сразу, как понял самостоятельный и независимый характер своего будущего зятя.

Полностью поддерживал его и как молодого инженера с блестящими перспективами по работе.

Его последняя разработка настолько была уникальна по своей значимости, что все материалы по теме почти мгновенно засекретили, и в лаборатории, где он стал ведущим специалистом, появились хмурые парни, которые не позволяли никому выходить покурить в рабочее время или просто поболтать по телефону.

Внешнюю связь из лаборатории почти сразу отключили. Но для молодёжи, которая там работала, почти ничего не изменилось. Разве что меньше стало празднующихся коллег из других отделов. Появились микроволновка, кулеры, возможность попить кофе и чай, практически не выходя из рабочих зон. Обеды стали доставлять непосредственно в зону отдыха комплекса и сотрудникам не надо было идти в столовую и стоять в очередях, что, в итоге, всех радовало. А, главное, всё это было практически бесплатно — из зарплаты высчитывалась совсем незначительная сумма. И это оценили все сотрудники.

Костяк перспективного отдела состоял именно из однокурсников Димы, его институтских друзей, которых он смог перетянуть под свой проект. Все работали буквально сутками, порой и ночу чуть ли не на полу. И чем дальше продвигался проект, тем больше открывалось перспектив по другим, смежным областям, и тем более внимательными стали сотрудники охраны. Незаметно появилось видеонаблюдение в комплексе лабораторий, да и, также незаметно для всех, переселили соседние лаборатории, создав вокруг лаборатории А-3 небольшую зону отчуждения. И сотовые пришлось оставлять в буферной зоне, как и обязательно теперь переодеваться в рабочие костюмы, а при окончании рабочего дня проходить через пару специальных детекторов. Но на это мало кто обращал внимание. Вначале поворчали, что сотовые оставляли на входе, но — «надо значит надо», — ведь все понимали важность для страны той темы, над которой они работали.

А единственным, с кем мог поделиться радостью и проблемами на работе, был его тесть — умный, понимающий и внимательный. Он стал для зятя вторым отцом, а тот, в свою очередь, воспринимал Диму уже практически как сына.

— Спасибо, что откликнулись и пришли.

— Палыч, мы ж не чужие. — Подполковник Игнашев с удовольствием отхлебнул горячий чай.

— Ну, что скажете? Есть информация?

— Товарищ полковник, у меня есть информация, причём странная. Мы прогнали на спектрометре и... вообще, на другом агрегате тот образец, что Вы передали в лабораторию. — И майор Васильев скосил незаметно глаза в сторону, показывая на подполковника. (Они с подполковником встречались на свадьбе дочери его друга, и тот вроде как был отцом жениха, но больше контактов между ними не было и, насколько он мог говорить открыто, оставалось непонятным).

— Алёша, Саша, давайте без чинов. Все, кто здесь, мне родственники, почти родные. Ты с Александром Александровичем были на свадьбе у моей Вики. Так он, если ты забыл, отец Димы. И, прямо скажем, мне не чужой. Да и в нынешней ситуации, как ты понимаешь, сам заинтересованное лицо. Он такой же дед Кати, как и я.

Подполковник, на слова Сергея Павловича по поводу родства хмыкнул, но промолчал.

— Саша. А я не шучу по поводу родства. У Алёши в организме — больше половины крови — моя. А у меня его — четверть точно.

— Интересно почему, Палыч? Нам одинаково переливали кровь друг друга. Сначала мне твою, потом — твою мне. Так что должно быть одинаково.

— А вот фиг тебе, Шприц. У тебя хреново с математикой. Подумай сам. Сколько в тебе было после переливания? А? Где-то половина. А потом, когда я чуть за черту не ступил? Твоей-то оставалось сколько? Так что...

— А вот хрен тебе. Не будем спорить. Давай завтра ко мне в лабораторию. Там анализы возьмём. Мои посчитают... Да, а ты не забыл кто крёстный Кати? А? А я вот не забыл. — И майор показал язык своему другу.

— Алёш. Ты как маленький. — И засмеялся. — Спасибо тебе, родной. Я впервые за последние пару месяцев улыбнулся. Даже непривычно. Спасибо. Ладно. Вернёмся к нашим истокам. Что у тебя нового?

— Ну, к истокам так к истокам... Вообще, по образцу. Прогнали по всей технике. Заключение тебе оставлю. Вкратце получается... белиберда. А именно.

Волос принадлежит медведю, самцу. Возраст, как я и говорил — 5–6 месяцев. Более точно установить не удалось. Обычный медведь. Наш, русич. Не смейся. Место обитания, судя по спектрограмме, ты не поверишь, наши леса. Возможно Ленобласть. Псковская — ближе, Карелия — дальше. Что ещё. Волос совсем живой. 2–3 дня как был потерян. Не поломан и не выдран. Луковица есть. Не повреждена. Такое впечатление, как будто медведя вычесывали, и волос на расчёске остался. Дальше. Судя по анализам, медведь недавно перенёс травму. Или капкан или стрелял кто-то. Но не удачно для охотника. Да и у какой сволочи рука поднялась на медвежонка?

— Более конкретно по месту обитания информацию добыть можно?

— Нет, Палыч. Мы ж не из кино, где по плевку можно определить номер квартиры уроды, нет говоря о улице и городе... Всё, что могли. Уж извини. Если будет больше материала, может быть что-либо и выпытаем. А так... Ты и сам просил особо не курочить

волос. Мы и носились с ним как со слезой Божей.

— Спасибо, Алёш. Саш. А у тебя что есть?

— Хм... Я до сих пор не верю, что мне приходится заниматься в рабочее время, хоть и оглядываясь на своих, делами медведей. Они как-то на врагов Родины не тянут. Ну да ладно. Это лирика. Что есть у меня? Так вот, это, после слов Алексея, становится ещё интереснее. Знаешь, Сергей, пора мне завязывать со службой и идти в егеря. Не улыбайся. Сегодня я услышал столько всего, что моя работа стала мне казаться совсем уж незначительной и не настолько захватывающей, чем работа с мишками.

— Саш. Ну не томи. Не будь занудой. — Полковник заёрзал в кресле. — Вижу, что что-то есть. Говори.

— Ну, ты какой. Уж и помучать нельзя... Ладно. Давайте серьёзно. Есть информация от надёжных источников...

Тут и Сергей Павлович и майор просто заржали...

— Александр Александрович, — Алексей, еле сдерживая себя, попытался с серьёзным лицом спросить у подполковника. — У тебя и среди медведей есть источники? Блин! Как Контора глубоко пустила корни в наши леса... Сказал бы кто другой — не поверил!!!

Подполковник Игнашев с недоумением смотрел на двух гогочущих собеседников и не мог понять причин смеха и, только спустя минуту, «прогнав» повторно про себя сказанное, смущенно улыбнулся.

— Ну, хватит уже ржать. А что оставалось делать? Не лесников же обзванивать? Я и обратился к тем, кто знает всё изнутри, к.....

Окончание фразы было уже не слышно. Этот смех уже нельзя было назвать смехом. Была просто истерика двух взрослых мужчин, которые, пытаясь зажать себе рты, вытирали слёзы из глаз....

— Дураки Вы тут, — подполковник непонимающе смотрел на коллег. — К егерям я обратился. К... Е Г Е Р Я М! Что смешного?

— Саш, ну хватит говорить канцелярским языком. Ты среди своих. Давай уж по нормальному, — полковник, вытирая слёзы, нажал кнопку селектора.

— Миш. Пришёл? Принёс? Заходи.

— Мишка? Заходи? — сквозь слёзы буквально прошептал вопрос Алексей. — Уже? Пришёл? Сам???

Секретарь, помощник полковника, зайдя в кабинет начальника с 2-мя тарелками бутербродов, увидел трёх истерически хохочущих офицров. Их лица в данный момент совершенно не соответствовали их служебному положению. И, надо сказать, что молодого лейтенанта, который работал со своим шефом уже больше года, его начальник удивил. Он впервые увидел его не просто улыбающимся, а хохочущим до слёз.

— Мишка.... Мишка сам пришёл.... И зачем его надо было искать... Спектрограмм....

Истерические всхлипы еле прорывались сквозь хохот офицров. Наконец Сергей Павлович взял себя в руки и, немного успокоившись, сказал.

— Спасибо, Миш. Ты на сегодня свободен. Спасибо ещё раз и... не обижайся. Это не в твой адрес. Просто так совпало...

Не успела дверь за лейтенантом закрыться, как в дверь буквально влетел майор Крайнев.

— Новости, товарищ полковник.

— Докладывай.

Я позвонил диспетчеру скорой узнать больницу, в которую отвезли Белого с женой. Так вот...

— Блин. Не томи.

— Машина не отвечала на запросы диспетчера. Определили по спутнику, что она стоит около метро «Проспект Просвещения». Когда туда подъехала ближайшая дежурная — в закрытой изнутри машине вся бригада спала как младенцы.

— Что за хренотень? А Белый с женой?

— Исчезли. Следов крови на медицинской кровати и на полу не обнаружено. Пострадавшие также не найдены!

— Как исчезли? Ведь ты сам докладывал, что они сильно пострадали, без сознания.

— Товарищ полковник. Что мне передали диспетчеры, то я Вам и доложил.

— Ладно. Разберёмся. Что с экспертами? С осмотром места ДТП?

— Итоговых заключений и протоколов пока не имеется. Предварительны будут после 19.00. Но, со слов старших как милиции, так и нашей группы, выясняется такая картина...

— А прокуратуру кто вызвал? Или я ошибаюсь?

— Нет информации, товарищ полковник. Главный группы, капитан Тереньев, сообщил, что, когда они приехали на место и стали производить внешний осмотр, переговорив прежде с гаишниками и работниками дорожной службы, которые были свидетелями аварии, прокурорская машина прибыла на место буквально через несколько минут после отбытия скорой...

— Подожди... Это навевает на некоторые мысли. Кто был старшим из прокуратуры? Представился? Фамилия?

— Тереньев сообщил, что все представили удостоверения и он данные переписал. И ещё. Так же капитан сообщил мне, что, по его ощущениям, их группу как бы постоянно оттесняли от места ДТП. Явно не мешали работать, но и не помогали. Постоянно чем-то отвлекая... Да и милиция косилась на прокурорских. Те, вроде бы чуть ли не командовать стали всеми. Даже дорожными работниками... Тереньев их ранее не встречал. Аккуратно их сфотографировали. Машина их — с областными номерами.

— Так, майор. Капитан, как прибудет — ко мне. Хочу лично выслушать его «Как бы и Вроде бы».

— Есть! Разрешите добавить, товарищ полковник? По этому делу!

— Давай уж, добивай.

— На другой стороне дороги, на песчаном косогоре, один из нашей группы обратил внимание на странный бугорок. Поддел носком ботинка, а там, по-видимому, кто-то пытался засыпать песком небольшую лужу крови.

— Прокурорские в курсе?

— Нет. Наши промолчали из вредности, а те вскоре сами убыли. Тереньев вызвал экспертов. Завтра с утра будут результаты экспертизы. Наши стали повторно «прогонять» всю близлежащую местность.

— Принял. Спасибо, майор. Вызов Тереньева перенести на завтра. Он и так сегодня в ночи вернётся. Вопросы есть? Свободен.

— Есть.

Майор Васильев, дождавшись ухода дежурного, в свою очередь набрал номер на своём телефоне.

— Васильев. Кто на Приозерск поехал? Состав? Понял. Нет, сегодня не вернусь. Позвоните позже Тамаре, пусть будут повнимательнее. Как по машине, так и по найденной крови. Есть мнение, что всё это связано с тем образцом, что Вы сегодня исследовали. Да. Это всё надо было вчера. Тамара пусть проведёт все протоколы. Остальная группа может быть на работе к 12. Я понимаю, что поздно вернуться. Пусть выспятся. А с Тамарой договорюсь сам. Сообщите им и, если что, звоните. Отбой.

Закрыв свою древнюю телефон-раскладушку, поднял глаза на коллег.

— Поехали мои самые опытные. Носом всё перевернут. Разроют и снова закопают. Но если что там есть — найдут. Надо время. А его, к сожалению, очень мало.

Сергей Павлович, снова осунувшись, кивнул.

В кабине опять повисло тягостное молчание, как будто с десятков минут назад здесь никто и не смеялся...

— Меня больше интересует, куда делись Белый с женой. Всё страньше и страньше становится. Да, Саша, извини, что тебя так прервали. Прости нас. Мы на нервах, так что пожалуйста, продолжай.

Подполковник, с непроницаемым лицом повёл плечами и стал далее рассказывать.

— Вообще, если вкратце. Есть чем тебя обрадовать, если можно так сказать. Мои из отдела, кто любит с ружьишком побродить, обзвонили своих знакомых егерей и охотхозяйства. Интересовались о недавно вылезших из берлог, если где был зафиксирован. Так вот. Хотя информации и очень мало, но мамашек с 2–3 медвежатами в последнее время засекали только в 2-х местах. В Карелии и, внимание!!! в Лужском районе. И, самое интересное, что в Луге с пару недель назад, в одну полузаброшенную деревню наведальась медведица с 2-мя медвежатами. Совсем малышами. Так один местный, с испуга и перпоя, засадил в группу из двух стволов мелкой дробью. Попал или нет, так и не понял. Крови вроде потом не видел, но всяко могло быть. Семейство почти сразу ушло, а «войка», перепугавшись, позвонил с претензиями знакомому егерю. Пожаловался, мол, что по деревне днём медведи ходят. Того, глядишь, кого сожрут. И поросил никому не рассказывать о стрельбе в деревне — мол, отнимут ружье, если узнают. Егерь тот, в свою очередь, сел в служебную «Ниву» и поехал к местному то ли колдуну, то ли волхву. Не знаю, как их там кличут. Тот, вроде, за зверями смотрит. Чушь, конечно, но местные того древнего старца даже боятся. Ближе, чем на пару километров, к его дому не подходят.

Полковник внимательно посмотрел на подполковника.

— И что, такой страшный?

— Знаешь, Сергей Палыч, осенью мои к нему ездили. Помнишь историю, как исчезли в тех местах два солдата, которые, сбежав из части, поубивали несколько грибников и туристов?

— Как не помнить? Странная история, когда вроде бы их чуть ли не окружили, а, подойдя, нашли оружие и боеприпасы. Даже вся одежда, вплоть до трусов и носков лежала аккуратно сложенными кучками. А тел тогда ведь так и не нашли?

— Нет. Как сквозь землю провалились. И ведь голяком тоже не могли уйти. Ведь они ранее с убиенных ими брали только еду, спиртное и курево. Даже денег не снимали. Так

тогда и собачки ничего не нашли. Как будто бойцы разделись, сложили свои шмутки, постояли и... вознеслись...

— Скорее уж провалились... Туда им, если честно, и дорога, тварям. Больше десятка людей положили... Просто так... Ладно. Вернёмся. И что тот старец?

— Да к нему еле добрались. Ни дорог, ни тропинок. Один местный взялся проводить, так за полкилометра встал столбом и отказался дальше идти. Мои глянули — а тот белый весь стоит и пот с него градом катится. И это-то в ноябре. Попросили показать хоть направление. Местный махнул рукой и буквально помчался назад. Как будто за ним стая волков гналась.

— А волки-то в тех местах есть?

— Да. И много. Особенно зимой. Мои, когда шли к дому, то постоянно головой вертели. Не раз и не два видели мелькающих по сторонам то ли волков, то ли собак. Хотя, скорее всего, то были именно волки. Мои, бедные, когда туда шли, так было вроде ничего, а как обратно... Когда к машине вернулись, водитель по пальцу в минуту разжимал каждому, что б оружие из рук вынуть. Как приморозило. Они потом пару недель шарахались от каждого звука. И это парни, которые повоевать успели... Трудно их было напугать, но что-то, да испугало. Пытался сам поговорить, с психологами общались — молчат. Под гипнозом пытались. Ничего. Такое впечатление, что тот промежуток времени, как вышли от деда и шли по лесу до машины — у них стёрт напрочь. Ни одного воспоминания. Только страх. Да даже не страх — ужас. Отправили их в больницу, потом в санаторий — вроде пришли в норму. Переаттестацию прошли. Медкомиссию тоже. Без ограничений. Правда, перед самым Новым Годом, когда кто-то из их группы предложил встретить праздники у себя на даче, под Выборгом, в лесу, те — психанули. После слов о доме в лесу — лица у обоих стали каменными. И руки побелели. Как итог — опять медкомиссия. После Нового года с оперативной перевели в дежурные. А с месяц назад обоих вообще перевели. Одного в Новгород, другого — в Серпухов под Москвой. У того там родители живут. Тут наши кадровики пошли навстречу.

А леса там и в самом деле тёмные, местами почти непроходимые. До ближайшей деревни, где недалеко дед тот живёт, от Питера более 5 часов добираться на машине. Дороги раньше были. Хоть и грунтовки, но их как-то поддерживали в состоянии. Более-менее. А сейчас... Там и живёт-то, в лучшем случае, десяток-полтора жителей во всей деревне. Летом — да. Родственники приезжают, дачники... А зимой... Там даже собак на улице зимой не держат — в дома забирают. А то, бывало, утром выйдут — а на цепи, рядом с будкой, клок шерсти и лужа крови... Старики ночью выйти во двор в туалет не могут — боятся. Страшно. Вот такие наши дела.

— Саш. Как говорит моя дочь — ближе к телу. Так что с дедом?

— Да дед как дед. Мои тогда рассказали. Пытались сфотографировать на телефоны, так потом, как оказалось, вообще ничего. Даже фона. Не получилось ни единого кадра. Даже вместо дома, который пытались снять издали — какие-то косые и изогнутые линии. Наши спецы, которые пытались вытащить фото, хихикали, мол, ощущение, что метрах в 10-ти от парней стояла мощнейшая станция РЭБ. Такой же эффект.

— Саш. Не отвлекайся. Дальше.

— Да что дальше? Дед как дед. На вид — лет за 85–90. Но статный, высокий. Волось седые и длинные. Почти до пояса. А на лбу серебряная тесьма. Блестит как из люрикса.

Вроде и красиво, да и волосы в лицо не лезут. На ней что-то было то ли написано, то ли символы какие — не разобрали. Одет? Ну как сейчас наши новоявленные поклонники древней Руси — оденутся в белые рубища и давай вокруг созданных ими капищ прыгать. Ярило там. Макоша... Дурь.

— Саш. Я тебя очень прошу. Конкретику давай. Ты, блин, то как канцелярщик какой, слова лишнего не скажешь, то воду льёшь почём зря. Как сейчас.

— Палыч. А я могу и обидиться. И то тебе не нравится, и другое. Ты уж определись.

— Саш. Что ты можешь конкретно рассказать про того деда. Что тебе тогда парни рассказали?

— Так я тебе почти всё уже и рассказал. Дед старый, но вполне себе здоровый. Живности вокруг дома мои не заметили. Ни коровы, ни свиней, ни кур с петухами. В дом он их не пригласил. Поговорил через оградку невысокую, что дом окружает. Только та оградка — ниже колена будет. Но мои не посмели переступить. Как дед ввелел им остановиться, так они и встали.

— И что он им рассказал?

— Да, вообще, и ничего. Солдат не видел, их не кормил, выстрелов не слышал. Вообще — три обезьянки в одной. Понял?

— Да понял я, понял. А как хоть зовут того деда?

— Да. Пожалуй, это самое и странное. Местные называют его по-разному. Кто просто дед, кто колдун, кто верель, кто хранитель, кто страж. Да и много ещё как. Выбирай что нравится.

— А сам он представился? Как назвался при знакомстве?

— Он не назвался. Только, как говорили мои ребята, при расставании он их напутствовал довольно странными словами. Сейчас поробую вспомнить. Не дословно, но близко к оригиналу звучало так.

— «Идите прямо, назад не оборачивайтесь. Не плюйте перед собой и матом в лесу не ругайтесь. Если выполните мои наказания, всё будет хорошо. А нет — дед Панкрат за вас не вступится. И запомните. Не возвращайтесь сюда. Не для вас это место. Один раз прошли — в другой ряд можете и не дойти. А кто меня будет искать — не нужно тому. Кто МНЕ будет нужен — того сам найду и привечу»...

Странно, не находишь? Перед кем он должен был вступиться в лесу? Бред. А эту фразу мои написали в отчёте слово в слово. Абсолютно одинаково. Чуть ли не одним потчерком. Сергей, что с тобой?

Тут и майор, и подполковник посмотрели внимательно на друга. А тот сидел белый как мел. Его руки дрожали.

— Палыч, — встревожился майор. — Тебе плохо? Может врача вызвать? Хотя зачем вызывать? Я-то на что?

Встав, и подойдя ближе, Васильев взял его руку в свою, посмотрел на часы на своей руке, заглянул в глаза.

— У тебя, дорогой, с сердцем всё в порядке? А то пульс за 180 и глаза мне твои совсем не нравятся. Давление когда мерил? Давай-ка я машину вызову. В больничку б тебя, а? Посмотрели бы, прокололи. А то ты так и дуба дашь. Давай позвоню?

— Алёшка. Саш. Вы ни хрена не понимаете!

— А что нам надо понимать? Что наш друг и товарищ сейчас коньки отбросить может?

Ну на фиг. Я вызываю машину.

— Нет, майор. Сейчас сядь и послушай, что я вам обоим расскажу. Это мне на днях сон свой внучка рассказала.

И полковник, почти дословно, рассказал о том, что говорила его Катенька.

Все долго молчали. Первым не выдержал СС.

— Да не может быть такого. Ерунда какая-то. Просто совпадение.

— Да какое совпадение? — буквально выкрикнул Сергей Павлович. — Имя совпадает?

Да. Внешний вид? Да! Волосы, возраст? Да! И эта чертова лента на голове — тоже да. Три раза. ДА. ДА. ДА!!! Ну не может быть таких случайных совпадений. Подожди. Говоришь, за Лугой те места?

— Да, за Лугой. Только от Луги ещё переть и переть...

— Стоп. Складывается... Медвежонок тот под Лугой? Да. А может и Белый...

Он вызвал по коммутатору дежурного.

— Майор. Слушай сюда. Свяжись с гаишниками. Вполне возможно, что сейчас в сторону Луги едет какая-то машина, а в ней Белый с женой. По времени подходит. Там есть перед въездом стационарный пункт. Да и пусть пару машин отправят чуть дальше, за город. А то вдруг по объездной поедут. Да, попроси, что б ненавязчиво проверяли машины, где более одного человека. Причина остановки и проверки? Так пусть сами придумают. Им-то не придумать? Они в этом спецы. И отправь им фото Белого. Как нет фото? Я же просил пробить его историю более широко. Там точно фото было. Я сам видел. Не последних лет, но всё же. Майор, не беси меня. Ты что, меня за идиота держишь? Я тебя говорю — сам видел фото в ориентировке. И... ладно. Завтра разберёмся. Давай хотя бы описание, что есть — внешний облик, приметы. Ну что, тебя учить надо, что делать в данной ситуации? Давай, действуй. Я на телефоне.

Обернувшись к друзьям, передёрнув плечами, откинулся на спинку кресла.

— Слышали? Не поверите, но на месте фотографии в ориентировке — пустое место. Просто — ПУСТОЕ МЕСТО!!! Слушайте, у меня точно шиза. Ведь я сегодня утром сам держал дело в руках и видел это фото...

Немного помолчали. Каждый думал о своём.

— Алёш. Немного не в тему. Скажи, а ты слышал что-нибудь в последнее время о Игоре?

— КосОм?

— Да. Он мне пару дней икается.

— Сергей. Ты не поверишь, и мне тоже. Ты же знаешь, что тот отсидел от звонка до звонка и вышел на волю лет 6–7 назад. Я пытался с ним встретиться и поговорить. Хотел помочь с работой. Но тот, к моему удивлению, полностью меня игнорировал. Единственный раз, когда мы встретились по моей просьбе в кафе с год назад, так он просил тебе ничего о нём не рассказывать. Сказал, что не хочет твоё имя замарать. А на моё предложение встретиться втроём, сказал, что ему лично — без надобности, а нас подставлять не хочет.

— Дурачина. Как был выпендрёжником, так и остался. Запачкать, видите ли, побоялся. Был бы сейчас рядом — с удовольствием ему по мордам надавал бы за такие слова. И что?

Больше ничего?

— Ну, как я слышал краем уха, женился на подруге из Питера. Вроде как были знакомы уж давным-давно и она его ждала. Потом, опять же по слухам, родила ему сына. И всё. Больше ничего.

— Ах, Игорёк-Игорёк. Как же мне тебя порой не хватает... — Полковник уткнулся головой в сжатые, положенные на стол руки.

Майор повернулся к подполковнику, который молчал, не понимая, о ком здесь сейчас вспоминали.

— Александр Александрович. Вы не удивляйтесь. Игорь Косов, по позывному и кликухе «Косой» — это третий из нашей группы, кто остался в живых с тех пор. Уникальный снайпер, радист, сапёр... Мне кажется, что он мог любого заменить по специальности из нашей группы. А как человек? Как брат нам был всем. Горой за нас стоял. И мы все его любили, а не просто уважали. Да и шкуру нашу он не раз каждому спасал. А потом... Потом стал инструктором. Учил молодежь, как у нас, так и у вояк. Там он и подставился. Как? Мы не знаем точно. Засекретили дело по полной. Слышали, что он положил кого-то из большого начальства, да и не за просто так. Вообще, инфы почти не было никакой. Посадили на 8 лет, и то только потому, что и сам тот генерал «засветился». Того уже пасли. Хотели брать со дня на день. А тут Игорь со своим выступлением сломал всем карты. И человека нет, и информации не стало. Опять же, по слухам, генерал тот, по пьяни, двух мальчишек в своём саду из ружья положил — те к нему в сад забрались, ягод наелись, пару кустов ободрали и поломали, а потом ещё и в бассейн прыгнули. Думали, что в доме нет никого. А Игорь за мамой одного из тех пацанов ухаживал. Там, похоже, дело к свадьбе шло. Всё серьёзно было. Историю ту, поганую, замяли. Генерал, так вообще чуть ли не выговором отделался. Там кто-то из прислуги всё взял на себя за бабки. А Игорёк не повёлся. Размотал историю и отомстил по-своему. Сработал бы чисто, НО...

Как оказалось, что в тот вечер генерал "развлекался" — двух малолеток пользовал. Его помощник где-то снял девок, напоил, накормил наркотой и привёз своему шефу на дачу. Подарок, так сказать, сделал.

Игорь же этого не знал. Отработал, поджёт дом, но, услышав крики со второго этажа, полез спасать девчонок. Потом... Их-то он вытащил, но, уже уходя, оступился и порвал связки... Там его вневедомственная и повязала. А дальше? Одна из девиц, из тех самых, пострадавших, оказалась дочерью какого-то «небожителя»... Хоть и не помнила ничего случившегося, но следы-то остались... Она вообще до того проклятого вечера девицей была... Вообще, тогда все обиделись на Игорька крепко. Хотя и дали не полную по статье. Тот вообще на 15–20 лет мог загреметь. Как потом выяснилось — папа девочки той тогда помог. Отомстил, так сказать.

Мы с Палычем ему и передачи посылали и навестить хотели, а он упёрся как баран — ни хрена, мол, от Вас не нужно. А что передаёте — отдаю в коллектив. И вообще. Не надс приезжать и мешать ему жить.

Он как был коммунистом, так и остался им. Правильный и прямой. У него, говорили, и партбилет остался. Не вышел из партии, которой уж сколько лет и самой нет. А спустя года 2–3, как его посадили, вышел на волю человек оттуда и передал нам письмо. Так там Игорь написал, что мы для него были и остаёмся самыми близкими людьми, братьями. И он

сделает всё, что б на нас и тени не попало из-за его поступка. И просил, что б мы забыли о нём на время. А когда уйдём со службы, мол, только тогда и встретимся и нажрёмся до поросычьего визга. Писал, что сам нас найдёт. Узнает и сообщит. Вот такие дела, товарищ подполковник. Шваль гуляет, подонки всякие, а человек с кристальной совестью хрен знает сколько отсидел за колючкой.

— Майор. Раз дали столько лет — значит, было за что. И давай не обсуждать наше правосудие. Что заработал — столько и получил.

— Не знаете ВЫ, господин подполковник, нашего Игоря.

— Так. Всё. Брэк. Вы ещё подеритесь... Ой, зря я завёл этот разговор. ВСЁ! — полковник стукнул по стулу рукой.

— Я... — майор с красным лицом попытался что-то сказать, но, увидев протянутую ладонь полковника, замолчал на полуслове.

— Не кипи, Алёша. Остынь. Ты и так сегодня говорил как последний забулдыга. С трудом собирал фразы. Что с твоим обычным красноречием, а?

— Так я за Игорька... Прости, Палыч, но обида такая, что горло перехватывает и голова не соображает. Я ВСЁ помню, что для меня сделал Игорь. ВСЁ! Ничего не забыл. Веришь???

— Верю, Алёш. Я тоже ничего не забыл. И для меня Игорь сделал не меньше, если не больше чем для тебя. Знаешь же это, так зачем напрашиваешься? Давай не гавкаться.

— А тебе, Александр Александрович, — он обратился к подполковнику, — не стоит осуждать человека, которого ты вообще не знаешь. Он для каждого из нас двоих — роднее родных. ОН — часть нашей жизни и наша боль. Поэтому, пожалуйста, промолчи. Хорошо? Тем более, ты знаешь сам, как у нас ведётся правосудие, особенно в закрытом режиме. И вспоминать это, извини, не к месту.

ВСЁ! Прошу замолчать и все свои мнения оставить при себе. Успокоились? Хорошо. Давайте на сегодня закончим, пожмём друг другу руки и по домам. Время уже позднее, так что обоим спасибо. Я Вас больше не задерживаю.

Время для Сергея Павловича практически не существовало. Ведь вчера вечером в доме раздался сигнал, прозвоня одновременно на телефонах у всех трёх взрослых. Это был не стандартный звонок, а кусочек какой-то полузабытой песни. (Вика потом пыталась в интернете найти, что за мелодия звучала, но так и не смогла ничего подобрать похожего.) Но взрослые поняли, что эта мелодия была известна и что она... очень и очень старинная и... что на телефоне у них ничего подобного никогда не было.

Все одновременно ответили и услышали один и тот же голос.

— Здравствуйте Виктория, Дмитрий, Сергей Павлович. Пожалуйста, не перебивайте меня и не задавайте сейчас лишних вопросов. То, что надо, я Вам сам сейчас скажу. Выберете из Вас троих одного человека, с кем конкретно я буду говорить. Я же предлагаю самого старшего из Вас, Сергея Павловича. Он, как самый сдержанный, сможет со мной договориться. Иначе его не держали бы на такой должности в столь уважаемом заведении. (И тут все услышали слегка сдерживаемый смех).

— И так. Договорились? Вы позже сможете задать мне свои вопросы. Виктория и Дмитрий смогут меня слышать, но задавать вопросы я им не дам. Вопрос повторю ещё раз. Договорились?

Все ответили согласием.

— Хорошо. Как Вы поняли, я звоню по поводу Кати. Я уже посмотрел её и готов помочь...

Сергей Павлович не выдержал и спросил.

— Вы готовы помочь нам? Вы сможете помочь Кате?

— Сергей Павлович. Соберитесь. Мы же договорились, что все вопросы зададите в конце разговора. Или Вы желаете, что бы я разговаривал с другим членом Вашей семьи? Более понятливым? У меня сейчас есть время, но его не так уж и много.

— Простите. Я не хотел Вас перебить. Но волнение. Вы же понимаете, что для нас значит Катя. Мы готовы любую сумму денег заплатить за лечение. Готовы пойти на всё ради неё... И, простите, как к Вам обращаться? Простите ещё раз, пожалуйста. Больше я Вас не перебую. Обещаю.

— Хорошо. Первый и последний раз. Теперь по нашим делам. Если Вы так заинтересовались моим именем, то это не секрет. Меня зовут Олег. Белый. Это не кличка, это фамилия. Лучше, если Вы в дальнейшем будете обращаться ко мне именно по фамилии. Мне так привычнее. Да и имя своё я почти забыл. Прошу. Не перебивайте. Когда я позволю Вам задать вопросы, я сообщу.

По Кате. Я готов помочь не Вам. Я помогу Кате. Она — не простая девочка и те, кто должен знать о ней, давно уже всё знают. Те, кто хочет помочь и те, кто будет нам мешать. Прошу, без вопросов — я не закончил. Я не хочу терять время на глупые ответы, отвечая на заданные глупые вопросы. Всё, что Вы должны узнать — Вы узнаете. Всё в своё время. Продолжим? Договорились. Катя, как я сказал, особенный ребёнок и болезнь её не случайна. И помогу ей вылечиться. Вы обратили внимание на слово — ПОМОГУ? Да. Я могу только помочь ей обрести то состояние, которое у неё было до болезни.

Следующее. Мне надо 3 дня, что бы всё подготовить и увидеться с нужными людьми и... друзьями. Это необходимо сделать до того, как мне придётся забрать Катю.

Да, Вы не ослышались. Забрать. От Вас. Никто из родных не будет рядом. Даже Виктории Сергеевны. Уж простите, но в процессе лечения я не смогу отвлекаться на посторонние раздражители.

Срок начального лечения — около семи дней. Неделя для Вас. После этого дочь будет гостить дома чуть меньше месяца. Далее последует ещё минимум пять таких циклов. Потом, если результат будет ожидаемым, она останется с Вами постоянно. Если ей потребуется моя помощь — у Вас будет мой номер телефона. В таком случае вполне возможно, что я её опять ненадолго заберу. И последнее. То, что никого из Вас не будет рядом — не обсуждается. Это условие. И лично обращаюсь к Сергею Павловичу. Никакой слезки, жучков и того подобного, чем славится Ваше учреждение. Всё. Я закончил. Можно задать вопросы, но, простите, если на некоторые не смогу ответить.

— Белый. Спасибо за надежду, которую Вы нам даёте. Но у меня возник только один вопрос. Вы сказали, что внучка будет «гостить» дома? Это как понимать?

— Сергей Павлович. Я не ошибся в Вас. Вы умный человек, да и специфика Вашей работы отложила отпечаток. Вы выделили то, что является самым важным. Катя, как я уже сказал — необычный ребёнок. Она особенная. Как МЫ говорим — она вне полюсов. Она — СУДЬЯ.

— Судья? Катя? Она же ребёнок совсем ещё!

— Я попробую Вам пояснить. Как сама Катя уникальна, так и имя, каким Вы её называли, совсем не простое. Объяснять и рассказывать — это займёт ОЧЕНЬ много времени которого у меня сейчас нет. Хотя... Попробую в двух словах рассказать самое основное. ЕКАТЕРИНА. Первая буква «Е». Это — как защита, так и равновесие. А буква «К» Подумайте. Что символизирует эта буква? Это не только защита всего и вся, а дальнейшее направление в судьбах существ. Верхняя черта — к солнцу, в свет. Нижняя черта — направление к земле, к тьме. Не задумывались? А зря. Екатерина будет не только ЗАЩИТНИКОМ, но истанет СУДЬЕЙ. Простите, но не мне и не Вам дальше решать её судьбу. Даже если она не захочет стать той, кем она ДОЛЖНА стать, то всё равно это случится. Пусть и немного позднее, чем должно было бы быть. Вспомните. У Вас в семье были споры по поводу имени дочери? Как её назвать? Предполагаю, что нет. И последнее. А как вы её чаще всего называете? Солнышко? А что такое — Солнце? Это и есть символ жизни на земле. Символ существования. И не только людей. Ладно, отвлеклись.

Я Вам, Сергей Павлович, отвечу на более удобном для Вас языке. Ваш дом — это будет её база, оплот, крепость. Не более. А поле её действий, если хотите — операций — будет вся страна. Наша Родина. Наша Русь. Далее... Дальше... как сложится. Мне не дано заглянуть... Ещё вопросы?

— У меня ещё два вопроса. Первый. Полное излечение возможно? Ведь она тает на глазах. И второй — чем её кормить? Она практически последние дни ничего не ест, только пьёт. Причём только апельсиновый сок.

— Сергей Павлович. Моё уважение ещё больше к Вам выросло. На первый вопрос отвечу так — да. Она будет полностью здорова, если НАМ не будут мешать. Если потребуется от Вашей организации помощь — я обращусь. Причём, заметьте, это будет просьба не лично к вам, а помощь по профилю Вашей организации. И ответ на второй вопрос. Пусть Катя пьёт свой любимый апельсиновый сок. Но здесь есть один момент и, спасибо Вам, за наводящий вопрос. Сок делайте из натуральных фруктов. Никаких пакетов и бутылок. Покупайте апельсины каждый раз в разных магазинах. И лучше, Сергей Павлович,

если Вы будете покупать у себя в организации. Ведь у Вас есть такая возможность?

— Да. Конечно. Всё так и сделаю. Вы думаете, что Катю могут...

— Я ничего не думаю и не предполагаю. Просто я знаю. Да. Ещё. Если возник такой вопрос, то... Завтра утром к Вам придет курьер. Привезет маленькую посылку. Там будет коробочка такая, малюсенькая. На ней всего одна кнопка и две лампочки. Надо будет поднести коробочку к каждому апельсину, выделю — К КАЖДОМУ, и нажать кнопку. Загорится одна из двух лампочек-индикаторов. Если зелёная — пользуйтесь. Если же красная — выкидывайте сразу. Не жалейте. И пока вы не проверите ВСЕ апельсины, ни в коем случае не делайте сок. Я Вас предупредил и Вы услышали. Кстати. Если Ваша Вика захочет угостить малыша малиновым вареньем — давайте. Это будет к месту. Но проверяйте так же, как и фрукты. Открыли банку, поднесли к варенью индикатор и смотрите на показатели.

Сергей Павлович. Обращаюсь лично к Вам. Заряжать аппарат не нужно, так как там нет батареек или аккумуляторов. Он работает на других принципах. Эта коробка не должна покидать Вашей квартиры. Любое Ваше любопытство будет фатальной ошибкой. Аппарат этот сделан в единственном числе именно для Вашей внучки. Повтор невозможен. Поверьте. Этот индикатор может продлить жизнь Кате. Как в данное время, так и после лечения, Вам придётся проверять всю еду, которую Вы даёте ребёнку.

Если всё всем понятно, я прощаюсь. Через три дня к 10 утра Катя должна быть собрана и готова к поездке. Каждому из Вас на телефон придёт номер машины, на которой Катя уедет. Созвонитесь друг с другом. Если вы, сверяясь, найдёте хоть одну неточность — закрываете двери и никому Катю не передавайте. Даже если будут называться моим именем. Как я выгляжу — Катя знает. Простите, но мне пора. Всем доброй и спокойной ночи. Солнышко привет. Передайте, что медвежонок скучает без неё...

Трое взрослых в тишине, последовавшей после разговора, без сил опустились кто куда. Кто на кресло, кто на диван, а Дмитрий так вообще сполз по стене на пол. Все молчали, так как говорить вообще-то было не о чем.

Вдруг Вика краем глаза увидела движение около дверей комнаты. Там стояла бледненькая Катенька, прижав к груди свои два маленьких кулачка.

— Мам. Пап. Кто звонил? Что-то плохое? Вы все такие бледные...

— Катюнь. — сказала мама. — Это дядя Белый звонил.

— КТО??? Дядя Белый??? Почему Вы меня не позвали? Почему?

И Катенька тихо заплакала.

— Я ведь так ждала его. Он обещал!

— Солнышко наше, — тихо проговорил Сергей Павлович. — Дядя Белый тебе передавал привет. И просил передать, что медвежонок без тебя скучает.

— Деда! Правда? Он так и сказал??? Ура!

И тихий полувскрик-полувсклип раздался в комнате.

— Катюнь. Солнышонок наш, — метнулся к ней папа, — через три дня дядя Белый обещал, что придет к тебе.

— Правда? И он меня заберёт к себе? К деду Панкрату? Они меня вылечат? Как же я хочу, что б это было уже утром. Как же я хочу...

Папа успел схватить пошатнувшуюся девочку и подхватил её на руки.

— Солнышко. Вот посмотришь. Всё будет хорошо. Нам так обещали.

— А я верю в это, пап. Я верю, что дядя Белый меня не обманет. Он очень-очень добрый. Я это чувствую. Я это вижу. Он сейчас очень занят. Он тоже готовится ко встрече со мной, как и я. И он очень грустный. И рядом с ним тётя. Она плачет. Но я понимаю, что это не из-за меня. Вот. А сейчас дядя Белый встал, подошел к тёте и положил ей свои руки на плечи. А тётя перестала плакать и улыбнулась. Она тоже очень красивая и немного светится. Она похожа сейчас на цветочек, ну, как у мамы на платье.

— Фиалку? Фиолетовый?

Но малыш обвис на руках у папы. Она исчерпала на сегодня все свои силы.

Папа, целуя дочку в глазки, отнёс её в кроватку и, погладив её по волосам, прошептал.

— Спокойной ночи, наше Солнышко.

— Спокойной ночи, папочка, — еле слышно сказала дочь.

Вернувшись в комнату, он застал взъерошенных родных.

— Что с вами?

— Дима. А ты не понял?

— Что я должен был понять?

— Ты не медведь, ты — жираф. Когда до тебя дойдёт, уже утро настанет, — сквозь обиду сказала жена и, подойдя к отцу, села у его ног на пол.

— Прости, Котёнок, но я и вправду не могу понять о чём Вы. Может объясните, а не будете обижаться на меня не понятно из-за чего?

Сергей Павлович погладил голову дочери и кивком головы позвал Дмитрия подойти ближе.

— Дети мои. Не ссорьтесь по пустякам. Я же знаю и вижу как вы любите другу друга. Не надо обижаться. Давайте радоваться, что у нас появилась надежда. Я ради Солнышка готов жизнь отдать. Знаю, что и вы так же готовы на всё. Поэтому, как кот Леопольд, призываю — давайте жить дружно.

— Сергей Павлович, пап. Но я и правда не понимаю, почему Вика на меня обиделась.

— Дим. Спасибо тебе. Ведь ты меня впервые назвал меня отцом. У тебя, правда, есть свой родной отец, но и ты для меня за эти годы стал сыном. Спасибо тебе. А доча обиделась не на тебя. А на твоё невнимание к словам твоей дочери.

— Но почему? Что я не так сказал или что не так сделал?

— Сынок. Вспомни, что Солнышко говорила о Дяде Белом и о тёте.

— Ну, слышал, и что тут такого?

— Дима, — не выдержала супруга. — Ты не только жираф, но и носорог с бегемотом вместе. Неужели не понял, что наша дочь «видит» и «слышит» на расстоянии. Болван ты этакий. Неужели ЭТО не мог почувствовать и услышать???

У Димы подкосились ноги и он буквально рухнул рядом с женой.

— И как это я и в самом деле? Нет. Она не «слышала», она только «видела».

— Тебе и этого мало? И что теперь будет???. Если кто узнает???

Сергей Павлович обнял за плечи дочь и прижал к себе.

— Викусь. Никто ничего не узнает и никто её не потревожит. Это я тебе обещаю. Ты мне веришь? — и он посмотрел в глаза дочери.

— Верю, пап, — тихо ответила дочь.

— Тогда сейчас всем спать. Завтра будет, я так понимаю, очередной сумасшедший день и нам всем просто необходимо отдохнуть. Договорились?

— Хорошо, пап.

— Тогда Вам спать, а я сейчас позвоню по делам и немного посижу с Катюней. И мне будет спокойней, да и ей не так грустно. А ты, Викусь, постарайся поспать и отдохнуть. Тебе это просто необходимо. Ты сама вон как похудела и осунулась.

— Спасибо, папуль. Я и вправду устала. Спокойной тогда ночи!

— Спокойной. До завтра.

Сергей Павлович вышел кухню, закрыл дверь и включил радиоприёмник, стоящий на подоконнике. Достал телефон и набрал номер.

— Дежурный? Второй. Код 2-*-*-. Добавочный* * *.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Включи «музыку».

— Включил.

— Дай техотдел.

— Подключаю.

— Добрый вечер, товарищ полковник.

— Добрый, если он для Вас добрый. Я по делу. Звонок на мой телефон и телефоны дочери и зятя засекли?

— Так точно. Звонки прошли, но возникли проблемы.

— Слушаю. И какие же у Вас опять проблемы? Насколько помню — как ни позвоню — «У нас проблема, товарищ полковник». Разве не так? Ладно. Продолжай.

— Товарищ полковник. Обижаете. Простите. Докладываю — вызовы поступили из Соснового Бора Вашей дочери, из Твери — Вашему зятю и Вам... из Плисецка.

— А с космической станции не было вызова? Странно, что нет.

— Ну пожалуйста, товарищ полковник... Место определили чётко, но вот номера не определили, хоть разговор и продолжился довольно долгое время. Такое впечатление, что сигнал шел через несколько компьютеров с переподключением непосредственно на принимающую аппаратуру сотовых вышек. И так несколько раз.

— Что-то сложновато для частного разговора, не находите?

— Товарищ полковник, что могли. С таким мы не сталкивались ни разу.

— Разговор записали?

— ...

— Не слышу ответа.

— Товарищ полковник, так разговора, как такового, и не было. Трое сидели с ушами. У всех одинаково. Просто музыка тихо играла. Что — то из старых мелодий. Музыка записали. Сейчас гоняем, пытаемся определить, что это за мелодия и параллельно прогоняем по фильтрам. Может быть удастся вычленить слова. Там, на фоне мелодии, какое-бормотание еле слышное иногда появлялось. Сейчас работаем...

— Хреново Вы работаете, друзья мои. Почти двадцать минут интенсивного разговора, а у них на записи одна музыка. Ладно, работайте. Завтра с утра доклад.

— Слушаюсь.

— Да, а вот тебе премия на погоны. Скажи, мил друг, как такое могло случиться, что на три телефона с разных городов, позвонил одновременно один человек и разговор вёл с троими. Ладно, не с троими, а с одним. При этом, на расстоянии, вырубил микрофоны на двух не нужных ему телефонах? А? Обычное явление? Разбирайтесь, умники.

— Товарищ полковник, но это, в принципе, технически возможно. Только сложновато.

Такая организация, как мы, такое сделать, в принципе, можем, а...

— Один человек звонил. Понял? Один. Не организация. Частное лицо! Всё, работай, не беси меня. Отбой.

Полковник, разозлённый, что ничерта у него не получилось, умыл на кухне лицо и пошел в комнату к внучке.

— Не спишь? — тихо спросил дед.

— Не, деда, — еле слышно ответила внучка. — Болит очень. Раньше дёргалo иногда, а сейчас болит постоянно. Деда. А расскажи мне сказку. Добрую. Ты так давно мне ничего не рассказывал. И дай мне свою руку. А я попробую хоть немного поспать.

Дед, привалившись к кровати, стоя на коленях, протянул свою руку внучке. А та, схватив её, прижала к щеке и повернулась на бочок.

— Спасибо, деда. Мне очень уютно с твоей ладошкой. А теперь сказку. Хорошо?

— Спи, малыш, — тихо сказал дед и начал лихорадочно вспоминать хоть какую-нибудь добрую историю. А вспомнив, увидел, что его любимая внучка, лежа щекой на его сильной руке, уже спит и даже иногда улыбается во сне чему-то хорошему... а из-под подушки выглядывает второй кулачок, в котором зажаты несколько медвежьих волосков.

— Спи, моё Солнышко, — очень тихо, почти про себя, прошептал полковник и по его глазам произвольно покатались слёзы. Он замер, пытаясь не шелохнуться, что бы не потревожить столь чуткий и короткий сон своей внучки.

* * *

Ранним утром Вика, проснувшись по привычке самой первой в семье, немного насторожилась. Её отец, который в это время, уже сделав свою зарядку, сидел на кухне и ждал завтрак, почему-то задерживался. Зайдя в комнату дочери, она и обнаружила своего отца, сидящего на полу рядом с кроватью внучки. Он полусидел-полулежал, обняв своими руками маленькое тельцо и оба, улыбаясь во сне, тихонько посапывали.

Её дочка, её Солнышко, даже выглядела сегодня несколько посвежевшей. И её щеки были слегка розоватыми, как после прогулки.

— Пап, — Вика тихонько тронула за плечо своего отца. — Пора вставать. Уже поздно. Ты почти проспал.

Её отец приоткрыл один глаз и улыбнулся.

— Сейчас, котёна. Сейчас. Ещё чуть-чуть... Ну, пожалуйста...

— Пап. Ты как маленький, ей Богу.

Тут и её дочка заворочалась в кровати. Открыла свои глазки и протянула ручки к маме.

— Мамочка. Доброе утро.

— Доброе утро, Солнышко. Как себя чувствуешь? — мама обняла дочь и поцеловала её в глазки.

— Лучше, мамочка. Правда, лучше.

— Я очень рада, милая.

— Мам. А мы сегодня ночью с дедой гуляли по лесу. Там так красиво ночью! Тихо-тихо. Цветочки все закрыты, а когда я касалась их рукой, они как будто начинали петь. Открывались, как будто подсматривали кто их трогает, и снова засыпали. И улыбались мне и дедушке.

— Фантазёрка ты моя родная. Кушать хочешь?

— А знаешь, да. И я сегодня сока не хочу. Ты только не ругайся, хорошо? Я знаю, что мне нельзя сладкого. Но мне очень-очень хочется. Совсем чуть-чуть. Совсем крохотулечку. А? Мам, а у нас есть малиновое варенье? Очень хочется. А мне, когда с дедой гуляли, он показывал кусты малины. Там были ягодки, но совсем маленькие и зелёные. Я попробовала одну, так она была совсем невкусная. А деда говорил, что летом они сладкие-сладкие.

— Малыш. Я не обещаю, но сейчас посмотрю. Вроде бабушка передавала нам недавно банку варенья. Ты ж знаешь, что я и сама очень люблю малиновое варенье. Да и папа твой тоже.

— Знаю. Вы поэтому и вместе. Деда рассказывал, что вы оба сладкоежки. А мне варенье не даёте. Жалко вам, да?

— Милая, лапонька. Ты ж знаешь, что и папе и маме для тебя ничего не жалко. Просто врачи запретили тебе есть сладкое.

— Мам. Немножко можно. Ну, пожалуйста. Хоть ложечку!!! Мам...

Дед, сидя у кровати внучки, совсем пришёл в себя. На удивление — он прекрасно отдохнул даже в такой жутко неудобной позе. Он на всю ночь буквально замер, пытаясь не пошевелиться и не потревожить сон внучки. Думал, что его рука занемет от одного положения и он утром вообще не встанет, а вот, смотри, получилось совсем не так, как ожидал. Да и сон его сегодня был каким-то светлым и сказочным. Он уже давно не видел нормальных снов. А если и проваливался, то это были какие-то жутики. То война, то кошмары какие-то. А сегодня ему приснилось, что они гуляли с внучкой по какому-то волшебному лесу. Ровному, с травой, как будто её постоянно стригли. С невероятным количеством самых разнообразных цветов. И деревья были ровными, прямыми, высокими-высокими. Он такие в Карелии видел — где сосны росли. Высоченные. И запах сказочный.

А внучка, словно здоровая, бегала от одного цветка к другому и нежно гладила их. А те открывались, обдавая своим ароматом девочку, и снова закрывались засыпая. И каждый цветок, открываясь, издавал еле слышный звук. Даже не звук, а как будто малюсенький колокольчик звенел вдали. И у каждого цветка звук был совершенно разный, даже у похожих цветков. Катя, решив похулиганить, раз, просто еле касаясь, провела рукой по нескольким сразу. И как мелодия раздалась...

Дед, если честно, был под впечатлением от сна. Да и глаза открывать ему совсем не хотелось. Так бы и сидел, продлевая этот совершенно удивительный и сказочный сон.

— Деда, а деда, — погладила его по руке внучка. — Тебе ведь тоже лес снился?

— Да, малыш. Мы там гуляли. И ты играла с цветами.

— Да, точно. И они пели. А деревья какие были высокие. Как в сказке. Деда, я опять туда хочу. А давай ты и сегодня со мной будешь спать. Может быть опять куда-нибудь пойдём гулять вместе?

— Не обещаю, но, может быть, Солнышко. Ты же знаешь, что у меня тяжёлая работа и как я очень устаю. Вдруг ночью и тебе приснится что-то плохое? Их моих снов?

— Не, деда. Я тебя очень люблю. Я прогоню твои плохие сны, и мы пойдём... А давай сегодня на речку? Там вода журчит, листики по воде плывут? Там стрекозки летают.

— Лапушка. Как скажешь. На речку так на речку. Только там стрекоз ещё нет. Они чуть позже прилетают.

— Деда. Я же Волшебница. В моём сне как придумаю, так и будет. А я хочу, что б

стрекозки летали. Хорошо?

— Хорошо, милая. Как скажешь. А сейчас, прости, мне пора уже быстро-быстро собираться и бежать на работу.

— Деда. Ты не бегаешь на работу. Тебя возят. Поэтому ты такой и старенький. А если б бегал — был бы моложе. Ну не как папа, ну... чуть старше.

Дед с дочкой переглянулись. У дочери глаза и так были от удивления в пол-лица.

Все эти разговоры о совместном гулянии по лесу, цветы, деревья. Такое впечатление, что они и в самом деле куда-то ночью вместе ездили. Виктория потрясла головой. Хотя вчерашний разговор по телефону и выводы, которые они сделали в семье... Нет! Такого быть просто не могло. Ну кто как не мать знает своего ребёнка. Так что надо выкинуть всё это из головы и заняться делами. Сейчас не пойми за что и хвататься. То ли папу быстро накормить, то ли самой хотя бы умыться. Да и Димка, уже, по-моему, в ванную пошел.

Вика потёрла руками виски. — (Да, если день ТАК начался, то что будет дальше?)

— Пап, всё, давай вставай и на кухню. А то ты и в самом деле сегодня опоздаешь.

— Хорошо, Викусь. Скоро буду.

— Ну, вы и выдумщики. Вместо сна они всю ночь гуляли где-то, — обращаясь к двум своим любимым людям проворчала Вика. — А папу с мамой почему не взяли с собой? Я ведь и сама не помню когда в лесу была в последний раз. Ладно, я побежала.

И, отбросив все лишние мысли, мама ушла на кухню, стараясь успеть приготовить завтрак своим мужчинам...

— Дедушка. Ты тоже иди. А то мама ругаться будет, — Катя отпустила руку деда, поцеловав её. — У тебя сегодня будет хороший день. Ты только не ругайся ни с кем. Хорошо?

— Хорошо, солнышко. Не буду ругаться.

И дед, встав, неожиданно для себя, почувствовал полным сил и здоровья. Он, на удивление, был бодр и ему казалось, что он с неделю был в отпуске. Сидел на берегу речки, ловил рыбу и ничего не делал.

— А ведь и в самом деле. Когда я был на рыбалке последний раз? Когда вот так сидел и ничего не делал? — промелькнули грустные мысли в голове у Сергея Павлович. — Так. Надо собраться. Сегодня денёк предстоит ещё тот...

На работу он едва успел. Хорошо, в это время «пробок» не было на дороге.

Зайдя в кабинет, услышал звонок по внутреннему. Поднял трубку.

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Зайди ко мне.

— Здравия желаю, товарищ генерал. Иду..

Буквально через минуту он уже был в кабинете начальника управления.

— Присаживайся. Чай-кофе будешь?

— Спасибо, товарищ генерал. Успел позавтракать.

— Да. Завидую я тебе, Сергей Павлович. Такая дочь у тебя. И хозяйка отличная и красавица, и умница. Я вот, сколько тебя знаю, ты всегда выглаженный, выбритый, ухоженный.

— Товарищ генерал. Бреюсь я сам...

Оба посмеялись.

— Верю что сам. Да. И давай, пожалуй, без чинов. Мы ж договаривались?

— Когда наедине, то с послаблениями, вне кабинета — по званиям.

— Какой же ты зануда, Палыч. Ладно. Что тебя вызвал. Есть три вопроса, которые хочу решить до общего совещания. Есть час. Успеем?

— Я ж не знаю что за вопросы, Виктор Федорович.

— Логично. Так. Скажи мне, что у тебя за суета началась вокруг внучки? А то доклады поступают совершенно непонятные, порой с отсутствием всякой логики и смысла. Да, кстати, как она сама?

— Не очень, Виктор Федорович. В последние дни стало ещё хуже. Но на нас вышел один лекарь, который согласился помочь и вроде как обещал чуть ли не полное выздоровление.

— Это хорошо, но ты вот скажи. Это ОН вышел на тебя или ТЫ вышел на него? Знаешь твой ответ для меня важен. Подумай и скажи чётко.

— Мне нечего скрывать. Я, как Вы знаете, искал любую соломинку, что б помочь внучке. ЛЮБУЮ!!!...

— Знаю. Уж выслушал от... — показал глазами на потолок генерал, — столько всего... Палыч, не обижайся на мои слова, но если б ты стоял под этим «душем» вместо меня, то захлебнулся б от того количества дерьма, что вылили в мой адрес. Я уже молчу, что там говорили о тебе на счёт этих связей с немцами и евреями. Неужели нельзя было всё сделать тише и аккуратнее?

— Виктор Федорович! Я старался успеть...

— Успеть самому выплыть за счёт других?

— Да кто же пострадал кроме меня? Я тоже столько недавно услышал «хорошего» в свой адрес, что.... Давно не был в роли мальчика для битья.

— А меня ты в счёт не берёшь? А, Палыч? Мы с тобой сколько работаем вместе? По моему, 5 лет уже.

— Чуть меньше, но да, уже немало.

— Чёрт ты, самый настоящий. Неужели до своих телодвижений не мог зайти и просто посоветоваться. В лом было?

— Простите, Виктор Федорович. Не подумал.

— А сейчас что творится? Что, опять не подумал?

— Да что случилось-то?

— Ты не ответил на мой вопрос ещё предыдущий, а задаешь уже свой?

— Вы о лекаре? Так я сказал.

— Ты ещё ничего конкретно не сказал.

— Вышел этот лекарь САМ на меня. Позвонил домой.

— Тебе? И с каких это пор номер личного телефона полковника ФСБ знают все кому не попадя?

— Тут такое дело, Виктор Федорович, — полковник замялся, — звонили не только мне, но и дочери и зятю одновременно.

— А ты, Сергей Палыч, не находишь это странным? Звонят на личные трубки тебе и начальнику сверхсекретной лаборатории? О которой и знать-то знают не более десятка человек, кроме сотрудников и тех, кому положено знать?

— Да я и сам в недоумении, товарищ генерал. Техническая служба...

— В курсе. Уже доклад утром прочёл. Там вообще не технари, а сказочники собрались. Чуть ли не с Марса тебе звонили и музыку дали послушать...

— Я...

— Всё, помолчи. Ты вот что мне лучше скажи. С каких пор наше управление превратилось в дурдом? А? Не знаешь? Я тоже не знаю. А почему в дурдом? Ну, так я тебе расскажу. Смотри сюда. Как выглядит сейчас работа в управлении? Не знаешь? Тогда послушай как это выглядит с моей «колокольни».

Один отдел слушает музыку чуть ли не из космоса. Все безумно заняты и забросили текущие дела. Другой отдел, вместо своей работы, чуть ли не в полном составе выясняют количество медведей в лесах Ленобласти. Причём, замечу, с таким неподдельным энтузиазмом, что звонки шли без перерыва на обед. Смешно? А мне вот нет. Слушай дальше. Криминалисты занимаются, чем бы ты подумал? Отгавкивая ото всех и забросив сверхсрочные дела... Продуктами отравлений? Следами с мест преступлений? Хрен! Они почти всем отделом целый день рассматривают под своими сверхнавороченными и сверхсекретными причиндалами ВОЛОС медведя. Исследуют историю жизни этой особи и чуть ли не делают на полном серьёзе выводы по результатам анализов, чем этот мишка питался и как, прости Господи, гадил. Даже взрывотехники и баллистики и те, вместо основной работы, исследуют возможность проникновения мелкой дроби в шкуру медведя. Да. Не улыбайся. Эти энтузиасты хреновы притащили в лабораторию откуда-то шкуру медведя, и весь вечер её обстреливали с разного расстояния, делая какие-то расчёты и выводы. У них комп дважды зависал, наверное, от перегрузки, так они раком поставили в свою очередь техслужбу, что б им вычислительную технику НЕМЕДЛЕННО привели в рабочее состояние, иначе они... Я промолчу лучше... Что ты ржешь, полковник? Тебе надо не смеяться, а плакать. Хотя... Прости. Не подумал.

Я так понимаю, что здесь собрались и антропологи и астрономы с биологами и хрен знает кто ещё по специальностям, но не работники службы, которая должна занимать несколько иным, чем исследовать диких медведей. Не согласен? Да, кстати. Вся лаборатория этих зоологов сегодня в полном составе осталась в ночь на работе. Они, блин, собрали и запустили в работу какой-то новый ахренительный агрегат, который до этого полгода лежал у них в лаборатории в полусобранном состоянии и там, как они говорили, не хватало какой-

то самой важной детали. А тут и деталь нашлась, и собрали всё буквально за час!!!

Что происходит, а? Мне до пенсии день-два. Я-то ладно. А если вся эта хренотень станет известна наверху? Ты ведь знаешь, что под меня копают. Да и течёт у нас здорово... И, что странно, день прошёл и никаких звонков из Москвы. Что? Настолько интересная тема, что и стукачи увлеклись? Ладно. Поржал? А теперь рассказывай мне всё сначала и в лицах. Как внучке сказку. Дословно и подробно. Слушаю.

Следующие пару десятков минут генерал слушал своего подчинённого. И глаза его открывались всё шире и шире... Когда полковник закончил, генерал подошёл к окну, открыл створку и закурил, глядя на улицу, прохожих и машины.....

Полковник впервые видел, что генерал опять закурил. Он знал, что с этой привычкой тот завязал пару лет назад, когда врачи категорически запретили курить и нервничать из-за возможного инфаркта.

— Что смотришь, Палыч? Да. Не курил и вот... тут не только закуришь. Тут и выпить не зазорно будет. Ты мне такие сказки тут рассказал, не знаю что и думать. То ли я чего-то не понял в жизни, то ли и в самом деле жизнь изменилась, а сказки стали былью... Ладно. Подумаю и тебе сообщу что придумал.

Генерал поискал глазами пепельницу и сунул недокуренную сигарету в стакан с чаем, закрыл окно и вернулся на своё место за столом.

— Продолжим. Всё это, конечно, интересно и увлекательно, но, как ты понимаешь, не по нашему профилю. Кстати, а как вычислили этого Белого? — и генерал с усмешкой посмотрел на подчиненного.

— Мы прогнали по картотеке всех известных — ноль. А с такой фамилией, как оказалось, в Питере людей не так уж и мало. Приблизительно вычленили подходящих по возрасту и образованию, по времени проживания в городе и области. Набралось, в конечном итоге, с три десятка лиц. Сделали сканы фотографий и мой Миша съездил ко домой, показав фотографии внучке. Та и опознала на одной из них нужного нам человека. Правда на снимке он был намного моложе, чем она его видела во сне, но, тем не менее, сказала утвердительно, что это он.

— Не ошиблась?

— Вроде нет. Она взяла в руки фотографию и погладила её. Сказала Мише, что это — дядя Белый, её друг.

— Хренотень какая-то... Ладно. Что по нему есть?

— Да практически ничего и нет. Информации кот наплакал. По образованию, не поверите, — музыкант, пианист. Много лет занимался по специальности, а потом как отрезало. Вроде то ли в монахи ушёл, то ли в скит какой-то. Ненавязчиво опросили его знакомых, что могут рассказать, так почти новой информации и не появилось. У него друзей по жизни почти не было. Так, знакомые хорошие. Что зацепило, так одна его институтская подруга рассказала, что у нашего фигуранта была какая-то любовная история. Чуть ли не трагическая. Подробностей она не знала, но сказала, что именно после той истории он и стал каким-то другим. И так не был особенно общительным, а после и вообще закрылся. Да. Ещё. Увлёкся мануальной терапией. Говорят, стал чуть ли не уникальным спецом. При чём, что удивительно, в клиентах были только дети. До 5–6 лет. Взрослые подкатывали, но он шарахался и всегда отказывал.

— Слушай, а что, у нас теперь лечить людей могут даже музыканты? У него ведь

образования даже минимального медицинского нет?

— Нет. Но люди знающие, кто с ним общался, говорят, что знаний у него по медицине поболее, чем у именитых светил.

— Ты мне сказки-то опять не начинай рассказывать. Откуда такая информация?

— Так мама одной из девочек, с которой занимался Белый, под видом своего мужа пригласила посмотреть профессора одного московского, старого знакомого семьи. Там, правда, конфуз чуть не вышел, когда Белый упёрся, что чужие в комнате присутствуют. Но его вроде как уговорили. Белый, как рассказали, посмотрел на этого врача, хмыкнул и сказал вроде — «Отец? Ну-ну. Тогда и я буду братиком. Ладно, пусть сидит, но говорить и мешать я запрещаю».

Так этот московский знаток впервые увидел как совершенно незнакомую ему методику по массажу, так и то, что руки Белого, когда он их фиксировал на местах, где, по словам больного ребёнка, было особенно больно, то краснели, то желтели. А иногда слышался треск, как от статики. Ну, знаете, когда снимаешь с себя синтетику...

— Знаю. Продолжай. Да. Подожди. А как на этого Белого родители больного ребёнка выходили? Телефон? Домой приезжали?

— Это тоже интересно. Белый никогда не афишировал своё умение. Все контакты у него происходили по принципу деревни — одна баба сказала. Только через знакомых-знакомых-знакомых и так далее.

— И что, настолько он хорош?

— Не поверите, Виктор Фёдорович, но у него не было ни одного рецидива. Если он брался, то полностью излечивал ребёнка. А порой брался за таких, от которых шарахались обычные врачи. Практически неизличимых.

— И что? И их он вылечивал?

— Да. Приводил в полностью здоровое состояние. Правда, после своих сеансов, давал рекомендации родителям что необходимо им было делать с ребёнком далее. Порой совершенно непонятные и нелогичные.

— Например?

— Кому-то советовал уехать в деревню из города, причём срочно. Кому-то вообще, чуть ли не в категорической форме рекомендовал сменить место жительства на юга. Другим, наоборот, на Север, чуть ли в Якутию уезжать. Вообще, чудил... Но, что странно, те, кто следовал этим советам, потом полностью выздоравливали. И болезни не возвращались. У тех и насморка обычного больше никогда не было.

— А тех, других, кто не выполнял эти «пожелания»?

— Там было уже не так радостно. Иногда детки оставались здоровыми. А иногда...

— Что? Были и смертельные?

— Нет, смертельных не было, но ухудшения.... Через два-три года после окончания лечения, когда родители совершенно не следовали советам по питанию, оздоровлению детей, по их отдыху и специальной гимнастике, цикл которой обязаны были все дети соблюдать не менее пяти лет после окончания лечения, было резкое ухудшение здоровья. Повторно Белый за таких детей не брался. Даже не приходил к ним домой.

— Принципиальный, блин.

— А он всех заранее предупреждал чем может всё закончиться.

— А почему это наш Минздрав не заинтересовался таким «уникумом»? Тем более что этот, так называемый «врач», имел с родителей детей, я так понимаю, немалые деньги?

— А тут я Вас, Виктор Федорович, бесконечно удивлю. Во-первых. Он никогда не называл себя врачом и всегда поправлял других, кто его так называл. Он называл себя «Помощник», «Друг». Реже — «Лекарь». И всегда потчёркивал, что он не лечит, а только помогает ребёнку вылечиться самому. Именно так. Он совершенно серьёзно говорил родителям, что если ребёнок хочет сам вылечиться и стать здоровым — он ему поможет. А если нет — то ни один врач не сможет сотворить чудо, когда ребёнок не хочет быть здоровым сам. Поэтому, после первого посещения такого больного, он отказывался работать с ним далее и уходил. Не смотри ни на какие просьбы, слёзы, а порой и угрозы родителей. И избить его пару раз хотели и гадости всякие рассказывали, но с того, как с гуся вода — отряхнулся и пошёл...

Как опять же рассказали родители, он, в первый визит, заходя в дом, обязательно раззувался и одевал принесённые с собой такие чоботы, по типу меховых закрытых тапок. Как говорят — очень похоже, что из меха натурального, чуть ли не волчьего. Причём мехом наружу. Так вот. Заходит к больному малышу. Кладёт одну руку на лоб, а другую — в район живота и спрашивает.

— «Привет, малыш. Хочу спросить тебя. Только подумай хорошо-хорошо и не торопись с ответом. Договорились? Ты хочешь выздороветь? Только учти. Тебе много дней будет очень больно. Но я помогу тебе справиться с этой болью. Зато потом будешь здоров. Так что? Хочешь? Только честно-честно?»

И знаете, Виктор Федорович, мало кто из детей сразу говорил — ХОЧУ. Большинство молчали, крутились под руками Белого или говорили совсем другое. То, что он не ждал услышать. Так вот. От всех последних, как я уже упоминал, он уходил, говоря родителям, что он помочь не может.

— И много было таких?

— Большинство. Да. Что, пожалуй, самое важное, главное и непонятное для всех окружающих — Белый денег за лечение не брал. От слова **ВООБЩЕ!!!** Единственное, что позволял, если предлагали, чашку растворимого кофе на холодной воде. Причём, если был выбор — просил кофе не самых лучших сортов. А очень редко, когда заканчивал сеанс поздно, просил, если в семье была своя машина, добросить его до ближайшей станции метро. Если предлагали вызвать такси, гарантировали оплату чуть ли не до Москвы, он одевался и тихонько уходил.

— Палыч. Ты мне сегодня всю голову сказками засрал. Уж прости за такое выражение. Да никогда не поверю, что в наше время есть такое. Он что, миллионер какой-то? Да и те, пожалуй, своё время не будут тратить просто так. Время деньги? Не так ли звучит? А тут ещё и своё здоровье гробить на чужих людей. Не верю. Вот честно — просто **НЕ ВЕРЮ**.

— Да и я до конца не верю. А мои сотрудники, кто проводил опрос, так вообще выдали. Чем более обеспеченней была семья, тем более негативным было отношение к Белому после того, как тот отказывался от денег. Тому же было абсолютно безразлично состояние семьи. Несколько раз, когда ему буквально пытались силой всучить пачки денег — он отказывался от наличных, придумывая разные причины, вручая расчетный счёт, куда можно было перевести деньги. Как потом оказывалось — это были счета детских хосписов. Вот такие странности и парадоксы случаются в нашей жизни...

— Да. Сергей Павлович. Загрузил ты меня по самое немогу. Сказка на сказке и сказкой погоняет. А что у Белого на личном фронте?

— А вот тут всё как у всех. Есть жена, дочь уже выросла. Замужем, с родителями не

живёт. Есть двое внуков. Мальчик и девочка. Бабушка во внуках души не чаёт, а Белый очень спокоен. Почти равнодушен. Встречается с внуками редко. Можно сказать, по необходимости. Да и, как я понимаю, у него не так на них и много времени, что б...

— С чужими больше общается, чем со своими?

— Получается, что так.

— Он работает?

— Нет. Недавно вышел на пенсию. Теперь времени и свободы стало у него поболее.

— А как Вы вышли на всю эту историю с детьми. Ну, клиентуру?

— Совершенно случайно. При опросе удачно попали на его бывшую подругу по институту. Он поставил её девочку на ноги одной из первых. А та и рассказала, что чуть ли не секта поклонников у Белого есть. Ну, не секта, а, как оказалось, вроде сообщества родителей тех детей, что Белый лечил. Они постоянно переписываются, отслеживают судьбы детей друг друга, вообще, такое странное сообщество. Поэтому и проблем с поисками не было. Только бери телефоны, адреса и поезжай.

— А Белый в курсе этой ситуации? Ну, с поклонниками?

— Скорее нет, чем да. Ему говорили об этом, но он сам не участвует, и, как всем показалось, относится к этому с каким-то чувством если не юмора, то безразличия и непонимания.

— А не боится, что клиенты исчезнут?

— Думаю, что нет. У него ранее была чуть ли не запись на пару лет вперёд, но, в последнее время, сам резко сократил клиентуру. В последний месяц так и вообще лечил одного ребёнка. А с неделю назад исчез — куда-то уезжал. Его телефон был то ли отключён, то ли вне зоны доступа. Даже по GPS телефон не определялся. Некоторые из клиентуры его искали, но так, как я понял, и не нашли.

— Ладно, полковник. После разговора с тобой у меня голова "кипит". Так... Теперь второй вопрос. Ты не хочешь взять отпуск? У тебя, как я понял, сейчас на работу времени совсем не осталось?

И генерал с усмешкой посмотрел на своего подчинённого.

— Вы, товарищ генерал, хотите меня отстранить?

— Нет, Сергей Павлович. Ты не понял. Я предлагаю тебе ОФФИЦИАЛЬНО оформить отпуск, а от дел я тебя не отстраняю. Ты сможешь задействовать своих сотрудников, правда не так, как сейчас а, подчеркну, ТОЛЬКО ПОСЛЕ СОГЛАСОВАНИЯ СО МНОЙ! Хват бардака. Ты меня понял? Как? Согласен?

— Виктор Фёдорович. Я Вас понимаю. Это... что б на нас не наехали сверху?

— Молодец. Сообразил. Просто, если возникнут претензии — полковник Ярый в отпуске. И большинство вопросов снимутся сами по себе. Ведь тебя никто в отпуске никто ничем ограничить не сможет и заставить тоже. Так?

— Так... Спасибо. Виктор Федорович. Я Вам буду должен. Вы же...

— Не надо. И последнее, что я хотел обсудить с тобой перед совещанием. Соберись и выслушай.

— Слушаю.

— Я вчера рапорт подал. Устал, если честно. Да и сердечко в последнее время на грани. Веришь — хочу ещё на берегу посидеть и на поплавок посмотреть, а не с работы до могилы на лафете... Так что я не один день решал. Думал много. С женой советовался. Вообще... решили окончательно. Хватит... Об этом никто пока не знает. Кроме меня, да и тебя теперь.

Знаю, что ты никогда не метил на моё место и не подсиживал меня. За что спасибо. А теперь вопрос. Ты готов сесть в моё кресло?

— Неожиданно, если честно, Виктор Фёдорович. Я и не думал...

— Ну, а в принципе, готов? Да и засиделся ты в полковниках. Не находишь?

— Если надо — то я смогу. Вы знаете. Только вопросов, как Вы говорите, больше чем ответов. Думаю, что из Москвы пришлют кого-нибудь своего. Там полковников поболее, чем в Питере.

— Сергей Павлович, я тоже не пальцем деланный. И моё слово имеет вес не только в Питере. Конечно, моё слово не решающее, но я попытаюсь разрулить так, как нужно не только мне — всем нам. Я уверен, что ты меня не подведёшь.

— Не подведу.

— А по поводу Москвы — так ты сам варяг, сам из Москвы. Правда, вжился здесь, как все отмечают. И по работе к тебе никогда вопросов и претензий не было. Тянешь чуть ли не самое тяжелое направление. Да и отдел ты с самых слабых вывел на первые места. И коллеги о тебе только хорошее говорят. Ты когда «пистон» от начальства получал последний раз?

— Да буквально на днях, — улыбнулся полковник.

— Это по внучке?

— Да.

— Тогда, вообще-то, не считается. Ладно. Мы вопрос согласовали? Хорошо. Всё. Пойдём в зал совещаний. Там уже все собрались наверняка. Не будем заставлять ждать. И, пожалуйста, пока для всех — ни слова. После совещания напишешь рапорт на отпуск. Я подпишу. А сейчас — «по коням».

* * *

После совещания, в кабинет руководителя управления вернулись как генерал с полковником, так и приглашенный подполковник Игнашев.

— Товарищи офицеры. На общем совещании не оглашалось, но по линии военной контрразведки сегодня пришёл сигнал, что работами лаборатории А-3, где руководителем известный Вам обоим Игнашев Дмитрий Александрович, активно заинтересовались сразу три разведки недружественных нам стран.

— И кто, товарищ генерал? — в подполковника Игнашева словно кол вогнали. Он аж подался на стуле к генералу, сцепив руки перед собой.

— Если скажу, Вам легче будет, подполковник?

— Ну, нам же надо знать, с кем дело иметь будем?

— Вы пока, потчёркиваю, ПОКА, с ними дел иметь не будете. Там есть кому работать. Сейчас проводится усиление защиты информации, да и за сотрудниками будет усилен контроль. На казарменное положение, к сожалению, их всех не перевести, не те времена, но очень уж хочется. Было б меньше проблем и ненужных телодвижений. Но, к сожалению, пока обойдёмся теми мерами, что нам были предложены. Со своей стороны, Сергей Павлович и Александр Александрович, поговорите с Дмитрием и Викторией. Никаки разговоров дома о работе. По-возможности исключить походы в развлекательные места и поездки за город на природу.

— Товарищ генерал, — Сергей Павлович поднял руку как в первом классе. — Разрешите?

— Говорите, полковник.

— Так Дима, простите, Дмитрий Александрович, и так никуда не ходит практически. Дом-работа и обратно. Он старается как можно больше времени проводить с дочерью. Единственное, что его постоянно выбешивает — это проблема с дорогой на работу и обратно. Больше полутора часов в одну сторону. Пока трамвай, потом метро, потом пешком.

— Стоп, полковник. Он что, на общественном транспорте на работу ездит? Вы вообще с ума сошли? Он что, лаборант рядовой??? Господи, да за что мне такое?

— Товарищ генерал, — подполковник заступился за родственника. — Так по штату Дмитрию машина не положена. А на зарплату его на такси каждый день туда-сюда не наездишь.

— Какое такси? В своём уме, подполковник? А почему КБ не может обеспечить их транспортом? — генерал потихоньку заводился.

— "Нет штатов и нет лишних машин". Так ответили в дирекции — ответил отец Димы. — Сейчас нет, поскольку молодые. Как же? Молодых будут привозить на машинах? А все остальные будут на это спокойно смотреть? Так на говно изойдут. А как эти молодые выдадут такое «на гора», что везде зазвенит, так и потом все «плюшки» будут в первую очередь распределены между причастными, а те, кто заслужил этот успех своими потом и кровью, получают спасибо. И то в ЛУЧШЕМ случае. Знаем, проходили.

— Подполковник! Притормози!

— А что Вы предлагаете? — Ярый поднял глаза на начальника и усмехнулся. — На метро — нельзя. На такси — тоже нельзя. Личных машин мы оба не имеем. Нам они особото и не нужны. На работу нас возят. Поэтому отдать то, чего не имеем, не можем. Была б возможность — отдали б не задыхаясь.

— Во-о-от. — протянул генерал. — Сам и сказал. Вас — возят.

Он ехидно посмотрел на обоих. — А не хотели б Вы, господа офицеры, отказаться от служебных машин? Оказать, так скажем, благотворительность для проезда одного малоизвестного, но талантливого инженера-конструктора?

И Виктор Фёдорович провокационно посмотрел на обоих мужчин.

— Я готов, — сказал полковник.

— Я также готов, — подтвердил подполковник.

— Вообще, два пионера. «Будь готов-всегда готов». Слушайте, но мы уж давно не пионеры. Ещё предложения? Только по делу? — Генерал сидел, еле сдерживая улыбку, глядя на растерянные лица своих подчинённых.

— У меня нет предложений, — после непродолжительного раздумья, признался полковник.

— А если договориться с таксопарком и прикрепить конкретного водителя? Сделать, таким образом, разьездную машину? А что? Утром отвозит. Вечером привозит. Максимом 3 часа в дороге. Бензин, аренду авто, зарплату водителя делим пополам? — отец Дмитрия, подполковник Игнашев, с воодушевлением посмотрел на родственника. — Согласен?

— Да, согласен, — ответил повеселевший Сергей Павлович.

— Стоп. Вы кто? Офицеры или продавцы на рынке? — генерал посмотрел на обоих. — Делите кому, что и за сколько? Вроде договорились между собой, да? А вот хрен Вам обоим. Почему? Отвечу. А почему из Вас двоих, защитники Вы нашей Родины, никто не подумал, что Дмитрий Александрович ТАМ работает не один? А? Там, по крайней мере, ещё с пяток сотрудников обладает полной информацией по проекту. Вы что, и их будете развозить за свой счёт? Так зарплат Ваших не хватит. Что? Кредиты будете брать? — Генерал уже

откровенно издевался над потухшими офицерами. — Да. Это Вам не медведЕй по лесам считать. Здесь-то голову надо включать хоть ненадолго. Разочаровали Вы меня оба, господ офицеры. Разочаровали. Ладно. Решу этот вопрос сам, если два других мозга сейчас в полной отключке. Всё. Свободны.

Покрасневшие от стыда офицеры покинули кабинет начальника, а тот, взяв трубку телефона в руки, буквально за 10 минут решил вопрос с доставкой ВСЕХ сотрудников лаборатории от дома до работы и обратно.

— Бестолочи, — с усмешкой потёр болевшую грудь генерал. — Но мужики что надо. ТАКИЕ не подведут.

И, откинув посторонние мысли, взяв папку с пометкой «Срочно», стал внимательно разбирать и анализировать данные по непонятной возне вокруг лаборатории А-3. Уж очень натораживало и шебуршание вокруг лаборатории и прибытие в Москву под видом туристов за последний месяц более 10 сотрудников иностранных спецслужб. Да и найденная вчера днём, при очередном осмотре, в квартире зама Игнашева радиозакладка. Всё это напрягало. И чувствовал генерал, что это начало чего-то уж совсем нехорошего и дурно пахнувшего.

Ярый, вернувшись к себе в отдел, встретил в приёмной ожидающих его трёх человек и, пропустив в кабинет, занял своё место за столом, приглашая и остальных садиться.

— Кто начнёт по вчерашним событиям?

— Разрешите мне, товарищ полковник, — привстал с места начальник вчерашней опергруппы капитан Терентьев. Вид у него был, мягко говоря, помятый. Глаза красные от недосыпа, постоянно дёргающийся.

— Устал, Стас? — спросил полковник. — Неважно выглядишь, мягко говоря.

— Устал, товарищ полковник. Мы вернулись как час назад. Ни поспать, ни поесть не успели. Ребята в кабинете отрубались, а я к Вам.

— Рапорт, как вижу, написал. Молодец. Потом прочту. Сейчас всё кратко и своими словами. Если будут непонятки — потом уточню. Когда отдохнёшь. И так?

— Выехали по вызову, товарищ полковник, как обычно. Когда были на месте, произвели первичный осмотр места ДТП и окружающей местности. На первый взгляд — обычная авария. Похоже было, что водитель просто резко повернул руль и его «повело». Крутануло на дороге, перевернуло пару раз, ну, и в кювет. От машины почти ничего не осталось — выгорела полностью. Когда приехали — там были и гайцы, и прокурские, пожарники. Вообще, машин пять. Народа тоже много. Мои опросили дорожников, что правили разметку на трассе. От них и узнали, что попутных машин в тот момент не было — то есть «подрезать» их не могли. Там дорога разделена бетонными блоками, так что и встреча исключена. А так — 2–3 полосы в каждую сторону. Посмотрели по следам — машина шла в крайней правой полосе. Как положено. Сначала след от торможения ровный, а далее зигзагом. Такое впечатление, что, то ли пытались объехать кого на дороге, то ли с тормозами было не в порядке. Нужна техническая экспертиза.

— Товарищ полковник — в разговор вступила эксперт, которая выехала на место позднее первой группы. Мы посмотрели...

— Тамара Викторовна. Я ценю Вас и Ваш энтузиазм, но давайте выслушаем сначала капитана и отпустим его отдыхать. Договорились?

— Я, между прочим, сегодня тоже поспала всего час, прикурнула на обратном пути — буркнула эксперт, пытаюсь незаметно для других потереть глаза.

— Обрати внимание, капитан, на свою коллегу. Спали одинаково — то есть не спали, а выглядите как? Ты — как бомж после пьнки. А Тамара Викторовна, хоть и устала, а как была красивой женщиной, так и сейчас — хоть под венец. Румянец на щеках, боевой окрас на месте. Ну чем не образец для подражания и восхищения, а? Как специалистом, так и потрясающе красивой женщиной!

— Скажете такое, — хмыкнула спец, но было видно, что похвала ей приятна. Даже очень. Если честно, то этот мужчина ей очень нравился. Высокий, красивый, тактичный. Никогда слова грубого никому не сказал. Да, от него были втыки по работе. Но, надо отдать должное, только по делу. И это ценили все присутствующие. Да и был Сергей Павлович вдовцом, а сама Тамара Викторовна, хоть и была ранее замужем, так дети её выросли и разлетелись в разные стороны, а с мужем развелась почти десять лет назад. Пыталась она на одном вечере его разговорить, но... так и не срослось. А тот, как назло, словно издевается. Каждый раз как специально потчёркивает красоту женщины и то, что она не замужем...

— Ладно. Лирике, как я понимаю, конец. Капитан. Продолжайте.

— Прошу прощения за мой внешний вид, — капитан окончательно смутился и даже, кажется, покраснел... — Больше такого не повторится.

— Капитан. Мы тебя уже все простили и не по одному разу. Давай по делу.

— Есть. Так вот. К машине было не подойти — толкучка как в метро. Мы и «пошарились» по окрестностям.

На нашей стороне вначале ничего не обнаружили. Там лес начинается метрах в 10 от дороги после канавы. Прошли по краю — ничего. Следов там до фига. Туалетов-то по трассе практически нет, так машины останавливаются где попало и люди... через канаву в лес. Там местами такие мины...

— Капитан. Я понимаю, что тебя это так потрясло, но не надо нам в подробностях здесь всё описывать, хорошо?

— Чего улыбаетесь? А. Понял... Сказал не то... Дальше.

— Извините, товарищ полковник. Так вот. Найти там что-то было просто невозможно. Вот мы, перебравшись через разделитель, рванули на другую сторону. Там, вдоль дороги, и шёл высокий бугор. Местами заросший, а местами просто песок. Над дорогой высится метров на 5–7, а местами и повыше. Деревья там растут редкие, не то, что с другой стороны. Мы и пошли туда с целью, что б посмотреть с высоты на место ДТП. Оттуда в обе стороны по паре километров дорогу видно. Я так подумал, что если б надо кого-нибудь... то идеальное место как для ликвидации, так и эвакуации. Спустился с пригорка, сел в машину и ту-ту. Там, до ближайшего разворота, километров двадцать. Так вот. Даня. Простите, лейтенант Савёлых, сел на песочке, что б снимки сделать с высоты и обратил внимание на кучку земли метре от него. Что странно — там практически песчаная поляна. И вдруг куски земли, перемешанные с песком. А ближайшая земля, да её и зёмлей назвать трудно — там песок перемешан со мхом и землей, — в метрах в пяти от того места, где мы присели. Вообще, он шагнул, ковырнул ботинкам бугорок, а там всё кровью пропитано. Притом немало кровушки пролилось. Что могу сказать. Посмотрели мы с разных сторон, покумекали. Сделали выводы такие. Пытались там сначала закидать кровь ближайшим чистым песком, — видно было откуда кидали, — а потом выдрали из-под ближайшего куста шпат земли, раздербанили и накидали сверху, причём и ногами пытались притоптать. А сверху опять песка накидали. Вообще, работал даже не дилетант, а просто перепуганный человек. Мы сначала сами прошли там раза 3 вдоль и поперёк, а потом уломали полицию вызвать собаку с кинологом. Да. Ещё. С того места, где обнаружили кровь — вниз идут два следа. Один тяжелый, следы мужские, размер 43. Похоже, что тот нёс что-то тяжёлое, следы глубокие. А второй след женский. Размер 35–36. Обрываются у дороги.

— Наверное, всё ж кинолога с собакой? — поправила Тамара Викторовна капитана.

— Не. Я правильно сказал. Собаку с кинологом. Ведь как получается? Собака одна может работать? Да. А кинолог без собаки сможет взять след? Так кто главный? Кто с кем?

Все улыбнулись. С капитаном в таком состоянии никто спорить не захотел. И так выглядел ужасно — сам бледный, глаза, натёртые руками, красные. Как вампир. Жуть!

— И? — подполковник понимал, что это далеко не всё, что хотел рассказать капитан.

— Вообще, когда собаку привезли, она с этого бугра спустилась вниз и села. Скорее всего, то ли труп, то ли ранненого, увезли на машине в сторону Приозерска, как мы и предположили.

— Другой след собака не взяла?

— Кинолог с ней с час все окрестности обходил. Ничего не нашла псина. А вот наш НЗ, три конфеты, трюфеля, чем хотели перекусить, гадина выпросила. Упала у ног на спину и перевернулась — мол, погибаю, спасайте. Язык вывалила и задёргалась, как будто в неё в упор из Калаша палят. Засранка. Это не служебная собака, а... Ей бы в цирке выступать — аншлаг был бы обеспечен.

— И? — полковник поторопил.

— Что «и», товарищ полковник? Отдали мы эти конфеты псине. А что оставалось делать? Она их, собака такая, проглотила, не пережёвывая, развернуть не успели, и помчалась к служебной машине быстрее хозяина. Такое чувство, что боялась, что мы конфеты забирать полезем.

Да, рассказ капитана слегка поднял настроение в кабинете. Все тайком улыбались, кроме, пожалуй, начальника.

— Капитан. Я всё понимаю. И усталость твою и что пытаешься улыбнуть присутствующих. Молодец. Но я чувствую, что у тебя ж не всё? Так?

Капитан сверкнул глазами.

— Не интересно с Вами, товарищ полковник. Всё-то Вы чувствуете... Ладно. Что могу дальше рассказать, так то долго и не интересно. Но, как результат, нашли мы, судя по всему, снайперскую лёжку. Уже на стороне, где ДТП случилось. Чуть далее тех мест, где ранее были. Метрах в ста десяти от сгоревшей машины. На нижних ветвях ели был полунатянут гамак. Да не простой. Это, похоже, что из арсенала спецов морской пехоты амеров. Я как-то на нашей внутренней выставке видел. Он как конструктор. Сворачивается в рулон, когда не надо. На месте разворачивается, дёргается за шнур и гамак превращается чуть ли не в железную решётку. Упругую и очень твёрдую. Такую разместить на хорошем дереве, так и кровати не надо. И вид оттуда, когда забрались, очень даже приотличный на всё шоссе. А с дороги лёжку ни хрена не видно. Буквально метров с 3—4 — просто лес. Выбирал место явно профи, причём с большой буквы. Мы там всё перерыли буквально носом, но так больше ничего и не нашли. Ни бумаги, ни гильз. НИЧЕГО.

— А почему, думаешь, гамак не забрали? Хорошая же вещь? — спросил полковник.

— Это одноразовая вещь, товарищ полковник, — вступила в разговор эксперт. — Мы такие раньше и на картинках не видели. Где капитан это видел, на какой выставке — ума не приложу.

— Так осенью... — пытался сказать капитан, но его перебили.

— Я продолжу? ВЫ позволите, капитан? — спросила с издёвкой эксперт.

— Да, конечно, — пробормотал и сел на место Терентьев.

— Позвольте всё же мне решать, уважаемая Тамара Викторовна, — вмешался полковник. — У меня есть ещё вопросы к капитану. Вы МНЕ позволите? — это он обратился уже к эксперту.

— Простите, да, — стушеввалась эксперт.

— Спасибо, что разрешили. И так, Стас. Ещё чуть-чуть и пойдешь отдыхать. Ещё по делу есть что?

— Нет, товарищ полковник.

— А что там за подозрения в адрес прокуратуры?

— Да, в принципе, ничего особого.

— А конкретнее?

— Мутные они какие-то. Я многих знаю как в городе, так и областных. Среди них или

нормальные или щёконадутые. А здесь, такое впечатление, как проверка из Москвы приехала. Ну, вы знаете. Белоручки, важные все такие из себя. Пытались всеми командовать. Только что не по ранжиру ставили. Я никого из них до этого не видел. А на машине — областные номера. Это так. Соответствуют.

— И что тебе ЛИЧНО не понравилось. Стас. Как на духу?

— Не понравилось? Да такое впечатление, товарищ полковник, что они пытались всё замылить. Отдавали какие-то дурацкие указания, к машине старались никого не подпускать близко, да и вообще... какие-то они не такие.

— По базе пробрили?

— Да. Сразу. По документам все соответствуют Областной.

— А фотографии? Мне сказали, что вы их там всех отсняли.

— Не успели, товарищ полковник.

— Что ж твои тогда дрыхнут сейчас?

— Так думали прикурнуть пару часов, а потом...

— Думали они. А что не уехали, когда приехавшим экспертам всё показали?

— Так там кто? Водитель и две женщины. Они и попросили их постеречь. Мы и охраняли. Там же на дороге всё что угодно могло случиться. Да и подсветить где надо и придержать...

— Так оказывается, вы не работали, не помогали, а придерживали наших красивых дам?

— Ну зачем вы так, товарищ полковник? Тамара Викторовна! Ну хоть Вы заступитесь за нас перед Сергеем Павловичем. Он Вас точно послушает.

— Да помогали они на самом деле, товарищ полковник. И бегали и светили и рыли там, где надо. Да и, в самом деле, с ними было намного спокойнее. Мы б одни...

— А кто так Вашу бригаду сформировал, а, Тамара Викторовна? Ведь Васильев, ваш шеф, был у меня, когда Вы укатили. Не подскажите?

Эксперт стусевалась. А потому, что это была её личная инициатива. И Таню, свою помощницу-стажёра, взяла с собой только потому, что та нехватку знаний пыталась возместить своим бешеным энтузиазмом. Так что в этой ситуации прокол был её.

— Я... Не подумала, товарищ полковник. Моя вина.

— Как с Вами бывает сложно, дорогие мои. Одна не подумала, другой — «Может быть, Наверное, Вероятно». И никакой конкретики. Такое чувство, что работаете неделю. стыдоба.

Все опустили глаза в пол. Было стыдно. Да и отчитывались они как новички. С бе на ме. Без конкретики и фактов. Только одна болтология.

— Капитан. Стас. Знаешь, чую я какую-то подставу с этой стороны. На мой взгляд, много несостыковок. Ты вот что. Сейчас иди, отдохни пару часов, а потом через техотдел сверьте фото и базу Областной. Доклад мне по готовности. Всё ясно?

— Так точно. Разрешите идти?

— Иди, Стас. Жду новостей.

* * *

Не успела закрыться дверь за капитаном, как в кабинет проскользнул Миша, помощник полковника.

— Товарищ полковник. Звонок по городскому из дома. Виктория Сергеевна. Вас переключить... или выйдете? — окинув кабинет, спросил Миша.

— Сейчас подойду.

Выйдя в приёмную, Сергей Павлович взял трубку.

— Слушаю.

— Пап... — В трубке слышался плач дочери.

— Вика. Что случилось? С Катей что?

— ...

В трубке слышались только всхлипы.

— Не молчи ты. Что с Катей?

— Пап. С Катей ничего. Она сидит сейчас рядом и играет с медвежонком!

— С каким медвежонком? Что ты несёшь?

— Пап. Ты только не волнуйся. У нас всё нормально. Вы как с Димой сегодня уехали, позвонил консьерж. Спросил — можно ли пропустить курьера. Я разрешила.

Зашёл мальчишка. Передал коробку. Я только спросила — надо расписываться в получении или нет? Тот мотнул головой и сказал — мол, не надо — он знает получателя. Повернулся и побежал по лестнице вниз. Я закрыла за ним дверь. Открыла коробку еле-еле. Там скотча было намотано просто ужас. А внутри... Пап... — и опять послышались всхлипы.

— Вик. Ты, пожалуйста, успокойся. Ведь с Катюней всё нормально?

— Да, пап...

— Что дальше?

— Па. Там, в коробке... Там даже и не коробка... Там такая прелесть. Похожа на корзинки грибные, только с крышкой. Она так пахнет вкусно.

— Дочь, не томи.

— Когда я открыла коробку — там сверху лежал игрушечный медвежонок. Как живой. И внутри его, когда я взяла в руки, что-то зашелестело и затрещало. И пошёл запах. Цветов и трав. У меня даже голова закружилась. Как в лесу очутилась.

— Дальше, Вика, дальше.

— Папа. Не торопи. Мне сейчас и так трудно собраться с мыслями. Голова кружится.

— Что с Катей?

— Пап. Я когда осматривала мишку, так Катя у меня из рук его вырвала и прижала к себе. Пап! Она сама пришла в комнату. САМА! Услышала, что я разговариваю с чужим человеком и вылезла из кровати. А потом тихонечко, медленно дошла до меня. Пап! Ты б видел Катюню. Она вся светится от счастья. Она прижала к себе этого межвежонка, всего его обцеловала и плачет. Плачет от радости. Смеётся и плачет одновременно. Она его тискает, а по комнате запах идёт просто сумасшедший. У меня постоянно голова кружится. Вышла на кухню — немного отпустило, а как зашла обратно — просто ноги подкосились. Вот сейчас так и сидим рядом на полу. Катюнь и я.

— А что там в коробке ещё было? Нам же говорили...

— Па. Там листок бумаги небольшой. Похоже, как из записной книжки вырван и... Слушай. Я прочту.

— «1. Я, как и обещал, передаю Вам индикатор. Перед первым использованием обязательно дайте его в руки Кате. Это для привязки. Скорее всего, её уколит как иголкой. Не волнуйтесь. Это безопасно. Пожалуйста, следуйте тем инструкциям, что я Вам озвучил ранее. Повторю главное. Не выносить из квартиры и не давать чужим людям в руки. Лучше, если все измерения будет проводить один человек.

2. Катю, как и обещал, забери через 2 дня. Всё в силе.

3. Медвежонка пусть Катя кладёт с собой. Внутри — лечебный сбор трав, цветов, ягод и коры особых деревьев. Это полезно не только Кате, но и всем Вам. Не бойтесь, что будет небольшая слабость, да Вы, наверное, уже почувствовали на себе... — Пап, а тут улыбающийся смайлик. А дальше лично тебе. Слушай.... -

4. Привет Сергею Павловичу. Пожалуйста, не волнуйтесь. У меня всё хорошо. То, что произошло, не вполне нормально для моей жизни, но попытаюсь разобраться сам. Спасибо Вам за волнения в мой адрес. Хотелось бы верить, что это именно в мой, а не из-за Кати... — опять смайлик. — По предыдущему разговору. Все договорённости по опознанию номера машины — более не действительны. Новое. Человек, который к Вам придёт за Катей, должен сказать слово «Солнышко». Это лицо будет от меня. Постараюсь всё же приехать сам. А с Катей всё будет нормально. Мы знаем. Привет Кате от мишки. Он скучает...».

— Всё, пап. Больше ничего. Ну и индикатор, о котором говорил Белый, завёрнут в вату.

— Записку положи в коробку, не потеряй. Я домой приеду, сам ещё раз прочту. А то сейчас у меня в голове полнейший сумбур. Не всё до конца понял. Как Катя?

— Пап. Ты уже раз десять спросил. Я сказала — рядом со мной сидит и тискает своего мишку. Пап. Ты сейчас стоишь или сидишь?

— Стою. А что, надо сесть? Чем хочешь меня добить?

— Папочка. Ты только не волнуйся, хорошо?

— Дочь. Ты или говори или... Что, не можешь дождаться, когда я домой вернусь? Что-то срочное?

— Па... У меня, похоже, будет ребёнок. Я сегодня поняла, что беременна.

— Час от часу....

— А я могу и обидеться. Ты не рад?

— Рад? Доча. Вопрос, вообще-то, не ко мне. Дима знает?

— Пап, ты же сам хотел внука. А сейчас... Нет. Дима не знает. Пап, я сейчас расплачусь... Я тебе первому хотела сказать...

Пап, знаешь... Тут такое... Если Вам с Катюней сегодня снился лес, так мне — карусель, на которой катается малыш лет 3-х. Розовощёкий такой, с Димкиными глазами. И я понимаю, что это мой сын. А знаешь, что мне Дима сказал перед уходом на работу? Он меня чмокнул в нос и сказал, что сегодня всю ночь катался на каруселях. Как в детстве. Ты представляешь? А я ему свой сон не рассказала, не хотела расстраивать.

— Я понимаю, что у меня не только на работе каждый день дурдом, но, похоже, это ощущение медленно перемещается и домой. Я как-то перестаю понимать где работа, где дом, где сказки, где явь.... Чувствую, что с моей головой что-то не так. Да, похоже, что и не только с моей... А что ты хихикаешь? Вот Катя сказала утром, что у меня будет хороший день. Вик... Если ЭТО — хороший день, то я боюсь себе представить не просто плохой, а даже средненький.... Слушай, я в Бога не верю, а поймал себя сегодня, когда меня «песочили», что надо пойти в церковь и поставить свечку... Не смейся, я серьёзно. Что было? Не телефонный разговор. Да. Ещё. Давай-ка, подруга, по городскому телефону больше Диму не вспоминать и вообще не упоминать. Хорошо? Не, с ним всё в порядке. Ладно. Дома расскажу. Всё. Пока. Катюню поцелуй от меня. Отбой.

* * *

Вернувшись в кабинет, сел на своё место.

— Извините, что отвлёкся. Продолжим. Тамара Викторовна. Что у Вас?

— По крови, что нам показали. Сейчас с образцами работают. Пока более ничего не скажу. Хотя, от меня лично... Крови на месте оказалось очень много. Такое впечатление, что там не просто человек сильно порезался. Судя по количеству — повреждена артерия и вряд ли человек, который потерял СТОЛЬКО крови, остался жив. Да, что ещё могу добавить. Кровотечение, судя по всему, было настолько локальным, что создаётся впечатление, как если б человеку отрезали руку и сунули её в песок. Ни брызг вокруг, ни следов сбора, ничего. Как будет больше информации — сообщу.

По той кровати, о которой сообщил Терентьев. Я такого снаряжения и не видела никогда. Удивительная конструкция. Простая до невозможности, но и невообразимо гениальна. Там полимерные соединения при попадании кислотно-щелочных...

— Тамара Викторовна. Давайте проще. Более понятным языком. Я ж не химик.

— Хорошо, Сергей Павлович. Скажите, вы имели дело с эпоксидной смолой по дому?

— Конечно. Кто ж из мужиков не знает что это такое?

— Тем проще. Представьте себе матрас, ну, даже не матрас, а плед какой-нибудь, сотканный из огромного количества полимерных трубочек. Пустотелых. По толщине как оптический кабель. Ну, к примеру, не больше 1,5–2 миллиметров в диаметре. А по структуре именно сотканных — это не домашняя поделка. Так вот. Представьте, что эти полимерные трубки сделаны на основе эпоксидной смолы.

— Так смола же жидкая?

— Я и не говорю, что это сделано из эпоксидной смолы. Там совершенно невообразимый химический состав. Мы пока не определились. Работаем. Да и, похоже, не в наших силах будет самим разобраться. Надо будет подключать профильные учреждения.

— Подключайте кого считаете нужным, Тамара Викторовна. Согласуем. Дальше что?

— Так вот. В скатанном или сложенном состоянии этот матрас можно поместить в, скажем, в чертёжный тубус. Или ещё меньше. А далее самое интересное. Там, в торце, два шнурка. Как мы поняли — если дёрнуть за один шнурок — то из встроенных небольших капсул, которые пробиваются при механическом воздействии, под давлением выпрыскивается затвердитель. Буквально через десяток минут вся конструкция отвердевает, а через полчаса становится как железо. Причём, как я предполагаю, этому «матрасу» можно придать предварительно любую форму. Если хотите — шезлонг или кровать... если загнуть края материала вниз, пока он окончательно не застыл.

— А почему его тогда не забрали или не уничтожили, если он, как Вы говорите, такое «чудо»?

— Во-первых. Куда вы понесёте такую... ну, как решётку от кровати? Там полтора на два размер. В машину обычную не влезет, если только на крышу. Или в какую-нибудь «газель». Да и привязана она там ТАК была, что мы минут двадцать резали и пилили упряжь. Похоже на кевларовые стропы. А почему не уничтожили? А вот здесь самое смешное, если можно так сказать. Как мы поняли — там должна была сработать система самоуничтожения. Типа, дёрнул за второй шнурок, пройдёт пара минут и всё осыпится пеплом.

— И что, не сработала?

— Не-а. Я там посмотрела. Вообще, петля соскочила со скобы механизма. Шнур, как мы предполагаем, дёрнули и побежали. А посмотреть назад, судя по всему, времени уже не было.

— А что, и вправду интересная вещь?

— Товарищ полковник. — Женщина аж вскочила со своего места. — Я спать не буду, пока не разберусь. Это ж насколько гениально придумано. Если подумать, куда её можно приспособить? Так голова начинает кружиться. Сами представьте. Пакет, размером в скрученный спальник. Вес — грамм 250–300. Дёрнул за верёвку — и готова санитарная кровать. Это ж как удобно и для войск и для МЧС. При любых внештатных ситуациях. Да рыбаки и охотники с руками оторвут — не надо тащить с собой тяжести. Поставил палатку, дёрнул за шнур — вот тебе кровать удобная. Достал другой свёрток, дёрнул за шнурок — кресло или стул. Это вообще невообразимо. Наши в лаборатории чуть не подрались за право работать с этим, как мы его назвали, «матрацом».

— Тамара Викторовна. Я в курсе, что вы все свои отпуска проводите на байдарке или в походах по лесам и горам. А что? Молодая, красивая. Все знают ваш неуёмный нрав и страсть к путешествиям. Турист Вы наш, — полковник смеющимися глазами смотрел на покрасневшую от чувств эксперта. — Всё это, конечно, отличные перспективы, но хотите, что я сейчас Вам сразу озвучу с десятков причин, что такая занятная вещица «сработает», в лучшем случае, не в ближайшее время?

— Да понимаю я, Сергей Павлович. И материал, и производство. Где будут такое делать? — и она с опущенными плечами села на своё место.

— Продолжим по происшедшему. Осмотр скорой, которая везла пострадавших, что дал?

— Ничего, товарищ полковник. Там не было ничего, что могло б нас заинтересовать. Ни следов крови, ни ткани. Только несколько песчинок — водитель аккуратистом оказался. Уже успел подмести и даже протёр пол в салоне.

— Так врачи сообщали, что грудь пострадавшей была в крови.

Эксперт развела руками.

— Ясно. Спасибо, Тамара Викторовна. Лейтенант, а у Вас что есть?

Молодой лейтенант, сотрудник техслужбы, подскочил с места.

— Товарищ полковник. Почти все водители, которые оказались на месте ДТП и помогали тушить машину, сообщили, что был провал в связи в промежутке 10–15 минут — пытались вызвать скорую и ДПС. Сотовые вообще не ловили. Потом всё заработало как обычно. Мы сделали запрос операторам связи, кто имеет ретрансляторы по трассе. Те сообщили, что и у них зафиксирован сбой связи где-то на 5–6 минут. Но, как нам сказали, такое бывает иногда, хоть и очень редко. Те послали бригаду техников, но, после осмотра, вся аппаратура на ближайших ретрансляторах функционировала нормально. Следов проникновения и подключения к аппаратуре не было выявлено.

— А сам что думаешь?

— Глушилка, товарищ полковник. Наверное, в машине находилась. Приехали, включили, сделали свои дела, выключили и уехали. Делов-то. Только, на наш взгляд, достаточно мощная аппаратура. Это не любители, точно. Здесь, похоже, «служба» работала.

— Да... Как там, в поговорке? Чем глубже в лес, тем толще партизаны? Так? Что-то у нас с каждой минутой появляется больше не ответов, а вопросов, как говорит генерал. И множатся они как снежный ком... Ладно. Сейчас закончили. Идите работать. Завтра к 11 утра все у меня.

Пару часов спустя полковник Ярый, после недолгих размышлений, полистав записную книжку, поднял трубку городского телефона. Набрал номер.

— Виктор Константинович? Это Ярый. Не сильно отвлекаю?

— О, Сергей Павлович. Сколько лет сколько зим. Соскучился по моему голосу или по работе?

— И то и другое.

— И почём больше?

— Виктор Константинович. По работе звоню.

— Слушаю тебя внимательно, Сергей Павлович.

Виктор Константинович Константинов работал в смежной конторе. Был начальником управления Государственной инспекции безопасности движения по Питеру и области.

Они не были близкими друзьями, но изредка созванивались, встречались не только по работе, но даже пару раз пересекались и на домашних посиделках у общих знакомых. Относились друг у другу скорее с симпатией, чем просто как коллеги.

— Виктор Константинович...

— Сергей Павлович, давай по-простому? Мы ж с тобой уже много лет как в одной упряжке.

— Ну не в одной...

— В одной. Мы оба Родине служим.

— Как патриотично звучит. Сразу захотелось встать по стойке смирно ...

— Не хохми. Я серьёзно.

— Хорошо. Давай серьёзно. Слушаю тебя внимательно.

— Я хочу поинтересоваться — что в твоей службе есть по ДТП у Лосево? Когда машина сгорела? Там ещё двое пострадали.

— Сергей, — голос полковника стал жестче что ли... — Это машина моего старого друга. Да и он в ней оказался. Я, когда пришла информация о ДТП, а по базе пробили номера и доложили кому она принадлежит, если честно, психанул. Звонил ему вчера весь вечер — он не поднимал трубку. А сегодня с утра, как проснулся и набрал — так после первого гудка тот ответил.

— Он жив? А его попутчица? Там, по информации, с ним была женщина...

— Ничего страшного. У Белого руки немного обгорели, больше пострадали рукава свитера и куртки. Его попутчица пострадала от осколков стёкол, причём получила несколько глубоких порезов, да и одежда обгорела сильнее. Олег сказал, что все раны уже обработали и всё не так страшно, как казалось вначале. Там, в Скорой, больше медики паниковали, чем травм было на самом деле. Всё пытались оттащить Белого от пострадавшей, а он чуть ли ни руками и ногами отбивался. Сотрудники Скорой орали, что тот мешает оказать помощь пострадавшей, а он, в свою очередь кричал, что те мешают ему лечить. Вообще, водитель не выдержал, остановился резко так, что все кубарем полетели и спокойным таким голосом заявил, что пока все не замолчат, он дальше не поедет. Тут уже все стали орать на него...

— Это, конечно, забавно, но что дальше за история потом со скорой? У метро?

— Нет никакой истории. Белый попросил его довести до ближайшей станции метро. Там, походу, было «Просвещение». Водитель нырнул в карман, остановился. Олег с подругой вышли, поблагодарили всех... ну и всё.

— Как всё? У нас есть информация, что там вся бригада спала. На вызовы диспетчеров не отвечали.

— Устали, наверное, от работы, от шума. Да и Олежка... Сергей. А я думал, что ты прицепишься к моему слову «лечил»?

— Виктор. Я, некоторым образом, сам косвенно знаком с Белым.

Наступила пауза и Виктор Константинович уже совсем другим тоном обратился к Ярому.

— Сергей. Прошу тебя. Ответь только честно. У тебя по службе есть на Белого? Ты не представляешь что это за человек! Таких как он...

— Виктор. Успокойся. По службе на него ничего нет. Я о нём и узнал-то пару дней назад. Совершенно случайно.

— Вряд ли случайно. «Случайностей» с Олежкой не бывает.

— Виктор. А ты давно его знаешь?

— Да уж почти тридцать лет. Познакомились именно случайно. По молодости как-то компаниями схлестнулись. У них были такие две красивые девчонки, а у нас одни пацаны. Кто из армии только что пришёл, кто собирался туда. Вообще «голодные». Так наши захотели познакомиться. А те... Вообще, попрыгали как петухи друг перед другом, а потом Олег сказал, мол, давай один на один кто самый смелый. Тогда и узнаем кто прав. Вышел я. Кулаками помахали, юшку пустили друг другу. Сошлись на ничьей. Ну и... познакомились... Хорошие там были ребята. А девочки... Вместе дружно вечер закончили. А мне тогда вообще повезло — одна из тех красоток, так вообще позже за меня вышла. Недавно отмечали юбилей — 30 лет вместе. Живём дружно. Все завидуют. А с Олегом... Мы и сейчас семьями дружим...

— Интересная история. Спасибо, но я немного о другом. Кто он вообще?

— Не понял вопроса.

— Виктор. КТО он, этот Белый? О нём мне такое рассказали, что я мало верю. Что он мол, суперэкстрасенс. Лечит руками на расстоянии. Заговорами или, как они там делают? Ну, как Кашировский или Чумак совсем недавно...

В трубке повисло молчание.

— Ты вот что, Сергей. Белый не из тех. Да, он целитель. Редкий дар у него. Но он не шарлатан. Ты видел как он работает? Нет. А я увидел один раз, так потом столбиком как суслик стоял, всё ему в глаза заглядывал. Это совершенно невообразимо. Да и окружение его... Он ведь не один здесь такой. Там вообще люди не люди. Я немного пообщался, так ощущение — как в сказке побывал... Не. Стоп. Знаешь, это не телефонный разговор. Долг рассказывать, да и на работе я, уж прости. Уже заглядывали в кабинет пару раз. Давай так. Есть желание и время — давай завтра пересечёмся. Я, если тебе интересно, просто несколько случаев из своей жизни расскажу. Того чудного, что видел или был свидетелем, с чем столкнулся. А вот после и будешь делать выводы.

— Уговорил. Давай завтра. На Чернышевской есть кафешка. Я там столик закажу часов на 7 вечера. Тебе удобно? Успеешь?

— Да. Буду. Только не очень долго. А то мне послезавтра по утрам надо будет уехать на

целый день по делам. Хочу отдохнуть перед дорогой.

— Тогда созвонимся завтра около 18.00?

— Договорились. До встречи.

— До встречи.

* * *

Полковник совсем не предполагал, что именно тот человек, с которым он только что беседовал по телефону и с которым он завтра вечером встретится, повезёт его любимую внучку вмечте с Белым в другой город.

Изменилось бы что, если бы все узнали о ближайшем будущем? Вряд ли.

Но иногда судьба, словно надсмехаясь над людьми, плетёт свои нити так, что малознакомые становятся близкими друзьями, а родные становятся заклятыми врагами.

* * *

Сергей Павлович положил трубку и немного посидел в тишине, анализируя состоявшийся разговор. Он многое не понял из услышанного, но надеялся, что завтра вечером, после встречи с Виктором Константиновым, у него будет полная картина событий.

Полистав записную книжку, позвонил в кафе и зарезервировал столик. Сделав пару звонков по работе, вновь открыл папку с результатами экспертиз, которые так и не успел посмотреть ранее.

* * *

А вечером, когда полковник переступил порог квартиры, он попал именно в тот самый «ДУРДОМ» о котором так любил говорить.

Первое, что он увидел — куча обуви и верхней одежды, которая была вывалена из шкафов в прихожей. Там было буквально всё — и одежда, и головные уборы всей семьи, и детские игрушки, и книжки, и какие-то тряпки. А из центра этой кучи-малы торчала старинная трость, которая досталась Сергею Павловичу по наследству и на ней висел одинокий ботиночек Кати.

Его никто не встречал. А из дальней комнаты слышался хор голосов. Или радостное «О-о-о» или чуть печальное «М-м-м».

Полковник не успел снять ботинки, как раздался весёлый крик Кати.

— Здесь сё. Теперь на кухню. Папа! Вперёд!

И мимо него, совершенно не обращая внимания на зашедшего в квартиру, пронеслась, иначе сказать было нельзя, компания родственников. Точнее Виктория пробежала, а Дима, на спине у которого сидела Катя, проскакал.

— Что происходит? — спросил очумевший Сергей Павлович.

— Папа. Стоп. Давай к деду, — скомандвала Катя и Дима, с трудом остановившись у дверей кухни, повернул к тестю.

— Пап. Ближе, — скомандовала Катя.

— А ты, деда, наклонись, — это она обратилась уже к Сергею Павловичу.

Тот молча наклонился и Катя с силой ему ткнула в лоб чем-то твёрдым.

Через секунду прозвучало.

— Фу. Ничего. Ни съесть нельзя и... выкидывать жалко. Не интересно. Папа, к маме.

ВПЕРЁД!!!

Дмитрий развернулся, с улыбкой посмотрев на Ярого и... «поскакал» на кухню.

У Сергея Павловича челюсть поползла вниз.

— Съесть? Выкидывать... жалко?

А через секунду послышался звук открывшейся дверцы холодильника и что-то на кухне загрохотало, посыпалось...

— Чёрт возьми! Что здесь творится???

Сергей Павлович снял верхнюю одежду, раззулся и, шагнув вперёд, подскользнулся на чём-то разлитом на полу и упал с грохотом на кучу сваленной одежды.

— Кто там? — раздался голос Вики. Из кухни выглянула красная, взъерошенная мордочка дочери. — А, пап, привет! Проходи. Мы скоро! — и опять исчезла.

Полковник, встав, аккуратно обходя кучи одежды, каких-то свёртков, пачки старых газет, чемоданов и других вещей, прошёл в свой кабинет и... остановился в шоке.

Нет. Это был не его кабинет. Это было похоже, что здесь разорвался снаряд, причём крупного калибра. Всё, что только можно, было перевёрнуто, сорвано, скручено...

Из шкафа треть книг валялось на полу. Оленьи рога, которые висели над его столом, были перевёрнуты. А на них... на них висел второй ботинок Кати.

В его любимом стакане, из корого он пил чай, торчали карандаши и ручки, а на рабочем столе, среди разорванных газет, гордо высились новые сапоги Вики.

— Боже. Куда я попал? Что эти засранцы сотворили с квартирой?

Он попытался подавить в себе раздражение, пошёл на кухню, откуда слышался залиvistый хохот Кати. По пути притормозил и подумал.

— Как же я давно не слышал, как Катюня так смеётся. Звонко, как колокольчик звенит. Это ведь было так давно... Так... Успоился и взял себя в руки. Не злиться и не нервничать. Надо потерпеть.

И полковник, зайдя на кухню, увидел апокалептическую картину. Посреди кухни высилась ГОРА вываленных из холодильника и шкафов продуктов. Здесь было буквально всё. Крупы, овощи, бутылки с молоком и соком. Какие-то баночки и пачки, упаковки вперемешку с батоном и капустой.

А вокруг на полу сидела вся его семья и... проверяла то, что попадало в руки.

Дима, беря в руки очередной предмет, протягивал Кате. Та, сидя на перевёрнутой кастрюле, тыкала каким-то предметом в поданое, замирала на секунду и выносила вердикт — «ХОРОШИЙ», «ПЛОХОЙ» или «НИЧЕГО». Дима, с совершенно ошалевшим глазами даже каким-то идиотским выражением на на лице, передавал предметы своей жене. Та, в свою очередь раскладывала полученное на три стороны. И там образовались уже довольно внушительные три кучки продуктов, посуды, вилок-ножей-ложек, тарелок и всего, что находится на кухне в любом доме. А между ног Катьки был зажат игрушечный медвежонок, который был, по мнению Ярого, чуть ли не главным действующим лицом в этом бедламе. Почему-то оба взрослых, постоянно улыбаясь, смотрели на Катю и на мишку.

— Простите, что Вам мешаю, но не могли бы Вы хотя бы рассказать что здесь происходит, — спросил Полковник, переминаясь с ноги на ногу.

— Деда, не мешай, — подняла глаза на него внучка. — Мы заняты. Это важно. Лучше сядь в угол и не шуми.

И дед, через несколько секунд поиска глазами свободного места, таки нашёл небольшой свободный уголок. Аккуратно, перешагивая через кучки продуктов и посуды, сделал пару

шагов и сел рядом с родными.

А через несколько минут он и сам включился в происходящее, со смехом помогая дочери раскладывать полученное из рук Димы.

Спустя, наверное, полчаса, на кухне всё было рассортировано и близкие немного успокоились.

— Вика. Так что здесь происходит? Я не узнал квартиру, в которой живу уже не один год.

— Пап. Мы всё проверяли индикатором, который передал Белый.

— А... То есть Вы проверяли не только продукты, как он говорил, а и посуду и даже книги и верхнюю одежду с обувью?

— Деда. Ты не понимаешь, — заступилась за родителей Катя. — Посмотри. Сок — еда? Да. А стакан?

— Стакан не еда, — логично возразил Сергей Павлович.

— А вот и нет, — в свою очередь возразила Катя. — Мы куда наливаем сок? В стакан. А если он плохой? Тогда туда сок наливать нельзя. Потому, что и сок тогда будет плохим. Правда, мам?

— Правда, милая. Ты абсолютно права.

И Катя показала деду язык.

— В принципе, логика есть, — согласился полковник. — Хорошо. А обувь и одежда. Из неё же мы не едим и не пьём?

— Пап. Мы её носим. И она касается нас, нашего тела. Ну, сам подумай!!! — возразила уже дочь. — И это важно! Мы каждый день на себя что-нибудь одеваем. А если оно плохое?

— Может и лифт проверите? Мы же кнопки нажимаем, что б тот приехал на этаж! — логично задал вопрос Сергей Павлович.

— Так. Папа. Лошадка. Вставать. Поехали к лифту, — мгновенно прореагировала внучка.

Дима уже встал на ноги и руки, готовясь к тому, что на его спину посадят Катю, но...

...Но полковник был быстрее. Он подхватил Катю на руки и попросил.

— Солнышко. А покажи и расскажи мне о том волшебном приборе, которым ты всё проверяла и ткнула меня в лоб в прихожей.

— А... Ты ж его не видел. Смотри, — и внучка сунула в руки деду прибор.

Этот был странный аппарат. По размерам вытянутый как две спичечные коробки. Ни шва. Никаких кнопок и лампочек...

Ярый покрутил его в руках и заметил, что на одной стороне были приклеены маленькие стикеры, на которых были стрелки-надписи — «Нажимать сюда», «Смотреть сюда» и «Этой стороной прижать».

— Вика. А что нажимать? Здесь же ни одной кнопки нет.

— Пап. Мы с Катей тоже не поняли сначала, а потом увидели это, — и Виктория подала отцу вчетверо сложенный лист бумаги формата А4, на котором были три изображения аппарата.

На первом — овал, в котором горела зелёная лампочка и чуть ниже — символ улыбки.

На втором — овал, в котором горела красная лампочка, внизу — символ плача.

На третьем — обе лампочки не горят, а вместо улыбки или плача — вытянутая буква Н.

— Деда. Всё просто, — Катя, забрав из рук деда аппарат, обратилась к маме.

— Мам. Дай апельсин.

Вика подала дочке апельсин и та ткнула в него аппаратом.

— Смотри, деда, — и нажала на воображаемую кнопку, которой и не было видно.

На коробочке, в белом осветившемся овале, загорелся зелёный индикатор и из воображаемой буквы Н загорелась поперечная полоска и две верхние. Получалась улыбка.

— Мам, а теперь колбасу. Ну, вон ту, маленькую.

Виктория подала ещё целую палку колбасы.

— Смотри, деда, — Катя ткнула индикатором в колбасу и на этот раз тревожно загорелся уже красный индикатор, а ниже — поперечная палочка и две вертикальных нижних чёрточки, которые изобразили опущенные вниз уголки губ.

— А теперь ещё, — и Катя ткнула индикатором в руку деда.

— Смотри. Лампочки не горят, а мордочка — и смеётся и плачет одновременно.

— Нейтральное, — с умным видом впервые за вечер сказал Дима.

— Да, деда. Есть можно, но не нужно, — сказала Катя и с подозрением посмотрела на деда, — как и папу.

— А маму?

— А маму можно!!! — с торжеством в голосе захохотала внучка. — И меня тоже можно!!!

Дед постоял, держа внучку на руках. Помолчал и спросил у дочери.

— И чего больше получилось?

— Нейтрального, — ответил Дима. — Как ни странно, но большинство продуктов не показали ничего. Пустышки.

— Так в тех овощах и фруктах, что мы покупаем, всё полезное убивает химия, которой всё накачено. Все эти нитраты...

— Пап, — обратилась дочь, а знаешь, что у тебя в кабинете самое живое?

— ...

— Рога.

— Вика. Я очень надеюсь, что их мы есть не будем.

Вика засмеялась и посмотрела вокруг.

— Да уж, натворили дел. Пап, мы сейчас всё уберём. Честное слово. Сделаем так как было. Ты с Катей посиди, а мы с Димкой займёмся. Хорошо?

— Хорошо. Коль Вы разворотили наше гнездо, так и приводите сами всё в изначальное.

Сергей Павлович встал, перехватив поудобнее Катю, которая так и сидела у него на руках.

— А что ты там говорила по поводу укола?

— Пап. Я пыталась разобраться сначала сама, но у меня ничего не получилось. Я дала ЭТО — и она показала на аппарат, зажатый в руках дочери. — Кате. Она сначала покрутила его в руках, но ничего не было. А потом... Катя замерла и вытянула вперёд ладошку, на которой лежал аппарат. А тот как живой — даже, как мне показалось, немного шевельнулся и Катя вскрикнула. Я схватила её руку, в которой был индикатор, и увидела слегка припухший мизинчик. А след был такой, как после укуса комара — еле видный. Катя с удивлением посмотрела на индикатор, который держала уже другой рукой и сказала. — Кусается. Но он хороший и... прижала того к щеке.

— Ладно. Потом покажешь мне корзинку и письмо, что было в посылке. Медвежонка уже разглядел. Симпатичный. И пахнет вкусно. А аппаратом пользоваться пробовали все?

— Да, Сергей Павлович, — отозвался Дима. — У меня срабатывал с задержкой секунд 5. У Вики намного быстрее, а у Солнышонка мгновенно.

— Деда. Эту волшебную коробочку передали мне. А кто такое может хранить и включать? Только настоящая Волшебница! Только у Вашебницы могут быть настоящие волшебные вещи!

— Ну вот. Теперь и Солнышку нашли постоянное занятие. Будет теперь этой своей волшебной коробочкой всё проверять, что принесли в дом. Согласна, Катюнь?

— Да, деда. Это всё теперь буду делать только я, — и высоко задрала свой носик, явно гордясь полученному важному заданию.

— Мам. Дай мне мишку, — попросила Катя. — Я с ним спать буду.

Мама передала медвежонка и полковник смог ближе рассмотреть игрушку.

Она и в самом деле была сделана удивительно. Шерсть — как натуральная. Внимательные блестящие глазки. Нос, на который захотелось нажать. Даже маленькие коготки были похожи на настоящие. Ни одного шва не было видно. И внешне он не выглядел игрушечным. Создавалось впечатление, что мишка и в самом деле живой, только совсем крохотный.

Сделав шаг из кухни, полковник обернулся назад и сказал своим.

— Ребята. Вы убирайтесь пока в квартире. Что плохое — выбрасывайте без жалости. Новое купим. Да, Вика. У меня в кабинете было ПЛОХОЕ?

— Только карандаши, пап.

— Ты покажешь?

— Пап, прости, но мы их уже в мусорный мешок кинули.

— Спасибо, доча. Ладно. Вы разгребайте всё, раскладывайте по местам, а в кабинете порядок я сам наведу.

Сергей Павлович, прижав к груди Катю, слушая весёлый рассказ внучки о сегодняшних событиях, понёс её в комнату.

Полковник Ярый глянул на часы — 11.02.

Нажал на селекторе кнопку вызова помощника.

— Миша. Все собрались?

— Так точно. Приглашать?

— Давай.

В кабинет вошли ожидавшие и, с разрешения начальника, расселись вдоль стола.

— Здравствуйте. Почти те же лица, что и вчера. Алексей Евгеньевич, Вы, я так понимаю, вместо Тамары Викторовны?

— Так точно, товарищ полковник. Она на выезде.

Майор Васильев сегодня был явно не в духе. Собран и совсем не улыбался.

— Понял. Для начала. Объявляю Вам, что с сегодняшнего дня я в очередном отпуске. Генерал подписал рапорт. Что заулыбались? Решили от меня отдохнуть? Разочарую обрадовавшихся. Я в ОФИЦИАЛЬНОМ отпуске. По документам. А работать будем по-прежнему. Сейчас не время отдыхать. Что скуksились? Как будто я на Вас здесь пашу. Бедные Вы мои. Устали-то как... Вы как работали, так и будете продолжать работать. Вопросы есть? Нет. Тогда начнём. Кто первый?

— Разрешите? — поднялся представитель технической службы.

— Слушаю.

— По звонку на Ваш телефон. Кроме мелодии, которая звучала, фоном шли передачи городской радиотрансляционной сети. Передачи соответствовали времени разговора.

Мелодию так же определили — это «Благодарю Вас, леса». Песня, которую пел в начале века Шаляпин. У нас ведь была только мелодия без слов. Как оказалось, изредка её пускают по радиостанциям в исполнении Лещенко. Думали, что русская народная, но ошиблись. Это — романс, был написан Чайковским. В рапорте изложено.

И сотрудник передал через соседей папку.

— По глушилке на трассе. Подтверждается, что такая могла быть использована. Интервал работы — 10 минут. Более ничего добавить не могу.

— Спасибо. Документы посмотрю позже. Капитан. У Вас что?

Капитан Терентьев, выглядевший намного лучше, чем накануне, почувствовал, что атмосфера сегодня в кабине более натянута, но и у него информация была совсем не весёлой.

— Товарищ полковник. По осмотру места ДТП добавить нечего.

— А по прокуратуре?

— Тут совсем плохо.

— ...

— Машина, которая была на месте ДТП, — чужая. Прокурорская стоит третий день на ремонте. У них движок «полетел». Форд синего цвета. Только цветография той, что стоит на приколе — «Следственный комитет». А у нас, на трассе, была — «Прокуратура России». По фотографиям посмотрели — всё нанесено правильно, согласно ГОСТу. Далее. Номера с прокурорской не снимались. Это точно. Убедились. По фотографиям тех, кого снимали у сгоревшей машины. Ни одно лицо, которое было на снимках, не соответствует

действительным документам. По бумагам, что мы переписали, всё правильно, такие находятся на службе. Сделали запрос — все фигуранты по нашим записям были на тот момент по работе в разных концах области. На вчерашний вечер — все живы и здоровы. Личные документы у всех на руках, никому не передавались. Проверили. Один из них, так вчера только вернулся из отпуска в Сочи. Все лица «прогнали» как по нашей базе, так по базе МВД. Совпадений не выявлено.

— Так, — полковник задумался. — Капитан. Давай поступим так. Отправь человека в их отделы кадров и обработки персональных данных, в архив, если надо. Пусть узнают, кто за последнее время интересовался удостоверениями «засветившихся» сотрудников и имел доступ к базам данных. Если будут проблемы — сообщи. Попробую через генерала решить вопрос с допусками в ближайшее время. Только не наглейте. Старайтесь миром решить. Так быстрее будет. Согласование займёт время. Понял?

— Так точно. Понял. У меня есть там хорошие знакомые сотрудницы. Шоколадки куплю...

Полковник хмыкнул. У капитана везде были хорошие знакомые... сотрудницы. Любитель девушек. Правда... те и сами вешались на шею Стасу. Красивый, статный. Правда, разведён, но детей не имел. И было то больше плюсом, чем минусом.

— Работай, капитан. Майор, — Ярый посмотрел на друга. — А у тебя что такое кислое лицо? Куда заслал Тамару?

— Товарищ полковник, — майор даже не улыбнулся. — Тамара Викторовна сейчас на выезде. А меня есть результаты по осмотру машины....

Майор встал.

— Алексей Евгеньевич. Что вкочил?

— Мне так удобнее, — буркнул майор.

На селекторе замигала лампочка и полковник поднял руку, призывая всех к тишине и глаза поднял вверх, показывая, что звонок от начальства.

Здравия желаю, товарищ генерал.

— Здравствуй, полковник. Слушай внимательно. Я тут подумал, посоветовался... Вообще, со вчерашнего дня открывай официальное дело по ДТП. Ну, ты понял, о чём я. Все документы от смежников забирай себе. Теперь это дело нашего ведомства. После того, что я услышал вчера от тебя, потом прочёл документы, да и история о твой внучке, о Чёрном...

— Белом, товарищ генерал. Простите что прервал...

— Да хоть Краснобурмалиновым. Дело не в фамилии. Вообще, есть мнение, что это — многоходовка наших «друзей», что бы добратсья до Дмитрия Игнашева. Странная, порой лишённая логики, но вполне возможная.

Следующее. Вчера днём сообщили, что из Питера вылетела группа канадских туристов. Наши присматривали за ними. Так вот что интересно. Неделю назад прибыло 11 человек, а вчера убыло 10. Оформлено было всё официально, но группа была «сырая», собранная с разных городов Канады. Комплектовалась при отлёте к нам. Большинство из них познакомились между собой уже в самолёте. У нас всё было пристойно. Ходили по городу, по музеям и театрам. В составе группы было три женщины, остальные мужчины. Возник

вопрос — а где потерялся ещё один? С турагентством, что организовывало экскурсии и вело их с нашей стороны, поговорили. Выяснилось, что за день до отлёта, одна дамочка оповестила старшего их группы, что её друг взял билет на «Сапсан» до Москвы, мол, захотел провести своих друзей. В кассах подтвердили, что документы на покупку были предъявлены именно тем лицом, который у нас «пропал». Билет же на самолёт, на обратный рейс, что интересно, не был аннулирован, так как хозяин документа не прибыл вовремя в кассы и не сдал билет. Вчера вечером выяснили у железнодорожников — человек по купленному билету на поезд вовремя не прибыл.

Короче. Всё будет в документах, что тебе принесут через час. Ознакомься. И не вздыхай так обречённо — я на тебя это дело вешать не буду. Есть кому заниматься. Но, чуёт моё сердце — к твоим делам эта группа имеет какое-то отношение. Вроде нет оснований к привязке, но ты ж знаешь ТЕХ — у них мозги устроены несколько иначе, чем у нас. Вроде тоже люди, а порой такое придумают, что диву даёшься. Ладно. У тебя совещание?

— Так точно.

— Не буду мешать. Работай. Да... Знаешь что? Давай к пяти вечера ко мне. Захвати с собой материалы по делу. Подумаем вместе куда дальше двигаться. И не забудь посмотреть то, о чём я тебе сказал. До встречи.

— До свидания, товарищ генерал.

Полковник, опустив трубку, сидел несколько минут молча, уставившись в рабочий стол. В кабинете была полная тишина.

Дрогнув, Сергей Павлович поднял глаза на присутствующих.

— Так, — последовала пауза и Ярый, взяв себя в руки, продолжил. — С сегодняшнего, то есть, со вчерашнего дня генерал приказал Дело по ДТП вести нам.

— Капитан, — он обратился к Терентьеву, — Собирайся и после совещания поезжай в ГАИ. Забирай все дела по ДТП у Лосево. Открывай у нас Дело как положено. Как я и сказал — вчерашним днём. Теперь ТЫ у нас будешь вести эту историю. Ты ж у нас не просто оперативник? Вот и занимайся тем, чем положено... Тебе всё ясно? Все остальные — в помощь тебе. Только нос не задирай.

— Ясно, товарищ полковник. Всё сделаю как надо.

— Надеюсь на тебя, Стас. Так. На чём я остановился? А... Прости, Алексей Евгеньевич Ты так и стоишь? Ну-ну. Продолжай.

Майор Васильев, как будто его прервали не на десять минут, а на секунду, невозмутимо продолжил.

— По машине. Результаты экспертизы в отчёте, — он показал на папку.

Майор взял в руки папку, но, не открывая её, продолжил.

— По пути к вам меня прехватил главный на данный момент из баллистиков и поросил передать заключение.

— А что, ко мне уже тяжело было зайти самому?

— Товарищ полковник, а почему Вы МЕНЯ спрашиваете? Если все забыли, так я напомним. Я — судмедэксперт. Медик, если по-русски, для непонимающих. Но не технарь. И не должен отвечать за работу баллистиков и других, не связанных с моими прямыми обязанностями отделов. Что получается? Приехал с командировки и обнаружил, что в моё отсутствие какая-то «светлая» голоса решила сунуть мне химиков и биологов. Идиотизм. А

ОНО МНЕ нужно? У меня, сто рук и ног? Я не сороконожка. А через месяц посл очередного «рацпредложения», мой отдел что, с автопарком объединят? А дальше??? Вы что, скоро будете спрашивать у меня за чистоту в Ваших кабинетах? Или за отсутствие ручек и карандашей у Вас на столах? Достаточно.

Майор покраснел. Он буквально «кипел».

— Давайте так. Каждый должен заниматься своим делом. И отчитываться за проделанную работу должен каждый сам. С меня достаточно!!!

— Алексей Евгеньевич, успокойтесь. Просто Вы уже давно на совещаниях докладывали о...

Майор его перебил.

— Товарищ полковник. Простите, что перебиваю. Знаю, что не почину, но, как Вы сейчас сами упомянули — «докладывал». В прошедшем времени. Хватит. Мне надоело. С сегодняшнего дня, пожалуйста, спрашивайте с меня только по тем вопросам, что касаются моей деятельности. Не более. У меня сейчас времени не хватит даже на основную работу. А бегать по другим отделам и подразделениям больше не буду. Повторю. Каждый должен заниматься тем, чем должен. За что получает зарплату и довольствие. Надеюсь, это все присутствующие поняли?

Майор, с выражением на лице, не обещающим ничего хорошего, обвёл всех взглядом. С секунду помолчал и добавил.

— И передайте всем другим своим коллегам, что бы больше меня не отвлекали. По моим прямым обязанностям — пожалуйста. По СВОИМ проблемам — двери наших лабораторий для всех закрыты. Вопрос решайте или через полковника или через генерала. В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ. Не будет приказа — извините. А я не намерян получать чуть ли не каждый день из-за Вас нагоняи от генерала.

Алексей Евгеньевич буквально грохнул папкой по стулу и сел.

В кабинете наступила гробовая тишина. НИКТО и НИКОГДА не видели «Шприца» таком виде. Всегда весёлый, жизнерадостный, готовый прийти всем на помощь... А сегодня...

Полковник, как и все, смотрел с удивлением на старого друга. Тот сам был не похож на себя. Злой, раздражённый, нервный, с поджатыми губами и какой-то «натянутый. Как струна.

— Извини за «наезд», товарищ майор. Я разберусь. Так можешь что-то сказать по делу? Даю слово — больше вопросов не по теме задавать не буду.

Майор, немного успокоившись, снова встал.

— Сиди, Алексей Евгеньевич, — предложил Ярый, но майор, как будто не слыша этих слов, продолжил.

— Повторю, я не технарь. Пока ждал вызова в Ваш кабинет, товарищ полковник, прочёл заключение. Уточняющие вопросы можете мне не задавать. Лучше вызовите специалиста по профилю и задайте интересующие Вас вопросы по адресу. А если коротко, своими словами, то найдены следы двух пуль. Первая, попав в переднюю левую стойку крыши машины, рикошетом ушла вверх. Вторая пуля...

Майор опять взял папку в руки и стал глазами искать нужные фразы.

— ... пуля прошла чуть выше левой передней противотуманки... Дальше... пуля, попав в двигатель, раскололась и разбила... Так... повреждены трубопровод тормозного контура и левый рулевой наконечник...установить невозможно вследствие окопчения и деформации

конструктивных особенностей... сложно установить... Товарищ полковник. Заключение я Вам передам, поэтому сами сможете прочесть. Внизу выводы.

— Если можно, Елeксей Евгеньевич, своими словами, — попросил Ярый.

Майор поднял глаза на полковника.

— Хорошо. Своими словами. Точный калибр не установлен. По результатам баллистики и динамического воздействия — скорее всего, была использована крупнокалиберная винтовка. Вероятней иностранного производства... Так... Там перечень возможных марок и калибра. Пропущу...Далее. — Майор пробежал глазами по строчкам и, подняв голову, периодически сверяясь с текстом, продолжил.

— Эксперты дали заключение — первый выстрел был совершён с расстояния около 200 метров. Второй — не более -100-120. Пострадавшая далее машина, судя по следам тормозного пути, двигалась со скоростью около 135–140 километров. Сравнив скорость движения машины и произведённые выстрелы — работал специалист высокого класса. Снайпер, скорее всего, целил в водителя, но у данной машины стойки крыши широкие, нестандартные. Получился рикошет. Второй выстрел по двигателю был, скорее, спонтанным.

Как итог — водитель, почувствовав или услышав удар по машине, стал тормозить. Основную скорость сбросил, но машина стала малоуправляемой, и её крутило...

Капитан, попросив слова, встал.

— Пострадавшая машина — минивэн, шевроле. Достаточно неустойчивый на поворотах.

— Спасибо, капитан. Садись.

Майор продолжил.

— По Вашему вопросу. Тамара сейчас с группой опять на трассе. Ищут пули и гильзы. Хотя надежды и мало, но иногда случаются и чудеса.

— Капитан, а вы видели следы от пуль? Вы же первыми осматривали машину.

— Никак нет, товарищ полковник. Дыр в машине не видели. Да она и помятая вся была после несколько переворотов. А потом ещё и загорелась...

— Ясно, капитан, — полковник вновь посмотрел на майора. — Алексей Евгеньевич, а машину Тамара ведь тоже осматривала, когда приехала? И она не видела ничего странного?

— Так к вечеру она приехала. Темнеть стало. Тамара захотела внимательней осмотреть машину утром, когда будет светло. Да и перевёртыш этот с пожаром... Там даже не машина, а кусок металла. Там же не просто краска обгорела. Сгорело всё, что может и не может гореть. Как салон, так и двигатель. Сам с баллистиками вчера ездил на площадку смотреть. Водителю и пассажиру просто повезло. Я не представляю, как они там вообще выжили?

Да, забыл добавить. Сзади наши остатки того, что определили как детское кресло. Справа сзади в салоне. По конструкции — немецкого производства, но такие у нас в городе везде можно купить. Следов детских вещей не обнаружено. Судя по всему, в момент аварии ребёнка в салоне не было. По этому вопросу у меня всё.

— Понял. Сама Тамара отзванивалась?

— Никак нет.

— А у меня сейчас возник вопрос. А где Вы осматривали машину. Точнее не так. Где её осматривали Вы, товарищ майор и баллистики?

Майор, глазом не моргнул

— У нас на площадке.

Полковник поднял удивлённые глаза.

— А каким таким образом она там оказалась? Почему не в Сосново?

В кабинете наступила тишина. Все молчали.

— Что языки проглотили?

— Товарищ полковник, разрешите?

— Слушаю, капитан.

Капитан Терентьев встал и, махнув рукой от отчаяния, решил сказать правду.

— Мы её ещё вчера утром из Сосново забрали. Я написал «сопроводилровку» на перемещение вещдоков и мне её... отдали. На эвакуаторе и доставили.

Полковник от неожиданности даже привстал.

— Капитан. Ты что творишь? У нас с МВД и так непоняток хватает. Ты что, подделал мою подпись? Или начальника следственного? А?

— Никак нет, товарищ полковник. Да, оформил на нашем бланке, но подписал своей доолжностью и фамилией.

— И прокатило?

— Там и не смотрели.

— А исходящий номер, а номер приказа?

Капитан молчал, опустив глаза в пол.

— Хотел бы выругаться матом, да неудобно, хоть и одни мужики здесь сидят. Оборзели Вы, господа офицеры. Вы что, совсем забыли где работаете? Или привыкли, что я с Вами ровный и добрый? Вы что, мать вашу, творите?

Полковник, сев обратно в своё кресло, буквально раззевал рот от негодования.

— Идиоты. Самые настоящие... Капитан. Слушай сюда. Я могу быть добрым до поры до времени. Но когда ты не только МЕНЯ подставляешь, но и начальника Главка — это уже за рамками.

Полковник встал и, поправил галстук, немного отдышался.

— Капитан Терентьев.

— Я, — вновь вскочил из-за стола капитан.

— За злостный подлог в ведении служебной документации я объявляю Вам строгий выговор с занесением в личное дело. Приказ не заржавеет. Ясно?

— Так точно, товарищ полковник. Ясно.

— Гадёныш ты, а не капитан. Это ж надо было так меня обгадить. Да и не только меня...

Вообщем слушай. Первое. Я тебе даю время до вечера. За этот период ты должен открыть Дело, как я тебе и приказал ранее. Соответственно, ОФИЦИАЛЬНО сделать все положенные запросы и поручения в адрес МВД. Оформить в канцелярии ОФИЦИАЛЬНО! И съездить туда, где ты вчера подсунил на нас компромат. Да. Не ослышался. Это именно КОМПРОМАТ на всю нашу организацию. Свою писульку, что ты вчера отдал — должен мне положить на стол до 18.00.

ЯСНО??? — буквально крикнул полковник.

— Так точно. Ясно.

— Своден. Выполнять. — и полковник рукой махнул рукой на дверь.

Капитан, стараясь сдержаться, на негнущихся ногах дошел до двери кабинета. ТАКОГО

полковника он не видел никогда, хоть и работал с ним уже не первый год.

— Что-то я сделал не так. Стыдно-то так... — подумал капитан и, «просочившись через приоткрытую дверь, рванул выполнять приказ. Сейчас для него было самым страшным одно — не увидеть полковника ещё раз в таком состоянии.

Капитан уважал своего шефа. Не потому, что тот был справедлив и кристально честен, а потому, что, увидев его однажды на праздничном вечере, когда Ярому пришлось надеть парадный китель, буквально остолбенел от того количества наград, что там находились. И это были далеко не юбилейные медали, которыми награждали чуть ли не всех. Это были боевые ордена и медали. И их было столько, что даже начальник Главка выглядел по сравнению с ним бледно. А сейчас тот «сорвался», причём на него.

Ярый, совсем озверевший от такой подставы, хотел вначале закончить совещание на сегодня, но, с трудом подавив свой гнев и досаду на подчинённого, пошёл к журнальному столику, который с парой кресел стояли в углу кабинета. Взял бутылку минеральной воды, незадумываясь, пальцами сорвал крышку и, не отрывая горлышка бутылки от губ, за несколько глотков опустошил её.

Вернулся на место. Сел. Постучал пальцами по столу. Потом поднял глаза на присутствующих.

— Извините. Сорвался. Майор. Продолжай.

Майор, после паузы, и продолжил. Было заметно, что следующая тема ему намного ближе и интересней.

— Слушаюсь. По образцам крови, что нашли на пригорке у места ДТП. Свежая. Эксперты по ДНК-маркеру дали следующее заключение. Группа, резус — это есть в отчёте. Хочу только особо отметить следующий момент. Кровь, что мы исследовали, принадлежит мужчине 55–60 лет и... внимание... представителю негроидной расы. Только, скорее, не чистокровному негру, а мулату. Полное заключение здесь. — И майор, сделав два шага к столу полковника, подал ему папку.

— Заинтересовал, прямо скажем. — Полковник взял папку в руки, но вдруг дёрнулся, вспомнив недавний разговор с генералом. — Пождите...

Ярый поднял трубку селектора.

— Товарищ генерал. Разрешите?

— Что у тебя, Сергей Павлович? Давай, только вкратце. Дел много.

— Товарищ генерал. А в группе, которую Вы упоминали, были негры или мулаты?

— Странный вопрос, не находишь?

— Есть основания, поверьте.

— Так, подожди секунду...

— ... Фотография у меня сейчас перед глазами. Всей этой группы. Что ж, ты угадал. Возьми с полки пирожок. Двое из группы явно не европейцы. Один негр, а второй, судя по всему, помесь воды на киселе.

— Мулат?

— Похоже.

— А возраст, приблизительно какой?

— Лет 60. А к чему вопрос?

— Товарищ генерал. Я Вам докладывал вчера, что недалеко от места, где сгорела машина, мои нашли следы крови. Так только что майор Васильев доложил, что тип группы принадлежит кому, угодно только не европейцу. Скорее — мулату.

— Это точно?

Полковник взглянул на майора и вопросительно поднял брови. Все в кабинете слышали разговор, поэтому майор просто показал на лежащую перед полковником папку.

— Майор подтверждает заключение на 99 процентов.

— Это становится ещё интереснее. А что я тебе говорил, полковник, буквально несколько минут назад, а? Чуйка-то моя опять не подвела. Согласен?

— Так точно, товарищ генерал.

— У тебя всё?

— Всё.

— Тогда больше не мешай. До вечера...

Положив трубку на место, Ярый обвёл глазами присутствующих.

— Вопросы есть? Тогда работайте. Совещание закончено.

Все поднялись и двинулись к дверям. У самого порога их догнал голос полковника.

— Алексей Евгеньевич, прошу, задержись на минуту.

Тот вернулся и сел на крайний к выходу стул.

— Алексей Евгеньевич, что сегодня с тобой?

— Ничего. — Буркнул в ответ майор.

— Алексей... Колись...

— Сергей Павлович. Что ты на меня смотришь как кот из того мультика, из Шрека? Всё равно так же не получится изобразить.

— Лёш. Ну что у тебя случилось?

— Палыч. Вот скажи мне. Только честно. Как на духу. Ты хорошо Игнашева знаешь?

— ... Лёш. Ты обиделся на его слова?

— Да какие обиды? Мерзко это — ТАК, совершенно незнакомому человеку, судить о нашем друге. Не зная о нём практически ничего.

— А тебя, Лёш, кто за язык тянул рассказывать о нём этому самому, как ты говоришь, «совершенно незнакомому человеку». Зачем начал рассказывать то, что, в принципе, даже близким своим не надо было бы говорить. Ты это не находишь странным?

— Так ты ж его родственник. Тем более он — руководитель отдела в нашей конторе. Человек много раз проверенный и не чужой тебе. Ты сам его представил мне как одного из самых близких...

— Алёша. Самый близкий человек у меня один. Это ты. И ты, паразит этакий, сам это знаешь. Ну, я не говорю о Вике и Кате. С ними я тебя не сравниваю. Вы разные. Но для меня вы трое — родные. И ближе Вас у меня никого нет, и не будет.

— А Дима? Зять?

— Дима — славный парень. Он стал мне близким человеком. Но он — не вы.

— А Игорь?

— Что Игорь? Лёша? Ты мне опять душу травишь. Чего ты хочешь от меня? Что б я перед тобой встал на колени и в любви признался? Так я это только что и сделал. Что тебе ещё от меня надо? Знаешь, мы сейчас с тобой поссоримся. Я это чувствую.

— Серёж. Остынь. Я просто хотел тебя предупредить, что подполковник Игнашев не из нашей «семьи». Вот чувствую я это всей своей душой. И никакие слова меня не переубедят в обратном. Хоть он и рядом по службе, хоть и твой родственник, но он не такой мы с тобой. Он совсем другой.

— Лёш. Он — офицер. Служака. Согласен с тобой в том, что он другой. Так это и не удивительно. Ведь таких, как мы с тобой, вообще больше нет на белом свете.

И полковник ухмыльнулся с какой-то болью в душе.

— И Игорь не входит в это число?

— Да что ты заладил — Игорь да Игорь? Он сам от нас отказался. Отказался от нашей дружбы. Отверг протянутые руки помощи. Что теперь? Искать его и на карачках, кланаясь, просить его о прощении??? Так я не чувствую перед ним никакой вины. Всё, что случилось с ним — это его, слышишь, ЕГО вина. Он не просил нашей помощи. Не просил встретиться и ХОТЯ бы посоветоваться. Алексей! ЧТО ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ??? — опять закричал полковник.

В кабинет заглянул Михаил.

— Товарищ полковник. У вас всё нормально?

— Лейтенант. А тебя не учили хотя бы стучаться? Что ты лезешь? Что тебе-то нужно? Я тебе что, мешаю?

Михаил, побледнев, стоял навяжку под криками полковника и молчал.

— Исчезни!

Тот вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Ну, ты и даёшь, полковник — с укоризной заметил майор. — Я даже не помню, когда ты последний раз так орал. Ладно по делу, а Миша — то здесь причём? Он-то ни в чём не виноват. А ты на него наехал как пьяный генерал на рядового. Чуть ли не матом... Хоть извинись потом...

Полковник стоял, глубоко хватая воздух. Его лицо, покрытое красными пятнами, не предвещало ничего хорошее собеседнику.

— Палыч. Я тебе сейчас воды налью. А ты выпьешь маленькими глоточками. Не торопясь и ничего не говоря. Хорошо? Это я тебе как врач советую. Ты побереги себя. Второй раз за день срываешься. А ведь ты многим нужен. Особенно Кате и Вике. Да и мне нужен. Поверь.

Майор подошел к журнальному столику. Взяв в руки бутылку с водой, посмотрел по сторонам, но так и не увидел открывашки. Спокойно достал из кармана ключи и, с их помощью ловко поддел крышку. Налил в стакан воды и поднёс полковнику.

— Выпей воды, как я тебя попросил. И успокойся. А потом поговорим. Хорошо? А то ты сейчас не адекватен. И то, что я тебе скажу, может быть не правильно понято. Пей. А не то я тебя напою. Как маленького. Представь, что сейчас в кабинет зайдёт Миша и увидит такую картину. Я сижу на твоём месте, а ты лежишь у меня на коленях с открытым ртом. И я, протягивая тебе чайную ложечку с водой, говорю:

— Это за Катю. Это — за Вику, Это — за меня...

Полковник смотрел на совершенно спокойного майора, вытаращив глаза. Автоматом сделал несколько глотков из сунутого в руки стакана. Несколько раз быстро вдохнул и выдохнул и... захохотал от всей души.

— А, представил? — сказал майор и тоже засмеялся.

Мужчины сделали шаг навстречу друг к другу и крепко обнялись.

— Прости меня, Лёш, — проворчал полковник. — Срываюсь. Совсем терпения не хватает. То Катя, то на работе. Как ни свещание... Смотришь на всех и понимаешь, что люди не работают, а просто время отбывают или дурака валяют. А сегодняшняя подстава? И злость такая... непередать.

— Серёж. Ты несправедлив к своим. Ты слишком от них много требуешь. А желаешь в душе ещё большего. Посуди сам. Хотяб сегодняшний пример. С этой машиной. Ведь Стас сделал как лучше. Молчи! Не перебивай! Он сделал всё именно для того, что бы эксперты могли как можно быстрее осмотреть машину и положить ТЕБЕ на стол заключения. Дс Сосново около 100 км. Так? Если б Стас не привёз эту колымагу, то когда бы эти документы были у тебя на столе? Молчишь? Правильно. Сам понимаешь. Дальше. Этот капитан, да и Тамара — накануне всю ночь бродили по тёмному лесу, добывая улики и ещё черт знает что. А капитан, вместо отдыха, распределил своих парней так, что и машину привёз, и с прокуратурой выяснил, и с техниками фото проверили по базам... А другие? Техники, баллистики, химики, медики тоже почти в полном составе остались ночью, что б сделать чуть больше, чем могли бы. И знаешь, ведь они работали не на государство в тот момент. Они помогали тебе лично. ТЕБЕ, Серёж. Ведь у нас в Конторе все уже знают о тебе и твоей внучке. Ты что, сам не видишь, как даже уборщицы тебя вслед крестят? Дурак ты, Серый, если не понимаешь таких вещей и не чувствуешь отношения к тебе не как к руководителю, а просто как к человеку...

Полковник, опустив глаза, слушал своего старого друга и молчал. Потом, встав, кинул майору.

— Подожди минуту.

Вышел в приёмную и подошел к столу своего помощника. Тот сидел, слепо глядя в монитор компьютера.

— Миша.

Михаил поднялся, не поднимая глаз на своего шефа.

— Миш. Прости меня. Прости. Пожалуйста. Я не хотел обидеть тебя. Ты — хороший парень. Да и работник отличный. Извини меня. Мы тут со старым другом немног повздорили. А тут ты под горячую руку влез. Извинишь?

Михаил поднял глаза.

— Нормально всё, товарищ полковник. Я сам виноват. Я... не постучал перед тем, как войти...

Ярый приобнял лейтенанта и поворошил его стриженные волосы.

— Простил?

— Конечно, Сергей Павлович.

— Чем сейчас занят?

— Делаю выжимку из отчётов подразделений для Вашего доклада генералу.

— Успеешь к 16.30?

— Конечно. Мне осталось совсем немного.

— Я вот подумал, Миша. А может тебе сменить род деятельности?

— Сергей Павлович, Вы хотите меня перевести или уволить? — глаза у Михаила стали наполняться мокрым.

— Дурачина. Ты меня не понял. Кто ж такого работника как ты захочет уволить? Мне во всей конторе завидуют, что у меня есть такой. Нет. Я хочу предложить тебе заняться тем,

на что тебя учили. Пойдешь к Терентьеву замом?

— Так я лейтенант и опыта у меня... — смутился Михаил. — А там ТАКИЕ «зубры»
Куда мне заместителем? Замом не пойду.

— А я в тебе не ошибся, Миша. Сказал бы да — я б сто раз себя клял. А ты молодец, не подвёл.

Михаил с надеждой посмотрел на начальника.

Полковник постоял, подумал. Поднял глаза на Михаила.

— А в отдел к нему пойдешь? В принципе?

— Да — без раздумий ответил тот.

— А кого на своё место посоветуешь?

Лейтенант, на секунду замешкавшись, открыл было, рот, но...

Полковник, с улыбкой, ловко щёлкнул того по носу.

— Молчи. Я знаю всё, что ты мне сейчас будет говорить. Всех родных, знакомых предлагать, даже, наверно, нашу Зинаиду Павловну, уборщицу. Только что б побыстрее от меня слинять. Верно?

Миша просто промолчал.

— С этим вопросом я решу. Сам. Без подсказок со стороны. С Терентьевым переговорю. Пусит к тебе присмотрится. Ладно. Работай. Больше не буду мешать. Как закончишь — занеси. Ознакомлюсь.

— Будет выполнено, товарищ полковник!

Ярый повернулся и, подходя к двери, обернулся к Михаилу. Увидев, что тот смотрит ему вслед, улыбнулся и... подмигнул.

Когда начальник зашел в кабинет, Миша ещё раз с изумлением посмотрел на закрывшуюся дверь. А потом вскинул правую руку вверх с шопотом «Йес», улыбнулся во весь рот, сел и... опять погрузился в документы. Он старался сделать свою работу как можно аккуратнее, впрочем, как и всегда.

Сергей Павлович вернулся в кабинет, прошёл и сел в кресло. Поднял глаза на друга.

— Ну, извинился?

Полковник кивнул.

— Так что ты мне хотел ЕЩЁ сказать, Лёша?

— Так. Ты сидишь? Сиди. Не упади. Сегодня утром мне позвонил Игорь. Молчи. Ничего не спрашивай. Так вот. Он сказал следующее. Почти дословно.

— «Лёша, здравствуй. У меня нет времени, поэтому коротко. Найди Серого и передай, что я ходил на охоту. По профилю. Попросили убедительно, и отказаться не мог. Отдавал долги. Там встретил старого знакомого. Думаю, что Серого заинтересую. Прошу срочной встречи завтра вечером. Я не в городе, так что меня не ищите. Лучше, если мы встретимся там же, где и в последний раз с тобой. Затра позвоню и сообщу о времени контакта».

Несколько минут в кабинет было тихо. Друзья смотрели друг на друга и молчали.

— И что ты думаешь? — спросил полковник.

— Предположений много, но есть вариант. Я ж не следователь и не оперативник. Так, сбоку припёку.

— Лё-ша, — и полковник покачал головой. — Я слушаю. Ты же слышал все доклады.

— Хочешь бредовую мысль? Как там? «Их много есть у меня?». Как тебе такая версия

— не знаю почему, но на найденной лёжке был Игорёк. И снайпера с другой стороны дороги активировал он? Почему так? Помнишь его коронный? Когда по тем снайперам работал? Через шею в грудь. Он ведь ювелиром был. А ведь здесь что-то похожее. Расстояние — максимум метров сто пятьдесят. Для Игоря — игрушки. На месте что нашли? Локальное пятно. Всё аккуратно и сравнительно чисто.

— Лёша. У тебя всё складно получается. Но что там Игорь делал? И какие долги вспомнил? Кому он задолжал? Что, опять за винтовку взялся? И кто знал, что Игорь снайпер? Он уже столько лет не в теме...

— Не знаю, Палыч. Давай доживём до завтра и, возможно, всё узнаем.

— Надо дожить. У меня завтра Белый заберёт Катю. Трясёт. Как подумаю...

— Серёж. Вот не поверишь, а у меня чувство, что всё будет хорошо. Правда. Уверенность вот такая есть и всё. Я ж крёсный. Мы с Катюней почти самые-самые...

— Мне бы твою уверенность, Алёш, мне б...

Проводив из кабинета майора, Сергей Павлович, получил в руки подготовленную помощником справку и документы от генерала, вернувшись к себе, погрузился в чтение...

В 17.00 он был у начальника Главка и рассказывал обо всех деталях произошедшего, и того, что успели «нарыть» оперативники и эксперты.

Генерал после доклада помолчал и обратился к Ярому.

— А вот скажи, Сергей Павлович. Не предполагаешь, что это непонятная нам многоходовка, целью которой является достать или материалы от Игнашева-младшего или его самого?

— А каким здесь боком Белый, товарищ генерал? Почему в него стреляли? Обычный врач. Ну ладно, не смотрите на меня так. Пусть будет «необычный врач». Да кто его знает-то? У нас в городе, да и в стране о нём известно ну... пусть тысяче человек. А за бугром? Что, по-вашему, он настолько стал кому-то мешать, что ради него прислали навороченного киллера из Канады? Да не поверю. Не того полёта эта птица.

— Ты ошибаешься, Сергей Павлович. Очень и очень ошибаешься. Я понимаю, что у тебя нет всей картины происходящего как у меня. А картина, я тебе скажу, очень занимательна. Начну с последнего. Ты предположил, что о Белом знает тысяча человек? Ха-ха-ха. А раз в десять, в сто больше не хочешь? К нему ведь со всего бывшего Союза люди приезжают. И он не сидит на месте и работает не только в нашем городе. Москву, правда, не любит редко посещает. Поэтому сотрудникам службы, кто работал по опросам — надо объявить выговор. Они дальше своего носа не кокнули. Так, по верхам прошли и ладно. Хреновая работа, поверь. Далее. А раз ты не знаешь, что Белый... как ты там сказал? «Птица не того полёта?» так я тебе расскажу. На него выходили люди с многих стран. Предлагали сумасшедшие деньги за лечение. Как наличкой, так и гарантировали открыть банковские счета на кругленькие суммы за границей. Буквально умоляли на коленях. И что ты думаешь? Согласился? НЕТ!!! Как слышал чужую речь или просили за иностранцев — убегал, теряя подошвы с башмаков. Его однажды спросили знакомые — почему он тем отказывается. Так Белый ответил — «Не хочу своё здоровье, свою жизнь отдавать чужим. Они не враги, но они мне чужие». Понимаешь? Вот так вот. Если ОН не патриот своей Родины, так кто тогда патриот?

— Так Белый со взрослыми не работает категорически!

— А я тебе и не говорил, что предлагали лечить только взрослых. Там были и дети. И не мало. Но ты отчасти прав. Взрослых было большинство. Там такие-е-е фамилии звучали...

— Товарищ генерал, Виктор Фёдорович. Такое впечатление, что вы за сутки собрали больше информации, чем я за трое.

— Сергей Павлович. Я ж тебе сказал — у меня поболее возможностей. Так что не удивляйся. А за твоим Белым наши даже присматривали. Было время. Не постоянно конечно, но когда выходили на него иностранцы, да ещё и с фамилиями, которые на слуху у всего мира... Ты уж прости, но что моё, то моё. Уж извини. Есть информация, с которой я и с тобой делиться не буду. Вот когда сядешь в моё кресло, тогда и обретёшь «могущество нищего и величие убогого». Не улыбайся. Смысл-то близок к истине. Да-да. Это именно с нашей конторе. Вспомни 90-е. Сколько сотрудников тогда осталось? Сбежали на «вольные хлеба». Да и те, кто с тех пор остались в системе, порой «всплывают» как дерьмо в проруби. Кто «крышует», а кто и в связке с нашими олигархами доморощенными. На них работают с большим усердием, чем на Государство. Конечно, знаем почти всех и избавляемся

потихоньку. Поэтому работать нам надо и работать...

...Вот мы и вернулись и к самому первому вопросу. Смотри что получается. Предположим, есть человек, который знает всю твою семью. Молчи. Я сказал «предположим». Хотя. Вот скажи, как рядовой человек смог узнать личные номера телефонов далеко не рядового офицера спецслужбы и так же не рядового инженера секретной лаборатории совсем уж негражданского предприятия? Про дочь твою промолчу. Она в этой истории самое слабое звено. Что. Съел?

А узнать номер не сложно. Дай только «на лапу». И так везде. И во всём. Чем больше интерес частных лиц к закрытой информации — тем просто больше требуется денег. Ну, это, скажем, на самом низком уровне, типа ты мне, а я тебе. А представь себе не частное лицо, и не какое-нибудь ООО, а ОРГАНИЗАЦИЮ, которая может гарантировано утопить в резаной бумаге любого, потчеркиваю — ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА в любой стране мира. И далеко не простого труженника. Да. Ты правильно подумал. Именно в той бумаге, которую ценят во всём мире. Ты думаешь, что есть трудности получить даже закрытую или секретную информацию? Есть исключения? Не будь идеалистом. И не нужно верить, что ТАМ, — и генерал поднял глаза вверх, — другие. Ты считаешь, что властимущие, имеющие к тому же кучу денег, откажутся от возможности иметь ещё больше? И денег и власти? Нет, Сергей Павлович. Нет, и ещё раз много нет. Всё зависит от количества мешков с деньгами. А ТЕ не просто оплатят уже предоставленные услуги, но и к тому же сделают существенную предоплату для возможных дальнейших обращений. А позже «благодетели» смогут, да и будут командовать — на кого тем гавкать и сколько по времени это нужно. И любые секреты на блюдечке с голубой каёмочкой доставят туда, куда им прикажут. Поэтому последним рубежом от таких вот «курьеров», и являемся мы. Вот такие наши невесёлые дела.

— Виктор Фёдорович. Вы нарисовали уж совсем мрачную картину. Есть же люди с честью и с достоинством. Есть люди неподкупные. И их немало. Я считаю, что сам из тех.

— Сергей Павлович. А почему, как ты думаешь, я хочу, что б мой кабинет занял именно ты? Да потому, что более подходящей кандидатуры в данный момент и не имеется. Вот на днях ты сказал, что и машины личной не имеешь. А вот, как на духу — много у нас таких, кто давно уже не купил себе, да и своим детям, самые навороченные машины. Мне, со своей зарплатой, надо копить на некоторые лет десять, если не больше. А все молчат.словно это нормально.

А по тому, что ты сказал, я отвечу. Да, есть чистые люди. Ты и Белый в их числе. Поверь уж мне. Вас не купить. И это — немало... А вообще таких людей не так уж и много. К моему сожалению.

Знаешь, месяца два-три назад проводится соцопрос. Тема звучала так — «Если Вам будет вручён миллион долларов. Как Вы поступите с ним?» Не помню точных цифр, но где-то процентов 80 ответили, что уедут из страны вообще. 10 процентов посчитали, что большую часть денег надо вложить в акции иностранных компаний, а самим жить на проценты. Там была ещё какая-то статистика, но, самое главное — остаться в России или положить деньги на счета наших банков, особенно Сбербанк, было всего около трёх процентов. И только полтора процента опрошенных ответили, что улучшат свои жилищные условия, оплатят детям обучение в институтах, а сами же продолжат работать здесь, в России. Ты понимаешь ужас этих цифр? У меня, когда это читал, последние волосы на голове шевелились.

Генерал замолчал и внимательно посмотрел на полковника.

— Хотя, повторяюсь, к нашему счастью, такие люди, назовём их — патриоты, есть в стране. И на таких людях держится страна. ПОКА держится. И Белый — из их числа. Ты думаешь, если б он был другим, остался бы в России хоть на миг? Там, за бугром, он за самое короткое время стал бы миллионером. А здесь...

— Грустно, Виктор Фёдорович, если этот опрос не заказной, а реально объективный.

— Реальный. Наша служба имела к опросу самое прямое отношение.

Генерал встал, налил себе воды. Выпил и немного успокоился.

— Ладно. Отвлёкся я. На чём мы остановились? А... Так вот. Представь такую комбинацию. Тебя пока оставим в стороне. Возьмём твою внучку и её родителей. Смотри что получается.

Узнав, что Белый может вылечить твоего ребёнка, его убивают. Потом... Родители в трауре. И здесь подходят «утешители» с соболезнованиями, и на фоне того эмоционального состояния, в котором будут находиться Вика и Дмитрий, много чего обещают. Впрочем, может быть даже проще. Убивают Белого, подходят к Дмитрию или к Виктории и предлагают свою помощь. Мол, уникальную операцию, которую не делают нигде, кроме там-то и там-то. И совершенно бесплатно. Вика едет с дочерью, а дальше... сам понимаешь. Или шантаж или ещё что. Уверен, что у этой мрази что-нибудь, да получилось бы. Вот что мы имеем на данный момент. Ты не согласен?

— Ваши слова и выводы вполне логичны, Виктор Фёдорович. Но зачем городить такое?

— Да потому, что разработка Дмитрия, о которой я немного наслышан, лишит американцев малейшей возможности «нагнуть» Россию. Они, судя по всему, слышали что-то, вот и зашевелились. Сейчас, по всем данным, БОЛЬШЕЙ цели, чем узнать о разработках Игнашева или ликвидации его самого, нет... Так что давай сейчас подумаем как нам действовать, исходя из той обстановки, что я тебе обрисовал...

И далее, почти ещё полчаса, шёл разговор о планах работы как подразделения полковника Ярого в частности, так и всей организации. Генерал проинформировал и о том, что работают сейчас в усиленном режиме не только Питерское подразделение, но и аналогичные структуры по всей России.

* * *

Ярый вышел от генерала и глянул на часы. До встречи с полковником из МВД оставалось не так уж и много времени. Из приёмной позвонил своему водителю.

— Саша. Добрый вечер. Я тебя сегодня отпускаю пораньше. У меня встреча наметилась. Так что доберусь сам.

— Сергей Павлович. Мне запрещено...

— Саш. Ты что, будешь меня ждать допоздна у кафе?

— Сколько надо, столько и буду ждать. Это моя работа.

— Саша. Я встречаюсь по личным делам. Поэтому, повторяюсь, тебя отпускаю. Позвонк сейчас твоему начальнику, согласую, что б тебе не попало. Договорились?

— Спасибо, товарищ полковник. Я тогда поеду домой на служебке. Если понадобится — звоните в любое время. Приеду туда и во столько, как скажете.

— Спасибо, Саша, но я доберусь сам. Завтра как обычно. До свидания.

— До завтра, Сергей Павлович.

Полковник позвонил начальнику гаража, поставив в известность о том, что водитель его машины ему сегодня не требуется.

Опять глянул на часы. Пора было и поторопиться. Ярый не хотел заставлять себя ждать. Он всегда был принципиально точен во встречах.

Набрав номер, позвонил Виктору Константинову, услышав от того, что встреча не будет перенесена, сообщив о точном адресе кафе и его названии.

Без трёх минут 18.00 в дверь кабинета постучали.

— Войдите.

В кабинет буквально ворвался Терентьев. Взмыленный, весь на нервах. Глянул на часы и облегчённо выдохнул.

— Успел? — с улыбкой спросил полковник.

— Да, — чуть отдышавшись, ответил капитан.

— Давай документ.

Стас, сделав несколько шагов, положил на стол Сергея Павловича несколько листков.

— Ты, капитан, говорил, что там был один документ, а здесь...

— Товарищ полковник. Так там сняли копии. Пришлось бегать по инстанциям и мои изымать, взамен вручая новые.

— Здесь полный комплект? Ты уверен? — спросил Сергей Павлович, постучав по жидкой стопке бумаг.

— Так точно, товарищ полковник.

Ярый внимательно прочёл первый экземпляр. Хмыкнул. Сравнил его с копиями. Взял в руки и порвал на четыре части.

— Капитан. Слушай сюда. Если всё «прокатит» — тебе повезло. А если где-то всё же всплывёт твоя «филькина грамота» — вполне возможно, что ты не отделаешься объявленным выговором. Тебе всё ясно?

— Так точно. Товарищ полковник. Уверен на все сто, что других копий нет.

— И я надеюсь. Тогда свои творения — в шредер в приёмной и свободен до завтра. Вопросы есть?

— Никак нет.

* * *

Что бы сэкономить время, Сергей Павлович пошёл не по Литейному, а почти напрямую, по небольшим улочкам, иногда «ныряя» в проходные дворы.

Он радовался тому, что мог просто так, совершенно спокойно, немного пройтись по городу. Дома он предупредил, что задержится, так что просто ощущал покой в душе. Дышалось легко и даже немного непривычно. Полковник с удовольствием смотрел на улицы, здания, на людей, которые спешили по своим делам. Он давно не ходил этим маршрутом. Поэтому не удивительно, что пару раз упирался в закрытые на замок ворота проходных дворов или в обнесенные забором строительные площадки...

Подойдя к кафе, глянул на часы. Без пятнадцати семь вечера.

У входа его уже ждал Виктор.

Пожав друг другу руки, зашли в кафе. Совсем рядом с входом доставали из кофров свои инструменты трое музыкантов, которые работали здесь почти каждый вечер. Ненавязчивый тихий джаз вполне соответствовал атмосфере уютного заведения. Небольшое количество столиков, которые были расположены так, что находящиеся за одним из них не мешали разговорами своим соседям.

Мужчин встретили и, узнав номер зарезервированного столика, провели к нему.

Разделись, повесив верхнюю одежду на вешалку, и сели друг напротив друга.

Буквально сразу к ним подошёл официант и предложил меню. Каждый выбрал то, что захотел, а Виктор Константинович заказал ещё и 200 грамм самого дорого коньяка.

— Виктор Константиновичу, я не пью.

— Сергей Павлович, я тоже. К тому же мне завтра нужно быть самому за рулём.

— Так зачем?

— Поверь. Нужно....

Они посидели, молча несколько минут глядя друг на друга.

Константинов предложил.

— Во-первых. Мы оба не в форме. Знаем друга довольно давно. Поэтому давай на ты и по именам.

— Согласен.

— Вопрос сначала такой — когда нам принесут еду?

Ярый улыбнулся заданному вопросу.

— Минут через 15. Так что есть время начать разговор. Время резерва стола здесь не лимитировано.

— Тогда начнём почти с начала. О наших взаимоотношениях с Белым я тебе уже рассказал. Теперь ответь. Только честно. Почему твоя контора вдруг заинтересовалась им. Я, насколько знаю, и почти в этом уверен, Белый с иностранцами дела не имел и не имеет. Носителем гостайны не является. То, что он «другой», знает множество людей. Не только в стране, но и за её пределами. Поэтому жду честного ответа. Я тебя знаю, хоть и не так близко. Знаю, что ты честный и порядочный. Знаю так же, что ты ни одного человека не «прижал» без основательных причин. Поэтому жду твоего ответа. Как я и сказал. Честного.

— Ну, ты меня уже одновременно и похвалил и обгадил слегка. Ладно, проехали. Отвечу так. Как ты и просишь — честно. Белый несколько раз попадал в зону внимания нашей службы, но это было из-за того, что он общался с иностранцами. Причём близко.

Виктор поднял кисть руки, прося слова.

— Сергей. Ты ошибаешься в определениях и словах. Белый никогда не общался «близко», как ты только что сказал, с иностранцами. Да, у него были встречи. Но только в присутствии других людей и очень кратковременные. Он не любит людей из-за границы. Даже не так. Он их не «ВЫНОСИТ» на дух. Последнее обращение, о котором я знаю, был года полтора назад. ТАМ, — и он мотнул головой налево, — давно поняли, что от Белого им ничего не обломится. Поняли все. И контакты такого рода исчерпали себя.

— Извини. Наверное, я сказал не так. Согласен. Но то, что контакты были, ты же не отрицаешь? Вот. Поэтому он и стал известен нашей конторе. А если тебя заинтересовало, почему именно сейчас возник вопрос по Белому, так я тебе скажу. Это интерес не службы. Это мой личный вопрос.

— Не понял. Какой у тебя ЛИЧНЫЙ интерес может быть к Белому.

— Понимаешь, Сергей, горе у меня в семье. И это не тайна. Внучка моя очень больна.

Онкология. Причём... — и Сергей Павлович закрыл ладонями лицо.

— Поэтому ты и хочешь выйти на Белого? Тебе нужен контакт?

— Забавно, если можно так сказать, но контакт уже состоялся. С Белым мы уже познакомились. Пообщались. У меня сложилось такое ощущение, что не я полковник ФСБ, а он. Именно таким тоном он и разговаривал с нашей семьёй. Практически ни слова лишнего, одни только приказы. Да и с нашими вопросами заткнул. Почти ничего из того, что нас интересовало, мы не узнали.

— Олежка такой, — Виктор засмеялся. — Прости. Не к месту смех, но я представил его лицо, когда он с Вами разговаривал.

— Он по телефону нам звонил.

— Тем более, — И Виктор заулыбался ещё шире. — В таком случае Вам ещё повело. Он, когда беседует с родителями своих подопечных, просто как каменный гость. Никаких эмоций вообще. Камень и камень. У меня появлялось желание, когда он разговаривал в моём присутствии по вопросу лечения, так долбануть его какой-нибудь палкой. Посмотреть реакцию. Думаю, что в тот момент он и не заметил бы, что по нему врезали. Вот так-то, Сергей.

— Да. У нас сложилось похожее мнение.

— И что тебе Белый сказал? Или пообещал?

— Самое странное то, что...

... Сергей Павлович задумался, — рассказать своему собеседнику о сне Кати, в котором она увидела Белого или нет? А потом, поняв, что Виктор знает Белого очень давно, решил...

— ... Вообще всё началось с того, что моей внучке приснился сон, — и Ярый, ничего не скрывая, рассказал Константинову всё то, что рассказывала его внучка.

Виктор, не отрывая глаз от собеседника, внимательно слушал. Но чем дальше продолжался рассказ, тем серьёзней становилось его лицо. Под конец он был мрачнее тучи.

— А по телефону о чём была речь?

Ярый рассказал и содержание телефонного разговора.

— Вот что, Сергей. То, что ты мне рассказал — это не рядовое явление. Знаешь, тебе безумно повезло. И твоей семье. Как ты там говорил? Защитник, а потом СУДЬЯ? Ты не ошибся? Точно так прозвучало?

— Да. Именно так, как я тебе сейчас рассказал, чуть ли не в лицах.

— Что ж, я тебе немного сейчас поясню... Нет. Смотри — несут наше.

Подошёл официант и начал сервировать столик. Позже принес всё заказанное гостями. Сергей Павлович, поблагодарив, попросил принести чуть попозже кофе. Официант же, кивнув, пожелал им притного аппетита и направился к другому столику.

— Предлагаю. Давай поедем спокойно, без лишней трепотни, а потом продолжим начатое. Под хорошие кофе и коньяк. Согласен?

— Согласен...

— Приблизительно через полчаса они, сытые и довольные, откинулись на спинки стульев.

— Достойно. Вкусно и порции соответствующие. Спасибо за приглашение. Буду своим рекомендовать это кафе, — поизнёс Виктор.

— Это ж не забегаловка. Мне было бы стыдно туда приглашать целого полковника, да ещё и такого важного, — с улыбкой ответил Сергей. — А свою похвальбу ты ему выскажи, — и мотнул головой в сторону обслуживающего их официанта.

Когда последний подошёл, Константинов поблагодарил его за прекрасный ужин, попросив так же передать все хорошие слова повару.

Официант вполне достойно принял благодарность, уточнив, когда принести кофе.

— Где-то минут через двадцать-тридцать. Пусть уляжется то, что мы только что проглотили, — улыбнулся Сергей и, кивком еще раз поблагодарив обслуживающего их человека, посмотрел на Виктора.

— Ну и что же ты мне хотел рассказать?

— Знаешь, пока мы с тобой ужинали, пришла в голову мысль построить разговор так. Давай я тебе сначала расскажу истории, в которых был непосредственным участником или свидетелем. А потом уже попробую ответить на твои вопросы. Сразу оговорюсь — не на все. Я многое не знаю, а о многом и не смогу сказать. Почему? Поймешь сам.

— Согласен. Тогда я весь — внимание.

Виктор ненадолго задумался, а потом стал рассказывать.

— Это случилось, по-моему, в 2012-м году. Может в 13-м... Да, не удивляйся. Уже давно. Именно после того случая я убедился на все сто, что с Белым находиться не только интересно, но, порой, и очень опасно.

— Давненько, — не удержался Ярый от реплики.

— Да. Давненько. Но та поездка у меня стоит перед глазами, словно это было вчера. Немного о том, что предшествовало. У него жена снимала дачу в Вырице. Ну, это под городом, километров чуть больше 50-ти на машине. Достаточно известное место, куда многие родители из Питера отвозят своих детей на лето.

Супруга Белого тоже сняла дачу, что б их маленькая дочь могла побыть летом на свежем воздухе. Сам Белый там был только наездами. Чаше приезжал к ним в пятницу поздно вечером, а уезжал в воскресенье ночью. К слову. Они снимали весь второй этаж в добротном доме. Там были две комнаты и небольшая кухонька. С хозяйкой дома были в хороших добрых отношениях, да и снимали они эту дачу больше десяти лет подряд.

Так вот. Он мне позвонил как-то в четверг и спросил — мог бы я его в пятницу, часов в 10–11 вечера забрать из дома и отвезти в Вырицу. Пожаловался, что его машину на техстанции не успеют сделать к обещанному сроку, и он остался без «коня». Так же сказал, что мог бы добраться и на электричке, но все сумки с продуктами, которые он купил заранее, один в руках не унесёт. Надеялся-то на машину, а тут облом. Вообще, обещал, если я соглашусь, что устроит меня по-царски. В субботу, мол, сделаем шашлык, а в воскресенье он меня отпустит. Ну, или, в крайнем случае, в субботу, если у меня появятся срочные дела и не буду много пить. А тут сложилось, что моя жена с дочерью, за неделю до этого, улетели на юга в санаторий. Я и согласился. На свою голову...

Виктор посмотрел на Сергея, но тот понял, что его собеседник давно уже не с ним, а именно в своих воспоминаниях.

— Вообще, ехали мы Московскому шоссе, Е-105. Проехали уже Ульяновку, и только я захотел повернуть направо, как Олежка говорит.

— Давай чуть дальше, а то эта совсем раздолбана. Как после бомбёжки. Вся земля буграми и в ямах. Днём-то всё видно, а сейчас уже темно. Поехали через Тосно. Так будет сейчас и быстрее и безопаснее. Я тебе покажу, где свернуть.

Мне-то что? Не я ж несу его сумки, да и не на себе... Вообще, поехали так, как он и показывал. Проехали через город, потом повернули и вскоре, проехав над Московским шоссе, двинули дальше. Дорога была хорошая. Ровная, без ям. Время, я глянул, уже перешагнуло за полночь. Машин встречных, так и попутных, почти не было. Ну, так, одна-две на пять километров. Вообще, ехали комфортно. Вначале проехали какую-то деревню и на дороге стало вообще темно. Фонарей-то вдоль шоссе не было. А тут небо заволкло тучами. Я даже временами включал дальний свет. Мне как-то спокойней становилось. А там, от той деревни, что мы миновали, до ближайшего жилья был перегон километров в семь-восемь. Просто дремучий лес. Иногда, у самой дороги, вроде бы угадывались то ли строения, то ли покосившиеся дома, но не светились ни одного окна. Да и я, если честно, не смотрел особо по сторонам. Вообще, ехали спокойно. Музыка тихо звучала. Мы с Олежкой разговаривали. И вдруг... Он буквально заорал.

— Стой!!!

Именно не «тормози», а «стой». А я, ничего не поняв, всё же поостерёгся резко жать на тормоза. Гнали мы не очень, километров под восемьдесят, поэтому.... Остановились не мгновенно, но довольно резко. И, буквально через секунду после его крика, я увидел, как перед машиной мелькнула то ли огромная собака, то ли волк. Я не понял даже. Он своим криком меня насколько перепугал, а тут ещё эта псина. Сижу, воздух глотаю и понимаю одно — я этого зверя не сбил — увернулся он. Ведь удара по машине не было.

Машину не заглушил. Стоим в полосе. На обочину не съехал. Авариаку включил. Двигатель работает и фары дальнего включены. И только я потянулся к ручке двери, что бы выйти и посмотреть бампер машины — вдруг сбил, но не почувствовал, как Белый очень тихо мне говорит. Я его даже сначала и не услышал, настолько тихим его был голос, почти шептал.

— Витя. Машину не глуши. Свет не выключай. Сиди здесь. Будь в любую секунду рвануть вперёд. Со мной или без меня. Если услышишь мой крик «Давай», то, ни секунды не задумываясь, поезжай вперёд, до ближайшего крупного селения. У одиночных домов не останавливайся. Поступишь иначе — оба пропадём. Я сейчас выйду, ты за мной двери заблокируй. Окна не открывай. Всё ясно? И будь готов рвануть.

Я на него с удивлением глянул... А он сидит бледный, волосы чуть ли не дыбом. Рот приоткрыл — словно зверь оскалился. И глаза у него были необычные. Я вначале даже шарахнулся, но промолчал и кивнул на его слова. Спорить мне как-то не захотелось. Совсем. А, приглядевшись повнимательней, так чуть не написал в штаны. У него зрачки были не круглые, как у всех людей, а овальные. Не как у кошек — вертикальные, но и человеческими их назвать было нельзя. И, как мне показалось, что оба его глаза постепенно становились белыми. Понимаешь? Полностью белыми. Вообще, если б я не знал, кто рядом со мной находится, рванул бы с места мгновенно. А он вновь глянул на меня и показал на блокиратор

двери. Я ему опять кивнул. Он же, не торопясь, словно собираясь с силами, медленно открыл дверь. Поставил ноги на дорогу, посидел так секунд десять. А потом вышел из машины, хлопнув дверью. Я, конечно же, сразу блокировал все двери в машине. К тому же дополнительно включил противотуманки. Как передние, так и задние. Музыка вырубил. Сижу. В машине только мотор слышен. И почувствовал, как машина слегка покачивается, словно по трассе едет. А потом... Потом я услышал голос. Это был голос Белого. Но не обычный, к которому я привык за все года общения. Такое впечатление, что говорили два человека одновременно. Даже не два человека. Говорил, точнее, кричал, человек и, в то же время, слышалось что-то ещё звериное. Хрип какой-то, сип или рычание... Не знаю. Больше я такого ужаса никогда не испытывал. Хотел было рвануть с места, но... взял себя в руки. Позже, неоднократно пытался вспомнить, что же тот кричал, но тщетно. Почти ничего не вспомнил, лишь самое начало.

— Тварь! Убирайся отсюда. Возвращайся туда, откуда вылезла. В следующий раз я тебя уничтожу. Убирайся, пока даю возможность. Эта земля не для таких, как ты...

Вообщем, мне было не просто страшно, а жутко. Я поймал себя, что руки на руле побелели и колотит всего... И... в туалет захотел. Безумно захотел. Стало даже стыдно. Мой товарищ чуть ли не воюет там с кем-то, а я... Глянул в панорамное...

Олег стоял на дороге метрах в пяти от машины, и голова его была повернута туда, откуда мы только что приехали и руки его светились. Как фосфорные. Я пригляделся.... А метрах в двадцати от Олешки, в канаве стояла древняя бабка. Наверное, лет ста или поболее. Волосы торчали в разные стороны. И роста с Олешку... Верхняя часть её была хорошо видна, а нижняя, где должны быть бёдра и сами ноги — были как в тумане каком-то. Не, не в тумане. Туман-то белый, а вокруг этой было просто тёмное пятно, ну, как тёмный дым. И глаза у неё горели, как мне показалось, красным огнём. Сообразил, что это, скорее всего, отблеск от задних фонарей и противотуманок. Выключил задние. Глянул — а эти глаза ещё ярче засверкали. Я опять включил полный свет.

Думал, что мне конец... А потом попытался в очередной раз взять себя в руки и это мне, к удивлению, удалось. Немного успокоился. Да и машину качать перестало. Посидел я так минут пять еще, глядя на дорогу перед собой и вдруг слышу — стук в стекло правой двери. Блин! Я ТАК подпрыгнул от неожиданности и страха, что впечатался головой в крышу. Смотрю — Олешка стоит.

— Открывай. Всё закончилось, — говорит он совершенно спокойным голосом.

А меня опять трясёт как в лихорадке. Потянулся, чтоб разблокировать ему дверь, так пипку долго не мог поймать своими трясущимися руками.

Тот открыл дверцу, сел в машину и, посмотрев на меня, спросил.

— Очень испугался?

А у меня зубы стучат, и ответить ему не могу. Тот вышел из машины, открыл заднюю дверцу. Залез к себе в рюкзачок, достал термос и маленькую фляжку, похоже, серебряную. Вернулся опять на переднее. Отвинтив крышку, налил туда из термоса кофе. А чуть позже, отщёлкнув с фляжки колпачок, буквально накапал в кофе какой-то густой жидкости. Спросил у меня.

— Ложка есть чайная?

Я не ответил. Только помотал головой. А тот, будто это обычное явление, заявил.

— Тогда я пальцем размешаю. Он у меня СЕЙЧАС чистый, поверь, — и с улыбкой протягивает мне эту крышку-стаканчик.

Я мотаю головой и сказать ничего не могу. Пытаюсь взять кофе, а у меня руки трясутся. Олег посмотрел на меня уже без улыбки.

— Вить. Всё хорошо, что хорошо заканчивается. Поверь. В ДАННЫЙ МОМЕНТ всё хорошо.

Немного помолчал, зажав в руке крышку и продолжил.

— Ты сильно перенервничал. Тебе, в таком состоянии, за рулём нельзя находиться. Давай пересаживаться. Я поведу, а ты пока успокойся. И не волнуйся. Попей. Здесь кофе и травяной настой. Не на спирту. Я тебя не обманываю. Хорошо? Как всё выпьешь, закрой глаза. Может уснёшь. А знаешь, повезло тебе...

И тут я отметил, что он сказал не «нам», а именно «тебе»...

— Увидеть... — и далее он сказал что-то наподобие «питекантропа». Конечно, не это слово, но какое-то похожее. И продолжил...

— Ликантроп? — вклинился в рассказ Сергей Павлович.

— Да. Точно, он. Как сказал Олег, далеко не каждому удаётся его увидеть, — словно вынырнул из воспоминаний Виктор. — Я продолжу?

И вновь его глаза помутнели. Он вернулся туда, в ту ночь...

...Мало кто их видит. И это я не говорю о простых людях. Эти твари у нас почти не появляются. Редко заходят. Обычно в Европе обитают. А сюда голод гонит. Эта — старая тварь. Видать выжили более молодые... Ну что, меняемся? Теперь пассажир повезёт таксиста.

Я вышел и, обойдя спереди машину, сел на пассажирское место. А Олег стоял рядом с открытой дверью, пока я не сел, не отрывая глаз от проеханной нами дороги. Когда я сел, он, быстро обежав машину, арыгнул за руль, заблокировав сразу все двери. Снял с ручника и поехал.

Белый вначале что-то мне говорил, пытался шутить, но я прекрасно понимал, что он хочет меня просто отвлечь и переключить на другие темы. Я же, потихоньку, маленькими глоточками пил кофе и меня стало отпускать. Тот настой был совершенно удивительным. Ароматным, каким-то тягучим. Поймал себя на том, что не просто нюхаю, а даже нос намочил в крышке, чтобы хоть чуть-чуть понять состав этого настоя...

— Вить. Даже не пытайся понять, из чего он сделан, — «поймал» меня за этим занятием Олег. — Это не «Рижский» и даже не «Егерский», которыми они так бахвалятся. Здесь почти сотня трав и ещё больше других компонентов. Почему настой? Так его не варят, а СОЗДАЮТ постепенно, настаивая и добавляя, через определённый промежуток времени всё новые и новые компоненты. И это — на протяжении около пяти лет. Так что пей и наслаждайся.

— А какашек туда не добавляли? Ну, помёт крылатых мышей, вытяжек из лапок жаб или ещё его подобного? — спросил я.

Он задумался на несколько секунд. Создалось такое впечатление, как будто мысленно пробежал по составу этого настоя.

Глянув в мою сторону, опять вернул глаза на дорогу и тихо сказал.

— Того, что ты перечислил, в настое нет... Вроде бы...

И снова глянув на меня, который был готов уже вернуть выпитое содержимое в чашку, захохотал. — Купил я тебя, дурилка картонная. Не трусь. Ничего похожего там нет.

Здесь уже засмеялись мы вдвоём, а потом и захохотали в голос. Начало отпустить... Я допил этот необыкновенный кофе, завинтил на место крышку от термоса. И в этот момент Белый, гад, резко прекратил хохотать, задумался и опять глянул на меня.

— А знаешь, а ведь я не уверен. Делал-то не я...

Глянув на мои вытаращенные глаза, вновь захохотал.

— Витька. Ну нельзя же быть таким доверчивым. Тебя ж обмануть — раз плюнуть. Чудоты...

Добрались мы до дачи в тот вечер быстро. Олежка всегда чувствует себя за рулём любой машины уверенно. Да и погонять любит. Он мне чаще звонит, что б с протоколами по штрафам как-то... чем просто так, по-дружески. Я у них провёл все выходные. Шашалык сделали, выпили слегка. А в воскресенье вечером отвёз его домой.

* * *

— Ну как тебе, Сергей, моя история? Верить? Одно могу сказать. Если б я там не сидел, то никому никогда не поверил, что такое могло случиться.

И поднял глаза на собеседника.

Тот сидел, медленно придя в себя.

— Ты меня не разыгрываешь? Не обманываешь и не издеваешься?

Виктор посмотрел на мужчину и совершенно с серьёзным лицом спокойно ответил.

— Я не вру тебе, Сергей. Что было, то было. Может чего и недоговариваю, так это просто лишнее.

— И что утаил? Рассказывай, раз мы говорим открыто и честно.

Виктор опустил глаза в стол и тихо сказал.

— Я ведь тогда всё-таки описался. Олежка как сел, так почти сразу выскочил из машины и полез к себе в сумку за полиэтиленовой плёнкой ....

Прошло буквально пара секунд и они оба просто захохотали в ольный голос.

В кафе наступила тишина, и взгляды всех сидящих обратились на их столик. Даже трио музыкантов перестало играть.

Сергей Павлович мгновенно поднялся из-за стола, сделал пару шагов на открытое место и громким голосом попросил прощения за нарушение порядка. Еще раз извинившись и, даже поклонившись в сторону музыкантов, вернулся на место.

Все посетители кафе успокоились. Ведь нечасто вот так, запросто, мужчина извиняется перед случайно собравшимися людьми за своё нетактичное поведение. А Виктор, глядя на это представление, обратил внимание севшего на свой стул Сергея, на пару симпатичных дам, которые теперь больше смотрели на их столик, чем продолжали беседовать в своих компаниях.

— Что? Понравилась сказка? — спросил Виктор.

— Как сказка — понравилась, а как быль... Если честно — не верится, хоть мы с тобой и договорились говорить друг другу только правду.

— Ты её и получил, Сергей, — с ехидной улыбкой ответил Виктор. — Что, продолжим? Вторая сказка намного короче. Да и поверить в неё ты сможешь скорее. И?

— Продолжай, Виктор. Весь во внимании...

...Случилось это зимой. В конце февраля, по-моему. Не помню уж по какому поводу, но встретились вечером с Белым у его работы и пошли по улице Шкапина к метро Балтийская. Идём, разговариваем. Вдруг он останавливается и дёргает меня за руку, а другой своей рукой хватая обгоняющую нас женщину чуть ли не за воротник. Та, совершенно обалдев от такого обращения, открыла было рот возмутиться, но Белый, отцепившись от меня, прижал указательный палец к губам. И спокойно так говорит.

— Извините, пожалуйста. Подождите буквально несколько секунд.

Он повернул голову и посмотрел опять перед собой и, внезапно, раздаётся шум, грохот и на то место, где мы находились бы, если продолжали идти, падает с крыши огромная глыба льда. А дальше началось... Осколки, судя по всему, попали в припаркованные рядом машины и те заорали, «заквакали» сигнализациями. Из крохотного кафе, что находилось буквально в шаге, с криками выскочили люди, усыпанные разбитыми стёклами. Потом подтянулись владельцы пострадавших машин. Вообще столпотворение. Все кричат, матерятся...

Олег отпустил ту женщину и ещё раз извинился перед ней. А ту даже качнуло. Стояла вся бледная, тряслась от ужаса, поняв, от чего её только что спас незнакомый человек.

Мы не стали дальше смотреть на толпу, обошли машины и людей по проезжей части и двинулись дальше.

— Предчувствие? — спросил Сергей.

— Может быть, — ответил Виктор. — За десяток секунд до того момента, как с крыши сорвался лёд? Может быть и такое. Ладно. Понял, что тебя это не удивило.

Виктор глянул на собеседника, улыбнулся и продолжил.

— Мы с Олежкой часто вместе летом на рыбалку ездим. Он не фанат этого дела, но любит покидать спиннинг. Почему не фанат? Так на зимнюю его под дулом пистолета не вытащишь. А летом он почти каждые выходные проводит на озере. Как рыбак — настоящий профи. Достает оттуда рыбу, где, казалось бы, её и нет в помине.

— Если ты говоришь, Виктор, что Белый каждые выходные проводит на воде, то наверняка знает всё озеро. И где может стоять рыба, и где её нет.

— Согласен. Бывает так. Порой 3–4 катера проходят перед нами, а он якорит лодку и говорит.

— Здесь стоят две-три щучки. Небольшие. Забирать их не будем. Ну что? Начали?

И, буквально через несколько минут, он вытаскивает этих щучек, фоткает и отпускает.

— Он что, сам рыбу не любит? — спросил Сергей Павлович.

— Ловить любит, но ест очень-очень редко. Ему, по факту, не нужна рыба как таковая. Важен сам процесс.

- И что, когда Вы на озере, днями проводите в лодке в поисках рыбы?

— Нет. Мы, бывало, чуть ли не днями сидели в палатке. Когда погода позволяла, и могли выйти на воду. А он просто бродил по острову, смотрел на что-то ему интересное, находя то в траве. Были моменты, когда он просто садился перед каким-нибудь цветком и очень-очень долго рассматривал его. А иногда Белый просто гонял целыми днями на лодке, наслаждаясь рёвом мотора. Сучалось, что просто лежал в палатке с какой-то идиотской улыбкой на лице. Я его дёргал, что бы пойти хотя бы искупаться, а он отмахивался от меня и

продолжал лежать пластом. Зато потом... Как электровеник носился вокруг. Энергея и жажда действий его просто переполняли.

— Ну, такое часто встречается. Люди просто «заряжаются» на природе.

— Сергей. Он даже не заряжался. Он порой двигался и действовал так, словно у него был перезаряд и ему надо было срочно сбросить лишнюю энергию.

— Например?

— Например? А как бы ты посмотрел на человека, который сидел в полной неподвижности долгое время, а потом, совершенно внезапно для меня, стал бегать вокруг огромных валунов. Вдруг остановился на месте как вкопанный, а потом... начал прыгать с одного камня на другой как кузнечик. Я, когда увидел, то только об одном молил, что б тот не сорвался и не покалечился. Высота-то у камней была приличная — выше полутора метров каждый. И это при том, что мы вылезли из палатки сразу после дождя и все валуны были мокрыми и скользкими.

— Так в этом ничего собого нет. Монахи из Китая специально обливают камни водой, что б развить в себе чувство равновесия и балансировки.

— Так Белый не из Китая и никогда там не был.

— С этим понятно. Всё похожее я видел в своей жизни.

— Хочешь непохожее? Особенное? Хорошо. Верить, что у нас в некоторых водоёмах живут русалки? Чего улыбаешься? Не веришь? Смотри.

Виктор, ехидно улыбнувшись, полез во внутренний карман пиджака, достал портмоне и, открыв его, показал Сергею фотографию красивой женщины. Блондинки с огромной копной волос и голубыми глазами. Фото было хоть и цветное, но так себе — не резкое, размытое, словно снимали в движении. Видно было, что съёмка производилась ночью и без вспышки.

— Красивая женщина.

— Удивительно красивая. А голос её... Меня жена ревнует, хоть и прошло много лет с того дня, как я познакомился. Целую сцену устроила, когда впервые увидела это фото. Чуть ли не развода потребовала. Олег помог. Сказал честно — «это — фото русалки». Моя почему-то Белому мгновенно поверила и успокоилась, раз женщины-соперницы не существует. Прошло уже немало времени, а недавно опять началось. Мол, почему я был в тот момент без жены и где я русалку увидел и сфотографировал. Я всё время шучу, что меньше надо спать, а то меня вообще утащут. Та обижается. А как я ещё могу сказать, что моя супруга и в самом деле спала в ту ночь в тридцати метрах от меня. А ту красавицу я увидел тогда в первый и последний раз.

— Так ты постоянно ездешь вместе с Белым на озеро?

— Каждый год, раза два-три, бываю с ним на Вуоксе... Но Руслана меня не привечает.

— Руслана? Это так звали ту русалку? А что там случилось?

— Да. Её звали Русланой. А что слусилось? Хорошо, расскажу.

Виктор помолчал и, с какой-то ностальгией в голосе, стал рассказывать дальше.

...- Поехали семьями. Дети у нас уже подросли и остались с бабушками, так что мы и решили поехать вчетвером. С погодой повезло. Жара днём стояла такая жара, что ночью в палатках спали практически голышом. А днём из воды не вылезали.

На второй день поймали пару судачков и решили порадовать наших дам. Закоптили. Выпили, естественно, но совсем немного. Так, для проформы. Вообще, как я ни агитировал

искупаться сразу после вкусного обеда, никто не согласился и я полез в воду один. Там камней у самого берега много. Я, хоть и был чуть-чуть поддатый, но смотрел куда ноги ставить. И вдруг почувствовал, что наступил на что-то скользкое...

Виктор Константинов покраснел.

— А дальше... Помню, что выругался, потерял равновесие и бултыхнулся в воду. Нахлебался воды и, судя по всему, пошёл ко дну. Но перед тем, как отключиться, почувствовал, что меня за ноги тянут вниз. Ну, я и запаниковал...

— И?

— Что и, Сергей? Окончательно очухался минут через пять на берегу. Наши дамы суетились вокруг меня. Кто по щекам хлопал, кто водой обливал. А Белый стоял рядом и хохотал. Хохотал так, что я на него даже обиделся — я чуть ли не утоп, а он ржёт как конь в стойле. Вообще, воду постороннюю из себя вылил, немного оклемался и лёг на камне даже не позагорать, а просто согреться — ведь меня трясло всего.

Минут через пять подошёл Олег. Как мне наши жёны сказали, что тот меня и вытащил на берег. Подошёл Олег. Смотрит на меня с ехидцей.

— Ну что, познакомился? — спрашивает он меня.

— С кем познакомился?

Я, от заданного вопроса, замотал головой по сторонам. — У нас что, гости?

— Нет. Гостей на острове не прибавилось. Ты с Русей познакомился?

— С какой Русей?

— Понял я, что ты нифига не видел и не понял. Ладно, отложим до вечера.

Повернулся и ушёл к палаткам. А я, если честно, обиделся на него. Ну, так, немного. А ночью...

--

Дамы наши ушли спать, а мы сидели у костра и болтали о чём-то...

Шумели небольшие волны, разбиваясь о камни у берега. В камышах неподалёку плескала какая-то рыба. Небо заволокло тучами и совсем темно стало. По прогнозам ночью ожидаешь гроза.

Вдруг Олег встал и, посмотрев на меня, сказал.

— Я ненадолго тебя покину. Посиди здесь пока один. Только не уходи.

А сам пошёл к месту, где на берег были вытащены наши лодки.

Через какое-то время я услышал тихие голоса. Белый явно был не один. Прислушался. Как мне показалось, что вторым звучал женский голос. Посмотрел в сторону палатки — нет, застёгнута наглухо. А потом, рядом с Белым, увидел женский силуэт. Хмыкнул про себя и достал свой смартфон. Попытался сфоткать то, что вижу. Как оказалось позже — ничего не получилось — темнота и всё.

Раздался тихий голос Олега.

— Витя. Иди к нам.

— К ВАМ?

— К нам. Только смотри, не упади. Камни сырые.

Я поднялся, отвернулся от горящего костра и несколько раз с силой зажмурил и открыл глаза, чтобы хоть что-нибудь увидеть в темноте. Постояв так секунд десять, пошёл к лодкам.

Спустился к воде и увидел Олега и эту. — Виктор показал на фотографию. — Потрясающей красоты девушку... Она сидела, как оказалось, не на борту лодки, как Белый, а за ней, в воде. Я только верхнюю половину тела я смог рассмотреть. Чуть выше на берегу

горел костёр, иногда вспыхивая и пуская сотни искр в небо. Благодаря этому костру я и рассмотрел гостью. Знаешь, Сергей, более красивой женщины я в своей жизни не видел. Её белые густые волосы были как водопад, как платье. Голубые глаза, которые я не забуду никогда. Её грудь, которая немного выглядывала из-под полос. Вообще... сказка, а не женщина. Прости уж меня за такую пошлость — захотелось её мгновенно, и о жене, которая спала в тот момент метрах в тридцати от меня, я даже и не вспомнил. Хотя жена моя сама очень красивая... Вот так отреагировало моё тело, да и голова, не буду скрывать.

— Виктор, познакомься с Русей, прости, с Русланой. Это моя давняя подруга. Очень красивая, обаятельная и добрая. У неё достоинств...

Та девушка засмеялась так.... Это даже не был смех. Было такое чувство, как будто забурлила вода вокруг и маленькие пырьки, лопаясь, издавали звуки. А ещё — как множество маленьких колокольчиков зазвенели. У меня в голове как туман появился.

— Белый-Серый. Ты меня так хвалишь, как будто в жёны своему другу предлагаешь, — ответила она со смехом. Потом посмотрела на меня. — Рада познакомиться с другом моего друга, Виктор, — прозвенел её голос.

Я был в каком-то оцепенении. Мне хотелось только одного — сделать шаг и схватить в охапку эту красоту. Прижать её к себе и раствориться в ней. Именно так. Раствориться без остатка.

— Русь. А он, кажется, влюбился в тебя, — со смехом тихо сказал Олег.

— Может и влюбился, — тихо, еле слышно, ответила та. — Так мне что с того? Виктор такой же, как и все мужчины. Сначала теряет голову, хочет иметь всё, а потом? Потом, когда я предложу ему жить вместе, сбежит от меня быстрее ветра. Как и все мужчины. За свою жизнь я встретила только одного, с кем мне хотелось бы создать семью. Быть с ним рядом постоянно. Видеть его каждый день, любить и иметь от него детей. Но он уже женат, да и не сможет быть со мной, он ведь «другой». Когда вижу его, понимаю, что это уже не привязанность, а нечто большее. Но тот, в свою очередь, видит во мне не женщину, а только свою подругу. Понимаю, что очень близкую, но не...

Белый ничего не ответил. Только посмотрел на гладь озера и глубоко, как-то печально, вдохнул и медленно выдохнул.

Руслана окинула взглядом сначала Олега, потом меня. С улыбкой сказала.

— Нет, Белый. Он хоть и друг тебе, но мне не подходит.

— Руся, милая, так я тебе его и не отдам. Я захотел познакомить Вас только для того, вдруг ему понадобится твоя помощь. Всякое в жизни случается.

— Не пугай меня, Белый. Прошу тебя.

— Я не пугаю, Руся. Просто очень прошу тебя не отказать ему, если позовёт.

— Если позовёт, то помогу. Обещаю.

Руслана пристально посмотрела на Олега, потом перевела взгляд на меня.

— А ты что замер? Чего от меня хочешь? Если того, что Вам, всем мужчинам, от меня надо, так извини, откажу. Да и о жене своей вспомни. Не стыдно появляться в голове таким мыслям? А? Скажи!

И упёрлась своими глазищами в моё лицо.

Я собрался все свои силы в кулак, и ответил.

— Не стыдно. Честно говорю. Такую красивую и удивительную женщину я никогда в своей жизни не видел.

— А теперь увидел. Доволен? И хорошо. Успокойся теперь.

— Очень доволен. Буду помнить тебя до конца своих дней.

Руслана взгляну опять на меня и улыбнулась.

— Что могу сказать. Да. Долго будешь помнить. Это хорошо. Верю тебе. И я тебя тоже не забую. Ведь никто никогда меня ТАК не называл, как ты сегодня днём, когда лез в воду...

Я смутился. Чувствую, как лицо запылало от стыда.

— Прости, Руслана. Не со зла же. Мне показалось, что я наступил в...

— Молчи лучше. А то вновь обижусь.

Я привстал с борта лодки, что бы сесть поудобнее, и почувствовал, что в живот мне что-то упёрлось.

СМАРТФОН!!!

Сунул руку в карман, но замер. Почему-то понял, что мои неправильные действия могут повлечь что-то нехорошее. Поэтому открыл рот и прямо спросил.

— Руслана. Прошу прощения, но могу просить разрешения Вас сфотографировать. Хотя бы лицо.

Руслана быстро переглянулась с Белым и тот пожал плечами — мол, решай сама.

— Если ТОЛЬКО лицо, то другу Белого я позволю. Один раз. И никаких других огней не нужно. Получится — тебе повезло. Не получится — не обижайся.

— Спасибо, Руслана.

Я достал аппарат, включил камеру, поставив режим «Ночь» и отключил вспышку. Поймал в центр это удивительно лицо и нажал на спуск. Хотел было повторить, но смарт не реагировал.

— Достаточно, Виктор. У тебя получилось то, о чём ты просил. Будет что вспомнить. Ладно. Рада была с Вами поговорить, но мне пора.

— До свидания, Руслана, — поднявшись с борта лодки, сказал я.

— Пока, Руся. Скоро увидимся. Я на следующей неделе приеду сюда на пару суток. Пообщаемся?

— Буду ждать, лю... Белый. Ты ж сам знаешь моё отношение к тебе. Ты только позови...

Белый, сделав шаг, наклонился к Руслане и поцеловал её в губы. Затем, позвав меня за собой, быстрым шагом направился к костру.

— Не оборачивайся, — немного раздражённо, кинул мне Олег.

И только мы поднялись по гранитному валуну наверх, как сзади послышался негромкий всплеск, похожий, как будто кто-то кинул небольшой камень в воду.

Подкинули ещё пару поленьев в костёр, который уже стал не таким ярким.

— Пойдём ложиться, а то уже скоро утро, — заметил Олег.

— Как утро?

— Посмотри на часы.

Я глянул на экран смарта. Было больше четырёх часов. В недоумении посмотрел на друга.

— Так мы говорили минут двадцать всего...

— Вить. Ты в сказке побывал. А там время течёт несколько иначе. Бывает быстрее, бывает медленней. А бывает, что и совсем останавливается.

— Олег, а это была настоящая русалка?

— Нет, игрушечная. Вить. Не показывай, что ты глупее, чем есть на деле.

— А у неё ниже... — я замялся. — Хвост или ноги? А то она сидела так, что ничего не видно было.

— Это самое главное, что тебя заинтересовало в ней? — с улыбкой спросил Белый. — Пошляк ты, Витька. Хотя, ладно, отвечу. Это, смотря с кем она общается. Со мной — ноги, а с большинство, кто имел возможность увидеть её, хотя бы издали, или мельком — видят хвост. Так что гордись. Ты, наверное, входишь в число тех немногих, — и он растопырил пальцы на обеих руках, — кому вообще посчастливилось увидеть вблизи Русю. Она ведь не злая. Не коварная. К людям относится, правда, нейтрально. Не топит их, а, порой, даже помогает. Кого не любит — так браконьеров, да алкашей, кто в воду лезит и матерится на всё озеро. Она частенько таких наказывает. Порой так, что последние «синяки» завязывают полностью.

— Олег, а она что, любит тебя? У вас что-то было?

— Дурак ты, Витька. Не обижайся, но хоть ты и хороший человек и добрый мне спутник по жизни, но твоя профессия на тебя отложила отпечаток. Ты думаешь только об одном, как перед твоими глазами появляется красивая женщина. И свою сразу забываешь! — и он мотнул головой на палатку, где спала моя жена.

— Я свою Наташку люблю, Олег. Очень люблю. Больше своей жизни.

— А жизнь свою ты любишь, коль такими словами разбрасываешься? — и Олег строго посмотрел на меня ТАКИМИ глазами, что я заткнулся. Это были глаза глубокого старца. Прожившего множество лет. — Не ценишь ты то, что тебе дано. Ладно, иди спать. Я немного посижу один, подумаю.

Смутившись, молча встал и пошёл к палатке. Залез в наш спальный отсек и, ввинтившись под бок супруги, мгновенно отелючился.

А утром всё было как обычно. Смех, добрая компания. И ничего не напоминало то, что случилось ночью. Да и воспоминания у меня были такие, словно это произошло много лет назад. Какие-то размытые и фрагментальные.

Позже, не раз оказываясь в тех местах с Олегом, пытался разговорить его о Руслане, но Белый всякий раз сворачивал эту тему, замыкался в себе и разговор наш плавно перетекал совсем на другое...

Виктор закончил рассказывать и замолчал, А на лице его была непердаваемая грусть.

* * *

— Знаешь, Виктор, — прервав молчание, сказал Сергей Павлович. — Слушая и видя тебя, я понимаю, что ты каждый раз вновь переживаешь те события, о которых рассказываешь. Да и сейчас ты расстроился.

— Так смешного в этом ничего и нет. Я вот, честно говоря, не понимаю, как Белый живёт? Все эти больные дети, все стычки с нечистью... Ничего радостного в его жизни и нет. Но он постоянно пытается смеяться, шутить. Жизнерадостен. ОТКУДА это у него?

— Виктор. Не у меня надо спрашивать. Я его и не видел никогда. Ведь это ты его друг и знаешь его многие годы. Так что вопрос считаем риторическим. А ведь эта встреча с так называемой русалкой... Почему он тогда посмурнел, расстроился? Или я не так что-то понял?

— Ну... Не знаю, Сергей. То, что это была невесёлая встреча, то да. Хоть они оба и

были настроены по-доброму. Говорили чуть ли не с подколами, улыбались, но... Как будто расставались, чуть ли не навсегда. Вот такой у меня остался осадок.

— Прости, Виктор, что я тебе испортил настроение своими распросами.

— Да нет, Сергей. Ты ни причём. Просто вспоминается она мне последнее время часто...

--

Сергей посмотрел на официанта, который подошёл к их столу, поставив две чашки ароматного кофе.

— Ещё что-нибудь желаете? — спросил он.

— Нет, спасибо. Мы ещё немного посидим, потом, вероятно, повторим, — ответил Ярый, кивнув головой на чашки кофе.

— Вы позовите, когда я Вам понадобится. И сидите сколько хотите. Я Вас не гоню, — официант улыбнулся и покинул столик.

--

- Да, Виктор. Странный человек этот Белый. С русалкой дружит и ликантропа гоняет по нашим лесам. Интересная жизнь...

Виктор поднял грустные глаза на собеседника. Ухмыльнулся и, внезапно, даже озлобился.

— Ты забыл добавить, что и детей лечит, порой вытягивая их с того света, и лежит пластом по несколько дней после самых тяжёлых, и тело его выглядит как у Франкенштейна, словно его разрезали на куски, а потом слепили кое как обратно. «Весёлая» жизнь? Продолжить?

— Он что, воевал? Где?

— Он постоянно на войне, Сергей. Постоянно. И когда детей лечит — он также НА ВОЙНЕ. А шрамы его — это после встречи с такими, о ком я тебе рассказал. Ведь Олежка — раньше был только ЛЕКАРЕМ, даже не ЗАЩИТНИКОМ. Он больше лечил. А сейчас. Понимаешь? Он защищает не столько нас с тобой в прямом смысле, хоть и это тоже. Он защищает землю нашу от чужих.

— Виктор. Расскажи мне — а кто такие ЗАЩИТНИКИ И СУДЬИ? И какие так «чужие»? Я понимаю, что не инопланетяне и не пришельцы с Марса, но всё же?

— Ну, ты и вопросы задал... Это разговор не на один день. Попробую объяснить как смогу, коротко и, естественно, всё упрощая. Раз мы с тобой перешли к вопросам и ответам, то не стесняйся.

Ярый улыбнулся.

— Если только когда станет совсем уж неважно.

Виктор хмыкнул и начал рассказывать.

— ЗАЩИТНИКИ — это воины. Они гонят чужую нечесть с нашей земли. И бой ведут не только на физическом уровне, но и ментально. Понимаешь о чём я? Их мало на нашей земле. С полсотни всего. Это не только мужчины, но и женщины. Там не играет в большей степени физическая сила. Важнее сила духа и навыки, знания, вера. И, к сожалению, если можно так выразиться, наши не только всегда побеждают. Бывает, что и гибнут. А как гибнут — не спрашивай. Это намного страшнее физической смерти. И с каждой такой потерей наша земля слабеет.

Кто такой СУДЬЯ? У нас, в России, их, обычно, не более шести. Но с нача века погибли почти все. Насколько я слышал, последний судья ушёл в небо в 1945 году. С тех пор их нет. Они рождаются раз в сто лет. Живут намного дольше обычных людей. Они не воюют, как Защитники, но их слОва слушаются все. Люди, имеющие дар, нелюди, звери. Да. Самые обычные звери. СУДЬЯ. В мирное время ОН вне всякой борьбы. Но, если его призовут, тс может и должен остановить любой бой и, проведя свой суд, вынести приговор. СУДЬЯ неподкупен и он непогрешим. А знаешь почему? Любая его ошибка, даже в мелочах, может быть фатальна — привести его самого к долгим мучениям и даже гибели. Поэтому очень часто, решая особо сложный вопрос, СУДЬЯ берёт паузу в распрях между враждующими сторонами. И рассматривает дело внимательно. Порой очень длительное время. Но все знают, что против приговора или решения СУДЬИ, противиться не стоит. Тем более нападать на него самого. У каждого СУДЬИ есть как свой ЗАЩИТНИК, присутствующий при вынесении приговора, так и своя личная защита, которая работает вне его самого.

Вот представь. Ты не согласен с решением СУДЬИ, и хочешь его убить. Например, ты, находясь в толпе, решил в него выстрелить, и уверен, что убьёшь. Так вот. Как только ты достал свой пистолет и прицелился в СУДЬЮ, с тобой обязательно случится, скажем, так, неприятный для тебя исход. Ты просто умрёшь. Можешь загореться без причин. Или тебе в сердце твой сосед по толпе загонит заточку или нож. Или сотрудник охраны ударит тебя с силой в висок. Или просто камень на тебя с неба упадёт... Вообще, результат один. И это знают все. И нечисть, и звери.

А в людские споры СУДЬИ стараются не вмешиваться. Это не главная их забота. У людей есть кому судить и наказывать. А вот во время общей войны... тогда да. Тогда все встали на защиту своей земли.

— Но Белый сказал, что моя дочь ЗАЩИТНИК и СУДЬЯ?

— Сергей. Не всё так быстро происходит. Сейчас она — маленькая девочка. Ты сказал, что ей пять лет?

— Чуть больше пяти. Пять с половиной.

— Это созревание. Не хочу тебя пугать или радовать, но ЛЮБОЙ СУДЬЯ проходит через невыносимую боль в детстве. Каждому достаётся своё. И это первый шаг. Если судить по твоим словам, то внучка проходит через этот, именно первый этап.

Второй шаг — наступает тот момент, когда ребёнок должен решить сам — остаться живым за счёт других или умереть самому, никого не оставив страдать. Это — самый главный шаг в жизни претендента. Только тогда решается — сможет он быть СУДЬЕЙ или нет. Далее следуют ещё три испытания, но они не такиеважные в жизни, как первые два.

— А кто это решает? — спросил с тревогой и недоверием Ярый.

— На этот вопрос у меня нет ответа. Да и никто тебе не ответит. Мы просто не знаем. Как-то повелось, что про себя все говорят, что это решают боги.

— Боги?

— Вполне возможно, что раз в сто лет они просыпаются где-то, что б глянуть на очередного кандидата на эту уж совсем нечеловеческую, по тяжести, должность.

Виктор хмыкнул, сделав из чашки глоток кофк.

— Да уж... Вот и до богов дошли. Виктор, акто такой дед Панкрат? Внучке он тоже снился.

Виктор метнул взгляд на Сергея Павловича. С минуту помолчал, раздумывая.

— Дед Панкрат — ХРАНИТЕЛЬ. Я немного смогу тебе рассказать. Мало что знаю, да и видел его только раз. Мне позволили даже поговорить. Само слово ХРАНИТЕЛЬ уже содержит ответ на заданный тобой вопрос. Эти люди стоят на защите нашей земли. Они как символ, как флаг. Чем занимаются? Собирают знания, делятся ими как с ЗАЩИТНИКАМИ так и с СУДЬЯМИ. Таких в России — двенадцать, по числу РОДОВ, что существовали в древности на Руси. Прости, но больше нечего добавить.

— А почему дед Панкрат, как привиделось моей внучке, живёт в лесу, вдали от людей?

— Так ХРАНИТЕЛИ уже и не совсем люди. У них много как обязательств, так и способностей и возможностей. Тому пример — сон твоей внучки. А почему в лесу? Вот представь себе, что ты находишься в комнате, где работают тихо тысячи радиоприёмников, причём каждый вещает на своей волне. Сколько ты сможешь там пробыть, что бы не сойти с ума?

Ярый представил себе такую ситуацию и хмыкнул.

— Думаю, что недолго.

— Вот, ты сам себе ответил на свой вопрос. ХРАНИТЕЛИ чувствуют эмоции, а порой и слышат мысли людей. Особенно, если в них проклятия или мольбы о помощи. Всем они помочь не в силах. Поэтому и уходят туда, где могут хоть немного избавиться от лишнего шума в голове. Извини, но давай оставим и эту тему... Вот ты спрашивал меня, кто такие чужие? Сергей. Ответь мне. Только подумай прежде. Включи свои профессиональные навыки.

— Слушаю, — Сергей Павлович поставил локти на стол, положив подбородок на сжатые кулаки. — Внимательно тебя слушаю.

— Я задам тебе тот вопрос, который давным-давно, в свою очередь, задал мне Белый перед тем, как хоть немного посвятить меня в то, чем он занимается.

— ...

— Ты же много читал, наверняка слышал о тех, кого я назову. Такие создания, как... Джины, ифриты, гули? Птица Рух, к слову. Откуда они родом?

— Необычный вопрос, но я отвечу — из арабской мифологии. Частично с Китая.

— Молодец. Чётко и ясно. А теперь следующий вопрос. А в нашей мифологии такие упоминаются? В преданиях, в сказках?

Ярый задумался, но через непродолжительное время ответил.

— Скорее нет, чем да. Можно, конечно, провести паралели. Например, птица Рух у них — это Змей Горыныч у нас...

— Не совсем уместное сравнение, но я тебя понял. Немного только тебя поправлю. Ты сказал то, что само себе противоречит. Птица и Змей — совершенно разные создания. Здесь будет более уместно привести пример из европейской мифологии — Василиск или, например, Химера. Они более похожи. Ну, это так, к слову. А почему, на твой взгляд, те же джины нигде в наших преданиях не упоминаются? Если только уж совсем в современных, да и то, типа Старика Хоттабыча?

— Виктор. Тогда сам объясни мне, неразумному, коль твои мысли и знания столь велики. Буду внимать твоей мудрости беграничной.

Сергей выдал эту фразу не задумаваясь, и сам понял, что это звучит несколько неуместно.

Виктор же, зажав рот рукой, как маленький, тихо захихикал.

Секунд через десять, чуть успокоившись, ответил.

— Прости, Сергей, за мою реакцию. Поясню. Почти также, много лет назад, очень похожими словами, что сейчас прозвучали от тебя, я ответил на вопрос Белого. Знаешь, как это называется? Гносеологическая моторика генетической памяти. Вроде бы так звучит. Ты произнёс слова, не задумываясь об их содержании, рифме и строении фразы. Ведь так СЕЙЧАС никто и не говорит. Произнеся имена сказочных персонажей из арабской мифологии, я вызвал у тебя соответствующую реакцию. Ты стал говорить как араб — плавная речь, мягкий слог. Хотя и на русском. Дети ТАК никогда не ответят, а вот взрослые зачастую неосознанно так и отвечают.

— Виктор, а ты, правда, из МВД? Такое чувство, что...

— Сергей, это я услышал от Белого. Может и ошибся в деталях, но смысл такой. Это неосознанное, интуитивное действие, которое при определённых внешних условиях включает нашу неосознанную память. Память предков, которая есть у всех живущих. И мало кто это понимает. Вспомни персонаж вышеупомянутой русалки. О том, что они существуют, ну... пусть существовали, пусть в сказках. Давай проведём эксперимент.

Давай. Мне даже это затянуло. Что от меня требуется? — Ячный с улыбкой посомтрел на Виктора.

— Ничего особого. Закрой сейчас глаза и представь образ русалки. Подумай — чем она может быть опасна лично ТЕБЕ? Первое, что приходит в голову — она тебя может утопить. Так?

— В принципе, да, так.

— А откуда такие мысли? Ты что, видел или слышал, что где-то когда-то русалка кого утопила? Да, катати. Помнишь знаменитое произведение Пушкина «Руслана и Людмилу». Как там? «Там чудеса: там леший бродит, русалка на ветвях сидит»... Так нам всё время внушали, что русалки из воды не вылезают. И вдруг такое... Знаешь, а ведь Пушкин не просто так написал эти строки. Ведь раньше русалка — это был человек, который мог одновременно обитать как на земле, так и в воде. И неизвестно где ему было более комфортнее себя чувствовать.

— Виктор. Это, как говорят, «притянута за уши».

— Не убедил? Хорошо. Вот скажи, почему ты боишься злой собаки, которая рычит на тебя и скалит зубы. Хотя тебя лично в твоей жизни никогда собака не кусала? Но ты ТОЧНО знаешь, что она МОЖЕТ укунить протянутую тобой руку.

Еще пример. Когда твоя дочь была маленькой. Вы гуляли вместе, и ты наверняка её катал с горки. Было? Было. И я уверен, что у тебя был в душе огромный страх, что твоя дочь упадёт, поранится или ещё что с ней случится. И ведь это было в самый первый раз, когда ты её посадил на горку. Откуда ты мог узнать, что такое, в принципе, могло бы случиться? Почему это чувство у тебя пробудилось именно в тот момент?

Так вот. Это и есть то, что называется генетической памятью. Памятью наших предков. Которых и собака кусала, и дети их бились на горках. Память наших предков уходит в века. И каждое поколение что-то, но и само оставляет своим потомкам. Да и не первые мы живём на нашей земле...

— Виктор. Я в своё время интересовался этой темой. Был такой период. Читал Блаватскую, Рериха...

— Стоп, Сергей. Не хочу тебя обидеть своим вопросом, но ты понимаешь, что классическая музыка и современная эстрада — это не одно и то же?

— Виктор. Не обижай меня.

— Я не обижаю. Коль понимаешь, то скажу. Многие любят музыку. Сочиняют что-то и исполняют это. Вернёмся к началу. Нот всего сколько? Семь. ВСЕГО СЕМЬ нот. А итог : всех композиторов и исполнителей совершенно разный. И те, чьи фамилии ты назвал — просто немного прикоснулись к ТОМУ, что есть на самом деле. И в творениях тех авторов больше мистики и придумок, чем правы.

Ладно, мы уже «уехали» совсем далеко. Вернёмся к нашим «баранам», то есть к джинам. Почему в русской мифологии их нет, так потому, что мы совершенно разные народы. И память предков у нас разная. Даже с Европой у нас больше общего, чем, порой, с самыми близкими соседями по границе на юге. Мы даже с древними египтянами ближе в мифологии, чем с тем же Ираном или Афганистаном. Даже в Киргизии, в Узбекистане и у других наших «бывших», совсем другая мифология, другой менталитет и другая память предков. К чему мой монолог? Поясню. Те существа, порой сказочные, имеют чётко ограниченный ареал обитания. И эти границы ранее почти не нарушались.

Но тридцать лет назад что-то произошло. И представители чужой нечисти стали проникать к нам. Знаешь, Сергей, у нас на Родине такого «добра», нечисти, своей хватает. Но наши другие. Если так выразиться — они более человечны, что ли. Они не УБИВАЮТ ради еды и забавы. Да, могут покуражиться, нанести повреждения человеку как на физическом, так и ментальном уровнях. Но это, в большинстве своём, излечимо. Соглашусь, бывают и смертельные исходы, но у нас, в основном, такие случаи единичны. Особенно в последнее время. И знаешь почему? Да потому, что НАША нечисть встала на защиту своей земли. Чаще всего справляются с «гостями» сами. Но не всегда. Поэтому у нас и появились Защитники. Нет, не так сказал. Они были всегда. Испокон веков. Просто в наш век информационных технологий скрыть действия Защитников стало труднее... Ты улыбаешься? Не веришь?

Виктор посмотрел на собеседника.

— Если честно, то нет, — ответил Сергей, стараясь сдержать улыбку.

— Хорошо, Сергей, — продолжил Виктор. — Я опять задам тебе вопрос, на который постарайся мне ответить честно. Ты любишь в лес ходить? За грибами, за ягодами.

— Любить-то люблю, да в последние годы нечасто случается съездить.

— А когда ты в лесу находишься, ты песни поёшь громко? Орёшь во всю мочь?

Материшься?

Ярый сидел, с удивлением смотря на Виктора.

— Ты и мнения обо мне...

— Так ты ведёшь себя тихо? Так?

— Конечно, тихо. Как и все.

— Ну, скажем, далеко не все. А почему ты ведешь себя тихо?

Ярый задумался.

— Не хочется нарушать тишину. Этого так не хватает.

— Ты не шумишь, Сергей, потому, что ты оказываешься в другой атмосфере, в другой ситуации. Ты вступаешь в чужой, в необычный для тебя мир, вторгаешься в чужую ЖИЗНЬ И, совершенно неосознано для себя, ты пытаешься вести себя так, что бы не мешать обитателям леса.

Виктор улыбнулся каким-то своим мыслям и продолжил.

— Вот тебе вопрос. Как ты думаешь, кто больше соберёт грибов из двух кандидатов?

Первый. Ведёт себя тихо, аккуратно, что бы не сломать, отводит рукой от лица мешающую ветку дерева, осторожно ступает по лесу, стараясь не повредить кустарники и цветы. Не кричит, не матерится. Мусор не раскидывает по сторонам.

Второй. Орёт, ломает ветки, ногой поддаёт по мухаморам, плюёт по сторонам, окурки непогашенные разбрасывает. Вообще, ведёт себя дико, хоть и находится в лесу, а не в населённом пункте. Так у кого корзинка еаполнится быстрее?

— Виктор. Ну, ты и примеры привёл...

— И всё же?

— Предполагаю, что результат будет более продуктивен у первого фигуранта. Он менее отвлекается на постороннее и его внимание сконцентрировано на итоговом результате.

— Ты как на работе, — Виктор улыбнулся. — А не подумал, что лес — это своя закрытая экосистема, в которой человек совершенно лишний? И тот шум, который он издаёт. И окурки, и сломанные кусты, ветки, сбитые просто так грибы — всё это мешает обитателям леса. Нарушает их покой и сложившийся веками порядок? А ведь в лесу находятся не только животные, птицы и насекомые. Есть там и те, кто смотрит и отвечает за порядок. Их почти никто никогда не видит, но это не значит, что их там нет. Поверь, Сергей, есть. Намного меньше, чем было много веков назад, когда и возникли среди народа различные былины и сказания, но есть.

А лес Живой. Он чувствует тебя. С каким настроением ты пришёл. Если ты друг ему и ведёшь себя в лесу достойно — он делится с тобой тем, что имеет. А в другом случае может поступить совсем иначе.

— Да. Виктор, интересно рассказываешь. Ты кого угодно сможешь заставить поверить в чудеса. Но позволить спросить. И почему же об этих чудесах не говорят вокруг.

— Почему не говорят? Говорят и пишут. Есть много сайтов в интернете, существует периодика, которая специализируется на всём необычном. Там много пишут небылиц, да и просто ерунды. Но, случается, хоть и очень редко, обнаруживаются реальные факты. Правда, есть люди, которые занимаются тем, что уводят внимание особо дотошных и любопытных немного в сторону. Чуть-чуть, но акцент внимания меняется. Иначе нельзя. Поверь.

— И ты один из них? Из той организации, кто помогает?

— Организации, как таковой, не существует. Есть много тех, кто даже не осознано, но отвлекает внимание населения от того, что людям пока знать не надо. Не доросли они своими действиями, поступками, да и умом.

— И я тоже из числа этого населения? — прищурившись, спросил Сергей Павлович.

— Сергей. Ты тоже защищаешь нашу страну, нашу землю. На своём рубеже, насколько я знаю, достойно выполняешь свои обязанности. Просто ты лично ещё не готов принять чуть больше. А я, благодаря Олегу, немного узнал... Познакомился с некоторыми людьми из его окружения. И, обладая этой информацией, даже, порой, задумываюсь — а нужно ли мне это было?

Сергей увидел, что его собеседник смотрит сквозь него, погружившись в свои мысли.

— Виктор. Можно ещё вопрос.

— Слушаю.

— А как относится Белый к церкви и христианству?

— Мне кажется, что этот вопрос не к месту. И не по теме, на которую мы беседуем.

— И всё же?

— Я не хотел бы отвечать, если честно. Но коль у нас весь вечер были риторические вопросы перед объяснениями, то не будем ломать сложившийся порядок. Скажи. Когда в Вашей семье узнали о болезни внучки, Вы в церковь ходили?

— Не буду скрывать, да. Хоть мы все и не крещёные, тем не менее, ходили к батюшке, заказали службу, поставили свечи.

— И что, помогло? Хоть чуть-чуть?

— ...

— Прости за нетактичный вопрос. Знаю, что не помогло. Отвечу тебе так. Постараюсь деликатно. Православие — не наша религия. Она чужда НАШЕЙ земле. Да и не только православие. У нас были свои боги, кому поклонялись наши предки. Плохие или хорошие, но они были НАШИ. А всё чуждое, что насаждается у нас, не всегда работает на благо нашей земле. Давай тебе задам последний вопрос. Как ты понял, я люблю задавать вопросы и сам же на них отвечать, — и Виктор улыбнулся.

— Представь, что ты стоишь где-нибудь на берегу реки, смотришь на небо и радуешься первым лучам восходящего солнца. Что скажешь? Приблизительно так — «Я счастлив, что я жив и вижу это. Здравствуй, солнышко». Так? А теперь другая ситуация. Ты так же стоишь, но рядом с тобой находится другой человек. Ты, посмотрев на небо, обернувшись к своему соседу, говоришь.

— Передай сыну Божьему, что б тот передал своему отцу, что я радуюсь жизни и доволен тем, что солнце сегодня встало. Чего смеёшься?

Оба собеседника улыбнулись.

— Да, Сергей, разница огромна. Ты сам это понял. И слова уже не так звучат, эмоции не те, да и посредники эти... Я тебе закину в голову одну мысль, а ты мучайся, — Виктор улыбнулся. — Ответа твоего сейчас не жду. Вопрос такой.

— Почему все религии яростно борются с идолами? Не только реальными, но и воображаемыми? А верующие практически всех конфессий, всех религий, ведь не обращаются НАПРЯМУЮ к Создателю всего, что нас окружает? А обращаются почему-то к ликам тех, кто или был историческим персонажем или является полностью выдуманной фигурой. Ведь те, сами по себе, по факту же не являются первоисточником создания жизни? Так почему же люди выбирают какого-то посредника между собой и создателем?

Виктор смотрел в лицо смущенного Сергея и улыбался.

— Вот когда ты сможешь решить этот теологический вопрос для себя лично, тогда можем встретиться как-нибудь, да и поговорить более свободно. А на сегодня давай божественное больше не затрагивать. Вдруг кто нас слышит и мы оскорбляем его чувства...

Виктор откинулся на спинку стула и посмотрел на часы.

— Ого! Наверное, давай уж на сегодня вообще закругляться. Уже скоро десять вечера, а мне завтра в путь.

— Далеко?

— Не очень далеко, но накатаю за день много. Кстати, а куда делся наш коньяк? — и с улыбкой посмотрел на Сергея.

Тот удивлённо пзаглянул в свой пустой стакан. Перевёл взгляд на стакан Виктора. Тот тоже был пуст. Поднял глаза на собеседника.

— Вот то-то же. Ладно. Давай расплачиваться и по домам.

Он достал из кармана пиджака кошелёк.

— Виктор Константинович, не обижай, — Ярый, прижал своей рукой руку товарища, в

которой был кошелек. — Я тебя пригласил, мне и платить. Если честно, сидел бы и сидел. Тебя слушал. Настолько необычно и интересно. Много информации получил. Теперь надо поразмышлять и раскидать всё по полочкам.

— Сергей. Как там? Боюсь ошибиться, но звучит приблизительно так — «многие знания многие печали?»»

— Именно так. Изречение царя Соломона.

— Сергей. А ты и, правда, из ФСБ?

— Счёт один-один.

И оба негромко засмеялись.

--

Расплатившись, оделись и не спеша пошли к метро.

--

Уже перед самым расставанием, когда Виктор должен был пересаживаться на другую линию, Сергей немного придержал в своей ладони руку товарища.

— Виктор. Как ты думаешь. Белый поможет моей Кате?

— Кате он поможет, поверь, а вот чего ему это будет стоить...

— В смысле?

— Сергей Павлович. Пожалуйста. Без дальнейших вопросов, потому, что я не смогу тебе ответить. Скажу тебе так. Если я правильно понял с твоих слов состояние внучки, то Олегу будет тяжело. Он ведь все болезни такого рода пропускает через себя. Вообще он старается не брать безнадежных, уж прости за мои слова. Особенно, если видит, что до смерти ребёнка несколько дней. Он же не Бог, он не всесилен.

Такой случай, как с твоей, у него второй. Первый ему дался очень тяжело. Олег приходил в себя потом пару месяцев. Но больше переживал, что тот, первый кандидат, которого он «вытянул», не прошёл второй этап испытаний. Тот мальчик выбрал себе жизнь и здоровье за счёт другого человека.

— За счёт Белого?

Виктор кивнул.

— Прости, а тот, первый, он остался жив?

— Да. Но теперь он совершенно обычный человек.

— А что с Белым было потом?

— Сергей. Обычно, после такого, Олег просто исчезает, забирается в какую-то нору и «зализывает» себя как дикий зверь. Ему необходимо одиночество, хорошее питание и, по возможности, место силы. Есть такие в наших краях. Именно там он приводит себя на порядок быстрее. Ладно, бывай, увидимся!

Он ещё раз пожал руку Ярому, и, не оглядываясь, вышел из вагона метро.

А Сергей Павлович ещё долго прокручивал в своей голове то, о чём сегодня услышал. Поверил он или нет? Ярый пока не определил для себя это. Хотя больше было недоверия, но... Но слова Виктора Константинова немного поколебали его логику и мировоззрение.

Вот и наступил не только долгожданный, но и самый тревожный день.

Почти не спав ночью, Виктория с тревогой и даже ужасом ожидала назначенного часа, когда встретится с этим таинственным человеком, что заберёт её дочь. Она своим материнским сердцем надеялась на чудо, что её кровинушка будет здорова, но всё равно было очень страшно. Страшно от того, что ей и Кате придётся расстаться, а они ведь до этого всегда были вместе. Постоянно.

С утра и папа ее, и Дима были молчаливы, и лишний раз старались не дёргать Вику. Видели её состояние и пытались хоть немножко её поддержать. При этом сами были подавлены, но не показывали этого.

Проводив своих на работу, Виктория заглянула к дочери в комнату. Та спала.

Вика подошла к кроватке, постояла рядом и тихо ушла, что бы случайно не разбудить ребёнка.

Вернулась на кухню. Попыталась помыть посуду, оставшуюся после завтрака, но увидела, что её руки трясутся.

— Лучше потом помою, иначе сейчас всё перебью, да и Катю разбужу.

Виктория вытерла мокрые руки и пошла к себе. Дойдя до дивана, легла, уткнувшись в подушку, и тихо заплакала от горя и бессилия. Она понимала, что сама она ничего больше сделать не может. И то, что должно случиться, неизбежно. Было два исхода. Или Катя скоро уйдёт, или случится чудо и её роднуля поправится...

Она тихо заплакала, а потом, даже не заметив, как и уснула...

* * *

В 9.45 у Виктории зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Виктория Сергеевна. Белый. Через 15 минут я к Вам подъеду. К сожалению, моя машина неожиданно сломалась, поэтому я попросил своего хорошего товарища выручить меня. Он меня подождёт внизу, а к Вам поднимусь. Катя готова?

— Да. Может приготовить что-нибудь дополнительно с собой? Тёплые вещи, еду?

— Спасибо, но ничего не надо. У меня всё необходимое есть. До встречи.

— До свидания.

--

Через 15 минут раздался звонок от консьержа.

— Виктория Сергеевна. К Вам посетитель, мужчина. Пропустить?

— Он один?

— Да. Но на улице перед самой парадной поставили большую машину. Ваш гость вышел именно из неё. Судя по тому, что машина осталась с включёнными фарами и работает, там ещё есть, как минимум, один человек.

— Я в курсе. Спасибо.

— Виктория Сергеевна. У меня вопрос. Он ок вам надолго? Извините, но машина Вашего гостя загораживает проход и проезд.

— Не беспокойтесь. Он приехал буквально на несколько минут. Он — врач. Сейчас

заберёт дочь на обследование и уедет.

— Вы поедете с ним?

— Нет. Я подъеду в больницу позже.

— Спасибо. Я понял. Вашего гостя пропустил.

--

Спустя несколько секунд раздался звонок в дверь.

Подойдя, Вика, как и было оговорено заранее, спросила.

— Кто там?

С другой стороны весёлый мужской голос ответил.

— Я к Солнушку. Оно меня ждёт.

Оговорённые слова были произнесены и Вика, выдохнув от облегчения, даже не посмотрев в глазок, открыла дверь.

На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, с лёгкой сединой на висках и внимательными глазами. Высокий, подтянутый, в дорогой полуспортивной одежде. Но, что сразило Викторию, с мягкой и доброй улыбкой на лице.

— Разрешите войти, Виктория Сергеевна?

— Простите, конечно, заходите.

— Мам! Кто там? — раздался из комнаты голос дочери. — Это дядя Белый?

— Да, родная. Это к тебе.

— Ура!!!

И из комнаты, почти бегом, выскочила Катя. Увидев гостя, она сначала замерла, а потом протянула к нему ручки и совершенно здоровым голосом закричала.

— Ура-а-а-а!!!

Белый, сделав шаг навстречу, подхватил малышку на руки, поднял её лицо вровень к своим глазам и довольным голосом произнёс.

— А ты, оказывается, ещё более красивая, чем я представлял.

— И ты тоже, — и Катя погладила двумя руками по щекам Белого так, как своего родного человека. Как маму или папу.

Посмотрела ему в глаза, неотрываясь и, обхватив того руками за шею, доверчиво прижалась к Белому.

— Ты меня сейчас заберёшь? Или мама тебя сначала чаем напоит?

Виктория засуежилась.

— Да. В самом деле. Простите. Проходите на кухню или в комнату. Давайте, я чай или кофе Вам сделаю. Бутерброды хотите или чего-нибудь сладкого?

— Спасибо, Виктория. Можно я буду Вас так называть?

— Конечно можно.

— Спасибо за предложенное угощение и гостеприимство, но у нас не так много времени. Но, если можно... У вас есть растворимый кофе?

— Да, конечно. Сейчас воду согрею.

— Нет, спасибо, не надо греть. Мне, пожалуйста, 2–3 ложки с горкой кофе, если не жалко, конечно, — он улыбнулся. — Одну ложку сахара и просто налейте туда холодной воды. Если можно, конечно, не из-под крана.

— У нас дома бутилированная вода. Но холодный кофе — он же невкусный. Как Вы можете такое пить?

— Помните поговорку «На вкус и цвет...» Это именно про меня. Я люблю холодный кофе. Не остывший, а именно на холодной воде. Тогда вода вкус кофе не меняет. Знаете, когда Вы кофе завариваете или заливаете кипятком, — самое ценное в этом напитке пропадает. И аромат и вкус. Представьте, что вы полили цветок кипятком. Что с ним будет? Он умрёт. Очень быстро. А растворимый кофе всё же остаётся живым, хоть над ним и издевались. Как и чай и молотый кофе нельзя кипятить. Ой, простите. Сам не туда «уехал» со своей болтовнёй. Этот разговор может быть слишком долгим. Давайте так. Я не буду проходить, здесь постою. А пока вы одеваете Катю, я и выпью кофе. Хорошо?

— Конечно. Как скажете. — Виктория, быстро сотворив на кухне заказанную «бурду», иначе она никак не могла назвать сделанный кофе (тихонько сделав маленький глоток, чтобы попробовать получившееся), отнесла в прихожую гостью и взяла на руки Катю, которая совсем не хотела слезать с рук Белого.

— Вика. И как Вам кофе? Вы ведь попробовали, да??

Виктория смутилась и, кажется, даже покраснела от стыда. Она даже попыталась вытереть незаметно рукой губы.

— Не стесняйтесь. Всё нормально. И губы у Вас чистые. — Белый улыбнулся настолько по-доброму, что Вика и сама в ответ не удержалась от улыбки.

— Не вкусно. Горький получился, хоть я и пыталась тщательно размешать сахар в кружке.

— Да. Вы правы. Вот не знаю почему, но сахар всегда остаётся на дне. Как долго не мешай, — и Белый задумчиво посмотрел в глубину чашки. — И сегодня на дне останется. Но ведь это не причина, что бы расстраиваться. Правда?

— Да, конечно, — опять смутилась Вика. Она вдруг почувствовала совершенно невыносимое для себя желание — подойти ближе, обнять и прижаться к этому, почти незнакомому для неё, мужчине. Он был какой-то удивительно тёплый и домашний.

— Вика. Не смущайтесь. Я ведь всё чувствую, — и улыбнулся. — Но лучше, если мы не будем всё же терять время и Вы оденете Катю. Нам, если честно, пора. И ехать... долго, да и потом... опять ехать.

— Далеко?

— Нет, не очень. Всего пару часов... и еще... немножко.

— Далеко...

— Вика. Не надо волноваться за Катю. Хотя... Я Вас более чем понимаю — отдать своего маленького ребёнка в чужие руки на долгое время. Но вы сами согласились на такой шаг. Я прав?

— Да. Это решали мы сами. Мы понимаем, если...

— Вика. Остановитесь. Не надо говорить лишнего, да и Катя здесь. Давайте, одевайте её и мы поедем. Вам помочь?

— Спасибо, я сама. Может, всё же пройдёте на кухню?

— Нет. Благодарю. Я, с Вашего разрешения, подожду здесь.

--

Буквально через пару минут одетая Катя опять была на руках Белого.

— Ну что, Солнышко, поехали путешествовать?

— Поехали! Мам, мы поехали путешествовать!!! Ура!!!

Белый наклонился к уху Кати и что-то тихо спросил.

Та, опять прижав к щекам Белого свои ладони, отодвинулась и, внимательно посмотрев мужчине в глаза, медленно кивнула.

Белый с нежностью и осторожно потянулся... и чмокнул Катю в нос.

Катерина же, в свою очередь, схватив Белого за уши, притянув его голову ближе, и тоже лизнула в нос Белого.

Виктория, прижав руки к груди, с изумлением смотрела на этих двоих. Она совсем не ожидала такой нежности от Кати. Как будто это не чужой человек, а... отец. Хотела было открыть рот и сделать замечание дочери, но... промолчала.

А Катя, ощутив недовольный взгляд мамы, повернула голову к ней и показала язык.

— Солнышко, не дразнись, — с укоризной в голосе тихо сказал Белый. — Это не красиво. Не надо так делать.

Он смущённо посмотрел на Викторию.

— Мы пойдём?

Уже сделав шаг к двери, остановился и вновь повернулся к Виктории.

— Вика. Вы сами — необыкновенная девушка. Вам говорили об этом?

— Дядя Белый. Папа ей постоянно об этом говорит. Носит её на руках, как ты меня сейчас, и говорит, что мама — сама необыкновенная кошка на всём белом свете.

— Кошка? А, ну да. Зелёные глаза...

— Катя. У тебя язык... — возмущенно сказала Виктория. — Да и Вы и сами сейчас облизали друг друга как... Катя...

— Нам можно, — улыбнулась девочка и повернула лицо к державшему её на руках мужчине. — Правда, можно?

— Нам можно, — и Белый вновь смущенно улыбнулся. Повернул голову к Виктории.

— Вика, не надо ругать Катю. Она всё делает и говорит только от сердца. И судит сердцем, — он немного помолчал. — Вам нужно будет несколько иначе относиться к ней. Больше уделять внимания её развитию. Попробуйте как-нибудь поспрашивать её на темы, которые она пока совсем не понимает. И попросите ответить на вопрос односложно, сказать — да или нет. Поверьте — сами будет поражены тем, что она Вам ответит.

Он помолчал и, каким-то совсем другим голосом, вроде как извиняясь, спросил.

— Вика, простите за такой вопрос. Вы знаете, от чего умерла Ваша мама?

— Рак. «Сгорела» за пару месяцев. Ей было немного за тридцать.

— Простите. Не хотел Вас расстраивать.

— Ничего. Я давно свыклась, что её со мной нет. Но помню её. Помню лицо. Помню её нежные руки и звонкий голос... У меня, Вы не поверите, иногда бывает такое чувство, что мама рядом. Чувствую любовь её...

Виктория стояла, опустив голову. Замолчала. В её глазах появились слёзы.

Белый тоже опустил глаза вниз и понял, что Виктория очень любила свою маму и тяжело приняла её уход.

— Верю Вам. Наши родные всегда с нами. И покуда мы их не зыбываем, они в нашем сердце. Простите ещё раз, что заставил Вас расстроиться, ну а нам и в самом деле уже пора.

Он сделал шаг за порог.

— Да, последнее. Виктория. Что б Вы не волновались — я сделаю исключение из своих правил. Мы с Катей каждый вечер будем звонить Вам. Именно Вам, а не кому либо из Вашей семьи. Просто, что б сообщить, как у нас идут дела, и что бы Вы могли услышать голос дочери. Устраивает?

— Конечно устраивает. Вы так добры. — Вика, уже не сдерживаясь, заплакала.

— Виктория Сергеевна. Простите, но Вы своим состоянием меня задерживаете. Такое складывается впечатление, что я у Вас силой забираю дочь навсегда. Поверьте. Через 7 дней я её Вам верну. Верите?

— Я верю Вам, Белый. Если не верить Вам, то кому ещё можно???

— Спасибо, Виктория. До встречи. И берегите своего мальчика, — и Белый, коленом помогая закрыть женщине дверь, кивнул на живот Виктории.

--

Дверь закрылась и Вика, закрыв замок, совсем без сил, опустилась на пол у входной двери и зарыдала.

Она сердцем понимала, что сделанный шаг — это шаг в то будущее, где дочь не будет мучиться и плакать по ночам от боли. Где её семья будет улыбаться друг другу, собираясь за традиционным ужином. Где смеха будет больше, чем слёз.

Вика плакала не от страха за ребёнка, а от надежды, что случится то маленькое чудо, на которое она уже и не надеялась... Да разве оно маленькое, это чудо? Ведь выздоровление её дочери — это ЧУДО. Именно так. Большими буквами.

А Катя? Даже не поцеловала маму на прощание и не помахала ей ручкой. Как же обидно... В душе возникла... ревность. То чувство, которое она почти никогда до этого не испытывала.

И, вдруг, её слёзы прекратили катиться по щекам, и Виктория уставилась невидящими глазами в дверь комнаты Кати.

— Как он сказал? «Берегите своего мальчика?» Мальчика? У меня будет сын? И как он узнал? Ведь я сама даже не уверена на сто процентов в том, что беременна. Так... У меня теперь появилось время и завтра, просто с самого утра, надо срочно сходить к врачу. Пусть посмотрят. Неужели Белый прав?

--

Виктория, очумевшая от свалившейся на неё новости, поднялась, схватила чашку из прихожей, в которой было более половины кофе и, думая о своём, пока брела на кухню, выпила всё до последней капли. Дошла до раковины и тут её «стукнуло»...

— Господи. Я ведь допила за Белым кофе. Неудобно-то как... Хотя... Он не видит и не узнает... Глупости какие-то в голове. Хм... А сахар на дне и в самом деле до конца не растворился. Осталось немного. Да и кофе, на вкус, не такая уж гадость, как показалось вначале. Но всё равно. Какой непривычный, особенный аромат и вкус.

И вновь Виктория вспомнила Белого.

Его глаза и улыбка. А его мягкие и нежные руки, когда они случайно коснулись друг друга при передаче Катюни с рук в руки?

Вика села на кухне и вновь расплакалась. Теперь ей было почему-то жалко уже себя. Сердцем она понимала, что это не внезапно вспыхнувшая любовь к мужчине. Нет. То было бы по-другому. А сейчас... Сейчас было то чувство, что она прикоснулась к кому-то родному. И на неё смотрели мудрые глаза, в которых была только забота и... печаль. Безграничная печаль...

А ещё она своим женским сердцем ощутила к себе любовь. Такую, как от папы и...

мамочки, но намного сильнее. Намного. А с уходом Белого она как будто потеряла часть себя.

* * *

Тем временем тот, о котором сейчас думала оставшаяся дома красивая женщина, спустившись по лестнице, кивнул на прощание консьержу и, выйдя на улицу, подошёл к машине.

С водительского места выскочил мужчина и, обогнув машину, открыл заднюю правую дверцу.

— Здравствуйте, моя Волшебница, — мужчина улыбнулся и сделал шутливый поклон девочке. — Меня зовут Виктор, для Вас — дядя Витя.

— Здравствуйте, — ответила девочка и ещё сильнее вцепилась руками в шею Белого. Вас зовут как мою маму?

— ...???

— Ну как Вы не понимаете? Мою маму зовут Виктория. А Вас Виктор. Так?

— Да, моя Волшебница. Зовут так же. Вы абсолютны правы. — И он снова сделал поклон.

— Вить. Хватит дурачиться, — Белый повернул лицо к девочке.

— Кать. Ты меня сейчас задушишь, — с улыбкой проговорил он. — Давай, отцепляйся и садись в это маленькое кресло. Сейчас мы тебя привяжем, что б ты от нас не улетела по своим волшебным делам и... поедem путешествовать. А дядю Витю не бойся. Он хороший. Я это знаю.

Виктор сел за руль, заблокирова все двери и посмотрел через панорамное зеркало на девочку.

— Катя. ВЫ готовы?

— Да, дядь Витя.

— Тогда вперёд? В путешествие?

— ВПЕРЁД. УРА!!!

И дочка крикнула столь громко, что двое взрослых непроизвольно закрыли уши и улыбнулись.

— ВАШЕ желание для меня закон, моя Волшебница, — БЕЗ улыбки проговорил Виктор и мягко тронул машину с места.

* * *

За те почти два часа, что они добирались до другого города, Катя впервые в жизни увидела столько много нового, что её эмоции просто зашкаливали. Дядя Белый сидел рядом, держа руку Кати в своей, показывая и рассказывая обо всём, что проносилось за окнами машины.

Въехав в город, Виктор обратился к Белому.

— Сейчас на лодочную или...

— Давай сначала к егерю.

— Сделаем...

Ещё через десяток минут, проехав по маленькой улочке, машина уткнулась в ворота

небольшого дома.

— Вить. Просигналь.

Водитель нажал на клаксон и из-под машины раздалось то ли громкое мяуканье, то ли рычание. Катя даже вздрогнула от неожиданности.

— Дядь Белый. А что это было? — тихо спросила она.

Двое мужчин засмеялись.

Белый посмотрел на Катю.

— Испугалась?

— Нет. Ну... немножко.

— А представь, Катя, как чувствуют другие дяди-водители, которые неправильно ездят по дорогам и хулиганят, когда рядом с ними раздаётся такой звук. Дяд Витя сейчас — то ещё очень тихо бибикнул. А обычно он, — и Белый с ухмылкой посмотрел на водителя. — Включает раз в десять громче.

— Пугаются?

— Не то слово, Катя, — ответил мужчина. — Настолько пугаются, что и писаются со страха.

— Писаются? Взрослые дяди?

— Ага. А не фиг правила нарушать, — вступил в разговор Виктор и оба мужчины засмеялись.

— Дядя Витя у нас смотрит за прядком на улицах. Что б все водители ездили по правилам и никто друг другу не мешал.

— Ну, тогда правильно бибикаете, дядя Витя. Тех, кто плохо себя ведёт — надо наказывать и в угол ставить. Так мама говорит, — с умным видом проговорила Катя и оба мужчины засмеялись ещё громче.

— В угол? Надо подумать. Хорошо б это выглядело, — с вздрагивающими плечами и, уткнувшись в руль, сквозь смех еле выговорил Виктор. — Представь, Белый. Останавливаю я на Невском или Литейном машину. Выгоняю из-за руля водителя и ставлю его в угол. Настолько по времени, насколько он нарушил. Не показал поворот — на полчаса. Развернулся не в положенном месте — пару часов стой в углу. А если на красный.....

Оба не просто захохотали. У них катились слёзы из глаз. А Катя, не понимая причин такого смеха, сначала переводила непонимающий взгляд с одного на другого, а потом и сама громко и заливисто присоединилась к общему смеху.

* * *

— Радует, когда приезжают ко мне с хорошим настроением, — после стука в окно машины, услышали те, кто там находился.

Белый вышел и обнялся с подошедшим пожилым мужчиной.

— Ты, Белый, отдохнуь, покататься, или...?

— Или, Дмитрий Михайлович, или...

Старик построжел лицом.

— Её? — и он кивком головы показал на девочку в машине.

— Да.

— Хворая очень. Потянешь?

— Потяну. Мне ничего не остаётся. Я её родителям обещал и... только не дёргайся. Верояиный СУДЬЯ это.

— КТО???

— Ты не ослышался. Посмотри сам, если не веришь.

Мужчина открыл дверь и посмотрел на девочку.

— Здравствуй, милая барышня.

— Здравствуйте, дедушка.

— Хорошо доехала?

— Спасибо. Здесь очень красиво. И доехали быстро. Я даже не уснула.

— Умница.

Дед повернулся к Белому.

— ... Так они ж не болеют таким...

— Дмитрий Михайлович. Ты посмотри ИНАЧЕ.

Тот отвернул голову и глянул на девочку, чуть скосив глаза.

— А... Она кандидат? Белый. Что от меня требуется? Я всё сделаю. Не думал, что мне приведётся на своём веку увидеть СУДЬЮ.

— Михалыч. Она пока — только Катя, маленькая девочка.

— КТО? ЕКАТЕРИНА? Да что б тебя... Да я тебя... Ты, засранец, что, не мог позвонит заранее? Я б подготовился...

— Так сложилось. Да. Ещё... Я предположил, а Катина мама подтвердила — у них в семье болезнь передаётся по наследству. Как я понял — через поколение. По женской линии. У меня другого выхода нет. Ты сам понимаешь, что мне одному, без помощи РОДОВ, не справиться. Надо убирать причину. А ты сейчас не суетись. Лучше вот что скажи — мою стоянку не разворошили? НЕ потягали чего?

— Нет. Не волнуйся. Я рядом племяшку подселил. Он присматривает за твоим.

— Михалыч. Ты же знаешь...

— Не волнуйся. Я сейчас его и сниму. Да, Белый. А почему к Панкрату не поехали?

— Тот сам не предложил сам, а я не просил. Панкрат сказал, что сейчас занят очень.

— Очень занят? Ну-ну. Странно. Но что сделано, то сделано.

— У меня к тебе просьба, дед. Не откажи, прошу. Ты смог бы нас на своём катере отвезти? А мою на буксире. Я к себе покидаю пожитки и продукты. Да и сам знаешь, по правилам я не могу девочку один туда везти.

— Без разговора. Давай так. Ты сейчас на станцию, а я через полчаса к тебе подойду. Лады?

— Спасибо. Буду обязан.

— Да иди ты к лешему. Ой. Не. Дурные слова сорвались. Прости. Тьфу-тьфу-тьфу. Всё. Езжайте. Я скоро буду.

И старик, бормоча себе под нос «Это ж надо, судью увидел... это ж надо...», открыв калитку, пошел к своему дому.

* * *

Виктор, задумчиво смотря вслед ушедшему деду, покачал головой.

— Да, Белый. Умеешь ты удивлять. Сколько лет тебя знаю, а как был ты засранцем, таким и остался. Вон, деда напугал. И мне не сказал заранее о Кате.

— Вить. А что б изменилось? Не повёз бы ты нас? Ты ж знаешь, что я и так стараюсь всё делать сам и никого не просить. Просто так случилось, что моя машина сломалась и...

— СЛОМАЛАСЬ? Очень удачное слово нашёл, не находишь. Улыбнуло, честно. Завтра

своим рассказу, что у Белого машина «сломалась». Ржать будут все. Уверен.

— Не надо ничего никому рассказывать. Прошу.

— Дурак ты, Белый. Просить... Если я бы знал заранее, хотя бы за пару дней, кого повезу, так и служебную взял. И быстрее доехали бы и вообще. А я концы свёл в голове только вчера вечером.

— Это ты дурак, Витя. Тебе дай возможность, так ты от самого дома врубил бы крякалку, «люстру» на крыше и так, мигая и завывая, ехали бы? Тебе самому не надоело так кататься?

— А что? Все пропускают. Уважают.

— Не уважают, а боятся. Это несколько иное, не находишь?

— А разве плохо?

— Неисправим. Ты, Витя, как был пацаном, так, спустя многие годы, и остался таким.

— Олег. А я вчера вечером с её дедом встречался.

— В смысле? — Белый удивлённо посмотрел на своего друга.

— Тот попросил встретиться, узнав, что мы с тобой знакомы много лет. Пытался вытянуть из меня информацию о том кто такой Белый и с чем его едят.

— Виктор. А серьёзно?

— Да получилось случайно. По работе тот вышел на меня из-за твоей аварии. Я вначале и не понял, почему ФСБ заинтересовалась господином Белым. А потом, краем уха, услышал, что вроде как твоё ДТП не случайно.

— То есть? Я просто гнал и колесо проколол. А дальше закрутило...

— Не колесо ты проколол, Олежка, а стреляли по тебе.

— Это точно?

— Ну, если бы точно, то мы с тобой сейчас не разговаривали бы.

— Виктор Константинович. Ты может не хохмить, а говорить нормально? Хоть немного?

— Олег. Что знал, то и сказал. Там что-то «мутное». Думаю, с забугорными деятелями связано. Поэтому СЛУЖБА и взяла в свои руки дела.

Белый замолчал. Задумался. А потом опять посмотрел на друга.

— А что ТЕМ надо было от меня? Я же ни с кем из них не работал? Странно... А полковник что хотел у тебя узнать?

— Не поверишь, Олег. ВСЁ хотел. Вцепился как клещ и начал потихоньку кровь сосать. Интересовался кто ты таков, чем занимаешься, крУгом твоих знакомств.

— И что ты ему рассказал?

— Да почти всё тоже, что ты мне рассказывал вначале. И много и ничего. Я в детали не вдавался. Провёл, так сказать, вступительную лекцию, как и ты мне много лет назад.

— И поверил рассказанному?

— Знаешь, Олег... Думаю, не поверил, но искру сомнения заложил. Увидел в его глазах под конец. Оставил в раздумьях.

— Ты сказал ему, что везёшь меня и его внучку?

— Нет. Я не говорил. Промолчал.

— Ладно. Спасибо за информацию, а сейчас поехали на станцию. Время идёт.

--

А ещё через десяток минут мужчины перетасили пару тяжёлых рюкзаков и столько же

сумок в надувную лодку Белого.

Катя сидела на причале на складном стульчике и с удивлёнными, широко раскрытыми глазами, смотрела на пяток уток, которые плавали, бултыхались буквально в метре от неё.

— Ну что, будем прощаться, Виктор? А то, видишь, дед плывёт.

— По воде идут, а не плывут. Плавают, если не слышал, г...

— Вот и иди, Витя. Не по воде, а по земле, к машине. Всё. Спасибо тебе огромное. И удачно добраться. Своим привет и самое-самое...

— Спасибо, Олег, передам. Мои чуть ли не каждый день спрашивают, когда Белый заедет. А жену, так и, если честно, ревновать уже стал. Столь часто тебя вспоминает. Не знал бы — задушил. Обоих. Ладно, шучу я. Но ты и вправду заедь, а?

Немного потоптавшись рядом, спросил.

— Может мне с Вами? Помочь, если надо. Ты только скажи, — и поднял буквально щенячий взгляд на друга.

— Вить. Опять двадцать пять. Ну сколько раз тебе говорил — я ОДИН. Да и... может Руся поможет.

— Ты меня пугаешь. Ты что, ей больше доверяешь, чем мне?

— Вить. Не утомляй. Ты — это ты, мой близкий товарищ, на которого я всегда могу опереться как на скалу, а Руся... это Руся.

— Ну, если помощь не нужна, я поехал.

Он, сделав пару шагов, остановился и опять вернулся.

— Вас как, забирать?

— Я позвоню, Вить. Спасибо тебе. Поезжай.

— Олег... Какое-то предчувствие у меня нехорошее. Не хочется Вас оставлять одних.

— Я очень надеюсь, что всё будет хорошо. Но, в крайнем случае, если приболею, ты же знаешь адрес Кати? Сдай её на руки маме. Именно так. Из рук в руки. Очень прошу.

— Олег. Не пугай меня, прошу.

— А ты сам не нагнетай. Всё с нами будет прекрасно. Ты лучше сам сейчас не гони в город. Не забывай — ты же не на службеке.

Виктор ухмыльнулся.

— Белый, я ведь уж два месяца назад как поставил стробоскопы под решётку. И крякалка стоит. И мигалку могу в любой момент выставить. Всё официально — мне по должности можно. Да и номера на машине, если заметил, непростые. Так что сейчас прокачусь...

— Мальчишка ты мальчика, — сказал Белый и обнял друга. — Давай, поезжай.

* * *

Прицепив трос от своей лодки к подошедшему катеру деда, Белый, взяв на руки Катю, переступил борт.

— Так. Сейчас мы с тобой, Катя, наденем спасательные жилеты и поплывём к нашему домику на острове.

— Как ты обещал тогда?

— Именно. Данные обещания я всегда выполняю.

Катя поёрзала в спасжилете, почти утонув в нём.

— А эти жилеты обязательны? А то мне в нём неудобно очень. Не повернуться.

Дмитрий Михайлович смотрел на девочку, которая то «выныривала» из спасательного

жилета, то опять «тонула».

— Белый, подожди застёгивать на девочке этот страх. Пусть наденет лучше «автомат». Он легче и не будет мешать.

— Дед. Я смотрю, ты прибарахлился. Откуда такое богатство?

Дед смутился и буркнул.

— Подарок.

— Это не от тех ли рыбаков, которых ты по осени в Ладоге вытаскивал? Притом чуть сам не утоп?

— Это кто ж растрепался? — Дед вскинулся. — Не город, а деревня в два дома.

— Да какой город, дед? Это ж большая деревня. Все идут и здороваются друг с другом. Чуть ли не по имени называют.

— Дурак ты, Белый. Лучше промолчал бы перед внучкой. Здраваться у нас — это уважение проявить. А не то, что ты подумал. Да и город у нас старинный. Сам знаешь. Так что не обижай. А то накажу.

— Всё, Дмитрий Михайлович, мир, дружба, жвачка.

— Ну и трепло ты, Белый, — и дед обратился к ребёнку.

— Катенька, тебе в этом жилете удобнее? Лучше чем в том?

— Да, дедушка. Намного удобнее. Он лёгкий и похож на воротник. А он спасёт, если я в воду упаду?

— Да, милая. Там такое приспособление, что когда оно почувствует воду рядом, то жилет надуется воздухом. И ты не утонешь.

Девочка внимательно посмотрела на себя, оценивая своё тело и ту узкую полоску ткани, что была у неё на груди.

Раздался щелчок и Катя увидела, что Белый снимает её на фотоаппарат.

— Дядь. А зачем ты меня снимаешь?

— Мы, когда вернёмся, маме все снимки покажем. Похвастаемся. Ты мне разрешишь иногда тебя фотографировать?

— Если для мамы, тогда да.

Девочка промолчала. На её лице улыбку сменила какая-то обречённость. Она даже стала выглядеть намного старше. Посмотрев на Белого, попросила его нагнуться и тихо спросила.

— Дядя. А ты меня и вправду вылечишь? Я останусь живой? Ведь если нет — мама будет очень плакать. Да и папа с дедушкой.

— Катенька, Солнышко. Помнишь, что я тебе совсем недавно говорил? Обещания нужно выполнять. Было такое?

— Было. Я тебе верю, дядя, но я боюсь. Очень-очень боюсь, что у тебя ничего не получится.

— Всё получится, милая. Дядя Белый всегда выполняет свои обещания. — Дмитрий Михайлович смотрел на девочку, а в глазах у него блестели слёзы. — Ты только верь сама. Ведь без твоей веры в лучшее дяде Белому будет очень тяжело. Он сам тогда сможет заболеть. Ты ведь не хочешь, что бы дядя Белый заболел?

— Нет, не хочу, — и Катя вцепилась обеими ручками в руку Белого.

— Вот поэтому и слушайся дядю, помогай ему. И всё у Вас получится. Да?

— Да. Я буду делать всё, как скажет дядя. Я обещаю. Честно-честно.

Белый посадил девочку себе на колени и крепко прижал к груди.

Сейчас нас дедушка повезёт на катере, а ты смотри по сторонам. Я же тебе расскажу о

ТОМ, как здесь жыли люди. Давным-давно...

Катер неторопливо шёл между островов Вуоксы, а Белый, посадив девочку себе на колени, рассказывал о природе, об островах, о народах, которые жили на берегах озера в давние времена.

Катя слушала и воспринимала всё как сказку, в которой она неожиданно оказалась. Ей было всё интересно, и она постоянно крутила головой по сторонам, заставляя вертеться и самого Белого, что бы девочке было удобнее всё видеть.

— Да. Белый. Забыл сказать. Машка с пяток дней назад родила, — обратился Дмитрий Михайлович.

— Да ты что? И кто?

— Не поняли ещё. Подойти ближе не даёт. Мы хотели камеры поставить, но пока безрезультатно.

— Здорово. А я ей гостинцы везу.

— Молодец, не забываешь. Так что, как закончите основное — сходите, проведайте.

— Не. Мы сегодня проведаем и ночью, если сложится, начнём работать. А она там же, в распадке за камнем?

— Да. Там же. Не ушла. Эх, прошло б у Вас всё хорошо...

— Пройдёт, дед, пройдёт. У меня выбора нет.

— Да, я это чувствую. Знаешь, а оставлю-ка я тебе свою рацию. Вдруг понадобится. Всяко лучше, чем по телефону. Я её зарядил полностью. На неделю-полторы в режиме ожидания хватит. А зарядку солнечную ты взял? Тогда и стакан зарядный дам.

— Взял. Уже в палатке. А от рации не откажусь, спасибо.

— Деда, а ты кто, — вдруг спростла девочка.

Дед смутился, а Белый, прижав к себе сильнее Катю, тихонько на ушко стал рассказывать о сидящем рядом человеке.

— Солнышко. Дедушка наш охраняет всех животных вокруг. Он с ними дружит. Подкармливает, заботится о них. Смотрит, что б никто не поранился и не заболел. А если такое случается, то лечит их. И что бы люди не обижали зверюшек.

— Как доктор Айболит?

Двое взрослых улыбнулись.

— Ну не доктор, конечно, но похоже, да.

— А какой же ты, дедушка, доктор, если у тебя очков нет? Таких не бывает. У докторов всегда очки.

— А ты ошибаешься, внучка. У меня есть очки. Только я их почти не ношу. — и дед с гордым видом достал из кармана солнцезащитные очки и водрузил на нос. — А так? Похож?

— Так лучше, дедушка. Теперь ты похож на доктора. Ты как настоящий...

И взрослые опять засмеялись...

* * *

Вскоре катер пристал к острову и взрослые, отвязав, вытащили надувную лодку на берег, а Белый на руках перенёс на берег главного пассажира, Катю.

Не успели полностью разгрузиться, как к ним, с соседнего острова, подъехала моторка с молодым парнем, лет 18-19-ти.

— Привет, деда. Привет Дядя Белый. Привет, красавица. Тебя как зовут?

— Меня зовут Катя. Здравствуй, дядя. А как тебя зовут?

— Я Паша, родственник деда. Рад познакомится. Как добралась?

— Спасибо, хорошо.

— Нравится здесь?

— Очень.

— Ну и здорово. Отдыхай и набирайся сил. Наша природа всех одаривает здоровьем.

Места здесь необыкновенные, сказочные.

И обратился уже к взрослым.

— Дядь Белый. У Вас всё нормально. Подходили тут на байдарке туристы, так я их отвадил.

— Спасибо, Паш.

— Деда. Мне собираться? Или побыть ещё?

— Собирайся, неугомонный. Домой пойдём.

— Так я на своей быстрее доберусь, чем с тобой.

— Как хочешь. Только не гони. Вода-то упала. Смотри, опять не напорись на камни..

— Деда...

— Я сказал, ты услышал. Всё, давай складывайся и поезжай. Помощь нужна?

— Нет, я сам. Деда... А может...

— Всё. Исчезни. Маме позвони, чёртяка. Она всё утро прометалась по дому. Ты ж, засранец, обещал, а не позвонил.

— Деда. Я смартфон вчера вечером в воду уронил...

— Вот балбес.

Дед повернулся к Белому.

— Вот скажи. Это нормально, если этот, — и он кивнул на племянника, — уже ЧЕТВЁРТЫЙ телефон в ЭТОМ году гробит? Да ладно бы простые. Так ему над навороченные.

Белый улыбнулся. Достал из кармана свой телефон и подал Павлу.

— Позвони, маме, успокой.

— Спасибо.

Павел отошёл в сторону и несколько минут говорил по телефону. Затем, протяжно выдохнул и грустный вернулся к мужчинам. Протянув Белому телефон, поблагодарил.

— Ну что, получил люлей? — ехидно спросил дед.

— Да. По полной... — упавшим голосом ответил Паша.

— Пашка. Я тебе сам куплю телефон. Кнопочный. Самый-самый дешёвый. И сделаю верёвку, что б на шею одевал... Хотя ты и его или потеряешь или утопишь. Ты ж не ценишь то, что у тебя есть. Всё слишком легко тебе достаётся. Я не прав?

— Деда...

— Да что ты заладил — «Деда да деда». Я уж почти 40 лет как дед. Всё, исчезни...

Поникший Павел прыгнул в свою лодку, завёл мотор и помчался к соседнему островку скручивать палатку и собрать пожитки.

— Дмитрий Михайлович, ну что ты на него «наехал»? Золотой же парень?

— Золотой? Раздолбай, как ты. И не спорь. Мне виднее. Ладно, давай. До встречи.

— И тебе спасибо, дед.

Взрослые обнялись и, запрыгнув в катер как молодой, дед махнул на прощание рукой и,

неторопясь, заведя двигатель, двинулся в направлении дома. А вслед за ним, с большим буруном за кормой, сорвалась лодка и его племянника. Тот, хулиганя, покружив вокруг катера деда, рванул вперёд и быстро исчез за одним из островов. А вскоре и катер деда было не разглядеть.

* * *

Ну что, Катюнь, пойдём устраиваться?

Белый взял девочку на руки и начал подниматься по крутому гранитному берегу к своему домику.

На полянке стояла большая 4-местная палатка с двумя изолированными спальными отсеками. В каждом отсека находилась большая кровать, на которой, при желании, могли разместиться два взрослых человека.

Посредине палатки находились стол и пара лёгких стульев.

— Дядь, а мы не замёрзнем ночью? — спросила девочка, с недоумением глядя на тонкую палатку.

— Нет. У нас есть печка. Если будет холодно, я её включу и нам будет очень тепло.

— А есть мы что будем и на чём готовить?

— Ты моя хозяйюшка. Первый вопрос — по дому. Умничка. У нас есть и газовая плита и всё, что нам пригодится. И продуктов много.

— Газовая плита? Как дома? — Девочка в изумлении посмотрела на Белого.

Тот засмеялся.

— Нет, конечно, не такая, как у Вас дома. Но она настоящая. Вот увидишь.

— А я буду тебе помогать готовить? Я всегда маме помогала... — и тихо добавила. — Пока не заболела.

— Солнышко. Если захочешь помочь — я не буду отказываться. Спасибо за предложенную помощь. Но я как-то за многие годы привык всё делать сам.

Девочка сникла.

— Кать. Не обижайся. Я ж не отказался? Нет. Хочешь помочь? Помогай. Только ты сейчас слабенькая. Вот через пару дней, когда немного окрепнешь...

Девочка подняла на Белого повеселевший взгляд.

— Можно будет?

— Конечно можно, малыш. И... спасибо тебе за помощь. А сейчас давай я тебя положу на кровать и принесу всё с берега. Договорились?

— Да.

— Ты какую комнатку выбираешь — слева или справа?

Девочка нахмурила бровки, вертя головой в ту и другую стороны. Потом, почесав ручкой лоб, с серьёзным видом повернулась к Белому.

— Дядь, а они же одинаковые, да?

— Да, малыш.

— А можно мне тогда слева? Ну, если можно, — девочка смутилась, явно с трепетом ожидая ответа.

— Конечно можно. Ты ж сама выбрала. Поэтому, с этой секунда — эта комната твоя. Но, Кать, владение этой комнатой обязывает хозяйку смотреть за чистотой и порядком.

Катя с изумлением посмотрела на взрослого.

— А что мне надо будет делать?

— Во-первых, не раскидывать свои вещи по комнате...

— Мама меня тоже ругает, когда я что-нибудь оставляю на кровати. Игрушки или... ещё-чтонибудь.

— Твоя мама молодец. Приучает тебя к порядку. Так что и здесь твоя кровать должна быть чистой и свободной от одежды. А обувь оставляем у входа. В палатке ходим в тёплых носках или в тапках. Я тебе чуть позже дам. Всё поняла?

— Да. Я дома тоже помогала маме. Подметала у себя и складывала свои игрушки по местам.

— Вот видишь? Ты всё, что нужно, уже умеешь. А больше ничего и не надо. Твоя мама молодец. Учит тебя всему. Вечером позвоним ей, и ты расскажешь как провела день. Хорошо?

— Дядь. А сейчас нельзя?

— Солнышконок. Я знаю, что ты скучашь по маме, но ведь день-то ещё не закончился? И вечер не наступил, а мы договаривались с твоей мамой, что будем звонить ей по вечерам. Так?

— Да. Я слышала.

— Тогда ты сейчас полежи немного, а я скоро освобожусь и приду. Хорошо?

— Хорошо.

Белый уложил девочку на выбранную кровать, накрыл её теплым пуховым спальником и, за несколько спусков-подъёмов, перенёс из лодки вещи и продукты в палатку.

Заглянув к Кате, он увидел, что та спит. Сладко-пресладко, улыбаясь во сне. От свежего воздуха её щечки порозовели и ничего не указывало на её страшный недуг.

Как не хотелось будить ребёнка, но Олег решил планы на сегодня не менять и съездить к Машке. Он понимал, что Катя очень удивится и обрадуется. А им сегодня как никогда нужны были только положительные эмоции.

--

Спустя час, Белый, приготовив перекус на двоих, тихо разбудил девочку. Дав ей окончательно проснуться, смеясь, подняв с кровати, посадил её на один из стульев и вручил ложку и маленькую тарелку с пюре, где он перетёр пару яблок и морковь.

— Сейчас ты скушаешь пюре, а потом мы поедем в гости к Маше.

— Ой, как вкусно, — у девочки буквально замелькала ложка между её ртом и тарелкой. Несколько секунд и посуда опустела. — Какая вкуснотища. А ты мне потом ещё такую сделаешь?

— Обязательно сделаю, если тебе это так понравилось.

— Очень понравилось. Мне кажется, что я ничего вкуснее никогда и не ела.

— Спасибо, малыш. Мне приятно. А на свежем воздухе вся еда ещё вкуснее кажется. А здесь, вокруг нас, только вода и лес.

— Дядь Белый. А кто такая Маша? Тётяшка?

— Ещё и какая, — Белый усмехнулся. — Скоро сама увидишь. Сейчас идём к лодке и отправимся к ней в гости.

--

Через короткое время они подходили самым медленным ходом к соседнему острову.

Белый, вытащив нос лодки на берег, привязал её верёвкой к дереву, надел на спину небольшой рюкзачок, на голову одел обвязку с видеокамерой и взял на руки Катю.

— Катюнь. Послушай, что я тебе скажу. — Не шуми и не хохочи, как ты можешь. Давай вести себя тихо-тихо. И ты увидишь то, что могут увидеть немногие. А потом, когда вернёмся к лодке, спокойно поговорим. Хорошо?

— Хорошо. А что ты на голову одел такое?

— Это видеочамера и фотоаппарат вместе. Мне хочется, что бы ты потом смотрела фотографии и вспоминала эти дни. А теперь всё только шёпотом.

--

Белый, без труда подняв и посадив Катю себе на плечи, взобрался на высоченный гранитный валун, метров пятнадцати высотой, и тихо, почти беззвучно, пошёл в лес.

Через десять минут неторопливого движения, он остановился и прошептал.

— Катя. Только шепотом. Смотри — прямо, метрах в двадцати от нас, лежит тётя Маша. Что б ни случилось — ни звука.

Катя сначала ничего не видела, но через несколько секунду то, что она воспринимала за большой камень, вдруг зашевелилось и поднялось вверх.

— Дя-я-я-я-дя. Это кто? — чуть слышно спросила девочка.

— Это Маша. Лосиха. Видишь, какая она большая?

— Она огромная, — прошептала Катя. — Мне даже страшно.

— Не бойся, малыш. Катя спокойная, но ближе мы подходить не будем.

— И её зовут Маша?

— Нет. Это люди её называют Машей. А своё имя она никому не говорит. Это тайна. А теперь смотри. Видишь у её ног светлый комочек?

— Да.

— Это её ребёнок, лосёнок. Он совсем недавно родился. Поэтому мы маму не будем пугать. Она за своего детёныша станет заступаться...

...И в этот момент светлый комок зашевелился и рядом с мамой-лосихой неуверенно, но поднялся на ноги совсем молоденький лосёнок.

— Какой он маленький, какой хорошенький, — и Катя заёрзала на шее Белого. — Дядь. Пойдем. Не будем им мешать. Ой, они смотрят на нас.

— Катя. Замри и не шевелись.

Оба замерли.

Лосёнок покрутил головой и снова лёг. А вслед улеглась и его мама.

— Давай я тихонько тебя спущу на землю. Мне надо достать из рюкзака угощение для Маши.

— Давай, — прошептала Катя.

Мужчина присел и аккуратно снял девочку с плеч. Посадил её рядом с собой и достал из рюкзака вилок капусты и несколько яблок.

— А они это съедят? — тихо спросила Катя.

— Они очень любят капусту и яблоки. Сейчас у них много еды, но угощение схрумкают в первую очередь.

— И лосёнок?

— Нет. Лосёнок сейчас пьёт мамино молочко. А вот сама мама... Так. Всё. Подарки принесли. А сейчас тихонько пойдем назад. Да?

— Хорошо.

--

Тем же путём, что пришли к лосям, они вернулись к лодке.

— Ох, — громко выдохнула Катя. — Мне кажется, что я и не дышала, когда лосёнок на меня смотрел. Было и страшно и здорово. Они такие большие... Даже лосёнок больше чем я. Да?

— Да, малыш. Повыше тябя будет. Давай, отдышись, и поехали домой.

— А мы им не помешали?

— Нет. Мы же не шумели и близко не подходили. Маша нас заметила, но поняла, что мы ей не опасны. Ой! Слышишь?

— А что это так хрустит?

— Это, по-моему, Машка добралась до капусты.

— Она её так громко ест?

— Да. Она же у себя дома. Это мы в гостях. — Белый глянул на Катю. Видно было, что та ещё не совсем пришла в себя после увиденного.

Он присел перед Катей на корточки и обнял её за плечи.

— Ну что, Солнышко. Лосёнка с мамой увидели, угощение те от нас приняли, так что на сегодня почти все дела сделали. А вечером, Катя, начнём тебя лечить.

Девочка обняла мужчину за шею, прижалась к нему и тихо спросила, ткнувшись губами в самое ухо.

— Мне будет больно?

— Не буду тебя обманывать, малыш. Я постараюсь, что б твоя боль передалась мне. Но её будет ТАК много, что немного останется и тебе. Но ты же потерпишь?

— Я постараюсь. А можно мне будет плакать?

— Можно, милая. Но, если сможешь, лучше не плакать. Ведь на нас будут смотреть и, в первую очередь, на тебя.

— Кто будет смотреть?

— Я тебе скоро их покажу, но не сегодня. Договорились?

— Ага.

— А сейчас садимся в лодку и домой. Мне нужно будет привести всё в порядок, подготовиться и немного отдохнуть. Да и тебе надо будет сейчас отдохнуть. Ведь ночью нам спать не придётся.

--

Около восьми вечера позвонили домой. Катя взахлёб рассказывала о прошедшем дне, об увиденном лосёнке и многое из того, что её переполняло.

Виктория слушала дочь, восхищалась её словами, но чувствовалось, что её на самом деле волнует совсем другое. Попросив дочь в конце разговора передать телефон взрослому, только спросила.

— Вы начнёте сегодня?

— Да. Сегодня первый раз. Самое сложное. Далее будет легче, но... Не волнуйтесь, Вика. С Катей всё будет хорошо.

— А с Вами?

— ...

— Белый, не будьте так жестоки. Прошу Вас. Скажите.

— Думаю, что и со мной всё будет в порядке. А если что... мне помогут. Извините, давайте прощаться. У нас ещё много дел. До завтра, Виктория Сергеевна.

Белый отключил телефон. Посмотрел на список вызовов. Более сорока. Кроме

незнакомых, увидел номер деда Кати.

— Ещё слишком рано для разговоров. Позже. Я и так, похоже, влез в какую-то чужую разборку. Как будто мне своих проблем не хватает. Все подождут. У меня есть другие, более важные дела. Катя сейчас важнее всего на свете.

Повертел в руках телефон, а затем, вынув батарею, в раздражении кинул всё на стол. Звонить сам он сегодня больше никому не собирался, а посторонние звонки могут ему только помешать.

* * *

Белый, минут за пятнадцать до полуночи, осторожно выйдя из палатки, что бы не потревожить сон девочки, пошёл вглубь острова, на котором они были.

Там, среди высоких сосен, была небольшая полянка, по окружности которой в землю были вкопаны двенадцать больших гранитных валунов. И каждый валун сверху был плоским. Со стороны казалось, что это каменные столы или сиденья.

Это было древнее место поклонения язычников. Точнее, язычниц. Ведь остров, который в данное время носил совершенно другое название, ранее имел своё тайное имя — «Остров Ведьм», но так его называли простые люди. Хотя название не было истинным. Это был остров, на котором раз в год собирались главные хранительницы. Намного позже, когда на островах Вуоксы поселились финно-угорские народы, этот остров называли Noitasaari, что, по сути, означало то же самое.

И на каждом камне, ныне покрым мхом, имелся свой знак, символ. Знак Рода, на котором могла сидеть только самая сильная, лучшая представительница своей семьи, своего Рода. А вдоль всего берега острова было множество других камней-кресел, на которых в давние времена сидели более слабые хранительницы. Но и их отбирали на эти тайные встречи только из самых достойных. По делам, ими сотворённых.

Олег подошёл к середине поляны и, достав из кармана небольшой нож, уколол палец, выдавив несколько капель крови на небольшой камень, который был у него у ног. Убрав нож, достал из-за пазухи небольшую толстую красную свечу. Поставил её на пролитую им кровь и чикнул спичкой. Пламя свечи сначала как-то осторожно, а с каждой секундой всё более уверенно разгораясь, осветило бледное лицо мужчины.

— Славьтесь, ушедшие. Вы в сердцах наших доньне. Мы помним о вас. Мы следуем заветам Вашим, кланяемся свершённым делам Вашим. Вам, Белые, — и мужчина поклонился одному камню, самому высокому. Вам, Алые, — он поклонился другому камню. Вам — Фиолетовые...

И так, назвав все Рода, поклонившись всем камням, он продолжил...

...- Сегодня просим Вас, хранители земли нашей, помочь нам избавиться от скверны, от наговора чёрного. Не для себя просим. Не ради личной выгоды. Для правИла просим. Что Ъ Земля наша, Русская, не оскудела хранителями, защитниками...

Этот ритуал, переданный ему одним из ХРАНИТЕЛЕЙ, вытягивал безумное количество сил из организма призывающего. Тот объяснил, что определённой последовательности слов ритуал не имеет, но надо обязательно произнести слова-якоря для вызова предков. А сам призыв должен был идти от сердца. Белый второй раз в своей жизни прибежал к вызову и просьбе о помощи хранительниц. Это был особый призыв, который

помогал лечению больного, но совершенно не гарантировал здоровье и жизнь призывающего. Но, в данный момент, других вариантов не существовало. И он принял выбор. А откликнутся или нет те, кого он призывал, было неизвестно.

— ...Во славу РОДА, — прошептал Белый и вновь поклонился каждому из камней.

--

После проведённого обряда, мужчина, не оглядываясь, покинул поляну и вернулся к палатке. Заглянув и убедившись, что девочка продолжала спать, он, достав кофе, кружку, сахар, сотворил себе любимый напиток и сел прямо на траву около палатки, откинувшись спиной к высоченной сосне.

— Интересно, а Вика допила МОЙ кофе или вылила в раковину, — вдруг в голове появилась совсем неуместная мысль. И, мотнув головой, улыбнулся. — Допила. Наверняка.

И почему-то ему стало очень легко и хорошо на душе, как будто кто-то очень близкий и родной погладил его по щеке.

* * *

— Катюнь. Просыпайся. Нам пора.

Девочка, открыв один глаз, посмотрела на Белого.

— Не хочется. Мне сейчас сон снился, как будто мы с мамой в больницу ездили. Там меня попросили раздеться и выйти в центр большого-большого кабинета. Он был круглый, а вдоль стен сидели тётки и смотрели внимательно на меня. Кто-то улыбался, кто-то серьёзная была, а кто-то, мельком на меня глянув, болтала с соседкой. А мама не выдержала и говорит.

— Я к Вам дочь привела, а вы её даже не смотрите. Как вы можете так относиться к больному ребёнку? Как Вам не стыдно?

На что самая старая тётенька ответила маме.

— Привели? Хорошо. Мы посмотрели. Вы ошибаетесь, что она больна. Девочка совершенно здорова. А сейчас, пожалуйста, не мешайте нам работать. Одевайте её и езжайте к себе домой.

А потом ко мне подошла другая тётенька, самая молодая из всех, присела передо мной, погладила меня по голове, посмотрела в глаза и говорит.

— Зеленоглазая. Как и я. Всё у тебя будет хорошо. Иди, родная.

Мы вышли из больницы, и мама повела меня кушать мороженое. А я не успела даже попробовать, какое оно, а ты меня разбудил...

— Милая, скоро мы с тобой наедемся мороженым. Я тебя приглашу в кафе и ты сама выберешь то, что захочешь. Честное слово. Вы, юная и прекрасная дама, не откажете мне в приглашении? А то я очень расстроюсь.

Катя смотрела изумлёнными глазами на дядю и совсем не верила в то, что он предлагал. Она ведь знала, что мороженное есть ей категорически нельзя. Но тут, сердцем поняв шутливый тон Белого, ответила с надежной, что тот выполнит своё обещание и, также, в шутливой форме, как и с дядей Витей, ответила.

— Если Вы, дядя Белый, приглашаете меня в мороженицу, то я немного подумаю. И, может быть, соглашусь на Ваше предложение. А как будет с нами дальше — посмотрим. Мы же должны проверить наши чувства? Ведь так говорят взрослые? Правильно?

И... захохотала. От всей души. Так звоно, словно она совсем и не болела.

Белый, немного очумев от тона, с которым ребёнок произнёс последние фразы, посмотрел на хохочущего ребёнка и, не выдержав, схватив её в охапку, прижал к груди и

поцеловал её в красивый носик.

— Дядя Белый, — вдруг отстранившись, серьёзно сказала Катя. — Это плохо. Мы ж договорились, что меня можно целовать только с разрешения. Я ведь должна подумать... — И, не сдержавшись, сама с хохотом чмокнула в нос мужчину. — Всё, я отомстила...

— А теперь, малыш, давай готовиться.

Белый опустил девочку на пол и, протянул ей небольшой свёрток.

— Катя. Я прошу — сними с себя всё, даже трусики, и одень это на себя — Мужчина развернул и вложил в руки девочке белый сарафан. Он был хоть и простым с виду, но очень просторным и удобным.

Катя без слов выполнила то, что от неё требовалось.

Белый тоже переделся. Он был босиком, в белых штанах и такого же цвета рубашке навыпуск. Без всяких застёжек и пуговиц.

Вышли из палатки и застегнули все молнии на двери.

Мужчина посмотрел на девочку. Та была молчалива и сосредоточена. Стояла, смотрела в его глаза и не улыбалась.

— Подожди секунду, — Олег, не оглядываясь, подошёл к началу той тропинки, что вела к заветной поляне. Он поклонился до земли.

— Слава Роду! Слава Роду! Слава!

И после того, как прозвучал последний звук, растаив в тишине, словно мимолётный порыв ветра коснулся лица мужчины, раздался плеск воды, закричала какая-то птица, а с соседнего острова донёсся шум от упавшего дерева...

А девочке, которая с удивлением смотрела на дядю, послышался тихий-тихий шепот со всех сторон — «Слава роду-Слава-Слава-Слава-Слава-.....» И всё постепенно затихло.

— Дядь Белый. Мне страшно. Что это было?

— Хорошо, что это БЫЛО. Всё хорошо, маленькая. У НАС ВСЁ получится.

И мужчина потянулся всем телом к звёздному небу и счастливо улыбнулся...

...Поднял Катю, прижал к себе и понёс к берегу. Там, недалеко от края воды в гранитном берегу, была глубокая выемка, по форме напоминающая ванную. Эта «ванная» была полна речной воды и под отсветами звёзд и луны немного светилась.

— Ну что, Солнышко, ты готова?

Олег опустился на камень. Сел, передвинув Катю себе на колени. Посмотрел ей в глаза.

— Мне страшно, — тихо сказала девочка.

— Малыш. Всё будет хорошо. Надо только потерпеть. Ну, ты же сильная. Ты, вон, сколько времени уже терпела боль. Осталось совсем немного. Потерпим? Вместе?

— Потерпим, — девочка прильнула к груди мужчины. Потом подняла свои зелёные глазки и внимательно посмотрела в глаза Белому.

— Дядя Белый, я тебя люблю.

— И я тебя люблю, мой милый человечек. А сейчас я тебе спою песенку. Ты постарайся запомнить мелодию, а не слова. А если сможешь, то попробуй петь со мной.

— Хорошо. Попробую.

— Тогда слушай. Это старая-песня, которую пели наши далёкие-далкие предки — бабушки наших прапрабабушек.

Белый тихо запел, а Катя, после первых слов песни, мгновенно отключилась.

* * *

А далее наступила боль. Да же не так. БОЛЬ. С огромной буквы.

Маленькой девочке казалось в те мгновения, когда она ненадолго приходила в себя, что её буквально разрывают на части и снова скрепляют вместе.

Болела каждая косточка, каждая клеточка её тела. Но, пообещав дяде Белому не кричать и не плакать, она до боли сжимала свои губки, порой прикусывая их до крови.

Она за последнее время привыкла к боли, но ТАКОЙ она совсем не ожидала.

Она терпела до последнего и снова теряла сознание. Её тошнило, выкручивало наизнанку, но она терпела, как могла, приходя в себя и снова проваливаясь в небытие.

* * *

Следующие три дня и три ночи остались у неё в памяти какими-то отрывками.

--

Вот она чувствует, что лежит на спине в очень горячей воде. Вода буквально кипит, но её не обжигает. А под ней, почти под водой, прижав руки к её животу, лежит дядя Белый. И руки его светятся мягким желтым светом.

--

Они в лодке в одном из небольших заливов. Дядя смотрит на неё добрыми глазами и улыбается, а она, перегнувшись через борт, пытается поймать одного из множества жучков, которые бегают по воде и не тонут. Ей никак это не удаётся, но она не расстраивается...

--

Цапля, которую дядя Белый показал ей. Та стояла в камышах на одной ноге и смотрела на лодку. Катя потом сама, уже на острове, всё пыталась также стоять на одной ноге, поджав другую, но очень быстро уставала и то и дело валилась со смехом на траву.

--

Вот она лежит в ванне, а дядя водит своими руками по её груди и животу, как будто вынимая из неё какие-то верёвочки и тёмные комочки. Он медленно вытаскивает их и бросает в маленький тазик, который стоит рядом. И каждая такая верёвочка, когда её выдёргивают, приносит Кате невыносимую боль.

--

Вот они сидят на берегу, опустив ноги в воду и смотрят на рыбок, которые плавают рядом, буквально между их ног. Дядя дал ей кусочек булочки и Катя, отрывая понемногу, кидает крошки в воду, наблюдая, как рыбки кушают угощение. Катя смеётся, а дядя Белый смотрит на неё очень добрыми глазами.

--

И снова нестерпимая боль. Болит всё её тело. У неё уже нет сил и плакать...

--

Они лежат рядом на надувном матрасе и, чуть ли не ссорясь, разглядывая бегущие облака, придумывая название образы- на кого похоже то или иное...

--

И опять боль. Но болит уже меньше. И больше сил терпеть её.

--

Каждый вечер долгие разговоры по телефону с мамой. Катя делится своими

впечатлениями о проведённом дне, но ни слова не говорит о том, какую боль она терпит ночью.

Самое страшное случилось в третью ночь, когда Катя, открыв глаза, поняла, что дядя не дышит. Она закричала от непередаваемого ужаса. Повернувшись лицом к Белому, стала на коленки и начала колотить по его груди, выкрикивая что-то нечленораздельное. Это был просто животный ужас. А потом, собрав все силы, подняла голову в небо и закричала во весь голос.

— Я не хочу, что бы дядя умер! Пожалуйста!!! Лучше я умру, а Белый пусть живёт!!!... Помогите... Помогите же, хоть кто-нибудь... Прошу... Я не хочу, что бы он умер!!!...

А потом завывала как маленький дикий зверь...

...И, без сил упав на грудь мужчины, потеряла сознание...

--

Катя почувствовала, что кто-то гладит её по спине. Приподняла голову и увидела, что дядя Белый, приоткрыв один глаз, чуть-чуть улыбнулся и, прижав вновь рукой головку девочки к себе, тихо прошептал на ушко.

— Солнышко. Ты такая маленькая, а дерёшься как злой мальчишка. Ты мне всё отбила своими кулачками. Больно же.

Девочка, вырвавшись из-под руки взрослого, поднялась, посмотрела на него и вновь прижалась к его груди, обняв его, и долго-долго целовала его лицо и куда попадала своими маленькими губками.

— Ты живой... Ты живой... Ты живой... — шептала Катя.

А Олег лежал, прижимая к себе ребёнка и... плакал от счастья... Они смогли... Они победили... Они живы...

А через несколько секунд снова оба забылись...

--

Катя ощутила, как её буквально отдирают от дяди... Потом почувствовала прикосновение нежных женских рук, как у мамы. Её подняли, прижали к груди и прошептали.

— Пойдём, маленькая. Тебе надо поспать. Ты очень устала...

Катя, которую держала на руках удивительной красоты женщина, приоткрыла свои глазки и увидела огромный водопад белых волос, в котором она ощутилась.

— Тётя. У тебя такие красивые волосы, — протянув свою ручку, она погладила их и через силу улыбнулась. — Такие мягкие. Такие пушисты. Мне бы такие...

Сквозь густоту этих волос малышка увидела, что вокруг было много женщин. Они стояли вокруг ванны, где лежал дядя, взявшись за руки. Даже не стояли, а медленно двигались. Как танцевали. И что-то тихо пели.

Тётя наклонила своё лицо к девочке и нежно её поцеловала.

— Пойдём спать? — нежно прозвенел её голос.

— Пойдём, — ответила Катя и... отключилась...

* * *

Утром она проснулась от пения птиц. Дядя Белый её не разбудил впервые за эти дни. Она тихо вылезла из спального мешка и сползла с кровати. Тихонько расстегнула молнию на

входе в свою комнатку и посмотрела на входную дверь. Та была застёгнута изнутри. Буквально на цыпочках, еле слышно, подошла к отсеку, где спал дядя. Заглянула сквозь маленькое окошко и чуть не вскрикнула, зажав в зубах до крови свой маленький кулачок.

Дядя Белый лежал на кровати под одеялом, которое было поднято почти до его носа.

Его волосы побелели, но не ровно, а какими-то полосами, а лицо его было даже не бледным, а почти белым.

Вдруг тот открыл один глаз и тихо, но, как показалось девочке, со смехом сказал.

— Ну что, Солнышконок, мы с тобой живы?

— Живы, — тихо ответила Катя.

— У тебя что-нибудь болит?

Катя, как учил её дядя последние дни, своими ручками начала ощупывать тело. Сначала плечи, грудь, потом живот и поясницу, а потом бедра и ноги.

Прошло минута и она опять появилась в окошке.

— Не болит ничего. Я уже здорова? Совсем здоровая?

— Милая моя, Солнышко, Катюня, — с трудом сказал Белый. — Самое страшное тебя миновало. Это так. Но ты ещё не ПОЛНОСТЬЮ выздоровила. Теперь у тебя не будет болят там, где болело. Но нам с тобой надо будет ещё потрудиться, что твоя бы болезнь не вернулась. Ты готова?

— Готова, дядя. А будет опять так же больно? Как и ночью?

— Нет, малыш. ТАК не будет. Но ты же уница. Ты же справилась с тем, что было? А теперь скажи. Ты хочешь быть совсем здоровой? Да? Тогда надо будет немного ещё потерпеть. Но это не сегодня и не завтра.

— Да, я потерплю, — не задумываясь, ответила Катя.

— Ты умничка, — сказал дядя и добавил. — Давай тогда одевайся сама и выходи на свежий воздух. И я скоро к тебе попытаюсь вылезти.

И целый день Катя, хоть и медленно, но сама ходила по острову и даже пыталась бегать. У неё ничего не болело. Впервые за долгое время. Но она просто ещё была слабенькой и сама видела, что очень похудела. Ручки и ножки стали совсем тоненькие, но её наполняло счастье, что она смогла вытерпеть самое страшное, самое больное и теперь она была здорова... А с каждым часом у неё всё прибавлялось и прибавлялось сил, и она это ощущала.

А дядя лежал на надувном матрасе, с улыбкой наблюдая за попытками девочки ухаживать за ним. Та постоянно то воду приносила, то пыталась подвернуть края одеяла, что б дяде не дуло и ему было бы тепло и удобно.

— Дядя сам заболел, тихо говорила Катя себе. — Он так похудел, что все рёбра были видны.

--

Когда Белый утром с большим трудом вылез из палатки и вытащил надутый матрас, то буквально свалился на него без сил. А чуть позже, когда с помощью Кати умылся и пытался протереть своё тело мокрым полотенцем, девочка уведела, что и спина и грудь и руки Белого — все были в шрамах. Малышка, протянув свою ручку, провела пальцами по одному из них на груди, прижалась головкой к груди, и горько заплакала. Заплакала в голос так, что дядя Белый прижал её к себе и прошептал.

— Не плачь, малыш. Всё страшное позади. Мы с тобой почти здоровы, а главное —

живы.

И подул ей тихонько в красивое ушко. Раз, другой...

— Щекотно, — сквозь слезы прошептала Катя.

— Так это ж здорово, — ответил Белый и, дотянувшись губами до её шеи, начал нежно её целовать и тыкать в неё громко сопящим носом.

— Ты как ёжик сопишь, — хихикнула девочка.

— А вот так? — и Олег захрюхал, опять тыкаясь носом в её шею.

— Хрюшка. А ещё???

Игра в угадку продолжалась ещё несколько минут и Олег понял, что ему удалось отвлечь ребёнка.

Глянув на себя утром в зеркальце — просто ужаснулся. В его волосах была седина. Но не аккуратная, локонами, а как будто пьяный маляр брызнул на него белой краской. И он был совершенно без сил. Выжатый, худой, с ввалившимися глазами.

— Чудище. И как мне такому в город?? — подумал Белый. — А доеду я туда? Наверное, нет. Лучше поживу здесь недельку. Очухаюсь немного. Я ведь практически все свои силы отдал девочке. Наверное, больше, чем можно было.

... Он вспомнил, как Катя своим криком и слезами, своими маленькими ручками буквально вернула его назад... Он мало что помнил из сегодняшней ночи. Фрагменты сменялись фрагментами как ....

--

... Как Руся со всей силы залепила ему пощёчину, что-то пробормотав тихо, но Белый понял, что это были не злые слова в его адрес. Как она, буквально оторва от него Катю, взяла её нежно на руки и отнесла в палатку...

--

... Как сквозь туман увидел призванных жриц. Они пели песню Жизни, и... они вернули его тело душу окончательно.

Белый лежал и наблюдал за суетившейся девочкой. И он вдруг поймал себя на мысли, что поступил абсолютно правильно. Ради ТАКОЙ он бы без колебаний отдал свою жизнь.

Чуть позже, после обеда, который девочка, с помощью советов Белого, практически сама приготовила, он, немного отдохнув, попросил Катю принести из палатки его телефон. Время шло, а вопрос с доставкой ребёнка домой так и не был решён.

Первым набрал Виктора Константинова.

Бувально после первого гудка тот ответил.

— Ну!!!

— Деревья гну.

— Дурак. Я волнуюсь, места себе не нахожу, не сплю нормально какую ночь, а этот гад издевается надо мной!

— Вить. Успокойся. С нами всё хорошо. Катюша почти здорова.

— А ТЫ?

— Я — живой. А остальное нарастёт...

— Что остальное? ЧТО С ТОБОЙ?!!!!

— Витя, не кричи так в трубку. Я оглохну. Успокойся и выслушай.

— А почему ты отключил трубу, гад ты этакий?

— Витя. Ещё раз прошу — успокойся. Если хочешь, я тебе перезвоню.

— Подожди...

С минуту в трубке стояла полная тишина, после чего Виктор тихо спросил.

— Ты сможешь сам добраться до станции?

— Вить. Я, если честно, не в состоянии. Попрошу Дмитрия Михайловича, что б он мне продуктов подкинул и девочку к станции довёз. Я здесь с недельку ещё отлежусь и сам в город приеду.

— На электричке?

— Да. А почему нет?

— Дурной ты, Белый. А я на что?

— А ты на что? Вить, я тебя очень хочу попросить, что бы ты завтра отвёз Катю её маме. Я понимаю, что рабочий день и тебе уехать будет проблематично. Если не сможешь — скажи. Честное слово, я не обижусь. Я ведь знаю, где ты работаешь. Знаю также, что ты хоть и большой начальник, но и над тобой сидят ещё БОЛЬШИЕ дяди.

— Олег. Вопрос решаемый и я приеду. — Он немного помолчал, что-то прикидывая.

— Давай так. Я буду на лодочной где-то к трём дня. Постараюсь не опоздать. А Катя со мной одна поедет?

Белый махнул рукой, подзывая к себе сидевшую недалеко на стуле девочку. Та подошла, и Олег посадил её к себе на ноги, включив на телефоне громкую связь.

— Катенька. У нас с дядей Витей, который нас сюда вёз, возник вопрос. Ты согласишься поехать с ним на машине домой к маме?

— Здравствуйте, моя Волшебница, — вдруг раздалось из телефона. — Как Вы себя чувствуете?

Катя посмотрела на телефон и, узнав голос, с улыбкой ответила.

— Спасибо, дядя Витя, что Вы беспокоитесь о моём здоровье. Благодарю Вас. Намного лучше.

В трубке и на острове наступила тишина, а потом раздался общий смех.

Олег, с нежностью, смотря на улыбающуюся девочку, сказал.

— И в театр ходить не надо. Всё рядом. Кать. Так ты ответишь?

— Да, дядя Витя добрый. Я с ним поеду. А ты?

— А я на несколько дней останусь здесь ещё.

— И я останусь, — мгновенно возразила Катя. — Без тебя я никуда не поеду.

— Катенька. Я немного приболел, ты же сама видишь. Поэтому немного полежу и поправлюсь. А потом мы с тобой снова увидимся.

У Кати заблестели глаза от слёз.

— Дядь Белый. Не прогоняй меня. Пожалуйста. Я тебе буду помогать во всём. Правда. Буду ухаживать за тобой, кормить тебя буду. Честно-честно.

— Солнышко, милая моя. А мама? Она ведь тебя ждёт дома. Я обещал ей, что ты завтра вернёшься.

— Мама... — протянула девочка. — А давай мы маме позвоним и скажем, что приедем позже? Давай?

— Кать. Ты помнишь мои слова, что всё обещанное надо выполнять точно и в срок.

Иначе в другой раз нам больше не поверят.

Катя замолчала. Было видно, что она задумалась. Ей хотелось и к маме, но и больного дядю она не могла оставить одного. Вскоре, подняв на Белого свои печальные глазки, сказала.

— Да. Обещанное надо выполнять. Я согласна, дядя Белый, но только если ты будешь мне звонить каждый вечер, как мы маме, и рассказывать о том, как себя чувствуешь. И если ты дашь мне честное слово.

— Катюнь. Но у тебя же нет своего телефона. Как же я тебе позвоню?

— Дядь. Ты глупый? У мамы есть телефон? Есть. Вот на него и звони.

— Я не хочу мешать твоей маме. Буду её тревожить.

— Ничего, не страшно. Я буду стоять рядом и потом сразу же буду тебя слушать. Мама подскажет, когда ты будешь звонить.

— Хорошо, Катя. Я согласен на твои условия. Слышал, Виктор?

— Слышал, — сквозь всхлипы, ответил его друг. — Катя и на самом деле необыкновенная.

— А ты сомневался? Ладно. Давай тогда до завтра. Как Катю посадишь к себе, набери меня. И потом позвони, когда сдашь из рук в руки.

— Обижает, начальник. Как будто я сделал бы иначе.

— Я знаю, но всё равно волнуюсь.

— Не волнуйся. Я не буду гнать, честное слово. Такое сокровище надо хранить и оберегать.

— Ну, слава богам, проникся. Всё. До завтра...

Катя, подняв ноги, потихоньку забралась под одеяло к Белому. Легла прямо ему на грудь и обняла обеими руками. А её солнечная головка уткнулась ему в подбородок.

— Дядь. Мне будет плохо без тебя. Приезжай скорее. Я хочу, чтобы ты был рядом.

— Катюнь. Я не смогу быть постоянно рядом. У тебя ведь есть и мама и папа, да и дедушка тебя очень любит.

— А я хочу, — и малыш снова тихо захныкал.

— Солнышконок. Ты хочешь, что бы я весь промок? Здесь и так вокруг много воды. Посмотри, — Олег приподнял голову и показал Кате на озеро. — Хватит плакать. Лучше улыбнись. И я быстрее от твоих улыбок поправлюсь.

Катя вытащила головку из-под одеяла. Посмотрела на озеро, потом на лицо Белого. Потянулась к нему и поцеловала в нос.

— Хорошо, не буду плакать. Только тихо полежу с тобой. Можно?

— Конечно можно, — и Белый с нежностью погладив маленькое тельце, прижал её к себе.

— А сейчас, малыш, я должен позвонить дедушке, который нас на лодке сюда привёз.

— Не на лодке, а на целом катере, — поправила его девочка.

— Да, ты права. На катере.

Набрал номер.

— Дмитрий Михайлович, деда, здравствуй.

— НУ?

— Что ты, что Витя первым словом погоняте, а не здороваетесь.

— Дурачина, я тебя спрашиваю, ну?

А поскольку телефон так и остался с включённой громкой связью, то и Катя всё слышала.

— Дедушка. Нельзя так плохо ругаться. Некрасиво это, — проговорила девочка в сторону телефона.

— Понял, дедушка? Нельзя ругаться! Это тебе даже Катя говорит, — со смехом добавил Белый.

— Да Вы, да я Вас...

В трубке слышалось какое-то клокотание. Не понятно было — то ли дед смеялся, то ли матерился про себя. Но через несколько секунд недовольный голос возник опять.

— Слава богам, что целы. Когда вернётесь, зайдёте ко мне? — спросил Дмитрий Михайлович.

— Дед. Тут такое дело, — и Олег немного замялся. — Ты не мог бы сам, ЛИЧНО, за Катей приехать завтра?

— Засранец. А ты? Что с тобой?

— Приболел немного, Дмитрий Михайлович. Хочу остаться ещё здесь на недельку. Отоспаться, отдохнуть немного. Тяжело было, если честно. Думал, что всё. НО Руся помогла, да и предки вступились.

— Делов ты наделал, Олег. Над Ладогой сегодня всю ночь молнии в воду сыпались. Совпало?

— Совпало. Я ведь именно сегодня всё полностью вынул. Теперь только убрать изменения и девочка будет скакать как горный козёл.

— Как козочка, дядя. Я ведь девочка, — встряла Катя.

— Меня тут поправили, деда, — с улыбкой сказал Белый, — Как козочка будет наше Солнышко скакать по горам и по долам.

— По КОМУ мне надо будет скакать? — спросила Катя, широко открыв удивлённые глаза.

— По горам и долам, Катя, — с улыбкой ответил дядя, — это на старом языке означало по горам и долинам, ну, по широким ровным площадкам, которые находятся между гор.

— А-а-а, — протянула Катя, — это я смогу. Только немного позже, когда совсем поправлюсь.

В трубке опять хмыкнули и Белый понял, что Дмитрий Михайлович так и остался ждать продолжения разговора.

— Извини, деда, мы тут увлеклись.

— Да ладно. Слышу вас и радуюсь. Когда Катю забрать?

— Смотри сам, но Виктор, что нас привёз, обещал быть к пятнадцати на станции.

— Ясно. С этим решили. А что из еды тебе тогда привезти?

— Деда. Если можно. У вас же в городе свой молокозавод. Возьми мне творога и молока. Можно йогурта. Из расчёта бутылку или поллитра в день. На шесть — семь дней. Рассчитываю к этому времени прийти в норму. Всё остальное у меня есть.

Белый чувствовал, что Дмитрий Михайлович что-то не договаривает. Он знал его уже очень много лет и понимал, что деда что-то тревожит.

— Дед. Колись. Что ты мне такое не хочешь сказать, что б меня не расстраивать?

В трубке послышалось сопение.

— Дмитрий Михайлович, ау! Уснул?

— Здесь я.

— Так чего молчишь?

— Понимаешь, мой мальчик, сегодня от Панкрата весточку получил. Сердчает сильно, что ты взялся за ребёнка сам, без его помощи и наперекор его воле.

— Деда. Ты знаешь меня и знаешь Панкрата. Я никогда не пошёл бы против него. Но как ты сам бы поступил в моём положении? Я его прямо попросил о помощи, а он... Просто отмахнулся, ответив, что у него есть дела поважнее. Мол, не это сейчас самое главное.

— Послушался бы ты его. И всё наверняка сложилось бы хорошо.

— Хорошо? Дед. Кто ЛЕКАРЬ? Я или Панкрат? Кому виднее? Девочка моя одной ногой ушла за грань. Я ВИДЕЛ это, а тут... «подожди»? Мне кажется, что он просто боится её будущей силы.

— Белый. Ты не прав и не говори такого. Панкрат — это...

— Дед. Я знаю кто такой Панкрат не хуже тебя. И знал заранее также, что тот встанет стеной, если узнает к кому я обратился за помощью. Ведь это не в первый раз, согласись. А после ТОГО раза он несколько месяцев со мной вообще не разговаривал. К себе в обитель не пускал и общался через других, когда ЕМУ надо было. А я знал и знаю, что другого выбора у меня не было, и откладывать лечение было нельзя. Ни на один день.

— Говоришь ты так, словно обиду держишь на Панкрата. Не следует о нём так судить.

— Дед. Ты знаешь моё уважение как к нему, так и к тебе. Посуди, не исходя от рациональности, а от сердца своего. Разве я не прав в том, что сделал? Ведь девочка, в итоге, сделала уже не один — ДВА шага сделала. Понимаешь? ДВА!!! И кто оказался прав? Да если б была необходимость, я б и в том состоянии, в котором сейчас нахожусь, ни секунды бы не раздумывал и вновь бы обратился к РОДАМ.

В трубке было молчание.

— Дед, я не прав?

— Не мне судить, как ты знаешь, но... я бы, наверное, поступил бы так же, как ты.

— Спасибо тебе. Я всегда знал и знаю, что ты меня понимаешь больше. Ты добрый, отзывчивый, ты более человечный, ты лучше всех!

— Так. Всё. Захвалил меня... Угомонись. Что тебе скажу. Если случится с Панкратом разговор вести... заступлюсь, пожалуй, за тебя, но как там дальше сложится...

— Дмитрий Михайлович, да не надо заступаться. Я и сам могу за себя постоять.

— Ой, какой ты смелый и отважный. Посмотрим потом, чем всё закончится. Ладно. Вернёмся к ближайшим делам. Ты будешь сниматься к концу недели?

— Да. Сам потихонку соберу пожитки и на своей доберусь.

— Если что — звони. Буду занят, Пашу отправлю. Он к тебе с радостью помчится.

— Спасибо. Пашка — хороший человек. Спасибо ему и тебе, что воспитал такого.

— Что уж получилось, — проворчал дед, но было слышно, что похвала попала в цель. — Ладно. Выздоравливай. Да, ещё. Прошу. Не ходи больше к капищу.

— Дед. Ночью всё равно схожу. Они мне очень помогли. Один бы я не справился. Просто обязан их поблагодарить, понимаешь?

После длительного молчания дед согласился.

— Согласен с тобой. Ты им обязан. До завтра тогда. — И, уже чуть слышно, до Белого донеслось бормотание деда. — Опять в ночь грозу ждать...

Белый поднял край одеяла и увидел, как пригревшаяся на груди девочка спокойно спит,

сопя своим красивым носиком.

— Спи, моя милая. Пусть теперь тебе снятся только хорошие сны, — Олег нагнул голову и нежно поцеловал макушку девочки.

А вскоре и сам уснул...

--

Проснувшись уже вечером, стараясь не тревожить ребёнка, который спал рядом с ним, аккуратно встал и прошёл вокруг палатки, периодически нагибаясь и что-то собирая и срывая с земли.

Вернулся, сел на стул и занялся делом.

--

Когда совсем стемнело, разбудил Катю, попросив опять одеть тот же сарафан, который был на ней все эти страшные для неё ночи.

Девочка с мольбой в глазах взяла из рук Белого сарафан и молча одела его.

— Мне сегодня опять будет больно. Да?

— Нет, котёнок. Сегодня не будет больно. Сегодня я тебя познакомлю с теми, кто нам помог избавиться от твоей болезни.

— Правда? А я чувствовала, что сегодня ночью нам помогали какие-то бабушки и тётя.

— Вот мы их и поблагодарим.

Белый также переделался в свои светлые одежды. Хоть они уже не выглядели так чисто, как вначале. Какие-то потёки, похожие на не до конца отстиранные пятна крови, чёрные разводы. Да и рубаша его была местами в мелких дырах и разрезах.

Держи, — мужчина протянул Кате маленький венок, который состоял из множества крохотных цветочков.

— Какой красивый, — с изумлением сказала Катя, и прижала венок к груди. — Это мне?

— Да, малыш. Одевай его на голову. А сейчас выслушай меня. Только очень внимательно. Мы пойдём с тобой к тем, кто нам помог, и я тебя очень прошу. Не пугайся и не шуми. Я буду говорить слова, а ты просто повторяй их за мной. Слова твои должны идти от сердца. Это очень важно. Для тебя и меня. Договорились? Не подведи меня. Прощу.

— Хорошо, дядя. Я постараюсь, — с серьёзным лицом ответила ему Катя.

Белый встал, подхватил девочку на руки и медленно побрёл к заветной поляне.

Он шёл практически на ощупь, но ни одна ветка не задела ни его, ни Катю.

Молча пройдя в центр поляны, он поставил девочку рядом и типо шепнул.

— Будь рядом.

Достав из-за пазухи очередную свечу, только сейчас уже белого цвета, присел у маленького камушка. Вновь оросив камень своей кровью, зажёл свечку и встал.

Взяв за руку стоящую рядом Катю, медленно и торжественным голосом, закрыв глаза, стал говорить.

— Слава Вам, ушедшие. Мы пришли к Вам с благодарностью за помощь оказанную. Вы помогли Нам и благодарность наша безмерна...

--

...Белый услышал, как девочка слово в слово повторяет его слова. Очень тихо, но чувствовалось, что она и в самом деле благодарит от всего своего маленького сердечка незнакомых за то, что они избавили её от смертельного недуга.

--

... Мы храним память о ВАС. Помнили, помним и будем помнить. Память о ВАС будет в сердцах наших пока мы живы. А благодарность наша к ВАМ безмерна. Спасибо ВАМ, СТАРШИЕ, Спасибо за помощь и за жизнь нашу...

И Олег вновь начал кланяться сиволу каждому из РОДОВ, называя того по имени. Он краем глаза заметил, что и девочка повторяет его движения и слова...

--

А потом... Совершенно неожиданно, Катя, опустившись на коленки, сняла с себя венок, и, пронеся через пламя горящей свечи, положила его так, что он обрамлял свечу. Встала и поклонилась.

— Спасибо ВАМ за жизнь мою, — еле слышно сказала девочка и, качнувшись, прижалась к ноге Белого. Потмо выпрямилась и... оттолкнула Белого от себя, заставив его сделать шаг назад. Оцепнев, мужчина смотрел на происходящее. Ведь такого он и сам не помнил в своей жизни, и никто ему не рассказывал...

--

Катя сама не понимала что делает. Она тщательно повторяла все слова дяди, поворачивалась и кланялась так же, как и он. А после последних его слов, совершенно не задумываясь, и не контролируя себя, сделала то, что, по её мнению, надо было сделать. Она решила отдать ту единственную драгоценность, что была у неё с собой — удивительный венок, который для неё сделал дядя.

Она опустила на колени, сняла венок с головы и положила его так, что бы было красиво.

Вставая, у неё закружилась голова, и она чуть не упала, в последний миг схватившись за штаны дяди.

А дальше...

Все те, едва видимые в темноте камни, которым они кланялись, вдруг начали светиться. И как будто у камней появились руки. Эти, еле видимые руки, потянулись к соседям, сплелись и, через несколько секунд, вокруг мужчины и девочки сверкал ослепительный круг.

А чуть позже, когда она, совершенно не осознав, оттолкнула от себя дядю, увидела, как от каждого из камней к ней потянулись лучики света. Они, как маленькие котята, снизу, крохотными рывками, чуть подёргиваясь, поднимались всё выше и выше. Катя, склонив голову, удивилась, что по ней скачут не лучики света, а разные крохотные звери. Она узнала и волка, тигра, и какую-то птицу. Вот медвежонок погнался за зайчонком. Догнав, ткнул его в спинку и побежал в сторону. А зайчик погнался уже за ним. Такое было впечатление, что все эти зверята играют в догонялки... Они поднимались в своей игре всё выше и выше. Катя зажмурилась, что б лучики не попали в её глаза, но ни один не ослепил её, не желая нанести неприятность девочке. Зверята были уже почти на самом вершине головы, а некоторые и в волосах, но тут раздался звук, словно колокольчик прозвенел. Все лучики-звери повисли над головой Кати и стали кружиться над ней. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее.

Скорость всё увеличивалась... и вокруг головы образовалось кольцо. Только совсем маленькое. Похожее на тот веночек, который она совсем недавно сняла с себя. Через миг лучики от камней исчезли, а вокруг головы Кати продолжал крутиться и сиять веночек, сотканный из света.

Девочке, в тот момент, когда по ней бегали зверята, казалось, что её глядят одновременно множество женских рук. Тёплых, нежных, заботливых и любящих. Ей было безумно хорошо. Она словно купалась в океане любви окружающих её женщин.

Чуть позже открыла глаза и оглянулась вокруг. Стало настолько светло, что было видно каждую травинку на поляне. Она посмотрела на дядю. Тот стоял рядом, не отрывая своих глаз от неё, а по щекам текли слёзы...

--

Прошло ещё несколько секунд и свет исчез.

Как Белому показалось, этот веночек из света втянулся в голову девочки.

Он стоял потрясенный увиденным и не мог сделать ни одного движения. Его тело словно окаменело, а когда веночек исчез, и стало вновь темно, он, от усталости, буквально упал на колени. Перевёл дыхание. ТАКОГО результата он совершенно не ожидал. Единственное, что у него крутилось в голове, это было одно — Предки приняли девочку в свой КРУГ. Приняли как равную себе. Он посмотрел перед собой...

... На камне-алтаре не было ни свечи, ни венка...

— Что с тобой, дядь? Тебе плохо?

Катя подскочила к Белому и попыталась помочь ему встать.

— Давай я помогу тебе вернуться к палатке. А то ты можешь упасть. Ты и так себя плохо чувствуешь. Обними меня и пойдём.

Белый встал. Посмотрел с высоты своего роста на ребёнка и улыбнулся.

— Маленький ты мой котёнок. Спасибо тебе за помощь. Ты очень добрая и заботливая девочка. Но посмотри на меня и на себя. Как же ты мне поможешь?

А Катя, совсем не пряняв его шутливого тона, твёрдо стояла на своём.

— Ты мне помогал, спасал меня! А сейчас отказываешься от моей помощи? Так неправильно. Так не честно.

Белый, терпя боль в своём теле, подхватил девочку, поднёс её личико так, что бы их глаза были на одном уровне.

— Милая моя. Поверь. Я всё ценю, что ты для меня делаешь. Ты стала мне за эти дни очень близкой. Спасибо, Солнышко, за то, что ты есть.

И Белый стал покрывать поцелуями всё лицо девочки.

Та терпела долго, а потом, оттолкнув от себя лицо Белого, сделав строгое лицо, заявила. — А кто тебе опять разрешил без спроса целовать меня, а? Мы же договаривались. А ты...

— Прости, малыш. Но ты сейчас такая красивая. Такая милая и родная...

Катя, не отрывая глаз от лица Белого, поманила его пальчиком правой руки, что бы тот приблизил лицо.

Они, буквально касаясь друг друга носами, смотрели в глаза друг друга.

— Дядя Белый. Я хоть и люблю тебя очень, но слюнявить себя тебе не дам. Я разрешаю тебе поцеловать меня всего один раз. Вот сюда — и Катя показала пальчиком на щёчку.

— Спасибо, милая, что позволила, — с улыбкой, очень нежно и мягко, Олег прижал свои губы к указанному месту.

А Катя, скосив глазки, проконтролировала его поцелуй, а потом, со всей силы схватив того за шею, прижалась к нему и сама целовать дядю в нос.

Через несколько секунд, покинув капище, оба прижались друг к другу и Белый медленно пошёл по тропинке к палатке.

* * *

Уже расстёгивая полог, он увидел, как девочка в его руках обмякла, готовая погрузиться в сон.

— Катюня. Давай ты сейчас поспишь, а я немного позже тебя разбужу. Ты и правду не пожалеешь того, что увидишь.

— Хорошо, — чуть слышно сказала девочка и мгновенно уснула.

Олег аккуратно положил своё сокровище на кровать, осторожно сняв с неё сарафан и, растегнув спальный мешок, поместил туда маленького тельце. Сверху накрыл ещё и одеялом, а потом тихо и аккуратно проскользнул в свой отсек.

Покопавшись в рюкзаке, достал заветную фляжку. Откинув крышку, сделал прямо из горлышка глубокий глоток. Жидкость огнём скользнула по горлу и провалились вниз.

Белый впервые не стал соблюдать дозировку. По правилам надо было выпить пять — шесть капель, предварительно растворив в воде, кофе или чае. Но сегодня он понимал, что ему нужны силы закончить то, что он должен был сделать.

Переодевшись в обычную одежду, скрутил свои рубаху и штаны и Катин сарафан, в которых они были на капище, и вышел из палатки, плотно закрыв дверь.

Подошёл к костру. Кинув в огонь несколько поленьев, положил сверху свёрток с ненужной одеждой.

— Думаю, что в моей жизни это больше не пригодится — произнёс тихо Олег и пошёл к лодке.

* * *

Спустившись к озеру, опустил обе ладони в воду и прошептал.

— Руся, милая, ты нужна мне...

Внезапно для него, из-за спины раздался мягкий голос.

— Наконец-то я услышала, что тебе нужна.

— Милая, ты мне всегда нужна, и спасибо, что пришла.

— Я и не уходила отсюда с ночи. Что ж ты творишь, мерзавец? Ты чуть не ушел. Оставалось совсем немного... Почему не думаешь о тех, кто нуждается в тебе? — И Руслана заплакала.

— Руся, лада ты моя. Я тогда не чувствовал ничего. Вообще ничего. У меня была одна цель — убрать из тела девочки тот «крюк», который и призывал беду на их род.

Руся молчала, закрыв глаза руками, и тихо плакала.

— Прости меня. Прошу. Знаю, что виновен перед тобой. Знаю также, что ты осмелилась пойти против ЗАКОНА и вмешалась, когда я терял себя.

— А что мне оставалось делать? Ты умирал. Я не думала о себе в тот момент. Просто, находясь рядом, пыталась отдать тебе все свои силы, которые были во мне.

— А если бы ТЫ из-за меня ушла? Как Я бы жил? Ты об этом подумала?

Белый встал и, сделав шаг, схватил Руслану и прижал к своей груди.

— Прости, но нам надо жить. Рано ещё уходить. Осталось много-много дел.

Руслана посмотрела ему в глаза и спросила.

— А можно я сейчас лягу тебе на колени?

Олег сел на борт лодки, освобождая из объятий красивое тело.

— Ложись, и устраивайся как тебе будет удобно.

Та мгновенно свернулась калачиком, положив свою голову на колени мужчины.

Белый запустил руку в густые волосы, глядя свою подругу по голове. Потом наклонился и поцеловал её сначала в глаза, а затем и в губы.

— Спасибо тебе за жизнь, милая.

— Пожалуйста, любимый, но заслуга в том не моя. Я немного придержала тебя, а потом твоя девочка...

— Что там было? Можешь рассказать подробнее? Я помню всё только фрагментами.

— Твоя воспитанница очень сильна.

— Сильна?

— Не перебивай, пожалуйста. Я и так сейчас не могу привести свои мысли в порядок.

— Может быть, тогда сядешь рядом? — с улыбкой спросил Олег.

— НЕТ!!! — Руслана обхватила его поясницу руками и прижалась со всей силы к коленям. — Прошу, не прогоняй.

— Я не гоню. Но хотел бы услышать от тебя более связанные слова. А то, смотрю, ты совсем...

Руслана повернулась на живот и уткнулась своим подбородком в колени Олега.

— Вначале я видела, как ты со стоном вынимал из девочки комки чего-то серого и красного цвета и старался всю эту грязь складывать аккуратно в какую-то миску.

— В котелок?

— Какая разница как я это назвала. Это была страшная для меня ночь...

— Руся, соберись, пожалуйста.

— ...Немного позже увидела, как ты что-то сунул в рот и потянулся за какой-то банкой. Открыл её, выплюнул туда изо рта и вновь закрутил крышку, отбросив от себя подальше. Лёг назад, вновь положив малыша сверху. Тут появились твои предки. Сначала шесть, потом еще три. Они встали вокруг тебя, но я понимала, что не все они пришли...

Вы оба мерцали и до этого, но тут, не прошло и мгновения, как девочка стала погружаться в тебя. Вы почти слились, и я... почувствовала сердцем, что ты уходишь. Выскочила из воды, подбежала и стала тащить ребёнка из тебя. Мне удалось её пробудить. Твоя подопечная, открыв глаза, увидела, что ты уже почти не дышишь, перевернулась к тебе лицом и страшно закричала...

Руслана замолчала, словно вновь переживая те мгновения.

— ...Милый, мне стало просто страшно. Это был даже не детский крик, а какой-то вой дикого зверя. Она в тот момент ничего не видела. Просто ужасно испугалась. Не за себя — за тебя. А потом.... Был ПРИЗЫВ. ТАКОЙ силы, что меня согнуло, а твои бабки попадали на задницы. И, не прошло и мгновения, как тех вокруг стало уже двенадцать. Я лишь успела вновь схватить девочку и отнести её наверх, положив в кровать. Вернулась к тебе, попыталась опять коснуться тебя, но кто-то из твоих предков меня схватил грубо за шею и отбросил метров на двадцать в воду. Когда я немного пришла в себя, увидела, что они, взявшись за руки, медленно двигаются вокруг того места, где ты лежал. И тихо что-то пели. Это продолжалось совсем недолго, а потом раздался тихий хлопок, как в ладоши, и все исчезли. Минут через пять ты и сам поднялся из воды и пошёл наверх.

— Больше ничего не было?

— Нет. Единственное, что как твои предки появились, на Ладоге молнии стали сверкать. Одна за одноё. Дождя не было, как и ветра. Представляешь? Совсем недалеко молнии сверкают, а здесь полнейшая тишина.

— Так чему удивляться? Я же пошёл против природы, против КРУГА ЖИЗНИ. Мало кто остался доволен этим. Да ещё и прородительниц призвал.

— Не ты призвал. Девочка твоя.

— Нет. Она только усилила мою просьбу. И не спорь. Прошу. Я ведь обряд сегодня провёл, которым давным-давно не пользовались.

— Милый, ты не столь смелый, как безрассудный. А если бы не так всё прошло?

— Но всё же закончилось удачно, ведь так? Древние помогли нам и с час назад мы ходили к ним. Благодарили за оказанную помощь. Те отозвались и наградили девочку светом.

— Каким светом?

И Белый подробно рассказал своей подруге то, что увидел совсем недавно.

— Я о таком и не слышала никогда.

— Я тоже. Были разные знаки, но что бы всеми двенадцатью одновременно одарили...

Это что-то уж совсем удивительное...

Руслана замолчала, отвернувшись от Олега и лицо её погруснело.

— Милый. Ты завтра уедешь? Надолго?

— А вот сейчас я тебя удивлю. Нет. Я не в силах куда-либо ехать. Измотан до предела.

Поэтому предупредил своих друзей. Они заберут Катю отсюда и довезут её домой.

— Справятся?

— Ланушка. Ты же знаешь обоих моих друзей. И деда Дмитрия и Виктора.

Руслана прыснула.

— Да, знаю. Дед твой правильный, а Виктор... Не вспоминал бы его...

Она подумала и добавила.

— Он хороший друг тебе. Верный, надёжный, но... дурной, — и захихикала.

— И ты не вспоминай плохого, да и давно это было.

— Милый, а мне можно будет с тобой побыть?

— Просто побыть рядом или?

Олег с доброй улыбкой смотрел на Руслану.

Девушка опустила голову и о чём-то задумалась.

— Ты сейчас хворый. Не буду тебя мучить... Первые дни.

И с хохотом скользнула в воду.

— Эй, Руся. Подожди.

Из воды выглянула красивая головка.

— Руся. Можно тебя попросить об одолжении.

— А хочешь, я тебе скажу о каком?

— Ну, слушаю.

— Ты хочешь меня попросить, что бы я поговорила с девочкой? Познакомить нас?

— Да, угадала. Ты умница. А ведь сегодня, сама посмотри — словно настоящая сказка.

Ты только глянь, сколько сияет звёзд на небе, да и луна как прожектор. Всё хорошо видно.

Для Кати будет настоящее волшебство.

— Милый, я не согласна тобой. Не надо ей сегодня видеть меня. Она слабенькая, да и дар этот. Я, если честно, немного её стала побаиваться. Вдруг, да что сделает со мной?

— Русь, Ланушка ты моя. Она очень добрая девочка. Она не обидит тебя.

— Не знаю, милый. Но сделай так, как я тебя прошу. Ведь я, в свою очередь, иду тебе навстречу. Ведь так?

— Хорошо. Ты подожди тогда немного. Я её сейчас разбужу и принесу на берег.

Ненадолго.

— Иди. Я подожду.

* * *

Вернувшись к палатке, Олег аккуратно разбудил ребёнка.

— Катюнь. Ты готова побывать в самой настоящей сказке?

Катя мгновенно сбросила с себя сонливость и потянула ручки к мужчине.

— В сказке? В настоящей? Хочу.

— Тогда пошли.

Белый поднял Катю на руки и, осторожно ступая по камням, принёс девочку прямо к самой воде. Спустил её на камень. Присел рядом и снял с шеи полотенце.

— Солнышко. Я сейчас тебе завяжу глаза этим полотенцем. Ты только не пугайся? Ладно? Ты ж знаешь, что я не причиню тебе ничего плохого.

— Знаю, дядя. Ты самый добрый. Я ж говорила, что верю тебе.

— Говорила. Ну что, готова?

— Готова.

— Тогда закрой глазки и... не подсматривать.

Мужчина завязал глаза девочке и, подняв снова её на руки, сел прямо на камень у берега, опустив свои ноги в воду.

— Катюнь. Помнишь, я обещал тебя познакомить с моей подружкой?

— С какой?

— С русалкой.

— Дядь Белый. С русалкой? Они же в сказках живут!

— Да, в сказках. А мы с тобой сейчас и попадём в сказку.

— Правда?

— Протяни ручку вперёд.

Катя очень медленно протянула руку вперёд и почувствовала, что её погладили её пальчики.

Она попылась сдёрнуть другой рукой полотенце с глаз, но Белый её удержал.

— Катён. Мы же договорились, что бы ты не подсматривала.

— А как зовут русалку?

— Меня зовут Руслана, а друзья зовут Руся. Мы с тобой ведь подружимся?

Этот голос для Кати звучал волшебно. Такое было впечатление, что одновременно звенели тысячи маленьких колокольчиков.

— Какой у тебя красивый голос, тетя Руся. А ты живая?

— Если б я не была живая, как с тобой могла бы разговаривать? Конечно живая. И я живая, и ты живая, и Дядя вот тоже живой.

— А ты красивая, а то я не вижу? У меня полотенце на голове намотано. А я так бы хотела посмотреть на живую русалку.

И Катя поёржала полотенцем по своему плечу.

— Белый, — прозвенели колокольчики. — Ты не туго перевязал эту красивую головку?

— Руся, нормально.

— Жаль. Что я не могу тебя увидеть, тётя Руся. — со вздохом сожаления сказала девочка

— Мне тоже жаль, — вновь прозвенели колокольчики и руку девочки вновь погладила хоть и холодная, но очень нежная рука.

— Кать. Помнишь дядю Витю, который нас привёз сюда? — спросил у девочки Белый.

— Конечно, помню.

— Вот, он тоже с Русей познакомился.

— Белый, не вспоминай его, — и колокольчики зазвенели тревожно.

— Кать. Дядя Витя полез в воду купаться и наступил на Русю...

— Белый, я обижусь... — колокольчики зазвенели ещё тревожнее.

— ... И крикнул, что он в ка...

И тут на двух сидящих плеснули водой, сделав их мгновенно мокрыми.

— Белый. Как тебе не стыдно? — колокольчики зазвенели очень и очень высоко. —

Рассказываешь ребёнку гадости.

— Руся. Если я не могу правильно рассказать то, что произошло, попробуй сама, — с ехидцей в голосе сказал Белый.

— Катенька. Было совсем не так, — колокольчики звенели теперь еле слышно. — Я прилегла отдохнуть в тёплой водичке у берега. Никого не трогала. Уже засыпала. И, представь, на меня наступают сначала одной ногой, потом другой, потом обзывают какашкой и пытаются вытереть об меня ноги и оттолкнуть подальше от берега. Мне так обидно стала, я и не выдержала. Напоила того нахала холодной водой. Хорошо вон, дядя Белый рядом был. Вытащил его на берег.

Рядом с Катей раздался залиvistый смех Белого.

— Какашкой? Да?

— Белый. Поганец ты такой. Ну не при ребёнке же...

А потом захохотали все. И Белый и Катя, которая представила рассказанную картинку, и Люся, зазвенев миллионом колокольчиков и, плеснув вновь на сидящих небольшой волной.

Когда отсмеялись, послышался тихий-тихий голос русалки.

— До свидания, милая. Я тебя ночью видела без полотенца на голове. Ты очень красивая... Мне б такую дочку. И спасибо тебе за дядю Белого. Он тебя спас, а потом ты его. Если б не ты... Странно... Счастья Вам. До свидания...

Раздался тихий всплеск воды, и звон колокольчиков исчез...

Олег размотал полотенце с Катиной головы и вытер им девочку.

— Вот поганка. Наигралась, нахулиганила и уплыла. Кать... — Белый встал, в изумлении посмотрев на дно у самого берега. — Посмотри. А Руся тебе подарок оставила. Наверное, и в самом деле ты ей очень понравилась.

И он, сунув руку в воду, достав крупную чешуйку. Та мерцала как крохотный фонарик.

— Это тебе. Это от хвостика Руси.

Катя взяла в руки чешуйку. Она была большая и тяжелая. И переливалась всеми цветами радуги. А с обратной стороны сверкала как золото.

— Дядь. Это мне? — Катя прижала чешуйку к груди, с восторгом и недоверием глядя в глаза Белого. — Правда? Я дома маме покажу — не поверит. Да и папе с делом тоже.

— Кать. Только такие подарки нельзя передавать. Даже бизким людям. Посмотреть давать можно, но только не выпуская из своих руках. Иначе она потускнеет и очень скоро рассыпется песком. Поверь, я знаю. Запомнила?

— Да, дядь. Я никому её не отдам. Только покажу издали. Ведь мне это подарила НАСТОЯЩАЯ русалка.

— Ну и хорошо. А сейчас пойдём укладываться спать. У тебя завтра тяжёлый и долгий день. Ведь надо возвращаться домой. Поэтому утром будить тебя не буду. Спи, сколько хочется.

— Дядь. А может ещё побудем здесь несколько дней? Мне так тут нравится... Здесь всё такое красивое. И ты здесь...

— Малыш. Мы ещё приедем сюда. Только немного позже. Я обещаю. А я...

— А ты всегда выполняешь обещания!

Катя протянула руки, а Белый, подхватив девочку, прижал её к себе и пошёл к палатке...

Уложив девочку в спальник и устроив её поудобнее, сам залез в свой отсек и лёг накрывать. Спать хотелось невыносимо, но в голове у него постоянно крутился разговор с Русланой.

— Если Руся увидела, что Катя «погружалась» в меня, то это могло в дальнейшем повлиять как на девочку, так и на него самого. Могло произойти совмещение даже не столь генетической памяти, а изменение их организмов, настройка друг на друга. Я не помню, что бы такое хоть иногда случалось. Даже не в своей практике, а вообще в истории. Это могла означать лишь одно... — и Олег даже сел в волнении на кровати. — Получается, что мы стали ближе по родству, чем Катя и её мама? Вполне возможно, что и генетический анализ мог теперь показать их прямую родственную связь. А если так действительно произошло, то что будет с ними дальше? Вряд ли мама девочки будет интересоваться и сдавать на генетический анализ кровь Кати и Белого, но если начнутся отклонения в поведении ребёнка? Так. А во мне есть изменения?

Белый закрыл глаза и попытался провести внутреннюю самодиагностику. Явных изменений он не заметил. Состояние его организма хоть и не радовало, но патологий не выявил. Проведя руками над своим телом, немного успокоился. Чувствительность его рук была прежней.

Попытавшись провести сканирование вокруг палатки, также понял, что всё было как и ранее. Ни по силевосприятию, ни по возможному диапазону действия.

Попробовал «дотянуться» мысленно до Кати. Провести диагностику её тела. Он почувствовал девочку, но анализ состояния организма провести не удалось. Расстояние между ними было метра четыре, его предел. Немного отдохнув, постарался «дотянуться» до её головы, почувствовать её эмоциональный фон. А вот здесь случилась неожиданность. Его мысленный диагност упёрся как бы в стенку. Катя была «нечитаема». Он, раз за разом, пытался пробить эту преграду, но в изнеможении откинулся на подушку.

— Это что получается? У неё в голове стоит блокировка? Интересно, от меня или от всех? Надо будет завтра попробовать её продиагностировать вблизи. Сомневаюсь, что при прямом контакте она сможет быть недоступной. А если так? Тогда получается, что тот огненный венок, который впитался в её голову, и есть дополнительная защита? Или это совсем что-то совсем иное? А что это тогда? Ведь в поведении ребёнка ничего не изменилось. Она осталась такой же непосредственной и доброй, как и была до ритуала.

Олег лежал, и мысли его перескочили на другую тему. Стоит рассказывать Панкрату о том, что произошло, или нет? В этом были как плюсы, так и минусы. Но минусов, как Белый просчитал, было намного больше. Ведь такого, что произошло этим вечером, он совершенно не ожидал. Тотемы-символы родов словно ожили на теле ребёнка.

И Олег вновь попытался вспомнить финальный момент. Буквально «прогнал» его по секундам.

— Нет. Этот световой венок не исчез сам по себе. Он, тускнея... просто вновь разделился на символы. А дальше... Те словно впитались в голову ребёнка. Нет. Не все... Не только в голову. Надо попробовать ещё раз... Теперь медленней...

Он снова прижал ладони к вискам, вновь попытавшись сконцентрироваться. Да, завтра его ожидает жуткая головная боль, но он должен сегодня понять, что же случилось с Катей.

Белый как бы покадрово просматривал последние секунды.

...Вот крутящийся венчик света резко останавливается... Сначала тускнеет, а потом вспыхивает на мгновение, словно взрывается... Символы начинают кружиться, опускаясь на Катю, впитываются в неё. Пять... Шесть... Восемь... ВОТ!!! Еще по два в каждую её руку. Все двенадцать...

Олега выкинуло из состояния, в котором он находился. Губы пересохли, руки дрожали и сам был мокрый от пота. Немного потряхивало от напряжения.

— Чему удивляться? И так еле живой, а занялся тем, что и в нормальном состоянии трудно перенести, — подумал Белый.

Потянулся к бутылке с водой и сделал пару глотков.

Себя смотреть всегда было намного тяжелее, чем других. Он это знал и очень редко пользовался самодиагностикой в полной мере. Ну, может, раз в году. Это было необходимо, что бы проанализировать своё состояние после лечения особо трудных пациентов. Ведь нередко были случаи в практике, когда неопытный лекарь впитывал в себя болезни пациентов. А вот дальше...

— И так... Что я понял? — Олег лежал и размышлял. — Восемь Родов оставили свои метки в голове Кати, а четыре — усилили её руки, по два знака на каждую... Неужели так и происходит таинство утверждение СУДЬИ в её статусе? Ведь этого никто никогда не видел...

... Уф-ф-ф. Голова совсем не соображает. Надо всё отложить на завтра. А вот тогда, когда провожу Катю, можно будет не сдерживаться и попробовать отпустить внутреннего Я. Может быть в этом случае что-то прояснится? А на сегодня всё. Сил больше нет...

И Белый, расслабившись, просто мгновенно отключился.

Утром встали поздно, почти в одиннадцать. Светило яркое солнце и было очень тепло.

Катя, на удивление, чувствовала себя хорошо. Пыталась помочь дяде с приготовлением завтрака. Потом сама вымыла грязную посуду. Немного побродила по полянке, на которой стояла палатка и вернулась к Белому. Постояла у матраса, на котором лежал Олег и тихо спросила.

— Можно я с тобой рядышком посижу?

— Конечно можно, малыш. Мне будет приятно, что моя хозяйюшка рядом со мной.

— Тебе плохо, дядя? Болит?

— Лучше, чем было вчера, но не очень хорошо.

— Ты хочешь здесь остаться, чтобы совсем быть здоровым?

— Да, Катюнь. Только для этого.

— Я поняла.

И Катя, растроенная, замолчала, отвернулась и посмотрела на озеро.

Через несколько минут опять глянула на Белого.

— А тётя Руся очень красивая. У неё такие волосы!!!! Густые, пушистые и длинные! Мне б такие...

— Ты всё же подсматривала вчера? — недовольно спросил Олег.

— Нет. Я пообещала не подсматривать и не подсматривала. Через полотенце ничего не было видно. Но я её всё равно увидела. Как-то иначе, по-другому. Через закрытые глаза.

Олег аж подскочил на матрасе.

— А ты её ВСЮ видела?

— Нет, только до животика. А что?

— Да нет, ничего... А... — голос Белого стал жестче.

— А ты чувствовала, о чём Руся думала?

— Нет. Я не знаю, о чём она думала, но поняла, что я ей нравлюсь, и она тебя... любит, дядя.

— Кать. Ты ещё маленькая, что бы понимать такое.

— Нет, я не маленькая. Она тебя любит так же, как мой папа мою маму. Вот.

Катя обиделась и снова отвернулась от Белого.

— Малыш, давай не ссориться. Хорошо?

Катя повернулась к мужчине, погладила одеяло, под которым тот лежал.

— Я не хочу обижаться. А можно лягу с тобой рядышком? Я не буду тебе мешать.

— Ложись. Мне приятно будет.

Белый откинул край одеяла и затащил в норку Катю.

— Катюнь. У нас есть немного свободного времени. Давай поиграем с тобой в игру.

— Какую?

— Ты сейчас ляжешь так, что бы ни касаться меня и дашь мне ладошку.

Катя поворочилась под одеялом, отстраняясь от дяди, и положила свою руку ему на живот.

— Хорошо. Не чувствуешь меня рядом? НЕ прижимаешься ко мне? — спросил Олег, положив свои руки на Катину.

Девочка провела другой рукой между собой и Белым.

— Нет, я в сторонке лежу.

— Хорошо. А игра такая. Ты сейчас закроешь плотно-плотно глазки и постарайся увидеть то живое существо, о котором я думаю. Оно будет как изображение на картинке. Попробуй увидеть не у меня в голове, а так, словно это находится перед твоими закрытыми глазками. Не напрягайся и не придумывай ничего. Что видишь, то и называй. Это игра называется «Угадайка».

— Постараюсь.

— Приготовились. Первая картинка. Начали.

Через несколько секунд Катя ответила.

— Листик.

— Вторая.

— Кошечка. НЕТ! Котёнок, маленький.

— Третья.

— Лягушка.

— Четвёртая.

— Собачка.

— Пятая.

— Мама. МАМА?

Катя подскочила и отдернула край одеяла с лица Белого.

— Я угадала? Я правильно увидела маму?

Олег с невозмутимым лицом прижал Катю вниз.

— Мы ещё не закончили.

Катя вновь легла, и также, как и дядя, прикрыла одеялом лицо.

— Дядь Белый, давай дальше, я готова.

Белый подождал, пока Катя, поёрзав, успокоится, и продолжил.

— Приготовились. Шестая.

— Озеро вокруг нас и ветер дует сильный. С кустов листики летят.

— Седьмая.

— Дядя Витя едет на машине и улыбается. Сейчас... песню какую-то поёт.

— Восьмая.

— Бабушка какая-то.

— Девятая. Постарайся рассказать, как выглядит эта бабушка. Начали.

— ...У неё светлые волосы, зелёные глаза... На самом кончике носа очки. Она что-то делает руками... Не готовит еду... А... у неё в руках маленький носочек... Всё... Больше ничего не вижу.

— Хорошо. Десятая. Последняя. Самая сложная. Сосредоточься. Постарайся увидеть как можно больше. Почувствуй. Потянусь сама к картинке.

Катя, глубоко вздохнув, подскочила и, обхватив Белого за шею, прижалась к нему со всей силы.

— Катя. Жду ответа.

— ...

— Катя...

— Дядя Олег. Я увидела тебя, почувствовала твою любовь. Почувствовала, что ты мне не чужой. Ты как будто поместил меня в себя, и я очутилась в море любви, тепла, ласки и нежности. Я такого никогда не чувствовала.

Катя подняла голову и посмотрела своими зелёными глазами на Белого.

— Я правильно ответила на твои вопросы?

— Почти на все.

— А на какой неправильно?

— Давай ещё раз. Поднимись немного и положи теперь свою ручку мне на лоб. Закрой глаза. Сосредоточься. Что ты сейчас видишь?

— Муравей на листике.

— Да. Это правильный ответ на первый вопрос. А ты ответила — листик.

— Я муравья не увидела. Он совсем маленький. А ещё?

— Давай. Готова?

— Да.

— ... Две птички... чайки, высоко-высоко в небе летают.

— А ты сказала, что озеро и ветер сильный. Так?

— Да. Но и озеро было и ветер дул.

— Да, было. Но ты должны была увидеть на картинке живое существо, о чём и я и говорил вначале. Говорил такое?

— Да. Ты говорил. А давай дальше? Интересная игра. Я как будто чужими глазами смотрю.

— Катюнь. Ответ — ты устала? Только честно.

— Немного. Голова кружится.

Белый посмотрел внимательно на Катю. Она была немного бледной, а на её лобике выступило несколько капель пота.

--

— «То, что в Кате проявился ДАР, это понятно. Уже сейчас она хоть и совсем слабый, но явный интуит. Пока чувствует БОльшим образом тактильно. Ярko выраженной чувствительности нет, хотя её эмоциональный фон всегда был выше нормы. Её руки во время контакта продолжают оставаться в норме, не нагреваются. Что же. Надо постепенно «разгонять» её способности. А что бы не наговорила лишнего, поставлю ей кратковременную блокировку. Это будет лучше для неё»...

--

— Нет. Достаточно. На этом закончим. Эта игра быстро утомляет организм. Я ты ещё очень слабая.

— Жалко. Белый, а тебя зовут Олег?

— Да. Солнышко. Меня зовут так. Но много лет меня зовут просто Белым и я к этому давно привык. Лучше и ты продолжай меня так звать.

— Хорошо. А с мамой я смогу играть в такую игру?

— Ты задала такой вопрос, что мне придётся поговорить с тобой серьёзно. Сядь, пожалуйста.

Катя села на матрасе, а Олег приподнялся, подсунув под спину подушку. Посмотрел прямо в глаза смотревшей на него серьёзной девочки.

«Она рано повзрослела, но это не моя вина», — мелькнула мысль у Белого, а вслух сказал совсем другое.

— Солнышко. Ты хоть и маленькая девочка, но умная и я понимаю, что мои слова дойдут досюда, — Олег протянул руку и коснулся пальцами лобика девочки, — и досюда, —

и он прикоснулся к груди в районе сердца Кати...

Белый сдвинул подушку и лёг нормально на матрас.

— О том, что с тобой произошло на этом островке, ты не должна рассказывать всем. Даже маме и папе. И дедушке тоже. Ты можешь рассказывать о том, что видела вокруг — о встрече с лосихой Машей и лосёнком, о природе, об островах. О птичках, которых мы кормили. Как мы катались по озеру, но о бабушках, что нам помогли, ты должна молчать всегда. Это твоя и моя тайна до конца нашей жизни. Поверь, каждый твой рассказ может закончиться твоей болезнью. А заболеть снова ты же не хочешь, ведь так?

— Не хочу, дядь. Я не буду рассказывать. Понимаю, что у меня будет болеть голова. Вот сейчас ты вспомнил о них, а у меня в голове кольнуло.

— Это наша тайна. И то, что тебя кольнуло, доказывает, что я прав. Постарайся даже не думать о бабушках.

— А о русалке можно?

— О Русе можешь. Расскажи, какая она красивая и похвастайся тем, что она тебе подарила.

При этих словах Катя прикоснулась к маленькому кармашку на сорочке.

— Ты поняла?

— Да.

— Теперь о «Угадайке», в которую мы с тобой играли. Об этом тоже не нужно рассказывать. Тем более самой пытаться играть с твоими родными. Через месяц мы с тобой снова увидимся, тогда и поиграем. Договорились?

Катя улыбнулась и опять сказала. — Да.

— А почему играть с ними не надо, так потому, что и у мамы и папы сразу разболются головы. И будут болеть долго-долго. Поверь, я знаю.

— А с дедушкой?

— С дедушкой особенно. Он ведь самый старенький из вас. Пожалей его.

— Хорошо, не буду. Но мы с тобой потом поиграем? Ты обещаешь?

— Обещаю. А я...

— Всегда выполняешь свои обещания, — Катя засмеялась.

— Вот и ты выполняй. Тогда у всех всё будет хорошо. А теперь нагнись ко мне.

Катя наклонила голову, а Белый прижал свои руки к её вискам, закрыл глаза и на несколько секунд словно отключился...

Отстранив её от себя, вновь посмотрел на спокойное лицо девочки и, шутя, скомандовал.

— Теперь быстро давай готовить перекус. Вместе. Скоро к нам доберётся дед Дмитрий и отвезёт тебя к машине дяди Вити. А тот уже доставит тебя прямо в руки маме. Да, совсем забыл, Солнышко.

И Белый, достав из-под подушки конверт, протянул его Кате.

— В этом конверте записка и карта памяти от фотоаппарата. Отдай всё маме. Не забудешь?

— Нет, не забуду. А там снимки, где я?

— Да, милая. Там много всего. Сама удивишься, когда будете смотреть эти фотки.

Катя, уже встав с матраса, сделала шаг, наклонилась и поцеловала в щёку Белого.

— Спасибо тебе, дядя Бе... Олег. Ты очень добрый. Спасибо тебе за всё. Спасибо за то, что вылечил меня. Спасибо за то, что любишь меня. Спасибо за то....

И после каждого спасибо, она целовала Белого в нос, в глаза, в щёки, в лоб...

Олег лежал, буквально купаясь в той нежности и любви, которая шла этой маленькой девочки. В уголках его глаз вновь сверкнули слезинки. Ему было безумно хорошо.

— Ты только не плачь, а то я буду тебя целовать до тех пор, пока ты не перестанешь. ПОНЯЛ? — И Катя сдвинула домиком свои бровки, пытаясь выглядеть уж совсем серьёзной.

— Пощади меня. Я и так уж не знаю куда деться от твоих поцелуев. Весь мокрый.

— А ты никуда и не денешься от меня, — со смехом сказала Катя. — Всё, вставай потихоньку. Давай готовить кушать.

* * *

Вскоре к острову причалил катер Дмитрия Михайловича. Белый, подняв девочку на руки, аккуратно передал её в руки деда.

— Здравствуй, милая.

— Здравствуй, дедушка.

— Готова к плаванию?

— Готова. Только жилет надо одеть.

— Вот! — воскликнул дед и поднял указательный палец вверх. — Это правильно. Сначала жилет, а потом в море.

Взрослые улыбнулись, а дед, пряча взгляд, обратился к Белому.

— Не думал, что ты так выглядишь.

— Нормально всё, дед.

— Нормального-то мало. Порой неживые выглядят лучше. Всё, не буду молоть языком. Ты наверняка и сам себя в зеркало видел. Эх... На вот... Держи сумку, что я тебя собрал, а мы пошли. Сейчас встречная волна будет, скорость сбавлю. Как передам в руки Виктору, позвоню. Сообщу.

— Спасибо, дед. Я с тобой рассчитаюсь.

— Дурак ты, Олег. Нужны мне твои деньги. Ты лучше приводи побыстрее себя в порядок. А через неделю жду тебя у себя. В баньку мою ходим, попарю тебя.

— Деда! Не надо!!! Я как вспомню последний раз, когда у меня шкура лоскутами слезала....

— Дурачина. То не шкура, а грязь из тела выходила.

Дмитрий Михайлович перевалил сумку через борт и передал Олегу. Тот еле её удержал в руках.

— Вы что туда положили? Камней?

— Это тебе на пропитание и для выздоровления. Наверху разберёшь.

Он добродушно засмеялся и тихонько шепнул.

— Спасибо тебе, милый, за девочку-дочку. Она аж светится.

Белый улыбнулся, но ничего не ответил.

— Всё, мы почапали, — и Дмитрий Михайлович, надев на Катеньку жилет, затянул его по правилам, завёл мотор и пошёл в сторону Приозерска.

Олег еле выдюжил, таща эту тяжеленную сумку наверх к палатке. Открыл и ахнул. Той еды, которая там была, хватило бы ему на месяц пребывания.

— Здоровья тебе и многих лет жизни, деда, — прошептал Белый в сторону исчезнувшего за островом катера Деда.

--

— Понравились гостинцы, — улыбнулся дед, ощутив в груди теплый порыв благодарности и любви от Белого. — Живи, внучок, живи. Ты многим нужен. И мне...

--

Минут через сорок отзвонились один за другим дед и Виктор.

Первый рассказал, что доставил девочку в целости и сохранности и передал прямо в руки Виктора. Катя деда даже на прощание поцеловала.

Виктор, в свою очередь, пообещал не гнать машину. Сказал, что купил девочке сок и леденцы, сейчас посадит её в кресло и включит мультики. Так что в дороге малышу скучать не придётся.

Минут за десять до прибытия, позвонит Олегу, что бы тот, в свою очередь, предупредил маму о возвращении дочери.

Белый пожелал ему удачной и лёгкой дороги и разговор на этом закончился.

Немного посидев в тишине, стал разбирать переданную дедом сумку. Вынимая и раскладывая по местам продукты, на самом дне он увидел завёрнутое в несколько газет то, что совершенно не ожидал получить. Олег аккуратно достал, развернул, открыл, понюхал, улыбнулся и крикнул от переполняющей его радости как маленький мальчишка...

... Однажды у Дмитрия Михайловича ему удалось попробовать рюмку этой настойки, вкуснее которой он никогда не пил. А тут ЦЕЛАЯ бутылка. Праздник для него на много дней!!! Ведь эта настойка, которую делал сам дед, вызывала не столь опьянение, сколько жуткий аппетит, а самое главное — она словно закукливала организм в себе, нормализуя его состояние. И влияние было совершенно чудотворным, что даже одна маленькая рюмка этого напитка в день, за неделю могла привести в норму совершенно измученного болезнью человека.

Взглянув на свои запасы продуктов, Белый хмыкнул и уже засомневался, что их хватит на неделю.

Немного порадовавшись, его лицо вновь исказилось в гримасе. Сегодня вечером, когда Катя будет уже дома и радости родных немного стихнут, он должен закончить то, с чего начались беды в их семье.

* * *

Через два с половиной часа позвонил Виктор.

— Олечка, привет. Я минутах в пяти от дома Кати.

Он говорил тихо.

— Ты чего шепчешь? — спросил Белый.

— Катя спит. Пока не хочу будить. Посадил её на лодочной станции в кресло, пристегнул. Поехал и спросил — хочешь мультики посмотреть? Та согласилась. Включил ей

«Том и Джерри». Посмотрел минут через пять назад в панорамное зеркало, а она спит безпробудно. Я мультики выключил, а Катя и не отреагировала. Спит до сих пор.

— Это хорошо, что спит. Вымоталась за эти дни очень. Сейчас отдохнёт и будет в порядке. Спасибо, Витя. Сейчас позвоню маме Кати, сообщу твоё имя и что ты скоро приедешь. Давай так. Она спросит через дверь — «Кто там»? Ты ответишь — «Солнышко доставлено». Слова только не перепутай.

— Да... сложно запомнить. Попытаюсь заткнуть сейчас все отверстия, что бы ничего не вылетело.

— Трепло ты, Витька. Всё, давай. Потом отзвонись.

— Сделаю.

Набрал другой номер.

— Здравствуйте, Виктория Сергеевна. Это Белый.

— Здравствуйте.

— Простите, но долго разговаривать не смогу. Минут через пять Катя будет у Вас. Её привезёт мой друг. Его зовут Виктор. В ответ на Ваш вопрос кто, он ответит «Солнышко доставлено».

— А почему не Вы привезли? ЧТО С ВАМИ?

— Немного приболел. Отлежусь с недельку и приду в норму.

— Я сердцем чувствую, что с Вами что-то не так. Прошу, скажите.

— Вика. Как я и говорил — Вы удивительная девушка. Спасибо Вам за Катю. Да, пока не забыл. Катюня Вам передаст от меня записку и карту памяти. Там фотографии её пребывания со мной. Предполагаю, что хороший вечер Вашей семье будет обеспечен. Извините, но Вам пора. До свидания.

И Олег прервал вызов и задал себе вопрос.

— «А почему никто не задумался над тем, что я вернул девочку через пять дней, а не через семь, как говорил ранее?»

--

Через несколько секунд после коротких гудков и множества вопросов «Алё», раздался звонок от консьержа.

— Добрый вечер, Виктория Сегеевна. К Вам посетитель. Его зову Виктор. С ним Ваш дочь.

— Я знаю его, спасибо. Пропустите, пожалуйста. Я их жду.

--

Вскоре раздался звонок в квартиру.

Виктория подошла к входной двери и спросила.

— Кто там?

И звонкий голос дочери ответил.

— Мама, открывай. Бандероль в виде Солнышка доставлена получателю.

Вика открыла дверь и увидела перед собой высоченного мужчину с дочкой, сидящей у того на голове. Оба заливисто хохотали.

— Проходите, пожалуйста, и заносите бандероль, — в том же тоне ответила с улыбкой

Вика. — Сейчас распакуем её... и посмотрим. Вдруг внутри не то, что я заказывала.

Мужчина зашёл и протянул девочку маме.

— МАМА, МАМОЧКА, Я ДОМА!!! — Закричала во весь голос Катя и руками и ногам обхватила свою маму.

— Солнышко мой. Родная моя. — Вика прижала к себе ребёнка и поняла, что её стала бить дрожь — это отпускало то безумное напряжение, в котором она находилась почти целую неделю...

— «Так... Но ведь прошло не семь дней, как предупреждал Белый, а всего пять?»

Эта мысль мелькнула в голове Виктории, но она была столь несущественной, что через секунду и забыла об этом.

Спустя пару минут все немного успокоились и Виктория обратилась к Виктору.

— Спасибо Вам огромное. Я что-то Вам должна?

— Нет, что Вы. Ничего. Мне приятно было увидеть такую красивую женщину, как Вы, и больше мне ничего не нужно. Я пойду, хорошо? Не буду Вам мешать.

— Спасибо Вам ещё раз. Спасибо за дочь. До свидания.

А Катя, посмотрев на повернувшегося к входной двери мужчину, тихо сказала.

— Дядь Вить. А со мной Вы не хотите попрощаться?

Тот повернулся. Совершенно неожиданно припал на одно колено и серьёзным голосом сказал.

— Моя Волшебница. Прошу Вас простить меня за недостойное поведение. Вы позволите отогнать Вашу карету? А то она может помешать другим Вашим подданным.

Катя встала перед ним с гордым видом и, слегка отставив одну ножку назад, протянула вперёд правую ручку.

— Это Вам моя благодарность. Я отпускаю Вас. Надеюсь скоро Вас увидеть.

Виктор приподнял голову и, чуть касаясь своими пальцами ручки девочки, аккуратно поцеловал её пальчики.

— Благодарю Вас за такой подарок, моя Волшебница.

Виктория стояла, широко раскрыв глаза, с изумлением смотря на разыгранную сценку.

Это было настолько правдоподобно, что она неосознанно потрясла головой, но, через несколько секунд, сказка обернулась действительность.

Катя, не выдержав, взвизгнула и буквально прыгнула на шею мужчине.

— Спасибо, дядь Вить, — и она поцеловала его сначала в щёку, а потом в лоб. — Приезжай ещё. Я буду скучать.

— Увидимся, Солнышко.

Виктор аккуратно поставил девочку на ноги и, какой-то растерянный, покрасневший, неловко попрощался и метнулся за дверь.

— Катя, — спросила мама. — И что это было?

— Ничего не было, — ответила дочь и пристально посмотрела на маму. — Ты, пожалуйста, не злись. И не расстраивайся. Я почти здорова. Я буду жить, мама. Благодаря тем людям, с которыми встретила за эти дни. Они ВСЕ удивительные. Добрые, заботливые. Они меня все полюбили. И я их. Я чувствую этим, — и Катя прижала сначала правой рукой к сердцу, а потом к лобику. — А сегодня я немного устала. Давай затра, когда отдохну, всё и расскажу.

Потом задумалась и еле слышно добавила. — Почти всё...

Виктория, не услышав последние слова, вертела свою дочку и пыталась разглядеть её со всех сторон.

— Мам. У меня уже голова кружится. Я же тебе сказала, что почти выздоровела. Да, дядя Белый просил передать тебе это.

И Катя аккуратно достала из кармана конверт и отдала его маме. Та, не мешкая, открыв, вынула из конверта сложенный листок. Развернула.

— «Уважаемая Виктория Сергеевна. С болезнью Кати нам удалось справиться. Опухоль убрали, метастазы тоже. Но в её организме есть нарушения, связанные с перенесённой болезнью. Ничего страшного это не несёт. Через месяц я с Вами созвонюсь и заберу Катю дня на три. Возможно, что это будет не последний раз. Те же прогнозы, которые я Вам озвучил вначале, к счастью, в данный момент уже не действительны. Срок лечения будет сокращён до минимума. Этому способствует организм ребёнка и его необъятное жизнелюбие.

P.S. На карте памяти вы найдёте интересные кадры. Распечатайте их для дочери. Пусть часть её жизни будет всегда с ней.

P.P.S. Пожалуйста. Не заставляйте Катю отвечать на те вопросы, на которые она НЕ ЗАХОЧЕТ отвечать. Поверьте мне, это будет благоприятствовать здоровью в Вашей семье. Особенно прошу обратить внимание на это Сергея Павловича.

С уважением. Белый.»

* * *

Зазвучала мелодия на смартфоне и, глянув, что это звонит Виктор, Олег нажал кнопку соединения.

— Ну что, передал?

— Передал. Олег, а почему ты не предупредил, что Вика такая красивая?

— Я тебе говорил, только ты пропустил мои слова мимо ушей. Да и сам бы мог сообразить, что у Кати мама не могла быть дурнушкой.

— Но такая...

— Вить, тебя опять заиклило? Вспомни, у тебя есть супруга. И тоже далеко не рядовая женщина.

— Да, это так...

— Ничего не прозвучало лишнего?

— Нет, всё нормально, только...

— Что только?

— Я, когда вышел от них и сел в машину, увидел подъехавшего Ярого. И он буквально побежал вверх.

— Предполагаешь, что хотел застать тебя?

— Меня, или кого другого. Ведь он и не знал, кто привезёт Катю. Если только Вика не сообщила ему.

— Думаю, что она не звонила, хотя...

— Ну и хорошо, что не встретились. А то было бы ещё больше вопросов. — Виктор засмеялся от души.

— Ты чему так радуешься? Там же камеры понатыканы в подъезде и на улице.

— Ты меня за кого принимаешь? Я что, не сообразил и не увидел? Да я ещё когда с

тобой приехал, всё срисовал. А так, сегодня, я Катей и прикрывался. Моя физиономия, уверен, нигде не попала в кадр.

— Ну и что?

— Так пусть полковник помучается вопросом- кто ж внучку привёз? — И Виктор вновь захохотал. — Представляю его лицо, когда он ничего не увидит.

Друзья захохотали.

— Да, друг, не любишь ты своих «смежников».

— А кто их любит? Помнишь слова Михаила Николаевичам Задорного? Боюсь перевернуть, но звучало приблизительно так — «Когда они по одиночке — хорошие ребята, весёлые, компанейские, но когда собираются вместе»...

И вновь раздался смех.

— Ладно, Белый. Поехал я домой. Удивлю свою половинку, что вернулся чуть раньше обычного. А то в последнее время являюсь домой в ночи. Она меня уже и подозревать в измене стала. Всё принимаются к моим рубашкам, да и ко мне. Смотрит с подозрением.

— Так она же сколько лет живёт с тобой? И у неё тоже появились специфические навыки — выслеживать, наблюдать, унюхивать там...

— Укушу при встрече.

— Вить. Кусай сколько хочешь. Ладно. Поезжай, в самом деле, домой. Спасибо тебе огромное за помощь. Кланяюсь до земли тебе. Ты мой единственный настоящий друг.

— Всё, я плачу. Как же поеду с такими глазами? Ведь любой гаишник, посмотрев на меня, остановит.

— Трепло ты, Витька. Давай, удачи!

— Счастливо, Олежка, выздоравливай... Когда надумаешь возвращаться, позвони!

--

Поговорив со своим другом, Белый почувствовал в душе теплоту и прилив сил.

— Как хорошо, что вокруг меня есть настоящие люди, которые помогают не за деньги или услуги, а просто по велению сердца.

Глянул на экран смартфона — времени до захода солнца было ещё много.

— Надо поужинать, немного подремать, а потом и делом заняться...

* * *

В тот радостный вечер взрослые рассматривали Катю со всех сторон, пытались её разговорить и поделиться с ними впечатлениями, но Катя, посетовав на свою слабость и усталость (а взрослые и сами видели, что девочка очень похудела) пошла спать. Поцеловав перед этим каждого и пожелав всем спокойной ночи.

Сергей Павлович хоть и был счастлив возвращению Кати в семью, но выглядел не особо спокойным.

— Пап. Что ты такой вздёрнутый? На работе что-то?

Вика, зная, что если на работе у отца и случились неприятности, то тот всё равно промолчит.

— Вика. Я попрошу тебя завтра-послезавтра сделать снимки Кати. МРТ и УЗИ. Надо же убедиться, что основные неприятности позади и опухоли нет. Если это врачи подтвердят, тогда и выдохнем дружно. Ты согласна?

— Но ты же сам только что прочёл записку от Белого?

— Виктория. Сделай, пожалуйста, как я попросил.

— Хорошо, папа. Завтра съездим, — и Виктория, почувствовав какое-то раздражение, в отместку добавила. — На работу тебе звонить не буду. Вечером соберёмся и обговорим.

Сергей Павлович с удивлением посмотрел на дочь, но та выдержала тяжёлый взгляд отца.

— Хорошо. Ладно, ребята. Поздно уже. Вы ложитесь, а я немного поработаю. Спокойной Вам ночи.

— Спокойной ночи, — ответили Дмитрий и Вика.

* * *

Когда стемнело, Олег занялся костром. Основную поленицу он расположил метрах пяти от палатки, меж двух сосен, что бы и дрова не мешали под ногами, да и в целях безопасности. Он заранее заготовил дрова в расчёте на пару недель прибывания ещё до появления на острове Кати, но в первый же вечер заметил, что дров стало раза в три больше.

— Папа постарался, — сам себе сказал Белый. — И ведь ни словом не обмолвился. Спасибо тебя, заботливый ты человек. Здоровья тебе и твоим близким.

Белый улыбнулся и стал потихоньку носить дрова к костру. Сегодня их потребуется много.

Дождавшись, когда пламя достигнет метровой высоты, Олег сел на траву и стал смешивать в стеклянном стакане три химических компонента, которые купил в магазине для садоводов. Ему не требовалось измерять нужные пропорции в граммах. Ведь полученный раствор не был так важен, как чистое пламя костра.

Почти спустившись к воде, достал зажатые между камнями старый армейский котелок и плотно закрытую крышкой небольшую пластиковую банку, обклеенную фольгой и чёрной бумагой.

— Ну что... Вот мы и возвращаемся к тому, с чего всё и началось, — сказал сам себе Олег и, взяв в руки котелок и банку, пошёл к костру.

Положив ёмкости, зашёл в палатку. Открыв рюкзак, достал из него пинцет с фиксатором и пассатижи. На обратном пути подобрал ещё и лежащую на траве двухметровую палку.

Закинув все дрова, что он приготовил, в костёр, пождал того момента, когда пламя стало высоченным и убедился, что все поленья занялись.

— Что первое? Причина или последствия? — Белый тихо задал вопрос сам себе. — Причина одна, а последствий много. Поэтому, пожалуй, надо начинать с первого.

Сунув руку в задний карман брюк, достал оттуда пару плотных резиновых перчаток.

Одел их и сел как можно ближе к огню. Ему стало очень жарко, местами задымилась ветровка, но Олег этого не замечал, настолько был сконцентрирован.

Отвинтил крышку банки и, примериваясь пару секунд, резко ткнул внутрь банки пинцетом. Щёлкнул фиксатором. Медленно вытащил и поднёс ближе к глазам.

То, что он видел, напоминало тонкую иглу чуть меньше двух сантиметров длиной. Эта «игла» мерцала. Срединка, миллиметра два, оставалась тёмной постоянно, а остальное — то появлялось, то исчезало.

— Как я понимаю, то эта дрянь не совсем из нашей привычной реальности. Похоже,

живёт она в двух плоскостях объективности? — Белый с удивлением рассматривал то, что было зажато в пинцете. Ведь он рассматривал причину онкологии Кати. И, судя по ранней смерти её бабушки, и ТОЙ онкологии.

Он видел ранее такие «крюки», о которых ему рассказывал и показывал много лет назад его наставник. Белый тогда задал вопрос.

— А потому они называются «крюками», когда выглядят как обычные иголки?

Наставник, посмотрев на него мудрыми глазами, ответил.

— Потому, что иглу как легко вогнать в себя, так и легко и вытащить. А это, — и он показал на мёртвый «крюк», — жуткое создание. Оно, внедрившись в тело, не двигается прямо. Оно идёт по спирали, погружаясь всё глубже и глубже в тело до тех пор, пока не перестанет чувствовать угрозу своего случайного удаления. Потом застывает на месте, пуская во все стороны ножки-паутинки. И запомни. Это не железо и не дерево. Это живое существо, сотканное и собранное из чёрных мыслей и действий человека. Его не очень сложно создать и внедрить, а вот избавиться — безумно сложно, если не сказать — невозможно...

— Так что, у всех людей, кто болен раком, есть внутри такие «крюки»? — спросил Олег.

— Нет. В большей степени рак — это генетическое заболевание или приобретённое из-за тех условий, в которых мы находимся. Буквально отравленная вода и воздух, пища, которую мы едим, а в ней нет же ничего полезного для нашего организма. Сочетание этих факторов и гарантирует такие страшные заболевания как онкология. А вот ТАКИЕ, — и наставник показал на мёртвый «крюк», — созданы людьми. Это штучный товар, если можно так сказать. Это результат проведённого тёмного ритуала. И, как сам понимаешь, далеко не простого. А поскольку такие «крюки» редки, то они предназначены и срабатывают не на одном человеке, хотя и такое встречается, но чаще нацелены на несколько поколений, передаваясь как следующему, так и через одно. Им безразлично кто это — мужчина или женщина. Младенец или древний старец. Они могут передаваться от смертельно больного здоровому через слюну, одежду, постель. Много путей заражения. И старайся, мой ученик, понять причину заболевания своего пациента. Если это следствие окружающей среды — это одно. Наследственное — совсем другое. А с «крюками», особенно рассчитанных на длительное воздействие, могут справиться люди или очень опытные или безрассудные. Так что выбор метода лечения и действий всегда будет стоять перед тобой в каждом конкретном случае. Сможешь ты победить или нет, браться за лечение или не браться — решать только тебе...

--

Олег сам видел и доставал похожие из организмов больных детей. Но те были иные. ТЕ были намного меньше и существовали в этом мире, в этой реальности. Они были постоянными и не «бегали» от него. И справиться с ними было не так тяжело, как с этой, которую он держал. Ведь всю третью ночь он буквально гонялся по всему организму Кати за этой гадостью. Та исчезала из его рук, когда он чувствовал, что вот-вот её схватит. И ему пришлось, вслед за этим «Крюком», самому выйти из привычной реальности. Как это случилось, он так не понял, а «погружения» девочки в него, как рассказала Руся, и было тогда, когда он буквально растворялся, пытаясь схватить «крюк». Но... он смог его зацепить. Вначале голыми руками, но они у него были настолько слабые, что сам, ничего больше не придумав, сунул эту гадость себе в рот. Зажал между зубов и, стиснув намертво,

держал до тех пор, пока не смог выплюнуть в изолированную банку. А если б он её сам проглотил? — Белого передёрнуло от такой мысли...

Как понял Олег, именно тогда, расслабившись от мысли, что победил это зло, он расслабился и полностью потерял контроль над своим разумом и телом. К счастью, Руся почувствовала этот момент, когда он стал «уходить», и пыталась одновременно вырвать из него Катю и отдать ему всю свою жизненную силу...

Белый вздрогнул, вспоминая свои ощущения в «ванне», печальные глаза Руси, зелёные глазки Солнышка... И всё равно. Ради этой девочки...

--

А сейчас он в своей руке держал то, что мучило малышку и приносило ей страдания.

— И как с этим поступить? — вновь посмотрел на зажатое в пинцете нечто. — Отдать Кондрату или вернуть всё это зло тем, от которых и пришло?

Он задумался ненадолго, а потом решил.

— Нельзя прощать такое.

--

Взяв в другую руку пассатижи, зажав в них рукоять пинцета, сунул «крюк» вогонь.

Оба концы иглы стали буквально извивались в огне как змеи вокруг середины, зажатой в пинцете. Тот уже накалился и жар от него ощущался даже через рукоятки пассатижей. Олег, почти не мигая, смотрел на агонию этой дряни, которая никак не хотела умирать. Прошло с десяток минут, и игла сначала выпрямилась, а потом её кончики стали чернеть и опускаться вниз. Спустя ещё минуту, согнувшись почти пополам, коснувшись краями друг друга, игла сломалась, осыпавшись черным пеплом в огонь. Белый, не раздумывая, кинул в середину костра и раскалённый пинцет. Он, как инструмент, был уже не годен.

--

— Какая же она сильная, — подумал Олег, переводя дух. — Какая воля к жизни. Минут десять оставалась живой в открытом пламени...

Но и в этот раз он уничтожил то, что не должно было существовать в этом мире.

Закинув голову, посмотрел в звёздное небо. Улыбнулся. И с удовлетворением сказал сам себе.

— И в этот раз я оказался сильнее этой мерзости...

--

Немного отдохнув, взял заранее приготовленный раствор и, приоткрыв крышку котелка, залил всё вовнутрь, снова надвинув крышку.

Внутри что-то зашипело и заклокотало. Котелок стал быстро нагреваться. От него сначала пошёл дым от расплавленной краски, а потом тот и сам стал на глазах раскаляться.

Олег подцепил палкой котелок за ручку и поместил в центр костра.

Сначала ничего не происходило, но через минуту чистое пламя потемнело, а из костра сначала повалил чёрный дым, а затем, как понял Олег, с котелка сорвало крышку и...

Он едва успел отскочить от костра, когда тот словно вспух. Оттуда в разные стороны потянулись, словно живые руки, толстые струи чёрного дыма. И дым тот ГОРЕЛ. Эти горящие «руки» извивались, словно хотели кого-то схватить, но через несколько секунд, осыпались мелкими искрами, словно бенгальские огни. Одни руки исчезали, сгорая, а из пламени появлялись другие.

Белый стоял, не в силах отвести от костра глаз. Сколько он простоял так — не известно. Очнулся от того, что костёр горел привычным огнём, периодически выбрасывая искры в небо.

Он постоял ещё немного, внимательно наблюдая за огнём. Потом, взяв в руки палку, осторожно подошел к костру и немного раздвинул горящие поленья. То, что он увидел — только раскалённый от высокой температуры металлический блин. Это всё, что осталось от алюминиевого котелка.

Задвинув поленья обратно, внимательно осмотрел всё рядом с костром и немного успокоился. Ничего не выпало из огня, всё сгорело.

--

Вернувшись в палатку, достал заветную дедову бутылку, налил себе треть стакана и залпом выпил. Сегодня он мог позволить себе такое «кошунство» — не «катать на языке» несравненный вкус этого нектара, а просто немного дать возможности расслабить свой организм.

— Сделать себе любимый кофе. Или нет? — задумался Белый. — А почему нет?

Ведь сегодня он прошёл ещё один этап своей жизни. И очень важный этап. Как для себя, так и той земли, на которой он живёт.

— Гулять так гулять, — со смехом сказал сам себе Олег. Сделал себе кофе и достал из железной коробочки одну из трёх оставшихся сигарилл, которые ему много лет назад подарил его наставник.

Вышел из палатки. Подтянул поближе к костру стул. Прикурил от вытащенной из костра щепки. Сел. Сделал сначала большой глоток кофе, а потом от души затянулся ароматным дымом. Закрыв глаза от наслаждения и вспомнил слова своего наставника.

— «Когда ты совершишь невозможное и сможешь переступить грань реальности — возьми одну сигариллу из моего подарка. Сядь рядом с костром. Всмотрись в пламя. И, может, в минуту усталости, вспомнишь меня? Ты — это часть меня. Лучшее, что оставляю на земле после себя. Будь достоин предков и их любви.

— Спасибо, мой добрый друг, мой мудрый наставник. Ты дал мне всё. Я помню тебя. — прошептал Олег и вновь сделал затяжку.

А ещё ему очень не хватало сейчас Кати. Не хватало её тепла, заботливых ручек, её красивых зелёных глазок, её звонкого смеха... Но он был счастлив от того, что девочка здорова и её сейчас обнимает чудесная мама с такими же зелёными глазами.

* * *

Уничтожая этот «крюк»-иглу, Белый не желал смерти тех, кто был виновен в болезни Кати. Он хотел, чтобы ТЕ, кто создал эту дрянь, хоть немного почувствовали на себе то, что смогла вынести девочка.

--

... В одном из небольших городков в Подмоскowie, женщина, которая сидела напротив ведьмы-гадалки, увидела, как та вздрогнула, повернула голову в сторону зашторенного окна и встала. Через мгновение схватилась за сердце и рухнула на пол...

... Вызванная бригада Скорой помощи, констатировала смерть от инфаркта и, возможно, кровоизлияния в мозг.

--

... В одной из дорогих квартир в центре Москвы, перед зеркалом крутилась красивая дама лет пятидесяти, может чуть старше, собираясь на встречу со своими подругами. Ведь всем, кроме неё, так и не удалось в своей жизни выйти удачно замуж. Она же смогла устроиться свою жизнь более удачно. Богатый муж, дорогая квартира, вилла за границей. Что ещё можно пожелать? И она каждый раз хвасталась перед подругами своим положением в обществе.

Хотя... часто вспоминала того красавца-офицера, которого так и не смогла увести из семьи...

... Посмотрев в очередной раз на себя в зеркало, она не увидела ничего. Поморгала, потёрла глаза руками, но тщетно. Прибежавшая на жуткий крик матери, дочь увидела её сидящей на полу в прихожей с прижатыми к глазам руками. После вопроса — «Мама, что с тобой? — женщина опустила руки. А дочь, вместо её глаз, увидела два белых бельма. Её мать ослепла...

5 дней назад.

США. Штат Вирджиния. Лэнгли. ЦРУ.

В кабинете переговоров находились трое.

Руководитель аналитического «восточного» отдела Джеймс Ларсен, его заместитель Дик Мюррей, и молодая женщина, которая пару дней назад как вернулась из России, Клэр Мэнси.

— Клэр. Я прочёл ваш отчёт, — мужчина, одетый в дорогой костюм, постучал авторучкой по стопке бумаг, что лежала перед ним в раскрытой папке. — Как вы понимаете — разбор таких ситуаций не совсем входит в мои прямые обязанности, но почему-то именно меня сверху попросили заняться анализом вашей поездки в Россию после того, как вы заполните необходимые документы и пройдёте полиграф. Поскольку я отношусь к своей работе ответственно, то прочёл очень внимательно Ваши доклады. И даже не один раз, но до конца так и не понял, почему столь продуманная операция не только не была вами выполнена, а просто самым безобразным образом провалена.

— Сэр. Я не отвечала за ВСЮ операцию. НЕ стоит меня обвинять в том, что не входил в мои прямые обязанности. Мне чётко определили границы, за которые я не имела права выходить. Координатором в поездке был Марк Карриган.

— Я Вас понял. Как Вы знаете, у нас есть служба контроля, которая и оценит весь процесс подготовки и проведения операции. Что ж. Соглашусь с Вашими доводами. Если Вы утверждаете, что не Вы были координатором, тогда расскажите мне с Диком, — и он кивнул на своего коллегу, — что там произошли за события, которые входили в ВАШУ компетенция? Кстати. Ваш руководитель отдела, насколько я знаю, в больнице с обострением язвы?

— Да, сэр. Вильям Джоэл вернётся к работе не раньше, чем через неделю.

Руководитель аналитического отдела взглянул на второго мужчину. Тот, молча, пожал плечами.

— Клэр, я внимательно слушаю вас.

— Мне нужно рассказать поминутно или вкратце, своими словами?

— Поминутно, или почти близко к тому, у меня уже есть, — и руководитель отдела вновь стукнул ручкой по бумагам. — Ваш и другие отчёты участников группы, мы уже прочли, как я уже сказал. И сложилось полное впечатление, что и Вы, и Марк и Джимми проводят свою первую учебную операцию, а за плечом каждого из вас в этот момент стоит инструктор. Я уж не упоминаю о Стэнли Паркере. Не будем говорить о покойниках плохо, но последнюю работу он провалил настолько, что предложено его финальный выход разобрать во всех снайперских школах. И не только флота и армии... А с инструкторами я, пожалуй, привёл не совсем уместное сравнение. Вас, пожалуй, они бы поправляли с первых минут. А потом и вообще бы не приняли зачёт, остановив где-нибудь посередине.

— Мы были лимитированы по времени и...

— Трое суток вам было мало, что бы нормально подготовиться и сделать один, повторю, ОДИН нормальный выстрел по легковой машине? Гражданской, если я не ошибаюсь. Отработать и нормально уйти? Вместо этого Вы практически демонстративно

вытаскиваете погибшего стрелка на глазах у десятка гражданских лиц и несётесь не пойми куда. Закапываете бедного Стэнли как помойного пса в первой попавшейся канаве и, срывая все дальнейшие планы, уматываете из России? Я что-то пропустил? Нет?

Женщина молчала, опустив голову и на щеках ходили желваки.

— Нечего добавить? Нет? Тогда давайте расскажите нам — что, в самом деле, произошло. Да, и что там за история с русским снайпером? Мне, когда читал ваш отчёт, несколько раз хотелось встретиться с Марком в тёмном переулке и разрядить ему в тупую башку свой любимый Кольт. Но Вы не Марк, поэтому слушаем Вас.

(Джейк не любил оружие, как большинство его коллег, но гордился семейной реликвией, Кольтом, который передавался по наследству уже четвёртое поколение. Тем не менее, огневые зачёты он всегда успешно сдавал, приходя на них именно со своим револьвером, что вызывало улыбки окружающих.)

— Сэр. На позицию, которую нам определила местная агентура, мы ездили дважды. Марк, и Стэнли особенно, остались довольны. Обзор с точки был великолепный в обе стороны дороги. Паркер со своей аппаратурой засек контрольные и контактные точки. Записал что-то себе в блокнот. Да, пристрелки оружия не было — нам передали кофр с винтовкой накануне акции. С аналогичным оружием Стэнли был не только знаком, но и сам потребовал именно такое. Когда выехали в назначенный день, он рассчитывал, что сможет пристрелять винтовку на месте, но, словно специально, именно напротив позиции, откуда он должен был вести огонь, работали местные дорожники. И их было много.

— Этих рабочих привезли одновременно с Вами или они там были до вашего появления?

— Они уже были там. Мы не доехали до точки метров пятьсот. Стэнли, взяв винтовку, вышел из машины и ушел от дороги в лес. Вскоре связался с нами и ругался на чём свет стоит. Работы на дороге проводились практически рядом. На винтовке, естественно, был глушитель, но стрелять Паркер не мог. Дорожники то и дело собирались в компанию и что-то обсуждали или курили, бросая свою работу. Недалеке от них стоял небольшой автобус, куда те изредка бегали. Судя по всему, этих бездельников на нём и привезли.

— Дальше, Клэр, дальше.

— Когда мы получили сигнал от группы контроля, что объект их миновал и появится в зоне контакта минут через десять, в свою очередь передали стрелку по рации эту информацию и завели машину, что бы не терять время при его эвакуации.

— Вы лично видели машину вашего объекта после выстрела Паркера?

— Нет, сэр. Там двухстороннее движение и разные стороны дороги разделяет стена, сложенная из бетонных блоков. Нам почти не было видно машин встречного потока.

— То есть ВЫ ЛИЧНО не убедились в результатах акции. Ещё один минус в ваше дело.

— Сэр. Но я же не могла залезть на высокий бугор, который там тянется вдоль дороги и стоять с биноклем, рассматривая встречные машины.

— Дик, — и руководитель обратился к партнёру, — тебе это ничего не напоминает?

— Джейк, preschool. (Предшкола. В США — дети 3–4 лет. Прим. авт.).

— Именно. Сами вы понимаете, Клэр, как сейчас звучат ваши слова?

— Сэр...

— Дальше что произошло?

— Паркер подал сигнал, что видит объект и готов работать. Мы включили глушилку. Через полминуты увидели чёрный дым со стороны объекта. Поехали, что бы эвакуировать

Стэнли. Прибыв на место, дали сигнал о прибытии. Паркер не реагировал. Оставив машину заведённой, я с Джимми поднялись наверх и увидели Стэнли мёртвым. Он лежал вниз лицом, уткнувшись в разбитый прицел винтовки.

— С Ваших слов получается, что другой снайпер попал ему в глаз?

— Нет, сэр. Когда перевернули Паркера на спину, увидели, что пуля попала ему между шеей и ключицей.

— Именно туда, куда вы говорите? Ничего не путаете? — и руководитель отдела пальцами нащупал у себя указанную точку. — Но это филигранно... А вторая пуля куда попала, если вы говорите, что был разбит прицел?

— Неизвестно, сэр, но, как я понимаю, это был второй выстрел, когда Паркер был уже мёртв и выпустил винтовку из рук.

— Так что, против нашего стрелка работали ДВА снайпера?

— Не могу знать, сэр, но предполагаю, что так. У русского наёмника был всего один патрон. Да, сэр, по снайперу. Это бывший ветеран русских спецвойск, который, после ухода из армии, был наставником-инструктором. Вторым выстрел, как нам сообщили из местной агентуры, для этого русского был просто не нужен.

— Позвольте спросить. Если этот русский был таким суперснайпером, то почему его самого не поставили на основную позицию? Ведь это было бы вполне логичным.

— Не могу знать, сэр. Операция разрабатывалась в отделе под руководством самого Вильяма Джоэла, руководителя отдела, и все участники получили чёткие указания о своих полномочиях именно здесь, ещё до вылета в Канаду.

— Потрясающе... Что было дальше?

— Джимми, проверив магазин винтовки, сообщил, что Паркер сделал два выстрела. Подхватив оружие и тело, потащил к машине, а я нашла две гильзы и засыпала небольшую лужу крови песком. Проконтролировала с расстояния и убедилась, что место, где лежал Стэнли, и пролилась его кровь, ничем не отличается от обычной местности. Потом, спускаясь к дороге, замела парой веток, оторвав от дерева, наши следы.

— Вы как индейцы. Книжек начитались? Думаете, в России одни идиоты работают? Веточками они заметали следы! Знаешь, Клэр, мне очень хочется выругаться самыми грязными словами после того, что я услышал сейчас. Клэр, сколько ты работаешь у нас?

— 17 лет, сэр.

— И за твои грёбанные 17 лет службы ты так и не поняла, что каждая твоя ср... я секунда промедления могла стоить вам, му... и, жизни?

— Дик, — он опять обратился к заму. — Ты можешь поверить в то, в КГБ работают дебилы?

— Джейк. В России КГБ уже давно нет. Там другое название, правда, также из трёх букв. Называется ФСБ.

— Я знаю это и без тебя, Дик...

Он встал с места, подошёл к окну. Отдёрнув жалюзи, посмотрел на улицу. Немного постояв, вернулся на место.

— Там, Дик, — он кивнул за окно, — гораздо больше интересного, чем мы слышим сейчас от нашего «опытного» сотрудника. Да, Клэр. У меня вот возник вопрос, когда просматривал ваш отчёт, а после и ваше личное дело. Сколько языков вы знаете?

— Три в совершенстве, сэр, на двух свободно общаюсь. Ещё на четырёх могу

поддержать диалог. Я же закончила учебное заведение как лингвист.

— И на каких?

— Французский, немецкий и шведский в совершенстве. На китайском разговорный свободно. Хуже фарси. Понимаю суахили, японский, османский, албанский.

— Да, Клэр, ты у нас полиглот. А вот скажи мне, дорогая, а на каком из вышеперечисленных тобой языков, ты разговаривала в Петербурге? Или в России все знают твой фарси, а водители такси разговаривают на суахили?

— Джейк, — заступился за женщину другой мужчина. — Клэр не работала по России. Это не её специализация. Так уж получилось, что ту засунули в эту обойму как единственного сотрудника высокого класса, который был свободен на тот момент.

— Дик. Ты сам понял что сказал? Высокого класса? Свободного на ТОТ момент? Послушайте, у нас что, пожар был, и все спасали свои задницы от огня? Нет? Так почему операция, которую готовили больше месяца, так была проведена? Да не проведена — провалена. Глупо и бездарно. Я читал отчёты и понимал, что ВСЁ было разработано и подготовлено на высшем уровне. Нужно было сделать всего два шага — убрать одного совсем никому не известного человека и вывезти из этой долбаной страны или документы или самого «яйцеголового». («яйцеголовый» — пренебрежительное название учёных, интеллектуалов в США. Прим. авт.) Неужели всё было так сложно сделать, а? — буквально заорал на сидящих начальник отдела.

Потом посидел пару минут, вытирая платком мокрый от пота лоб. Немного успокоившись, продолжил.

— С теми, кто подбирал кадры для этой акции, разберутся. Так же и с теми, кто готовил всё на месте. Теперь у меня ещё один вопрос. И он для меня, и нашего общего шэфа Хаспел, — он задрал голову вверх, показывая на самую высокую должность в иерархии ЦРУ, — является не менее значимым, чем проваленная операция. А вопрос такой. Почему русский олигарх, у которого в американских банках, по нашим сведениям, находится треть миллиарда долларов, подбирает для НАШЕЙ акции своего снайпера, который, в итоге, не проводит контроль и зачистку, а, возможно, убирает одного из самых результативных стрелков США за всю историю? Как вы можете объяснить мне это, Клэр?

— Сэр. Кандидатура русского стрелка была утверждена не мной, это первое. Я лично, да и никто из моей команды, с ним не общался, это второе. Контакт нам запретили. Связи с ним по рации не было, это третье. Место и оружие для русского выбиралось не мной, а руководителем Петербургской секции, это четвёртое. И пятое, заключительное. Я совсем не уверена, что стрелял именно ЭТОТ русский. Уже когда мы летели домой, я всё проанализировала и пришла к выводу, что нас просто «вели». Аккуратно. Предполагаю, что пара русских снайперов просто не успела выстрелить ранее, чем покойный Стэнли, но потом они своё взяли.

— По первым четырём вашим пунктам я мог бы и согласиться, если бы не ВЫ были руководителем боевой группы. Ну, это так, в порядке очереди. А вот по пятому вашему пункту есть множество вопросов. Давайте поступим так. Если вы хотя бы на один из моих трёх основных вопросов дадите правдоподобный ответ, я закрою глаза на ваш провал. Как вам моё предложение?

— Я знаю, что в этой операции была не на высоте, но попробую даже не оправдаться перед вами, а хотя бы объяснить то положение, в котором там оказалась, сэр.

— Вполне внятно. И так первый вопрос. Почему вы думаете, что русский не принёс

свою винтовку вместо той, которую ему предоставили. Ведь к ней был, как Вы сами упомянули, всего ОДИН патрон? Так?

— Сэр. Оружие находилось в тайнике рядом с позицией, которую ему заранее подготовили. Сигнал с точными координатами тайника, в котором находилась винтовка, ему был передан после прохождения контрольной точки. Время было просчитано заранее. Его хватало только, чтобы стрелок добрался до места и занял позицию. Русскому была поставлена задача продублировать нашего стрелка, если тот промахнётся. Выстрелить второй раз он не мог. Сколько будет у него патронов в наличие, он также заранее не знал.

— За сколько суток русский узнал о месте, где он будет работать?

— За сутки. Ему были переданы координаты точки и время, в которое он должен был быть на месте.

— То есть вы хотите сказать, что русский имел возможность заранее приехать и осмотреть позицию, с которой ему придётся работать?

— Нет, сэр. В сообщении, которое ему было отправлено, был указан район, но без точных координат.

— И там никто не оставался для контроля?

— Нет, сэр. Моя группа не была информирована о позиции русского. У нас было всего три человека для акции и Марк Моррисон как координатор, который имел связь с местными агентами. Да мы и не могли все исчезнуть надолго. Мы же приехали как туристы, а все гиды русских нас каждые пару часов пересчитывали по пальцам, да и слежку их ФСБ мы не исключали.

— С этим понятно, что и здесь много дыр. К примеру. Даже то, что в винтовке русского был один патрон. Странно, что никто не задался вопросом, что могла быть просто элементарная осечка. Хорошо, продолжим. А почему наш знакомый бизнесмен рекомендовал именно этого снайпера. Вы занете?

— Как мне сказал Марк, русский олигарх вытащил того из тюрьмы... И сейчас потребовал оплатить долг. К тому же снайперу пообещали за хорошо выполненную работу щедро заплатить баксами.

— Понял... Второй вопрос. Как вы рассчитывали далее поступить с русским? Я имею в виду, его дальнейшую судьбу?

— По словам местных, он служил «заглушкой». После нарушения целостности закладки с винтовкой, автоматически были поставлены на взвод три мины с инфракрасными датчиками. Русский после акции должен был вернуться тем же путём, через лес, который и был заранее обговорен с нашей стороной. После взрыва мин на шум явно пришли бы люди из ФСБ или полиции его тело бы нашли. Вопрос кто стрелял — отпал бы сам по себе.

— Понятно. Но если бы на место взрыва явилась полиция и сработали оставшиеся две мины? Как бы тогда решался вопрос? Всем бы стало ясно, что это не сам снайпер себя подорвал?

— Сэр, — улыбнулась Клэр. — Мины были запаралелены. Если в поле одного датчика попал бы объект, должны были сработать все три одновременно.

— А почему Вы так самоуверены, Клэр, что их ФСБ решила бы согласиться с Вашей версией, что стрелок, отработав, вдруг сам подорвал себя? Да ещё и с трёх сторон? Бред!

Джэйк замотал головой.

— У меня складывается такое впечатление, что Вы, Клэр, считаете русских умственно отсталыми. А я Вам вот что скажу. ТАМ работают люди не глупее нас с Вами. Поверьте уж

мне. А на Вашу версию о самоподрыве, они смеялись бы от всей души. Клэр, чья была идея заминировать позицию стрелка?

— Готовили оружие и позицию агенты из местного отделения. Минировали они же. Все разговоры с русским проводились без нашего участия.

— Ясно. Тогда третий, последний вопрос. Вы упомянули в отчёте, что под видом местной, как их там, прокуратуры, да?..

— Да.

— ...Приехали три наших агента, в обязанности которых входили осмотр места происшествия, контроль, если нужен, фотографирование всего и вся.

— Почти правильно, сэр. Только агентов было два. Третий — водитель машины, который согласился за хорошие деньги сняться в кино.

— В КИНО?

— Да, сэр. Ему рассказали, что снимается сцена из боевика. Всё подстроено так, чтобы посторонние люди воспринимали за реальность и действовали как в жизни. Камеры, мол, спрятаны в лесу и вдоль дороги. Всё снимается с первого дубля, поэтому ему надо вести себя так, словно он, и в самом деле, работник прокуратуры.

— А откуда у них была машина с символикой этой организации, форма?

— Водитель машину получил её в день акции. Объяснили, что из реквизитов киностудии.

— И тот «съёл» всю эту чушь? — удивлённо спросил Джэйк.

— Да, сэр. И гордился, что снимается в кино. Более того. Старался быть ближе к краю дороги, чтоб его уж точно запечатлела скрытая камера.

— Забавно, Клэр. Не думал, что в России остались такие... — и он помотал головой. — Забавно, но продолжайте.

— Наши агенты увидели машину объекта в маленьком городке Лосево, где дорога сужается и далее можно проехать медленно и только в один ряд. Сообщили нам о контрольном времени его проезда и примерное прибытие в зону работы Паркера. После этого, где-то через час, выехали и сами на место акции.

— Через ЧАС? И почему они не спешили?

— Так вначале, когда мы, подобрав Стэнли, отъехали подальше, отключили глушилку. Нам совсем не надо было, что бы местные рабочие и другие водители, стали вызывать полицию и машины медицинской помощи. А потом — ведь самая ближайшая база, с которой могли прибыть полицейские к месту аварии, находилась около получаса езды от нас. Было бы совсем нелепо, появись их прокуратура быстрее полиции и медиков. А в самом конце они совершенно неожиданно прокололи колесо. Пока меняли, вот и время прошло. Вообще, они приехали, покрутились на месте, но пострадавших уже увезли медики. Потом прибыли сотрудники ФСБ и группа контроля уехала.

— А их сотрудники безопасности почему туда прибыли?

— Не знаю, сэр. Сама была удивлена. Ведь авариями машин и стрельбой занимается их полиция.

— Кстати. Откуда у Вас информация о действиях наших агентов, работавших в контрольной группе?

— Когда летели домой, Марк рассказал. Он с ними общался. Посетовал, что так не повезло.

— Не повезло?... Несчастные вы несчастные... Всё сложилось против вас. А молнии ни

в кого там не попали? Или Годзилла не разбил ни перед кем из вас дорогу? Нет? БРЕД!!!
Иначе не скажешь.

Клэр опять опустила голову вниз, а лицо её, совсем неожиданно даже для себя самой, вспыхнуло от стыда.

— И что далее?

— Ничего, сэр. Не могу добавить более чем написано в отчёте, — ответила женщина, не поднимая головы.

— Я услышал Вас. Подведём итоги. Послушайте, как это выглядит со стороны. Я ничего не буду придумывать от себя, а буду только оперировать тем, что услышал от вас и из того, что прочёл в ваших отчётах.

Сделав паузу, Джэйк встал и начал медленно ходить по кабинету, рассказывая свою точку зрения на проваленную операцию.

— Вас, четверых, присоединили к настоящей группе туристов, которые вылетали из Канады в Петербург. С легальными визами и паспортами. Вы добрались, ходили по музеям и другим местам. Вообще, отдыхали. И, как я понял, руководитель группы встретился с нашими местными сотрудниками и обговорил план действий. Всё вроде в норме, так? Так. Далее. Как и было запланировано заранее, «подняли» двух наших старых агентов, которые уже в России находились давно. Те легально занимались бизнесом, который, к слову, у них хорошо продвигался. Они стали вполне известными в их сфере персонами... Но ради конечной цели их решили потревожить. И ради какой цели? Какой информации, которую ваша команда должна была доставить сюда? Вы наверняка понимаете, что не только у нас интересуются разработкой этого юного гения. Все более-менее крупные государства сейчас наперегонки пытаются узнать хоть немного об этом проекте. Вы это понимаете? И что дальше?

Далее троица неудачливых индейцев едет в дремучие леса, чтобы ликвидировать какого-то докторишку. В итоге. Один убит, но цель не ликвидирована. Место аварии находится под контролем местной полиции и ФСБ. Два наших агента-контролёра приезжают уже тогда, когда пострадавшего увезли в неизвестном направлении. В каком состоянии увезли — не выяснили. Пытаются узнать о случившемся. Их, уверен на сто процентов, фотографируют и записывают данные их удостоверений. Когда появляются сотрудники ФСБ, наши так называемые «контролёры», уезжают, даже не выполнив свою вторую задачу — проконтролировать позицию русского снайпера. Далее бросают машину где-то и, вернувшись в Петербург, раъезжаются по своим домам.

Ваша же группа, закопав своего товарища, сжигает угнаную машину и на поезде возвращается тоже в город. Тем самым оставляя свои данные в билетных кассах. Я ничего не перепутал?

— Сэр. В России, для покупки билета на местные поезда, не нужно предъявлять удостоверение личности. Там нужны только деньги. И ещё разрешите добавить. Группа контроля, вернувшись в это Лосево, расплатилась с водителем, попросив его переодеться и забрала служебную форму.

— Его не ликвидировали?

— Наши агенты убедились, что парень совершенно поверил в легенду о съёмке. Был очень рад, что может оказаться в кадре и только спросил как будет называться фильм, в котором он сможет себя увидеть.

— А если начнёт расспрашивать об этом фильме у знакомых и так далее?

— Он простой работяга, водитель в какой-то маленькой компании. Его никто не воспримет всерьёз.

— Вы уверены?

— Я не уверена. Но те двое, что были с ним в машине, уверяли, что будет именно так.

— Это не было указано в вашем отчёте.

— Это, насколько я знаю, указано в отчёте координатора, как и все переговоры с местной резидентурой. Там же имеется информация, что группа контроля загнала машину на какую-то лесную дорогу. Сняла с машины номера, а её саму как снаружи, так и внутри облили кислотой, чтобы как смыть внешние опознавательные знаки, так и избавиться от возможных следов в машине.

— А почему её просто не сожгли?

— Так рядом населённый пункт и на дым наверняка приехали бы любопытные и пожарные, а так... Как наши агенты предположили, что найденную машину в лесу без номеров не будут угонять, тем более что внутри осталась одна труха. Её местные просто разберут на запчасти. Да и железо распилят и сдадут на переработку.

Джейк остановился, замер ненадолго и добавил.

— Знаете, Клэр, это, пожалуй, были самые осознанные действия во всей этой истории. И насколько я понял, расспросы наших «прокуроров» у свидетелей, не выявили шум и грохот от взрывов в лесу? Да?

— Никто об этом не обмолвился. Судя по мощности трёх зарядов, такое невозможно было не услышать.

— И, как я понимаю, остаётся два варианта по русскому. Или он ушёл по трассе, попросив его довезти до города одного из тех водителей, которые крутились у сгоревшей машины, или эти заряды не сработали. Так?

— Так, сэр.

— И в данный момент мины или продолжают находиться в лесу или, ещё хуже, находятся на столе работников их службы безопасности. М-да...

Он вернулся в своё кресло.

— Клэр, вы свободны. Из города не уезжайте. Вам предстоит служебная проверка и, судя по всему, передача квалификационных зачётов. Идите.

Клэр, не говоря ни слова, не попрощавшись, покинула кабинет.

Джейк, проводив глазами женщину, повернулся к заместителю.

— И какое твоё мнение, Дик? Что мне писать в отчёте нашей уважаемой Джине Хаспел? (Джина Чери Хаспел — директор ЦРУ. 2018–2021 — прим. авт.) Вот видят все святые. Если напишу правдивый отчёт, как это было на самом деле — мне никто не поверит и подумают, что я всё выдумал из своей головы. Как результат — предложат уйти на покой по состоянию психического несоответствия. И эти бумажки, — он поднял папку с отчётами, — мне не помогут. Скажут, что такого в организации просто не может быть, а я заставил этих бедолаг, — и он ткнул в папку, — написать полнейшую фантастику.

Второй вариант. Если же что-то буду придумывать и добавлю уже от себя, а перекрёстная проверка выявит это — мне придётся просить об отставке, но уже с худшими условиями. Так что ты мне посоветуешь? Я ведь не руководитель оперативного отдела и не пастух этих деятелей. Мой зад подсказывает, что его хотят убрать из моего мягкого кресла.

Иначе причин, почему меня назначили разбираться во всём этом дерьме, я не вижу. Ладно бы по итогам всех опросов свидетелей и участников, мы дали бы наверх своё мнение, но, сам понимаешь, проводить дознание службе аналитики, это что-то совсем не то.

— Джейк, — ответил собеседник. — У меня похожие выводы. Но ты же знаешь, что это идёт не от меня. В твоё кресло я сесть не хочу. Меня и своё устраивает. Тоже мягкое и удобное — организм не жалуется. Да и у меня не такие стальные нервы как у тебя, Джэйк. А если заглянуть чуть дальше, то и до старости хочется дожить не паралитиком, с дёргающимися руками и ногами, а вполне себе.

— Я не думаю, что это вышло из-под тебя, Дик. Не похоже на твой стиль. А что бы ты сам сделал, будучи на моём месте?

— Сделал сам? Не поверишь. Взял бы отпуск. Хотя бы на пару недель, пока ветер не стихнет и пыль осядет.

— И повесить это на тебя?

— Не-е-е-е... Заболею. Знаешь, ведь я так и не прошёл ежегодный медосмотр, да и со сном у меня в последнее время не очень. Надо бы показаться нашим врачам. Так, глядишь, и дней десять пролетит. Ну что, хорошее решение?

Джейк улыбнулся и, привстав, пожал своему собеседнику руку.

— Вполне устраивает. Тогда ты с завтрашнего дня отсутствуешь на работе по состоянию здоровья. Пиши бумагу на моё имя вчерашним числом. Я подпишу. А своё прошение на небольшой отпуск также оформим вчерашним днём через мою секретаршу. Я ей приплачу, и она возьмёт на себя вину, что забыла вовремя передать бумаги по инстанциям. Она у меня умная куколка. И от лишних денег не откажется. А за такую мелочь, как забывчивость, с работы её не уволят. Да и сам я этого не позволю сделать. А сейчас верну все документы в центральный офис, с пометкой «ознакомлен», но, в виду ухода в очередной отпуск, прошу передать рассмотрение другому ответственному лицу, а когда из больницы выйдет Вильям Джоэл, пусть сам разбирается со своими кадрами и решает — наградить их или закопать где-нибудь...

— А с Джиной как решишь? Ведь в отпуск она тебя должна своим благословением отпустить, да и не подумает, что это подстава?

— Мы с ней хоть и не в близки, но знакомы уже более десяти лет. У нас ровные отношения, да и выручали пару раз друг друга. Так что сейчас позвоню ей, попрошусь на встречу, а там, думаю, объясню ситуацию и она мне не будет препятствовать. А чего оттягивать? Сейчас и позвоню.

Он потянулся к внутреннему телефону и набрал номер.

— Добрый день, мэм. Это Джейк. Не могли бы Вы уделить мне минут десять? Нет, мэм. Больше по личному вопросу, хотя и от службы никуда не деться. Через 15 минут? Конечно, устраивает. Буду у Вас в назначенное время. До встречи, мэм.

Положил трубку и улыбнулся.

— Вот так и делается всё не только в нашей стране, но и во всём мире. Телефон — самый важный аппарат в нашей жизни. С помощью него можно не только заказать пиццу, но и объявить кому-нибудь войну.

— Но ты так осторожно говорил. И уважительно...

— Так она не моя подруга по жизни, а мой начальник. И сидит этот начальник в

большом-большом директорском кресле такой ма-а-а-а-аленькой организации, как ЦРУ!

Оба мужчины засмеялись.

— Кого ты оставишь вместо себя?

— Так давно мой второй зам, Додсон, хочет постажироваться, попробовать отполировать моё кресло. Вот я и предоставлю ему такую возможность. А уж за ним попрошу приглядеть Никаса Кайна. Он, как ты знаешь, уже третий десяток по службе рядом со мной. Он мне как брат, да, пожалуй, и ближе...

И, поднявшись с кресел, мужчины обменялись вновь рукопожатием, улыгнулись друг другу и вышли из кабинета, направляясь каждый по своим делам.

* * *

5 дней назад.

Управление ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

У начальника Управления в зале заседаний за длинным столом сидели 8 человек.

— Товарищи офицеры. Сегодня проводим совещание более оперативно. Попрошу без лишних слов. Только факты. Как вы были заранее оповещены, основная повестка — меры противодействия интересам недружественных нам разведок в отношении лаборатории А-3, а также действия по исключению утечек информации о проводимых там работ и усилению охраны как самого объекта, так и по сопровождению ведущих специалистов лаборатории.

Также попрошу дать информацию по покушению на врача дочери руководителя лаборатории и по исчезнувшему туристу из Канады. Прошу докладывать по мере готовности.

Поднялся полковник Ярый.

— Разрешите?

— Сергей Павлович, товарищи. Давайте не прыгать. Лучше смотрите в свои записи, что бы доклад был предметным. Да. Для общего сведения. Полковник Ярый официально находится в отпуске уже два дня. И то, что он сейчас здесь присутствует — его личная инициатива. Я это к чему. Если Вы по каким-либо служебным вопросам не сможете его застать на месте, то после моей информации, удивления, я думаю, у вас не будет. Надеюсь на Ваше понимание.

Полковник сел и продолжил.

— По информации о ДТП, где пострадал врач, который должен был лечить дочь Дмитрия Игнашева. Отстреляных гильз, пуль, эксперты на месте не нашли. По анализу крови я Вам, товарищ генерал, вчера докладывал. Поэтому пропущу.

— Не надо пропускать, товарищ полковник. Поделитесь со всеми присутствующими Вашей информацией.

— Слушаюсь. Анализы крови и ДНК, которые были проведены в лаборатории, с стопроцентной гарантией доказывают, что стрелок был не европеец, а ярко выраженный метис. К слову. Именно такой типаж и является тем, кто исчез из группы канадских туристов. Пока связать эти два факты не могу, но над этим работаем.

— Понятно, Сергей Павлович. Продолжайте.

— При обследовании места расположения второго предполагаемого стрелка, ничего не было обнаружено. Но мы подстраховались, вызвав кинолога. Собака повела группу не к дороге, которая находилась буквально метрах в сорока от точки, а, наоборот, через лес, как мы потом поняли, к просёлочной дороге.

— Не понял фразу «как мы потом поняли»? — переспросил генерал.

— Собака потеряла след буквально метров через тридцать. Далее не пошла. На месте мы нашли следы ядовитого порошка, который очень влияет на обоняние собаки. Действие таково, что если пёс будет находиться там более пяти минут, не исключена полная потеря обоняния собаки вообще. Анализ препарата произведён. Это, скорее, испорченный. Не наш.

— Почему «скорее»? У нас такие препараты тоже есть?

— Есть, товарищ генерал, но они штучные и выдаются по особому списку. Хочу добавить, что проверили оба отдела, где могли выдать препарат. По журналам такой не выдавался для оперативных мероприятий более года. Акты об использовании прикреплены и заверены должным образом.

— Ясно, полковник, продолжайте.

— Собаку увели, а наши сотрудники через лес вышли к той дороге, где были найдены мужские следы и отпечатки шин. По рисунку протектора и загрузке машины, эксперты сделали предварительный вывод, что использовалась «Нива». Судя по всему, водитель съехал с шоссе на примыкающую дорогу, проехав параллельно с основной трассой. Остановился на некоторое время. Вышел и углубился в лес. Позже вернулся тем же путём, сел в машину и выехал снова на трассу. Эта петля используется местным фермером для заготовки и вывоза сена. Там большой луг. Есть сарай. Проверили. Пустой. Чуть позже узнали координаты фермера и обратились к нему. Поинтересовались, когда он был там в последний раз. Тот сообщил, что с пару недель назад. По отпечаткам на дороге его слова подтверждаются. Именно в то время как раз несколько дней подряд шли сильные дожди. Дорога раскисла. После дождей на этой дороге появлялась только одна машина, возможного нашего стрелка.

— А другие машины почему туда не заезжают?

— Так, не зная, этот съезд с основной трассы практически не виден. Там есть небольшой карман для отдыха водителей, а вот если проехать метров пятьдесят дальше по обочине вдоль леса, то как раз и будет съезд на просёлочную дорогу.

— Понятно. Продолжайте.

— А далее самое интересное. Когда прекратили активную работу, участники группы решили вернуться к машинам через лес, обратным путём. Вот так они и обнаружили это...

И полковник раздал участникам фотографии.

— На снимках — это остатки сработавших взрывателей и части радиоборудования. Как определили эксперты — три взрывателя и комплекты дистанционной постановки их на боевой взвод, элементы инфракрасных датчиков. Самых мин или других зарядов не обнаружено. Прикреплены они были так, что бы закрыть возможный отход стрелка через лес на прилегающую дорогу. Хочу отметить, что сработали все три взрывателя.

— То есть вы хотите сказать, что стрелка хотели завалить там же свои?

— Да, почти стопроцентная уверенность.

— И зачем это надо было делать?

— При удачном исходе второй снайпер остался бы в лесу и для нас мог являться основным подозреваемым.

— На каком расстоянии стояли мины от позиции стрелка?

— Метрах в сорока.

— Как-то несуразно. Не находите? Убирать своего стрелка так, чтобы взрывом вынесло бы кусок леса в сторону трассы?

— Получается так, на наш взгляд. Товарищ генерал, хотели убраться стрелка с гарантией, а до посторонних им дела не было. У меня всё.

— Хорошо. Кто следующий?

— Разрешите? — руку приподнял пожилой мужчина.

— Случаю Вас, Арсений Иванович.

— Моя служба отработала как фотографию «потеряшки»-канадца, так и фотографии тех, кто засветился у сгоревшей машины в форме сотрудников прокуратуры.

— Арсений Иванович. Зная Вас много лет, вижу Вашу победную ухмылку. Давайте порадуем нас.

— Ну что же. Не смею разочаровывать. По туристу. По нашим и данным из Москвы, этот любитель путешествий и в самом деле много времени проводил вне своего дома. Если вкратце.

Он открыл папку и стал из неё зачитывать.

— Стэнли Паркер. Ветеран морской пехоты США. Снайпер. Награждён многими высшими наградами не только США, но и других стран. Вышел в отставку около пятнадцати лет назад, но остался за штатом в корпусе морской пехоты как свободный инструктор. Числится там, как я понимаю, до сих пор. Точнее числился... Снайпер высочайшего класса. Был неоднократным призёром стрелковых соревнований как в США, так и других странах. Выезжал на боевые в Афганистан, ЮАР, Югославию. Работал, в основном, против нас. Это был у него такой пунктик. Есть информация, что даже вёл счёт убитых русских снайперов. Неоднократно работал в разных странах на ЦРУ. Многие громкие убийства известных деятелей и лидеров связывают с его именем. Если интересно, его позывной — «Багет».

На этих словах полковник Ярый вздрогнул.

Генерал заметил это и спросил.

— Сергей Павлович. Вам знаком этот кадр?

— Сам не знаком, но позывной такой слышал в Афгане. Там тот за полгода дважды моего снайпера подстреливал. И, что удивляло — мог убить, но не убил. У того было одно ранение в левую ногу, а второе в левую руку.

— Метил?

— Издевался, наверное. После второго ранения, «Багет» специально приподнял голову, сняв головной убор, что бы мой снайпер его увидел. Мол, запомни. А Игорь стрелять не мог — у него запястье было пробито насквозь.

Мы потом ходили специально, выслеживали его, но неудачно. А этот «Багет» даже выдавал на русском по открытому каналу, мол, вышел на охоту. Убив пятерых наших, исчезал на месяц. Потом опять выходил на охоту. И снова информировал всех, что пришёл за головами очередной пятёркой. Отстреливал и снова исчезал. Так было, по-моему, с полгода, а потом тот исчез. Думали, что кто-то его достал, но... вот видите, жив остался.

— Да, оставил след за собой. Что могу сказать. Если его и в самом деле положили там, где мы думаем, то это хорошее дело сделано. Славное и правое дело. Ну да ладно, вернёмся к делу. Арсений Иванович, извините, что прервал. Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, по этому кадру более ничего интересного я меня нет, а вот личико дамы, которая была на том же снимке, нам тоже знакомо.

И так. Клэр Мэнси. Старший штатный оперативный сотрудник ЦРУ. 46 лет. Закончила Оксфорд с отличием. Владеет минимумом тремя языками в совершенстве, ещё на двух-трёх разговаривает свободно. Симпатичная. Не замужем. С её участием было проведено порядка

пяти громких операций в восточной Европе, Скандинавии, Иране и Афганистане. По данным, её, задержанную, не могли поймать в Иране почти полгода, пока та готовила акцию. К слову сказать, провела её с блеском и ускользнула из страны. Так что дама с большим опытом. В какой роли она была здесь — непонятно, но, скорее всего, координатором. По этому кадру вопросов ко мне нет?

Генерал улыбнулся.

— Нет, Арсений Иванович. А что, у Вас есть ещё что-то?

— Как не быть. Есть, конечно. Вот всё время то и слышу — на пенсию пора, на пенсию. А что бы Вы делали без меня, а? Хорошо, не буду томить. По другим лицам канадцев у меня ничего нет. Зато на наших «прокуроров» есть информация.

Первый. Алекс, или как он себя называет, Александр Вебер. 48 лет. Один из первой волны фольксдойче, который уехал в Германию в 95 году, но, через четыре года, вернулся назад, демонстративно отказавшись от немецкого гражданства. Этнический немец. Прекрасно говорит на русском, немецком и английском. Занимается автобизнесом. Живёт в Тольятти. Там же находится головной офис его фирмы. Профиль — поставки оборудования и запчастей для Автоваза. Женат, есть двое детей. Супруга немка. Часто выезжает за границу по делам. Бывает в Москве и Санкт-Петербурге. В интересующее нас время находился в командировке в Питере.

— Если он часто выезжает за границу, то зачем же тогда сам себя лишил немецкого гражданства? Не логично.

— Не знаю, Виктор Фёдорович. Мне тоже это не понять. Заканчивая с этим фигурантом, докладываю. Вернулся домой на следующий день после предполагаемого участия в акции.

Местные сотрудники уже в курсе. Взяли под наблюдение. И ещё есть информация...

Генерал улыбнулся.

— Арсений Иванович. Если бы все так работали как вы, то можно было бы сократить штат сотрудников хотя бы процентов на десять.

В зале улыбнулись, зная маниакальное желание начальника управления не увеличить штат, а наоборот, сократить его, тем самым простимулировав работу оставшихся сотрудников как морально, так и материально.

— И так. Второе зафиксированное лицо. Я тут покопался в файлах, которые мне молодёжь накопила, и в бумажках своих порылся. И вот что нашёл...

Все офицеры опять улыбнулись. Все, кто имел контакты с Арсением Ивановичем по службе, знали, что он, кроме информации с компьютеров, пользуется и громадным архивом-картотекой розыскных листов. Эту бумажную массу он вёл лично и никому не позволял в ней рыться. Под это дело выбил большую комнату, которая и была забита под потолок старыми документами, чуть ли не с дореволюционных времён. С ним постоянно «воевали», что бы эти данные и документы отсканировали, добавив в общую базу служебных документов, а бумагу бы отправили в архив, но тот грудью стоял на защите своих папок и... выигрывал пока он.

— ... Помните, 8 лет назад случай с утопленником — туристом в Репино. Для тех, кто не знает, расскажу. Приехала группа туристов из Чехии. Посмотрели город, а потом их

повезли в музей-усадабу в Репино. Там прошла экскурсия и группа, у которой оставался час свободного времени, пошла на берег Финского залива. Был август, и вода вполне прогрелась. Некоторые, особо смелые, полезли в воду. Искупались, посидели на песочке и стали собираться в обратный путь, к автобусу, который их ждал. А ждал потому, что группа потом должны была ехать на ужин в какой-то ресторан, который находился далеко от их гостиницы. Так вот... Все собрались и, как выяснилось, один из них исчез. Все вещи, документы, его фотоаппарат — лежали на песке. А самого не было. Побегали по пляжу, а поскольку день был рабочий, то местных хоть и было много, но нужного человека можно было бы заметить. Побегали они так, и потом решили обратились в ближайший пункт полиции. Те же вначале не приняли заявление о пропаже иностранца всерьёз, но чуть позже какая-то светлая голова решила, что им самим иностранцами не с руки заниматься. Сообщили нам. А тут уже пошло-поехало. Привезли и водолазов и кинологов. Чуть не армейцев пригнали. Два дня искали на берегу и под водой, но так его и не нашли. Списали на несчастный случай. Шум тогда был месяца два и у нас, и в Москве. Но чуть позже всё стихло. И представьте, что на фото я узнал нашего «утопленника». Почему узнал и в этом уверен? Так у него есть характерные отметины на лице. Почти правой брови нет — как будто после ожога кислотой, и родимое пятно на левой щеке довольно необычной формы, как русское Л. Сравнил два фото — восьмилетней давности и свежее — одно лицо. Чуть постаревшее, но это он. Скорее всего, живёт и работает в Питере или в области. Не знаю почему, но есть у меня такое подозрение. Документы, скорее всего, сейчас у него на руках настоящие. На какого-нибудь Ивана Иванова. А если смотреть на источник — Стэфан Эрмис. 55 лет. Инженер. Работал на заводе Татра, из сотрудников которого и была скомплектована группа туристов. Сделали запрос в МВД. Пусть попробуют найти по базе паспортной службы.

Генерал с подозрением посмотрел на говорившего.

— Арсений Иванович. Если Вы назовёте и третью фамилию, то я не знаю что сделаю....

— Не назову, Виктор Федорович. А знаете почему? Вчера вечером поговорил с капитаном, который оказался первым из наших на месте и беседовал с этими деятелями. И у него и у меня после просмотра фотографий, сложилось мнение, что третий человек не из их команды. Он «пристяжной». Скорее всего, наняли парня водителем и попросили переодеться в другую одежду, мол, их друг в запое, а их, по факту, должно трое. Ну, это я так, сейчас придумал, на ходу. Как капитан мне рассказал, то молодой был как бы всё время в стороне. Не подходил к коллегам с вопросами, да и вёл себя как-то не так, как работала бы слаженная бригада настоящих прокурорских работников. Да и водители в бригаде прокуратуры не носят служебную форму, а я на снимках увидел, что к форме тот не привык. Висела на нём как чужая. Вот, пожалуй, на этом и закончу.

— Спасибо, Арсений Ивановичу. Много действительно важной и подробной информации...

--

Совещание продолжалось. Полковник Ярый слушал других, а его мысли были далеко от происходящего.

--

— «Если Игорь был на позиции дублирующего стрелка и увидел своего «кровника». то мог и сработать. Он же сказал «Шприцу», что вышел «работать по профилю» и встретил «старого знакомого». Притянуто за уши, конечно. А вдруг? И почему он сказал, что ЭТО

будет мне интересно.

А мины? Знаю, что «Косой» сапёрное дело знал отлично, но, блин, лет-то сколько прошло... Как он разобрался с этими навороченными штуковинами? И почему мины с собой унёс? И как он вообще вышел на точку? И кто его опять подписал? Да и что за долги такие, когда их надо отдавать кровью других людей? Вопросы-вопросы-одни вопросы...

--

И мысли его об Игоре плавно перескочили на те события, в которых они участвовали много лет назад... в Афгане...

--

За своими размышлениями и воспоминаниями он и не заметил, как совещание закончилось. Подхватился с места, когда соседи стали вставать. И только направился со всеми к выходу, как его остановил голос генерала.

— Сергей Павлович. Задержитесь, пожалуйста, на минуту. Есть вопрос к Вам лично.

Когда все вышли, генерал указал Ярому на стул рядом с собой.

— Ну что, волнуешься за свою внучку?

— Да, Виктор Фёдорович. Страшно. Катя — это моя радость в жизни.

— Знаешь, а вот у меня такое чувство, что всё с твоим дитёнком будет хорошо.

— Спасибо за доброе слово.

— Пожалуйста. Я вот что хочу тебя спросить. Ты, после рассказа о стрелке, ушёл в себя настолько, что и всё совещание был где-то далеко. Думаю, накатило Афган?

— Извините, Виктор Фёдорович. Уже много лет не вспоминал так, как сегодня. Вы правильно сказали — накатило...

— Слушай, Сергей. А ты мне ничего не хочешь дополнительно рассказать? Не о тех событиях. Об этих....

— Виктор Фёдорович. Хотел бы, да не могу. И не потому, что дал кому слово или не хочу. Информации у меня нет. Но есть вероятность, что к утру появится.

— Даже так?

— Да. Поэтому, если зашёл такой разговор, не подпишете мне рапорт? Хочу кое-что взять в техотделе.

— Звукозаписывающую?

— Нет, наоборот. Глушилку. Хочу побережусь.

— А результат будет? Если будет — подпишу.

— Результат в любом случае будет, — улыбнулся Ярый.

Генерал тоже улыбнулся.

— Пиши, я подпишу. Только возьми нужный, а то тебе подсунут — весь район без связи оставишь.

— Не. Такой мне не утащить в кармане. Я что-нибудь полегче...

--

Когда полковник вышел из кабинета, генерал, походив по кабинету, поднял трубку внутреннего телефона.

— Андрей Владимирович. Сегодня полковник Ярый встречается со своим информатором по важному делу. Твоя задача — обеспечить наружное наблюдение, возможно прикрытие. К нему подходить не следует. Фотографировать Ярого и его собеседника я запрещаю. Писать тоже. После встречи никого вести не надо. Пусть твои отработают и свободны. Задача у вас одна — оградить Ярого от любого покушения и

наблюдения со стороны. Первое маловероятно, а вот второе — очень даже ожидаемо. У полковника с собой будет глушилка. Так что смотрите — вдруг у кого проявится интерес послушать их разговор поближе. Если чужие будут нарываться — работайте жёстко. Не жалеть. Заметите явное наблюдение — попробуйте тех довести до адреса. Вопросы есть? Я тоже не знаю где будет встреча. Там, похоже, всё решается по телефону в последнюю минуту. Нет, разрешение на прослушку телефона Ярого тебе не дам. Всё, работайте. Утром мне на стол отчёт...

5 дней назад.

Вечер. Кафе на Петроградской стороне Васильевского острова.

Полковник Ярый вместе с майором Васильевым, которых на служебной машине довели до метро «Петроградская», медленно шли в сторону небольшого кафе. До встречи оставлось больше получаса, поэтому они особо не спешили, наслаждаясь прогулкой. Редко когда им удавалось вдвоём вот так просто спокойно идти по улице.

Когда друзья встретились, Алексей Евгеньевич сообщил, что Игорь назначил встречу в ранее условленном месте на 19 часов. Попросил его не ждать, так как подойдёт чуть позже. Столик тот уже заказал и обещал, что место им понравится. Других условий не было выставлено, поэтому мужчины, разговаривая о своих семейных проблемах, и не заметили, как оказались у дверей кафе.

Внутри их встретили и, узнав номер заказа, провели в небольшой закуток, отгороженный от общего зала перегородкой в виде буквы Г. Таких полукабинетов было четыре и их столик оказался в самом дальнем углу.

Сняв верхнюю одежду и заказав себе ужин, друзья продолжили свой ранее прерванный разговор.

— Что, Сергей, надеешься на Белого?

— А что мне ещё остаётся? Мне вчера ТАКОЕ рассказали, что полночи не спал. Крутил всё так и этак. Слишком много совсем неправдоподобной информации. Да и рассказчик мужик проверенный, но вывалил на меня столько....

— Если не секрет — кто это?

— Да наш главный гаишник города.

— Константинов?

— Он самый. Не знал бы его, никогда бы не поверил, что тот чуть ли не с русалкой дружит.

— Палыч. Не заливай.

— Правда. Знаешь, Лёша, услышав от другого, покрутил бы пальцем у виска. А тот рассказывал мне о таких событиях, в которых сам побывал.

— Интересно и мне было бы самому послушать. Я ведь интересовался сам таким «неведомым-непознанным» чуть ли не десять лет. И пару отпусков провёл с группами таких вот «искателей».

— И что, видел инопланетян?

— Нет. Тех не видел, но световые шары видел. Гул, непонятно откуда идущий, слышал. С человеком, который на наших глазах исчез, а потом минут через пять оказался на том же самом месте — сам видел и разговаривал с ним.

— И что, поверил?

— Если честно, Палыч, не очень. Уж очень мне казалось, что нас просто разыгрывают.

— Может и так. Но в историях Константинова было всё же больше правды, чем вымысла. И сам он рассказывал с полной уверенностью, что так и было на самом деле.

— Забавно.

— Не то слово. А самое интересное во всём этом — то, что, по идее, можно проверить

самому. Особо и не напрягаясь. Я и хочу это САМ проверить. Вот не даёт мне покоя история, что человек может вылечить от рака за неделю.

— Ты о Белом?

— Да. Не хочу с тобой спорить, но факты излечения от этой болезни у других подтверждены официально врачами. Есть соответствующие снимки до и после. Медики объяснить факт исцеления не могут. Просто разводят руки. И знаешь, какая у них «отмазка» основная? Ссылаются на неисправность своих аппаратов. Я читал отчёты о разговорах с родителями вылеченных Белым детей, так показалось, что у нас в городе каждый второй аппарат показывает чёрт знает что.

— Я же медик, Сергей. Такого быть не может.

— И я о том же. Просто одновременно и боюсь и надеюсь. Страшно будет вытерпеть неделю неизвестности.

— А Вика как?

— Плачет и молится не понятно кому. Ходит как привидение по квартире, всех пугает. И днём и ночью.

— Да, сочувствую.

--

В этот момент мужчинам принесли заказанные блюда и они принялись за ужин.

— Неплохо здесь овощи готовят, молодцы, что выбрали. Разрешите присесть к Вам за столик? — сидящие услышали давно позабытый голос, но, подняв глаза от тарелок, увидели перед собой пожилого мужчину лет семидесяти пяти. Совершенно седой, с очками в тяжёлой оправе, одет в изысканный костюм... Этот мужчина совершенно не был похож на их старого друга.

Алексей посмотрел на стоящего у стола незнакомца.

— Простите, но мы ждём ещё одного нашего товарища. Поэтому прошу прощения, но вынуждены Вам отказать.

Благообразный мужчина, который был вполне похож на профессора какого-нибудь ВУЗа, едва заметно усмехнулся.

— Думаю, что я по адресу. Шприц, Викинг, гады вы такие. Не хотите пригласить за стол того, кто сам этот столик и резервировал?

Мужчины растерянно встали.

— Игорь? Косой? — прошептали они почти в унисон.

— А кого вы ещё ждали, засранцы? Садитесь, а то привлекаете внимание.

— Что с тобой, Игорёк? Что с твоим лицом? — с тревогой спросил Сергей Павлович.

— Серый, ты, по-моему, занимаешь чьё-то место на работе. Или ты не знаком с такими словами как парик или грим? Ладно, не нервничайте. Моя хорошая подруга работает в одном известном театре. Пара часов работы с лицом, хорошо подогнанный парик, костюм — и мне можно свободно ходить по городу. Результат налицо — настолько я не похож на себя, что даже мои самые близкие товарищи не узнали с расстояния в метр.

— Но грим? Ты же как настоящий, как живой!

Игорь улыбнулся и сел за стол.

— Лёш. Я настоящий и я живой. Хочешь потрогать моё лицо? Потрогай. Ты ничего не ощутишь кроме кожи.

Полковник смотрел на своего «потеряшку», своего друга из прежней жизни, но так и не мог поверить, что Игорь настоящий. Протянул к нему руку, провёл по щеке. Потянулся к

волосам.

— Только, Серый, волосы не тяни сильно. А то и со скальпом стянешь. Ну что, братцы, рад, что встретились. Очень скучал. Я за вами наблюдал все эти годы. Рад, Серый, что с Лёшкой до сих пор держитесь друг за друга. Это много стоит.

— Игорёк. Мы и тебя... — начал полковник, но Игорь приподнял ладонь со стола.

— Стоп. Не надо объяснений в любви и клятв в вечной дружбе. За те годы, что мы были вместе, я поверил, да и сейчас верю, что вы свои шкурки положили бы за меня. Как и сам за Ваши.

— Да, Сергей, чем ты там щёлкнул в кармане? — и Игорь насторожился.

— Не волнуйся, Косой. Не пишу тебя, — с улыбкой ответил Сергей Павлович и достал из кармана пиджака прибор, похожий на телефон, только с двумя антеннами.

— Глушилка? — спросил успокоившийся Игорь.

— Да. На работе позаимствовал. Не волнуйся. В нём «маячка» нет.

— А я заметил, что за этим кафе присматривают. Парни профессионалы, и работают, как минимум, четверо. Трёх засёк точно.

Ярый на секунду задумался и улыбнулся.

— Предполагаю кто это. Скорее всего — мой шеф прикрыл на всякий случай. От чужих. У меня с ним сложилось, поэтому от него подставы быть не должно. Да и писать нас не смогут. Эта машинка, — он показал на лежащий на столе аппарат, — работает на два метра в полную силу. На три слабее, а на четыры уже не добивает. Так что за нашим столом не работает никакая связь. И нас не смогут записать. Даже вон, соседи, обрати внимание, пытаются позвонить, но что-то у них с телефонами не так. Успокойся, Игорь. Всё нормально.

— Дай-то... В общем, у меня есть информация для тебя, Сергей. Не мог иными каналами тебе передать. Ни письмом, ни звонком. У меня такое чувство, что я под колпаком. Под чьим — сами поймёте.

— Слушай, Игорь. Так ты ничего заказывать не будешь?

— А почему ты так думаешь?

— А грим?

— Братцы-кролики. Я могу в таком виде не только есть и пить, но и с дамами встречаться и, если аккуратно, и душ принять. Вот такая у нас сейчас косметика...

Игорь подозвал официанта и сделал свой заказ, а в это время Алексей, достав из кармана свой телефон, пытался набрать номер и периодически подносил его к уху.

— Лёш. Успокойся. Твоя развалина ничего не поймает. Сигнала-то нет?

Майор глянул на экран телефона, закрыл его и убрал в карман.

— Ладно, друзья, — начал Игорь. — Сейчас я расскажу Вам интересную историю, которая со мной случилась совсем недавно.

— Подожди, Игорь, — прервал своего друга Сергей Павлович и, взяв одну из бумажных салфеток со стола, написал что-то, сложив ту пополам так, что сидящие рядом ничего увидеть не смогли. — Это так, для подтверждения того, о чём я думаю. Потом покажу. Извини, Игорь. Слушаем тебя.

— История началась десять дней назад. Возвращался я на машине вечером после работы и почти уже рядом с домом меня останавливает машина ДПС. Инспектор посмотрел мои документы, сверил номера и попросил пройти в их машину. Я, зная, что ничего не нарушал и

абсолютно трезвый, хотел было открыть переднюю правую пассажирскую дверь, что бы сесть, но инспектор придержал меня и попросил сесть на задний ряд. Стоило мне сесть, как второй инспектор, который был за рулём, вышел и захлопнул дверь. Я, кстати, посмотрел — они оба отошли от машины и продолжали нести службу. Я к тому, Сергей, что эти парни, судя по всему, ни при делах. Их попросили остановить конкретную тачку, что они и сделали.

— Номер запомнил? — задал вопрос Ярый. — И где это произошло?

— Сергей, — продолжил Игорь, — поверь, я через свои каналы пробил этих парней. Они криминалом не занимаются. Да, деньги с водил сшибают, но не наглеют. По их меркам — живут зря. Номер машины у меня есть. Может, чуть позже тебе передам. Но не это интересное. Вообще, в машине сидел какой-то совсем невзрачный человек. Я и лицо его не особо запомнил. Сам знаешь, что таких — миллионы. Он убедился, что я это я. Набрал на своём телефоне номер. Сказал какие-то слова и передал трубку мне. А дальше я вёл разговор с ТЕМ человеком, который когда-то помог мне скостить срок. Я его дочку из огня вынес. Уверен, что эту историю Вы знаете.

Оба собеседника кивнули.

— В общем, тот кадр напомнил мне, что именно благодаря его помощи, я сидел втрое меньше, чем мог бы получить. Спросил — согласен ли я с такими доводами. Я согласился. Тем более, и на зоне узнал точно, кто был моим благодетелем. Если вкратце — этот человек до последнего времени был вхож в самые высокие кабинеты. Чуть ли не ногой открывал все двери. Сергей, дай ручку.

Сергей передал авторучку, которую крутил в руках до сих пор.

Игорь написал на бумажке пару слов и показал в открытом виде своим друзьям.

Те были ошарашены.

— Ты думаешь, что Анатолий... — протянул Алексей, но его прервали.

— Замолчи, пожалуйста, Лёх. Не надо вслух называть то, что прочёл. Будь немного умнее. Если бы я хотел вслух назвать эту фамилию, то почему это не сделал?

Игорь взял салфетку и тщательно разорвал её на мельчайшие кусочки, которые потом убрал себе в карман. Усмехнулся, глядя на шокированного Ярого.

— Сергей. Не возбуждайся. Вчера прошла информация, что ЭТОТ свалил из России в Европу. Предполагаю, что если не навсегда, то надолго — точно. Так что ты немного опоздал. Да и не только ты...

И Игорь, выставив вперёд правую руку, симитировал указательным пальцем нажатие на спусковой крючок.

— Да... Умеешь ты удивлять своими знакомствами, — протянул Алексей.

— Лёш. Я с ним и не знаком. Я его, по факту, вообще не видел ни разу. Его адвокат со мной беседовал, и открытым текстом заявил (когда я уже был на зоне), что тому по гроб жизни обязан. На моё же возражение, что вроде как тому кадру дочь сохранил... просто отмахнулся, как от чего-то несущественного. По крайней мере, МОЙ долг перед ним был намного весомей, чем жизнь дочери.

— И как же просил отблагодарить тебя твой таинственный спаситель? — с ехидцей в голосе спросил Сергей Павлович.

— Да ерунда... Помочь какому-то его партнёру по бизнесу в Питере.

Ярый задумался, усмехаясь. Повторил, чуть растягивая прозвучавшую фразу.

— Помочь партнёру по бизнесу?

— Давайте я продолжу, а то так до утра будем здесь сидеть. Вообще, после моего

принципиального согласия, он сказал, что его помощник передаст мне номер телефона, по которому я должен буду позвонить сегодня же. И иметь дело уже с конкретным лицом. Да, кстати, он мне ещё обещал и хорошую премию, в размере пятидесяти тысяч зелёных, которую я так и не получил, — и Игорь рассмеялся.

— Неплохая сумма, — Алексей улыбнулся. — Мне б такую.

— Да ни хрена я не получил, не облизывайся, Шприц. Ладно, я продолжу. После того, как услышал в трубке короткие гудки, отдал её владельцу. Тот, ни слова ни говоря, протянул мне листок бумажки с написанным телефоном и вышел из машины. Спустя несколько секунд дверь с моей стороны открыл инспектор, вернул мне документы и пожелал счастливого пути.

Я вернулся домой. Набрал указанный номер. Спросили от кого я и как меня зовут. Назвался. Уточнили, есть ли у меня на телефоне ватсап. Ответил, что есть. Попросили подождать, а потом и вообще отключились. А через пару минут пришло сообщение о моей работе. Я как чувствовал и сделал скрин, потому, что это сообщение вскоре исчезло. Там было указано, какая работа мне предстоит — быть дублёром по ликвидации рядового человека, который очень мешал сильным мира сего. Сообщили, что винтовка и боеприпасы будут меня ожидать на месте. Фотографию точки, с которой я должен буду работать и координаты её обещали скинуть через несколько дней. За сутки до акции.

Вообщем, прождал я эти дни. И в самом деле, пришло очередное сообщение с точными координатами. С привязкой GPS-навигатора. Так же сообщили, что уже на месте будет ещё одна привязка, где будет указано нахождение сканера для поиска оружия и точки работы. Основное условие было одно — прибыть на нужное место необходимо было точно в срок, за полчаса. Опоздание не предусматривалось, как и более ранний визит. Меня предупредили, что закладка с винтовкой будет заминирована, а после удалённого сигнала заряд встанет на предохранитель.

--

Полковник слушал рассказ и чувствовал, что попал в кинотеатр на какой-то супер навороченный боевик. Не успел открыть рот, как Алексей его опередил.

— Игорёк. Ты так рассказываешь, да ещё и в лицах... Как в кино сижу.

— Лёш. Кино порой и делается по реальным делам. В жизни бывает намного круче. Так. На чём я остановился? А... В общем, и фотки и текст я также успел переснять, потому что и они исчезли. А поскольку координаты приблизительные узнал, то минут через тридцать работы с компьютером также определил и место, где должен был появиться. Сел в машину и поехал на разведку.

— На своей? — удивился Алексей Евгеньевич.

— Лёш. Ты совсем меня за идиота держишь? Конечно же, нет. У меня сосед — старенький дед. Он частенько просит то отвезти его на дачу то забрать оттуда. Или в магазин съездить. Вообщем, с год как он выписал на меня доверенность, да и оформил все документы как надо. Он военный пенсионер, поэтому к бумажкам относится не так как молодежь. Да и разрешил мне, когда понадобится, пользоваться его машиной без его разрешения.

— Нива? — не выдержал Сергей Павлович.

— Лосево? — в ответ спросил Игорь и оба улыбнулись.

— Ну, коль Контора и ты лично в курсе, мне будет проще дальше вести разговор. Короче. Приехал туда, загнал машину в карман, зашёл в лес и начал поиски. Часа три искал и

нашёл. Позиция для работы была идеальной. Вышел потом ближе к шоссе — ни хрена метров с пяти стрелка не видать. Побродил вокруг — ничего не нашёл. А вот когда пошёл через лес в направлении исходной точки, откуда я должен был идти на позицию, напоролся на сюрприз.

— На три сюрприза, если я не ошибаюсь, — с улыбкой поправил полковник.

— Да, точно. Там мастерски были расположены три «монки». Стояли треугольником. Направлены были в сторону позиции, которую мне приготовили. Я их и не заметил вначале, но в глаза бросилось что-то инородное. Когда понял что, то чуть не обделался. Там, на уровне моего пояса, были видны глазки детекторов. Я свалился на землю и по-пластунски добрался до одного из них. Когда разобрался, то немного успокоился. От взрывателя шли провода к небольшой коробке зелёного цвета. На лицевой панели этого агрегата были два объектива, а сбоку два крохотных светодиода, заклеенных металлическим скотчем. Я потом понял, что меня привлёк именно блеск этой фольги. Рискнул, аккуратно отклеил скотч и увидел, что горит зелёный индикатор. Красный, соответственно, был не активен. Других кнопок или выключателей я не заметил. Посидел у этого аппарата, подумал и пришёл к выводу, что заряд ставится на боевой взвод с помощью радиосигнала, хотя никаких дополнительных антен там не было. Покумекал, почесал репу и решил не суваться в эту хренотень, просто взял и вывернул взрыватели сначала из той «монки», что первой нашёл, а потом, спустя полчаса, когда нашёл ещё две, и у тех. Сначала боялся, что вдруг там стоит прерыватель или ещё какая гадость, и я взлечу к небесам, но нет, обошлось. Я эти бандуры засунул в рюкзак и сначала дошёл через лес до дороги, которую мне указали, а потом вернулся к машине, сел и поехал домой.

Алексей Евгеньевич не выдержал.

— Прости, Игорь, что перебил. Так ты там остальное так и оставил висеть на деревьях?

— Да. А на хрена мне это было забирать? Мало ли какой там был сюрприз приготовлен для таких, как я. На фиг.

— А сами «сотки» с собой повёз? Не страшно было? Вдруг машину остановят и проверят? — уже в свою очередь задал вопрос Ярый.

— Нет, там не «сотки» были, а старые добрые, если можно так сказать, «МОН-50». Они хоть и весят, по-мему, килограмм по пять каждая, но тащить их в город я не решился. По пути увидел выворотень глубокий. Так я залез в дыру, прокопал ещё с полметра глубже, положил туда «подарки» и закопал. Естественно приведя всё в тот вид, что и был до меня. (МОН50/МОН100 — Противопехотные осколочные мины направленного поражения. Прим авт.)

— И они там так и лежат? — поинтересовался Ярый.

— А куда б они делись?

— Всё равно надо их изъять. Вдруг кто наткнётся.

— Я тебе нарисую, где то место. Пусть твои приедут и заберут. Мне такого добра даром не надо.

— Решим. Нарисуй. — Согласился Сергей Павлович и протянул очередную салфетку и ручку Игорю.

— А порошок ты насыпал?

— Какой порошок?

— От собачек.

— Нет, я не сыпал. Хотя с собой имел состав от собак. Домашнего приготовления. Уже

опробировал на деле, помогает.

Как раз в этот момент официант принес ему заказанное, и Игорь занялся поглощением пищи.

Алексей Евгеньевич, не отрываясь, смотрел на друга. Потом глянул на Сергея Павловича.

— Палыч. Вот интересная история. Всё как в боевике, но знаешь, что меня во всём этом больше всего сразило? Грим Косого. Ты посмотри на него. Когда ест, ни одна мышца на лице не выдаёт того, что там грим. Всё настолько натурально. Просто потрясающе. Если честно, то я в шоке... Игорь, ты не дашь контакт своей приятельницы, которая с тобой работала?

— Сейчас — нет. Попозже, может быть.

— Так в театре такой грим не используется. Он просто не нужен, — вступил в разговор Ярый. — Там же после спектакля смыли и пошли домой?

— А в кино? Когда снимают сцены, где герой или в воде плещется или в снег ныряет. Там, порой, по несколько дней гримм не смывают. Поправляют только перед очередной съёмкой.

— Так ты же сказал, что она в театре работает.

— Узнаю стиль Викинга. Вцепится как клещ и начинает кровь пить... Я не сказал, что моя знакомая работает ТОЛЬКО в театре. Её приглашают постоянно и на съёмки. Михалков приглашал на свои военные фильмы, да и другие именитые режиссёры. Так что... мою подругу я тебе не сдам. Хоть режь.

— Да она мне и не нужна, — усмехнулся полковник. — Но вот мастер-класс провести для наших оперативников, я бы её пригласил. Дело того стоит.

— Подумаю, — буркнул Игорь, отодвигая пустую тарелку. — Уф, наелся. Вкусно.

— Отдохнул? Тогда продолжай повествование, — сказал Алексей. — Интересно же что было дальше.

— На следующий день я ткнулся к своей машине, что бы поехать, а она не заводится. Промурыжил её, пока аккумулятор в ноль не посадил. В итоге поехал на дедовой. Едва успел. Ровно за полчаса, как меня и предупреждали. Пришло очередное сообщение с указанием места, где спрятан сканер и направление дальнейшего пути. Сканер я нашёл быстро. Включил и стрелка показала направление. Поскольку накануне я здесь уже побывал, то особо не наблюдал за прибором. Только прибыв к позиции, заметил, что указатель показывает чуть правее. Когда подошёл к назначенному месту, сканер пикнул и буквально стёк у меня по рукам. Еле успел отбросить. Сработал, судя по всему, самоликвидатор. Там от него осталась только лужа пузырившейся пластмассы. А под ногами заметил бумажку, типа как у чайного пакетика. Потянул за неё и понял, что это индикатор схрона. Немного руками разгрёб песок и землю, а там лежала винтовка, завёрнутая в брезент. Как позже рассмотрел — интересная штукавина — марксман Heckler & Koch. Хорошее оружие. С классной оптикой и ножками. Вообще, чудо, а не ствол. Хотел было поднять, но меня потом прошибло... Вообще, обвязал свёрток бечёвкой, отошёл на десяток метров и потянул. Думал, что рванёт, но ничего. Тишина. Увидел только, что под чехлом стоит датчик натяжения. Какую роль он играл, я понял чуть позже. Вынул эту красавицу из чехла, посмотрел магазин — а там всего ОДИН патрон. В тот момент я даже расстроился... но у меня с собой было...

— Игорь. Ты хочешь сказать, что принёс с собой ствол? — вскинулся Ярый.

— А как же? Я с чужими не работаю. А со своей сроднился. У меня всё выверено и просчитано. Моя «прелесть» меня никогда не подводила. Она у меня с тех самых времён.

— Так... — протянул Сергей Павлович, — ты хочешь сказать, что тогда, когда мы уносили тебя с разбитой рукой, ты её «прихватизировал»? Ну, ты жук. Как же ты СВД-шку в Союз провёз? Я так понимаю, тогда ты сдал в хлам разбитую другую, выдав за свою? А номера? Там же сличали! Игорь. Я хренею от тебя.

— Серый. Как провёз, это покрыто мраком. Одно скажу, не за один раз. Но моя подруга всегда по жизни со мной.

— И того генерала из неё же сработал?

— Нет. Там был бросовый ствол. Его не жалко было оставлять. Тем более что позаимствовал его у бандитов, с которыми ранее пересёкся. Он у меня трофеем стал. А крови на нём не было. Не успели.

— Ну, ты отморозок, Игорь.

— Не, я белый и пушистый. Напомнить вам обоим, какой счёт у каждого был? НЕТ! Тогда давайте не будем воду толочь. Короче. На лёжку, для меня приготовленную, забираться не стал, поостерёгся, а поднялся по ветвям берёзы, что стояла рядом. Я её накануне заметил и тогда же забирался наверх, осматривался. Когда сел поудобнее и пристегнул себя ремнями к стволу дерева, посмотрел на противоположный склон, что через дорогу. Заметил моего «ведущего». Оценил его позицию — класс. И всё было бы в норме, пока я не увидел рожу того. Случайно. Когда он поднёс руку к носу и не приподнялся чуть на склоне. Я ТОГО не забуду никогда. Ведь...

- Стоп, Косой, — прервал его Ярый. Взяв салфетку, на которой что-то записывал в начале разговора, развернул её и пододвинул по столу ближе к Игорю. — ОН?

Тот прочёл, после чего взял записку, разорвал на мелкие кусочки так, как и свою, потом убрал себе в карман.

— Молодцы. Определили. Значит, у меня не глюки были. А то я эти дни начал сомневаться в правильности своих действий...

Он замолчал, но было видно, что ему и в самом деле становится легче на душе.

— Вообще, мне стыдно признаться, но первый выстрел был не мой. Тот успел раньше. А уже второй его выстрел совпал с моим. Только я, кажется, опередил его на доли секунды. Судя по всему, чуть сбил прицел. То, что попал в него, не сомневался. А следом, видя, что «Багет» вроде шевельнулся, повторил. Как показалось, попал в его прицел. Может и в голову.

— Жаль, но подтвердить результаты некому, — вздохнул Сергей Павлович. — Твой клиент прибыл в составе канадской тургруппы в город, но, в установленный день группа улетела домой без одного человека. «Твой» на обратный борт не явился. Будем продолжать поиски, но вряд ли что найдём. С «Багетом» были ещё люди из ЦРУ, это выяснилось позже, так что, скорее всего, он нашёл свой последний приют где-то у нас, в лесах Ленобласти.

— Я был бы счастлив, если можно было это подтвердить, — тихо сказал Игорь. — Скольких же наших ребят положила эта тварь...

— Игорь, извини, но тебе есть что ещё добавить?

— Если только финал. Когда машина, по которой работал «Багет», кувыркнувшись после выстрела, слетела в кювет и загорелась, вскоре там была масса народа. Дорожники, что правили разметку невдалеке, водители многие остановились и пытались сбить огонь... Вообще, я захотел отработать одну мысль, что у меня родилась, когда увидел датчик под

винтовкой. Вернулся немного в лес, снял с себя куртку, замотал в неё камень и, размахнувшись, кинул примерно в район действия датчиков, а сам свалился за толстой сосной. Через секунду раздались одновременно три хлопка, а с места позиции, где я был, ещё один, только тихий. Я сначала вернулся к схрону. Там пузырилась пластмасса, почти без дыма. Закидав это место песком и землёй, вернулся за курткой. Подойдя ближе к месту, где была расположена ближайшая мина, увидел аналогичные куски оплавленного пластика и мелких железных деталей. Взрыватели все сработали штатно. Вот тогда и осознал, что в момент, когда извлекал винтовку, сработал датчик и пошёл сигнал на активацию мин. Если бы я заранее всё не проверил, то далеко бы не ушёл, как понимаете... А так... Бегом вернулся к машине. Завёл и рванул вперёд по дороге, после чего опять оказался на трассе, но чуть выше. Проехал медленно мимо горящей машины. Там уже сустились пожарные. Как понял, те проезжали мимо по своим делам. Остановился. Спросил, не нужна ли помощь. На меня замахали руками, и я спокойно вернулся домой.

— Домой с двумя стволами? — задал вопрос Ярый.

— Ну не бросать же их? — с улыбкой ответил Игорь. — Да. И не проси. Не отдам. Это моё. Моя жизнь и моя маленькая радость.

— Маньяк ты, Игорёха, — с укоризной в голосе заметил Алексей Евгеньевич. Тебе уже за пятьдесят, а всё в войнушку играешь. Не надоело?

Игорь внимательно посмотрел на своих друзей и, ухмыляясь, ответил.

— Это не я играю в войнушку, Шприц. Это она играет со мной. Я бы и хотел немного забыть эту жизнь, но та меня не хочет отпускать...

— Слушай, Игорь, я вот что хотел у тебя спросить, — задумчиво протянул Алексей. — А зачем ты нанёс грим на лицо, зная, что идёшь на встречу с нами.

— Мне кажется, что меня второй день «пасут». Явной слезки не заметил, но вот чувство такое, что на меня постоянно смотрят недобрые глаза. И нет, к моему удивлению, ощущения, что я в прицеле. Там совсем другое. Поэтому, что бы на Вас не вывести, пришлось поиграть в профессора и немного поездить по городу.

— Я это выясню по службе. Хочешь ты этого или нет. Напиши мне адрес, где живёшь. Отказа не приму, не обижайся, — полковник протянул ручку Игорю.

Тот, пожав плечами, написал несколько строк на очередной салфетке.

— И телефон напиши, — добавил Ярый.

Игорь дописал и подвинул полковнику салфетку и ручку.

Сергей Павлович прочёл, убрал всё в карман и задал вопрос.

— Это действительно ТВОЯ квартира, в которой ты ЖИВЁШЬ? Не пустышка?

— Сергей. Моя. Я, если честно, устал прятаться и жить двойной жизнью. Если сможешь помочь — буду благодарен. Я больше боюсь не за себя — за жену и своего ребёнка. Вот за них мне действительно страшно. И я готов объявить войну любому, кто попытается их хоть немного обидеть.

— Сколько комнат в твоей квартире?

— У нас трёхкомнатная, пятый этаж в девятиэтажке.

— Слушай тогда меня. Затра тебе днём позвонит мой сотрудник, капитан Терентьев, Стас. Договорись с ним о встрече ЗАВТРА же. И расскажешь о своих подозрениях прс слезку. Будь с ним откровенен, но об участии в стрельбе умолчи. Вполне возможно, что тебе на пару дней придётся в одной из комнат разместить моего человека, может двух. Это надо не только мне, но и тебе для спокойствия семьи.

— Серый. Место найдём, но не нужно этого делать. Я сам.

— Ты сам уже настолько вляпался, что... теперь будешь делать так, как я тебе скажу.

Ясно?

— Ясно, товарищ полковник! — С улыбкой ответил Игорь.

— Надеюсь стволы у тебя не дома?

— Обижаете, гражданин начальник. Не уж то с моим умом не понять такого?

— Не ёрничай, Игорь. Судя по всему, ты краем зацепил такое, что лучше дальше не шагать самому. Ни вперед, ни назад...

Майор Васильев сидел, глядя на перепалку своих друзей. Потом, поймав паузу, спросил у Ярого.

— Палыч. А ты не хочешь рассказать Игорьку, почему Контора занялась этим ДТП и о Белом?

— Лёш. Расскажу только через неделю. Когда будет результат.

— Я понял.

— Вы о чём и о ком сейчас? — встрепенулся Игорь.

— Да так, о своём, девичьем.

Игорь помолчал, явно что-то обдумывая, а потом решился. Достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его Ярому.

— Не знаю. Правильно я поступаю или нет, но я решил сделать так, как подсказывает моя совесть. В конверте флэшка, на которой записаны разговоры и все скрины с тех сообщений, что мне поступали. Извини, но в редакторе убрал свой номер телефона, да и на записи разговора вырезал свои имя и фамилию. Это будет тебе в помощь, как я понимаю. Так?

— Игорёха, — буквально схватил конверт Ярый. — Это же клад в моих руках.

— Главное, чтобы помогло. Ладно, братцы. Вы ещё посидите, а я поехал. Мне ещё снимать грим, да и костюм, как понимаете, тоже из реквизита. Надеюсь, что скоро увидимся в более спокойной обстановке. И не стоя на одной ноге. Мне внести в общую кассу свой вклад, или господа офицеры возьмут на себя заботу о бедном работяге?

— Слушай, Косой, ты сейчас договоришься до пары...

— Ой, боюсь-боюсь. Ладно, мои родные. Безумно хочется Вас обнять к прижать к себе, но мы не одни. Давайте прощаться по-джентельменски.

И Игорь, склонив в поклоне голову, вышел из кафе, выглядя внешне на свои семьдесят с лишним лет.

— Какой артист пропал, — тихо сказал Алексей, провожая взглядом друга. — Ну что, давай закажем кофе, а потом и по домам?

— Давай, — согласился Сергей Павлович, также с тоской глядя на дверь кафе, за которой исчез их самый близкий друг, почти брат.

4 дня назад.

Управление ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Генерал вызвал полковника не с утра, как обычно, а в три часа дня.

В углу его кабинета стол небольшой столик и два невысоких мягких кресла, в одно из которых, по приглашению генерала, Сергей Павлович и сел. Ярый знал, что именно здесь Виктор Фёдорович отдыхал и вёл со своими гостями особо доверительные беседы.

— Сергей Павлович. Пока ты не начал, хочу тебя попросить, что бы твой рассказ не звучал как доклад. Я уже знаю с кем ты встречался. Знаю, что твой друг перенёс в своей жизни. Правильно его осудили или нет, давай сейчас не обсуждать, время уже не вернёшь. Я, перед твоим приходом, посмотрел документы. Твой друг, конечно, мог и не подставляться, но то, что не бросил двух девиц в огне — честь ему и хвала. Кстати. Из документов я понял, что отец одной из них помог смягчить приговор твоему другу. И это существенно повлияло на общий срок. Что ты кривишься?

— Виктор Фёдорович. Как оказалось, тот благодетель не совсем уж альтруист. В документах, что я Вам принёс, и в моём рассказе вы услышите это имя.

— Хорошо. Что я тебе хочу сказать. Я не предупредил, что решил всё же прикрыть тебя на твоей встрече, но, сам понимаешь. Мы не публичные люди и нам лишняя огласка ни к чему. Поэтому я надеюсь, что мои действия ты не будешь ни осуждать, ни обсуждать. Кстати. Потом, думаю, ещё и поблагодаришь... Я запретил тебя фотографировать и писать. Также запретил вести тебя и твоих собеседников, но то ли меня не так поняли, то ли проявили чрезмерную отсебятину или инициативу, но факт, что их из Вашей троицы их заинтересовал благообразный господин. Уж очень он спокойный, неторопливый. Вообще, его повели. И, самое интересное, что через час после посещения одной квартиры на улице Восстания, оттуда вышел вполне себе нормальный мужчина, твоих лет, рано поседевший, но, как определила наружка, с признаками определённой подготовки. Именно там его физиономию и отсняли. Провели до метро, а далее наши спецы «лопухнулись», потеряли его, когда тот, придерживав закрывающуюся дверь в поезде, выскочил в последний миг. Но... Есть такое одно изречение «не было печали купила бабка поросят». Это именно о твоём друге. Вели его не только мы, но и один, как оказалось, небезызвестный нам человек. Точнее вели двое, но первого сейчас «открывают». О нём нам мало что нам известно. В данный момент по нему работают.

— А вот второй кадр тебе должен быть известен. О нём вчера как раз рассказывал наш всезнающий Арсений Иванович. Ты же присутствовал сам на совещании. Так вот. Второй — это наш чешский «утопленник». По нынешним документам — Сергеев Сергей Александрович, а в оригинале — Стэфан Эрмис. Почему тебе так подробно рассказываю, да потому, что он решил убрать твоего Игоря. Наши буквально в последнюю секунду его взяли. Взяли настолько тихо и аккуратно, что твой друг и не заметил ничего. Оружие было интересное, чешский CZ-50, довольно редкое у нас. Похож на известный «Вальтер», но со своими особенностями. Так что, если бы не парни, твоего Косого сейчас бы оплакивали не только его семья, но и ты с майором. Кстати. Вот тебе вопрос к размышлению. Почему бывший чех пошёл на ликвидацию с оружием, изготовленным именно в его стране?

Полковник на пару секунд задумался и ответил генералу.

— Предполагаю, что наш фигурант много лет и до этого, скорее всего, носил и использовал если не штатное, то разрешённое оружие. Первый вывод — бывший или действующий сотрудник UZSI. (UZSI — внешняя разведка Чехии — прим. авт.)

— Молодец. Наши сотрудники, которые сейчас с ним работают, пришли к такому же выводу.

Полковник слушал генерала и в нём клокотала злость на этого неизвестного ему чеха и нарастала огромная благодарность к тому человеку, который сидел напротив его.

— Спасибо Вам, Виктор Фёдорович. Спасибо. Ведь Игорь для меня и Лёши — это большая часть жизни. Не скажу, что лучшая часть, но он...

— Я понимаю тебя, Сергей Павлович. У меня и самого есть один такой друг, с которым мы близки очень и очень давно... Я рад, что моя предусмотрительность спасла жизнь хорошему человеку.

— А что с этим нынешним Сергеевым?

— Что с ним? Ничего. Сейчас у нас сидит. Пока молчит, но, как понимаешь, долго это не протянется. А вот до самого интересного я так и не дошёл. Ты меня перебил.

— Извините, Виктор Фёдорович.

— Принял. Так вот что самое интересное. Этот «Сергеев» месяца три назад устроился на работу в тот же самый Концерн ВКО, где работает твой зять. Правда, не в ту же лабораторию, но в другой довольно «интересный» отдел. Сам он по образованию, как вчера прозвучала на совещании и сегодня подтвердилось — инженер, да и с головой у него не плохо. Документы о законченном вузе имеются, притом не подделка, как и паспорт. Женат на местной, у неё и проживает. С первого взгляда не подкопаешься, но служба, как знаешь, работает во многих направлениях. Предполагаю, что через три-четыре дня у нас будет больше информации. А сейчас у него уже имеется статья за незаконное владение оружием. Завтра через суд проведём официально ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу, и, думаю, разговор «по душам» себя не заставит долго ждать. Ну, а теперь, коль ты в курсе дел около тебя и твоих друзей, расскажи мне о вчерашней встрече. Извини, если буду перебивать тебя уточняющими вопросами. Ты давай мне бумаги. Я буду смотреть документы, и слушать тебя.

Ярый передал принесённую папку с документами и начал рассказывать о том, что вчера поведал Игорь Косов...

--

...А спустя полчаса генерал выглядел уже взерошенным. Просле рассказа полковника и просмотра документов, у него было двойное чувство. Или все действия американской группы ликвидации были дилетанские, что на них совершенное не похоже, или эта проваленная акция проводилась для отвода глаз, тем самым предоставляя другой возможной группе больше времени для проведения основной операции. Да и к тому же имя известного олигарха, который поспешно вылетел из России, наводило на неприятные мысли.

— Выяснили, кому принадлежат номера телефонов? — генерал кивнул на папку.

— С утра отданы в техслужбу. Результат обещали к пятнадцати.

— Ясно. Сергей Павлович, а какова ТВОЯ оценка действий этих «туристов» и подключенных местных деятелей?

— Виктор Федорович. Ну не верю я, что бы настолько примитивная, по сути, операция, была так проведена. Да. Привлечения Игоря Косова, предполагаю, проводилось местной агентурой, без согласования. Но кто же мог предполагать, что на двух позициях окажутся старые враги. Это просто какое-то стечение необъяснимых совпадений, или же продуманные действия со штатовской стороны, что бы убрать их снайпера. Но какой в этом смысл? Как-то всё сложно и запутанно. Концы с концами не сходятся. Или это в самом деле совпадение или же хитровыдуманный ход с их стороны.

— Вот и я не могу сложить два и два. Признаюсь. В голове те же мысли, что и у тебя. Давай поступим так. Дозированную информацию по делу я дам в Москву. В том числе упомяну и фамилию названного тобой олигарха, хотя он прямо и не фигурирует по делу. Много вопросов возникает. Но вот не верю я, что бы тот не знал, для чего в Питере потребуется его должник. Почему обратились именно к нашему бизнесмену со столь необычной просьбой? Получается, что ЗНАЛИ о возможном стрелке «в его кармане»? Кто же этот местный «партнёр по бизнесу», который попросил о помощи, тем более такой не тривиальной? Следует вывод, что был задан вопрос по существу — есть ли у нашего москвича квалифицированный стрелок, которого тот мог бы вот так просто сдать? Предполагаю, что и финал был обговорён между ними. Я имею в виду однозначную гибель Косова. Согласен?

— Согласен. О мелочах операции тот мог и не знать, но то, что потребуется снайпер и его последующая ликвидация, — это уже навевает на мысли, что здесь могут быть задействованы ОЧЕНЬ влиятельные персоны. Также можно предположить, что на нас «денежный мешок», если он засомневался, просто могли надавили из-за «бугра». Насколько я владею информацией, основной капитал в акциях и ценных бумагах, а также на счетах в нескольких банках, у него именно в Штатах.

— Думаешь, узнав, что МЫ можем на него выйти, и сорвался в бега? Что ж, вполне вероятно. Ведь никто в тот момент не знал — жив твой друг или нет. А спустя пару дней его «срисовали», что он выкрутился из ловушки.

— Виктор Фёдорович. Игорь и сам почувствовал, что его «ведут». Я указал в отчёте. А также он попросил моей помощи в обеспечении безопасности его семьи. Какое Ваше мнение? Мне отправить туда пару сотрудников или же вопрос отпал сам собой?

— Сергей Павлович. То, что одного стрелка взяли, не исключает появления других. Разрешаю тебе задействовать людей для обеспечения безопасности как Косова, так и его семьи. Задействуй столько людей, сколько посчитаешь нужным. В данный момент он является нашим единственным свидетелем и потерять его мы не имеем права. А это понимают и с другой стороны. Поэтому лучше перестраховаться. Если будут возникать вопросы от других служб — отправляй их ко мне. Впрочем, не надо, я сам решу этот вопрос.

— Спасибо, Виктор Фёдорович.

— Да. Что у тебя с внучкой?

— Забрал Белый Катю и увёз куда-то в Карелию.

— За ними присматривают?

— Нет. Тот поставил жёсткое условие, и мы согласились.

— МЫ?

— Моя семья.

— Что ж. Решать вам. Сейчас иди, работай. Да, предупреди моего секретаря, что б он с полчаса меня ни с кем не соединял. Хочу подумать над этим — и генерал показал на папку,

принесённую Ярым.

У самой двери полковника остановила фраза генерала.

— Сергей Павлович. Хочу тебя порадовать, если можно так сказать. Подписан приказ о присвоении «Шприцу» звания подполковника. Знаю, что Вы друзья, поэтому предоставлю возможность тебе первому его поздравить. Информация стопроцентная. Рад?

Полковник улыбнулся.

— Конечно рад. Спасибо, товарищ генерал. Он и так переходил уже все сроки. Мы с ним вчера разговаривали, так он уже решил присмотреться к предложениям со стороны. Алексея, с его знаниями и опытом, буквально рвут на части, соблазняя невообразимыми «плюшками». Вот он и стал колебаться.

— Я бы не хотел, что бы Васильев ушёл от нас, но, сам понимаешь, пристегнуть его наручниками не могу. А вот на то, что уйдёт на пенсию полковникам, вполне может рассчитывать.

— Спасибо, товарищ генерал. С Вашего разрешения сейчас и забегу к нему, обрадую. Разрешите идти?

— Иди.

Ярый вышел, а генерал хмыкнул, представмы, что сейчас будет в отделе Васильева, а потом, отбросив лишние мысли, вновь, с самого начала, начал читать докладную полковника, то и дело посматривая на фотографии, которые там присутствовали, время от времени записывая что-то себе в блокнот.

2 дня назад.

Управление ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Начальник Управления проводил очередное совещание с руководителями подразделений и служб.

... - Товарищи офицеры. По задержанному в процессе покушения гражданина Сергеева, он же Эрмис, что есть нового?

Поднялся подполковник Игнашев.

— Товарищ генерал. Пока молчит. Следователи ему объявили предварительное обвинение по двум статьям — незаконное владение оружием и за покушение на убийство. По совокупности тот может сесть на срок до пятнадцати лет. Сергеев принял информацию спокойно, без нервов и паники.

— Александр Александрович. Сядь, пожалуйста, и говори с места. Это попрошу делать и всех остальным. То, что молчит, говорит о его нежелании сесть на ещё на больший срок. Ничего, посидит подольше, поймёт, что просто так не «соскочить». Адвокаты к нему приходили?

— Да. От представленного нами отказался, а тут явился известный всем Крылатов. От общения со следователем отказался, мотивировав своей занятостью. Пробыл у подозреваемого с полчаса, после чего убыл.

— Этот тот, о котором говорят «золотая бочка без дна»? — задал вопрос генерал.

— Так точно. Берёт немеряно за свои услуги, но и, надо отдать должное, отработывает гонорар.

— Что по документам Сергеева?

— Паспорт подлинный, выдан по месту прописки жены на замену испорченного. В

архивах нашли сданный документ, так же подлинный. Выдан в городе Выборг нашей области. Оттуда поступила подтверждающая информация. По диплому. Выдан в Политехническом институте. Все данные соответствуют. В архиве подняли зачётную книжку. Фотография идентична владельцу. Опросили его сокурсников по институту и прежней работы, показав фотографии — все подтверждают, что на них — именно тот Сергеев, с которым мы имеем дело.

— Двойник?

— Считаем, что так, товарищ генерал.

— И все приметы совпадают? Даже родимое пятно и отсутствие брови?

— Самое интересное, что его сокурсник убеждённо нам рассказывал, что Сергеев сжёг кислотой бровь чуть ли не в его присутствии на одном из лабораторных занятий по химии.

— Чудеса, да и только. Это что получается? Что, типа двух «братьев-близнецов», вели чуть ли не со школы? Или за нашим питерским наблюдали настолько постоянно и предметно, что и чеху сожгли бровь и родимое пятно каким-то образом организовали?

— Сложно сказать, товарищ генерал, но слишком уж много совпадений, это точно.

— Есть информация по оружию? Откуда у Сергеева пистолет и почему тот решился на стрельбу?

— А вот здесь чуть ли не детский сад. Как написал в объяснительной сам фигурант, оружие тот нашёл в том же дворе, где его и взяли. На вопрос, почему он решил выстрелить в человека, тот вообще заявил, что никого во дворе не было. Он зашёл туда, прошу прощения, пописать, поскольку его «прижало», а, найдя пистолет, решил его сдать в ближайшее отделение полиции. И буквально через несколько мгновений его скрутили неизвестные люди, отвезли и посадили в тюрьму.

— Складно получается. Весь из себя такой сознательный гражданин, — улыбнулся генерал. — А заявление он написал до или после посещения его адвокатом?

— До, товарищ генерал.

— Получается, что мы его незаконно схватили и тот вообще ни при делах, так? А он не потребовал для себя никакой награды за желание сдать найденный пистолет в полицию?

Все присутствующие в зале заулыбались.

— Нет, товарищ генерал. По сути, нам ему предъявить официально нечего. Если только пожурить и выпустить. НО... Телефон, с которого были сделаны звонки нашему свидетелю, принадлежит именно Сергееву. Сим-карта, правда, не та, но наши технари документально подтвердили, что IMEI телефона, с которого были сделаны звонки, тот же, что и был у Сергеева в момент задержания.

— Ну, хоть что-то. А вообще — глупый его прокол. Неужели другой телефон не мог использовать? — Генерал улыбнулся. — По второму «прокурору» что есть?

— Местные сотрудники ведут его плотно. Прослушка установлена с санкции в квартире, машине и у него на работе. Переписку, звонки с сотового также фиксируют. Для нас пока ничего интересного нет. Форсировать события пока не решили.

— Правильно. В любом случае тот проявит себя. Пока не будем спешить. Время есть. Александр Александрович, у вас есть что ещё добавить по существу?

— С супругой Сергеева побеседовали. У них жизнь самая обычная. В день его предполагаемого участия в акции, как сообщила жена, её муж рано ушёл из дома, сославшись на большой объём работы.

— Кстати. А почему тот не был на работе в тот день?

— Сергеев официально находился уже третий день на больничном с диагнозом ОРВИ.

— И жена не знала, что её муж болен?

— Судя по её ответам, она была уверена, что её супруг все эти дни находится на работе.

— Кто выписывал больничный?

— Сначала наш фигурант почувствовал себя плохо именно на рабочем месте и обратился в местный медпункт. Там у него была зафиксирована высокая температура и все сопутствующие симптомы — покраснение в носоглотке, насморк, кашель. Местный врач отправил его с работы домой. На следующий день Сергеев вызвал из поликлиники по месту жительства участкового врача и тот так же подтвердил диагноз. Все записи проверены. Соответствуют действительности. С участковым врачом также пообщались. Та, к удивлению наших сотрудников, запомнила пациента потому, у неё возникло подозрение на пневмонию и сама врач предложила госпитализацию, но больной отказался.

— Если симуляция, то на уровне хорошего актёра. Ещё что есть у вас?

— Никак нет, товарищ генерал. На этом у меня всё.

— Спасибо. Кто следующий?

— Разрешите, — руку приподнял полковник Серов.

— Давайте, Юрий Александрович.

— По минам, которые вчера изыали из указанного места. Все три однотипные, заводские. Вмешательства в конструкция не было выявлено. По маркировке, два года назад партия изделий была отправлена в Армению. Все внутренние номера партии совпадают. На запрос у наших армянских коллег выяснилось, что все три «монки» были использованы. Соответствующие записи в журналах и акты у них в наличии.

— Качественно использованы, — не удержался от реплики генерал.

— По остаткам радиоаппаратуры, найденной на месте. Конструкция, в принципе, не оригинальна. Встроенный аккумулятор, два датчика — инфракрасный и на движение. Датчики производства Франции. Остальные детали, которые сохранились — сборная «солянка» со всего мира. Конкретно определить страну изготовления прибора невозможно. Имея нужные детали, такое могли собрать где угодно. По нажимному датчику, который сохранился чуть лучше. Изделие, не поверите, наше. Самое примитивное. Такое вполне можно купить у нас на рынке «Юнона». Не содержит в себе никакой электроники — сплошная механика.

Последнее. Нам передали кусок того «матраса», с которым работала всеми уважаемая Тамара Викторовна из отдела подполковника Васильева — и он широко улыбнулся, заметив, как Алексей Викторович то и дело бросает взгляды на свои новенькие погоны.

— Да. Подполковник Васильев, прошу встать. — Генерал поднялся и оправил свой пиджак. — Товарищи офицеры. От Вашего лица и от себя лично хочу поздравить подполковника Васильева с присвоением очередного звания и пожелать ему здоровья и, конечно, дальнейшей плодотворной работы в нашем коллективе. Поздравляю Вас, Алексей Евгеньевич!

И генерал, подойдя к новоиспечённому подполковнику, пожал сначала ему руку, а потом и приобнял его.

Все офицеры тут же вскинулись со своих мест и каждый лично пожал руку своему радостному коллеге.

Генерал вернулся на своё место, посмотрел на улыбающихся офицеров и постучал

ручкой по столу.

— Так. Все успокоились и сели на свои места. Возможный сабантуй обговорите позже, после совещания, а сейчас продолжим. Юрий Александрович, пожалуйста.

— У меня ещё буквально пара слов. Тот материал, который к нам попал, не является таким уж секретом, хотя и не используется широко. Производитель, насколько известно, одна из американских фирм, основной деятельностью которой является аэрокосмическая тематика. Ранее в своих руках такой материал не держали и будет интересно с ним поработать. У меня всё, товарищ генерал.

— Ясно. Следующий.

Поднялся ещё один офицер.

— Ведущих сотрудников лаборатории А-3 взяли под охрану и сопровождение наше подразделение. На работу и обратно их доставляют по двое, исходя из мест проживания. В каждой машине есть наш оперативный сотрудник и водитель. Оба вооружены. При прохождении контрольных точек по маршруту старший даёт подтверждение на общий пульт. Отработали время прибытия на место оперативных групп из любой точки маршрута. Интервал — не более пяти минут. В самой лаборатории разместили сейфы и в конце рабочего дня все документы сдаются старшему смены с нашей стороны в опечатанном виде под роспись. Испорченные документы уничтожаются непосредственно в помещении лаборатории. Усилена охрана как внешнего периметра лаборатории, так и в целом самого предприятия. На этом всё, товарищ генерал....

--

Совещание продолжалось. Все необходимые меры были приняты, а защита лаборатории усилена не в два, а в три раза. Но генерала не покидало чувство, что они чего-то не учли. Вот, вроде и лежит на поверхности, но не понять что именно. Что нужно сделать и как перевести или отвлечь внимание множества разведок от деятельности лаборатории?

--

Совершенно неожиданно слово взял подполковник Васильев.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Слушаю, Алексей Евгеньевич.

— Я вот тут подумал, товарищ генерал, когда меня все поздравляли, на своём примере, так сказать, ощутил прямую связь болезни и симптомов или причин и их последствий.

— Алексей Евгеньевич. Можно Вас попросить объясняться на более понятном языке?

Подполковник немного стушевался.

— Простите. Я хотел предложить... Почему бы не сделать маленький такой «слив» информации о работах лаборатории А-3, где смешать правду с вымыслом и перевести акцент с чисто оборонного направления, скажем так, на разработки уникального материала для аэрокосмической области или, к примеру, для покрытия наших военных кораблей аналогами стэлс-технологий. Интерес у наших забугорных «друзей» останется, но такого накала уже не будет.

Генерал чуть не стукнул себе по лбу.

— «Вот то, что нужно. А под это дело можно и прессу подключить. Ведь в этой лаборатории и в самом деле параллельно разрабатывается покрытие», — а вслух спросил.

— Товарищ подполковник, а вы в курсе основных направлений работы в этой лаборатории?

— Нет, товарищ генерал. У меня нет такого уровня допуска. А я что, угадал?

— Алексей Евгеньевич. Вы не участник в передаче «Поле чудес», а я не Леонид Якубович.

— Простите, товарищ генерал.

— Нет, подполковник. Всё нормально и идея Ваша вполне интересна. Предлагаю аналитическому отделу рассмотреть эту тему и принять решение. Далее, для усиления эффекта, можем пригласить журналистов и провести для них экскурсию в лаборатории. Что Вы так на меня все посмотрели?

Я не предлагаю запускать туда чужих. Надо приготовить другую лабораторию, повесив вывеску с интересующей всех А-3. Засветим там одного-двух второстепенных лаборантов. А самого Игнашева придётся засветить. Как он выглядит и так уже все знают. Тем самым придадим опубликованной информации больше веса. Так что жду аналитической справки в течение двух дней. Разработайте только не один, а два-три различных варианта по тематике и степень интереса у зарубежных деятелей.

Теперь внимание. Сообщаю всем присутствующим, что я завтра вечером уезжаю в Москву. С приказом по Управлению сможете ознакомиться утром. За себя оставляю своего первого заместителя, полковника Ярого. Вопросы есть? Нет. Всё, товарищи. Совещание закончено.

--

Все приглашённые вышли, а генерал откинулся в кресле и улыбнулся. Потом сам себе тихо сказал.

— А «Шприц» молодец. Хоть и медик до кончиков ногтей, а соображает. Светлая голова у него на плечах. И фиг я его отпущу, — и генерал снова улыбнулся. — А Сергея Павловича о новом звании не буду сегодня информировать. Вот как вернусь, так и обрадую...

На следующее утро после отъезда Кати, Белый встал хоть и выспавшимся, но его тело было в ужасном состоянии. Кожа висела складками, лицо бледно-зелёное, под глазами тёмные мешки. Глянув на себя, Олег решил вообще убрать зеркальце куда-нибудь подальше хотя бы на пару дней. Видеть себя таким было не очень приятно.

Попытавшись сделав привычную зарядку, чуть не упал без сознания. Мышцы совсем не слушались. Немного постояв с закрытыми глазами, решил начать с самых азов — дыхания и медитации.

Просидев на берегу почти час, открыл глаза и понял, что самочувствие хоть немного, но улучшилось, а самое главное — безумно захотелось есть.

Оставив на потом работу с телом, кинулся в палатку доставать еду. Сделав, и буквально проглотив завтрак, вдвое больше, чем обычно, почувствовал, что немного стал меньше хотеть есть, но чувство голода не исчезло полностью.

Посмотрев на свои запасы, достал одну из привезённых дедом бутылок йогурта, которые производил местный молокозавод. Отвинтив крышку, за пару глотков опустошил бутылку. Ему много пришлось поехать по стране, попробовать разные молочные продукты, но самыми вкусными он считал именно «молочку» с местного завода. Ведь в том же йогурте, который он в полном смысле проглотил, почти не ощущая вкуса, было много ягод. Не вкусовых добавок, а именно настоящих ягод. Брусника, смородина, малина... Это были не давленные, а цельные ягоды, которые он раскусывал и получал от этого особое удовольствие.

— Что меня так заиклило на еде? — подумал Белый и сел на стул. — Понятно, что дедова настойка работает, но если я буду все эти дни так жрать, как сейчас, то могу и в лодку не поместиться. Шутка, конечно, но выходить из своих нормальных кондиций не следует. Контроль и только контроль.

Как бы ему не хотелось просто свалиться в кровать и дальше ничего не делать, Олег заставил себя побегать по острову минут двадцать, а потом, на уже согревшемся от солнца гранитном валуне, попытаться провести привычный для себя комплекс упражнений. Самое забавное, что бегая и растягивая мышцы, он совсем не ощущал съеденного ранее.

Закончив цикл, слабый, уставший и покрытый противным липким потом, спустился к воде и вылил на себя пару вёдер холодной воды из озера.

— Да, жаль что не лето, а то бы искупнулся...

Вода и в самом деле была холодной, не выше двенадцати градусов тепла.

— Так, теперь завтрак и можно сделать кофе, — пробормотал Олег и тут же себя тормознул. — Какой завтрак? Я час назад уже и так съел вдвое обычного. Ладно. Разрешаю себе съесть ОДИН вкусный бутерброд и кофе.

Улыбнувшись своим словам, вытираясь на ходу, пошёл к палатке.

Через час абсолютного безделья, достал из рюкзака планшет, решив проверить почту. За эти дни он к нему так и не притронулся. Вынув стул из палатки, сел и включил планшет. Зайдя в свой почтовый ящик, увидел около сотни сообщений. Быстро просмотрел. Отвечать на множество писем, в которых были вопросы родителей детей, желающих его увидеть и услышать, не стал. Он не мог сейчас планировать свою жизнь дольше, чем он здесь

находился. Сначала надо было прийти в нормальное состояние, а уже потом думать о перспективах и общении.

В другом почтовом ящике, который знал ограниченный круг людей, было около двух десятков писем от жены и дочери.

Прочёл всё и ответил каждой, сообщив, что телефон был случайно выключен, а с ним всё хорошо и он наслаждается внезапно выдавшимся отпуском. Ест, ловит рыбу и валяется на кровати. Почти сразу же пришли ответы от обеих со словами тревоги и заботы.

Олег улыбнулся и вновь заверил близких, что с ним всё в порядке и, скорее всего, вечером свяжется с ними по телефону.

Объектив камеры у него был давным-давно заклеен, поэтому Белый не боялся, что его физиономию в таком плачевном состоянии кто-то из родных увидит.

Посмотрел обзор новостей, вздохнул и выключил планшет. Снова навалилась усталость. Почувствовал, что общее состояние опять ухудшилось. Допил кофе и завалился спать.

--

Два часа сна и он вновь проснулся т чувства голода. Приготовив более чем полноценный обед, попутно съев незаметно для себя пару бутербродов, сел за стол и плотно поел.

— Да, ну и жрать... И куда только это всё помещается?

Посмотрел на пустую грязную посуду и, через силу, пошёл её мыть.

Вернувшись к палатке, убрав все продукты и чистую посуду по местам, вновь вышел и сел на стул, взяв планшет. Его мысли были о девочке. Сегодня он уже не так, как вчера, ощущал её отсутствие рядом, но мыслями то и дело возвращался к Кате.

После долгих поисков в архивах нужных файлов, обнаружив их, с облегчением выдохнул.

— Не удалил срланшета. И это хорошо. Теперь бы узнать у Виктории о наличие у них в доме компьютера или полноценного планшета и попробовать позаниматься с Катей дистанционно. Кстати, а умеет ли она читать и писать? В пять с половиной лет это далеко не все умеют. А если она не знает букв? Как тогда будет отвечать на вопросы? Задействовать ей маму? Уж очень не хотелось бы. Надо вечером позвонить и уточнить этот вопрос, а также узнать адрес её электронной почты. Предполагаю, что мама Кати, вероятно, скоро вновь выйдет на работу, коль девочка здорова, но и это надо уточнить. Что ни шаг, то вопрос... Позвонить сейчас? Вроде день. Не должен помешать.

Белый откинулся на спинку стула в размышлениях о системе и этапах процесса обучения Кати дистанционно. И чем больше он погружался в эту тему, тем менее складно всё получалось.

— Тьфу. Голова совсем не моя. Всё не так и не то. Понятно, что звонить надо и до разговора с Викторией планов обучения строить нельзя. Сейчас надо заняться другими делами. А начнём, пожалуй, с того, что меня заинтересовало более всего.

--

Олег вынул из кармана смартфон и набрал номер Виктора.

— Олечка привет, — мгновенно ответил тот.

— Здравствуй, мой друг. Прости, что дёргаю тебя на работе, но у меня достаточно необычная, можно сказать, просьба к тебе.

Виктор, услышав интонации в голосе друга, не стал дурачиться и нормальным голосом спросил.

— Я попробую выполнить твою просьбу, сколь она ни была необычной, как ты говоришь.

— Вить. Просьба заключается в следующем. Мне нужна информация по матери Виктории. Её девичья фамилия, полные её данные и, если возможно, адрес её жительства до момента выхода замуж за Ярого.

— Белый. Вопрос, как понимаю, не совсем обычный. Тут ты правильно заметил. Моя работа к таким данным прямого отношения не имеет, но попробую «пробить». Сегодня ответ не обещаю, хотя могу предположить, что тебе он нужен был вчера?

Олег улыбнулся.

— Ты угадал. Мне нужно понять — откуда у Кати дар. Более того. Как почувствовал, то и её мама имеет способности. Слабые, конечно, совершенно не развитые, но...

— Хм. Интересно. Ты думаешь, что у них передаётся по женской линии?

— Да. Вполне возможно. Другого я не вижу. Отец Кати — вполне не рядовой человек, но его способности не имеют к моему интересу никакого отношения. То же и с полковником. Он самый обычный, хотя многолетняя работа и выработала в нём навыки интуита. Более того скажу. Катя УЖЕ сейчас раза в три чувствительней деда.

— Ни фиги себе. Ты даёшь. Откуда такая информация?

— Вить. Она через закрытые глаза, и намотанное на лицо полотенце, смогла «увидеть» Русю. Хоть и не очень чётко, но лицо, волосы — описала правильно. А потом я Катю провёл через самый простой тест из десяти образов-вопросов.

— Это как со мной тогда? И сколько правильных ответов?

— Ты, на сколько я помню, ответил на два?

— Обижает, на три. Правда, потом сутки лез на стену от головной боли. А она?

— На восемь сразу. А на два после более тесного контакта. Хотя, и на те два вначале ответила общим описанием, только без деталей. И голова у неё не болела совершенно.

— Офигеть. Это что ж получается? Она смогла увидеть тебя?

— Она не только увидела картинки в моей голове, но и залезла чуть глубже, правда неосознано. Сейчас у неё эмоциональность преобладает над рациональностью. Надеюсь, скоро это сбалансируется, но меня, честно скажу, впечатлило.

— Ты её будешь показывать Панкрату?

— Через месяц придётся, если тот даст добро. Катю всё равно надо будет изолировать на пару дней, что бы я мог в нормальной обстановке привести ранее нарушенные болезнью органы в полное соответствие с нормой.

— Да, Олег. Свалил ты меня с ног своими новостями. А я-то дурачился с ней перед мамой.

— Вить. Зная тебя и твоё отношение к красивым девушкам, могу предполагать, что Катя смогла тобой манипулировать на подсознательном уровне.

— Ты думаешь, что это она? Не верю.

— Ну, это твоё право. Ладно, Вить. Поразмышляй на досуге о том, что произошло. Постарайся посмотреть на себя со стороны и проанализировать свои действия. А сейчас давай. Не буду более отвлекать. Жду твоего звонка.

— Огорошил ты меня. Ладно, давай, пока.

--

Закончив разговор, Белый собрался с духом и набрал номер человека, через которого поддерживал связь с дедом Панкратом.

На вызов долго не отвечали, а потом раздался раздражённый голос Андрея.

— Белый, ты оторвал меня от важной работы. Что тебе надо?

Олег, никогда ранее не слышав от этого человека такого тона, раздражения и даже неприязни, постарался ответить как можно дружелюбнее.

— Здравствуй, Андрей. Прости, но не хотел тебя отвлекать. Я же не вижу чем ты занят, поэтому ещё раз извиняюсь.

— Белый. А спросил — ЧТО ТЕБЕ НАДО?

Олег, почувствовав, что разговор не состоится в нормальном тоне, всё равно продолжил говорить нормально.

— Лично мне от тебя надо одно. Передай Панкрату, что та девочка, о которой он знает, сделала два шага по стезе. Даже, насколько я понял, уже третий завершает. Да. Ещё. Я её вылечил, но требуется коррекция.

В трубке было молчание.

— Андрей. Ты меня услышал?

— Услышал. Панкрат в ярости, что ты пошёл против его воли. Я его таким за полвека ни разу не видел. Он, когда узнал, что ты призвал предков, разнёс полдома.

— Я не собираюсь перед ним извиняться. Он не захотел помочь, когда я его попросил, а у меня же не оставалось выбора. Ехать в Вологду к Порфирию не мог. Не успел бы довести девочку. А если Панкрат будет и дальше продолжать беситься, передай, что дел с ним иметь не буду вообще и выберу себе другого ХРАНИТЕЛЯ. Как ты знаешь, я имею полное право так сделать и никто меня не осудит.

— Не круто ли ты берёшь на себя, Белый? Вспомни, чем обязан Панкрату.

— Я беру нОшу себе по силам, Андрей. А ты вспомни, в свою очередь, чем Панкрат обязан МНЕ? Почему об этом постоянно забывается, а? Я уж не говорю об обычных делах которые по жизни совершаю по его просьбам постоянно, а Панкрата я сам, своими руками, дважды возвращал. Или он об этом ТОЖЕ ЗАБЫЛ?

— Белый. Не стоит вспоминать такое. Ты был обязан...

— Да НЕ БЫЛ я обязан. Это Вы для себя сами почему-то решили, что я всем Вам всегда обязан. Знаешь, давай закончим этот разговор. Передай мои слова Панкрату, а дальше как он захочет. Если через две недели от тебя не будет звонка с подтверждением, что меня с девочкой ждут на заимке, я поступлю так, как посчитаю нужным. Ясно?

И Олег, не выслушав ответа, прервал разговор.

--

Его душило от гнева на несправедливость в этой ситуации. Белый и в самом деле начал понимать, что местный ХРАНИТЕЛЬ, дед Панкрат, просто боится потерять свою власть над регионом. А если это подтвердится, то сам Белый вправе созвать Совет ХРАНИТЕЛЕЙ после которого Панкрату, скорее всего, придётся уйти. Жёстко? Да, но другого выхода он не видел. В последнее время дед стал намного меньше заниматься своими прямыми обязанностями, а на землю региона всё больше и глубже забиралась запредельная нечисть. В его Круге начинали болеть животные, а их численность стала сокращаться. И такое впечатление, что ХРАНИТЕЛЬ это не видел и не чувствовал, а это плохой знак. Ведь во все времена случались такое, когда ХРАНИТЕЛЬ уходил в себя, занимаясь только самопознанием и развитием собственного Я и, в лучшем случае, своим домом.

Снять ХРАНИТЕЛЯ с места, с Круга, где он был полновластным хозяином, могли только или общий Совет ХРАНИТЕЛЕЙ или СУДЬЯ, которого у них, к сожалению, не было.

уже много лет.

Белого бросило в дрожь от этой мысли. А если Совет призовет Катю, как претендента для решения этого вопроса? Сможет ли она вынести тот приговор, который будет истинным? Или её чувства будут преобладать над разумом. Ведь возрастного ценза у СУДЕЙ не бывает для вступления в свои обязанности. А насколько Олег помнил из истории, самым юным был Всеволод, который стал СУДЬЕЙ в семь лет. Правда, и прожил на свете всего двадцать...

--

Бросив на траву смартфон и планшет, Олег встал со стула и пошёл на берег. Начал нервно ходить, размышляя, как следует поступить дальше. Ведь от того, насколько будут верными его действия, будет зависеть жизнь многих людей, да и не только людей, на окружающей его земле.

--

Взглянув на небо, заметил, что весь горизонт затянут тучами и на остров накатывается первая в этом году гроза. И, судя по зарницам, та будет мощной.

Отбросив все мысли, побежал убирать в палатку все вещи и то, что может намочнуть. Поленицу с дровами закрыл толстой плёнкой, набрал в два складных ведра воды из озера. Закрыв тентом лодку и еле успел забежать в палатку, как по ней застучали первые крупные капли дождя.

— Ну вот. Теперь всё, что остаётся, то это спать и есть, есть и спать, — хмыкнул Белый и, открыв свой спальный отсек, завалился на кровать под первые раскаты грома от накатившей на остров грозы.

— Благо, что еды много, что почитать тоже есть, да и с процессом обучения Кати надо разобраться в спокойной обстановке, не бегая по острову как сумасшедший. Да и вообще. У меня какая цель? Восстановиться и прийти в себя. Этим и займусь.

И Белый, совершенно не заметив, провалился в глубокий сон под шум ливня, раскаты грома и расчерки молний в потемневшем небе.

* * *

— Мам, давай позвоним дяде Белому... Мам, а когда мы позвоним?... Мама, а ещё не вечер?... Мамочка, я волнуюсь. Давай позвоним?... Мама. Посмотри, что на улице делается. Ветер сильный, гром гремит. А дядя Белый там, в маленьком домике, совсем один. Давай ему позвоним... Мама, уже вечер скоро. Смотри — на улице уже темно. Давай позвоним?...

Буквально с самого утра Катя ходила за мамой «хвостиком» и канючила весь день одно и то же. Даже когда они поехали в больницу делать сначала УЗИ, а потом МРТ, она через каждые полчаса дёргала её за рукав, прося позвонить дяде Белому. Сначала мама с улыбкой отнекивалась, а ближе к вечеру Катино состояние нервозности передалось и ей.

В самом деле. Здесь, в городе, в капитальном доме, и то было страшно от близкого сверкания молний и громохання, от которого даже стёкла дрожали. А как там он? В маленькой палатке, вдали от людей на крохотном клочке земли, вокруг которого на километры вода?

--

Они сегодня прошли много врачей, от хирурга до гинеколога. Все разводили руками, показывая маме снимки, на которых не было и следа от страшной опухоли. Виктория сама

себе не хотела сознаться, что шла к врачам с чувством страха. Позже, после первых снимков, когда уже сами медики тщательно крутили девочку и пытались найти хоть какие-то следы от операционного вмешательства, потом садились в свои кресла и удивлённо замолкали, она и поверила в чудо.

Собрав целую папку заключений и снимков, Виктория с уставшей Катей вернулись домой. Пообедали и... дочь снова стала приставать к маме с просьбой позвонить.

Вика смотрела на своего ребёнка и в голове у неё появилась мысль, что Катя просто-напросто влюбилась. Но ей же не пятнадцать лет, а всего-то чуть более пяти. Как ей тихонько шепнул психолог — «так бывает, когда пациенты влюбляются в своих лечащих врачей. Потом, правда, это быстро проходит. Буквально через неделю».

Но у Кати, а мама это чувствовала, была не просто влюблённость, а какой-то фанатизм в глазах. Немного понаблюдав за дочерью, она всё же отмела эту мысль и поняла, что Катя просто-напросто очень скучает по Белому, а когда началась гроза — стала за того беспокоиться, а в последний час у неё вообще началась тихая паника.

Виктория даже немного приревновала Белого. Ведь её дочурка никогда так не беспокоилась ни о ком в семье. Что странно в её годы, но девочка ни разу не попросила подарить ей никакого животного. Ни кошку, ни собаку, ни кролика. Она была абсолютно равнодушна в этом вопросе. Да, когда они приходили в гости к подруге Виктории, у которой была кошка, Катя гладила ту, играла, но особых чувств никогда не проявляла. Это замечали и все другие члены семьи. Дима, правда, был похож в отношении к животным на Катю. Зато её папа часто рассказывал, что у него в детстве были и кошки и собаки и аквариум с рыбками. Это позже, когда стало меньше времени для домашних забот, он не стал заводить новых любимцев.

И тут вдруг такая привязанность. Странно. Как будто этот Белый приворожил ребёнка к себе.

--

Виктория, глянув на часы, не выдержала и набрала Белого, номер которого у неё остался в телефоне после вчерашнего звонка. Не успела открыть рот, как её опередили.

— Добрый вечер, Виктория. Что, Солнышко не даёт покоя?

— Здравствуйте, Белый. Да, измучала меня сегодня своими просьбами. Позвони да позвони. Почти как проснулась, так и пристала как репей.

— Так и позвонили бы, зачем мучать ребёнка? — и Виктория услышала смех в трубке.

— Белый. Вы что, приворожили её?

В трубке раздался вместо ответа откровенный хохот и Вика поняла, что ляпнула что-то совсем не то, и тоже улыбнулась.

— Нет, Виктория, Вы ошиблись. Просто девочка за эти дни очень привыкла ко мне. Да и я, честно говоря, тоже привык. Она такая чудная. Сегодня утром проснулся и первым делом заглянул в её спальню, где она жила. И только потом до меня дошло, что она уже рядом с Вами и спит дома в привычной ей кровати.

— Катя рассказала немного, что Вы относились к ней, как к своей дочери.

— Вика. Я, к своему стыду, признаюсь, что к Кате я относился намного лучше.

— Но так не может быть. Ваша родная дочь и чужой ребёнок?

— А почему Вы думаете, что она мне чужая?

Виктория впала в ступор и даже не смогла сразу возразить.

— Какая родная? Простите, но я знаю точно, кто у Кати является отцом.

На эту фразу из телефона опять донёлся весёлый хохот Белого.

— Вика. Простите меня за такие слова, которые Вы поняли дословно. Я не являюсь биологическим отцом Кати. И в этом нет ни малейших сомнений. Выдохните. И успокойтесь. Я к вам прикоснулся всего один раз и то, впервые, шесть дней назад. От этого дети, как Вы знаете, не появляются. Тем более, сразу в таком возрасте, — и Олег снова захохотал.

Через некоторое время, чуть успокоившись, спросил у улыбающейся Вики.

— Вы сейчас улыбаетесь и это хорошо.

— Белый, у меня такое чувство, что Вы наблюдаете за мной. Видите меня, ощущаете. Ведь такого не может быть. Мы же с Вами практически незнакомы. Виделись однажды и то, буквально десять минут.

— Спасибо за добрые слова, но пробыв пять дней постоянно рядом с Катей, я понял, что её мама такая же добрая, отзывчивая, как и она сама. А «читать» Вас на расстоянии в двести с лишним километров, я, увы, не в силах.

— А если бы Вы были рядом? Смогли бы?

— Вероятней всего да, чем нет.

— И Вам не страшно так жить? Чувствовать всех и понимать их?

— А я всех и не чувствую. Ставлю перед собой стенку и живу, если можно так сказать, «за высоким забором», совершенно спокойно. Я не вторгаюсь в чужую жизнь, и ко мне все не лезут. Да. Простите меня за пару нетактичных вопросов. Хотя, за один. То, что Вы сегодня с утра по настоянию Вашего отца обошли всех врачей, начиная от генеколога и до психиатра, уж не упоминая хирургов, я понимаю. Чужой человек, которому Вы вправе могли не доверять, заявляет, что сделал то, за что не брались самые опытные хирурги. Вы хотели убедиться в правдивости моих слов и убедились. ТАК?

Голос Белого звучал непривычно резко и холодно.

Виктория смутилась, как будто чувствовала себя виновной и тихо ответила.

— Да. Вы правы. Отец настоял, что бы всё подтвердили врачи.

— И они подтвердили?

— Да, — ещё тише ответила Вика.

Ей было немного стыдно перед Белым, что она не поверила его словам и поддалась настоянию отца.

— Виктория. Вы сделали то, что на вашем месте делают практически сто процентов родителей моих пациентов. И в этом винить Вас не могу. Вполне оправдано. Как-то получается, что тем, кто ничего не может сделать сам, своими руками, доверяют больше, чем тем, кто делает дело, а не разводит потом руки от удивления. Да ладно. Я уже привык к этому. За всю практику, если честно, к врачам, после моего вмешательства, не обратились только двое. И то, не могу быть уверен в этом полностью. Да, простите, я опять заболтался. Мой вопрос-просьба заключается в следующем. Не могли бы Вы сообщить мне девичью фамилию, имя и отчество своей мамы. И ещё. Если Вы, конечно, знаете из её — дайте немного информации о её родителях, годах жизни и места рождения и жительства.

— По маме, конечно, мне нечего скрывать и я вам скажу...

— Виктория. Простите, что перебил. У Вас наверняка в доме есть компьютер или планшет. Да?

— Конечно, есть. И то и другое.

— Тогда к Вам просьба. Сбросьте мне на телефон Ваш электронный адрес, и я чуть позже свяжусь с вами. Это будет проще и оперативнее, чем по телефону. Это, надеюсь, не секретная информация? Я прошу именно ВАШ адрес.

— Нет проблем. Вышлю то, что Вы просите.

— Тогда позже, пожалуйста, сбросьте мне в письме всё о Вашей маме. Что бы Вы увидели другие мои письма, и не кинули в корзину, заголовок будет очень известным для Вас — «Солнышко».

--

— И я тебя люблю, дядя, и очень-очень скучаю, — всхлипнула прямо над ухом матери дочь. Вика даже и не услышала, как та подобралась к ней и, судя по всему, слушала весь разговор чуть ли не с самого начала.

— Котёнок мой хороший. Нежная ты девочка. И я скучаю без тебя, — грустный голос донёсся из трубки. — Хоть мы и были вместе так недолго по времени, но ты стала мне очень-очень близка, Солнышок. Я тоже скучаю.

Катя прижалась ухом к трубке, что бы лучше слышать этот ставший родным для неё голос.

— А ты когда вернёшься? Когда мы увидимся? Ты же обещал сводить меня в мороженицу. Помнишь?

— Катюнь. Вспомни мои слова. Давай вместе. Если я обещаю, то я...

И Катин голос присоединился к голосу Белого...

— Всегда выполняю свои обещания! — и раздался смех.

— Вот так-то лучше. А раз я тебе обещал, — продолжил Белый, — что через неделю вернусь в город и приглашу свою зеленоглазую подругу в мороженицу, то выполню это. А та девочка сама выберет себе то, что захочет. Никаких ограничений. Точнее, ограничение будет одно — по количеству съеденного. А то превратится эта девочка в шарик и улетит куда-нибудь.

И опять с двух сторон телефона раздался смех.

--

Вика вновь почувствовала, что между её дочерью и Белым есть что-то такое, что словами просто не объяснить. Они словно всю жизнь жили рядом и понимали друг друга так, как не понимают даже родители своих детей.

Отдав Кате телефон, что бы она смогла поболтать, сама пошла на кухню сварить себе кофе, и привести немного свои чувства в равновесие. Посидев в одиночестве, вернувшись в комнату, слыша постоянно смех дочери и хохот. Её это и радовало и настораживало. Ну никак не могла она поверить, что вот так, всего за ПЯТЬ дней, её дочь можно вылечить и привязать к себе настолько, что та изменится. И далеко не в худшую сторону. Ведь сегодня первым делом, когда Катя встала с кровати, она её тщательно застелила. Потом убрала все игрушки с пола и сложила в шкаф. У мамы сложилось такое впечатление, что девочке игрушки больше вообще не понадобятся никогда. А потом... Катя сходила на кухню, намочила тряпку и тщательно протёрла весь пол мокрой тряпкой, а позже, взяв из туалета упаковку с влажными салфетками, протёрла всю мебель в своей комнате. И только потом пошла умываться. Виктория с изумлением смотрела на дочь, как та занимается уборкой у себя, даже без напоминания и просьбы старших. Лицо у неё в то время было сосредоточенным и серьёзным. Если сказать, что Вика была в шоке, это ничего не сказать...

--

Сев рядом с Катей, Виктория приложила ухо с другой стороны трубки. Девочка совершенно не отреагировала на маму — она вновь была там, на острове, рядом с Белым.

Спустя пару минут беззаботной болтовни, Белый вдруг сказал.

— Солнышконок. Я чувствую, как к разговору присоединилась твоя мама, да?

Катя, на секунду отняв телефон от уха, посмотрела на маму, как будто только что её увидела.

— Да, дядь. Она рядом. Подслушивает, — и захихикала.

— Ну, коль ты говоришь, что она нас подслушивает, тогда я Вам обеим задам несколько вопросов. Они больше к твоей маме, но если ты сама сможешь ответить, то отвечай. Вопрос такой. Катя умеет читать?

На это девочка, ни секунды не задумываясь, ответила.

— Умею. Книжки уже сама давно себе читаю. Ну-у-у... если ленюсь иногда, то маму прошу почитать.

— Леня — это плохо, — с осуждением произнёс Белый. — Хотя... и я сам иногда ленюсь.

И опять все засмеялись.

— Катя. А ты с компьютером знакома или с планшетом, которые у вас есть дома?

Здесь уже Виктория взяла разговор в свои руки.

— Белый. Когда Кате было чуть меньше четырёх лет, мы однажды увидели, что она в своей комнате под одеялом смотрит на планшете мультики. Вы понимаете? Она сама включила, нашла эти мультики в сети и стала смотреть!!!

— Дитя времени, Виктория. Современные дети быстрее овладевают навыками работы с гаджетами, чем грамотой. Увы, против этого не пойти. Что ж. Если Катя умеет читать, знает алфавит, умеет обращаться с планшетом, то это намного облегчит мою задачу. А заключаться она будет в следующем. Я Кате сброшу несколько чисто визуальных картинок. Её задача — смотреть на экран и нажимать в нужное время на один из предложенных ответов. Например. На картинке будет корова. А в ответах — бегемот, корова, слон. Виктория, не удивляйтесь, на первый взгляд, такому примитиву. Думаю, что и вы сразу не сможете правильно ответить на те вопросы-тесты, которая Катя, скорее всего, будет щёлкать как белка орешки.

— Простите, Белый, но зачем ЭТО Кате?

— Это Вы, простите, Виктория, но вспомните первый сон, который Вам рассказала Ваша дочь. Вспомните первый разговор по телефону. Катя — необычный ребёнок. Более того. Не хочу Вас пугать, но она так же отличается от всех её сверстников, да и не только, как современный человек от питекантропа. И чем она будет старше, тем эта разница будет ярче. Внешне она не изменится, но внутренне она уже сейчас совсем другая.

— Белый. ЧТО ВЫ С НЕЙ СДЕЛАЛИ? — чуть не крикнула во весь голос Виктория.

— Вика. Я с ней НИЧЕГО не делал, кроме как убрал опухоль и причину заболевания. Вспомните Катю, когда она была в семье ДО знакомства со мной. Согласитесь, что у ОБЫЧНОГО ребёнка ВДРУГ не появляется во сне в ручке медвежья шерсть. И она не гуляет со своим дедом ночью ВМЕСТЕ по лесу.

Виктория с недоверием, и где-то с ужасом, смотрела на свою дочь, а та, с улыбкой провела своей ручкой по маминой щеке, ненадолго задержав её на подбородке у мамы и тихо

сказала.

— Мама, я твоя дочка. Я та же, что и была раньше. Только я теперь здорова и немного сильнее, — и она показала на свой лобик. — И я очень люблю тебя, мамочка.

Виктория разрыдалась и прижала к себе тельце дочки. Поплакав дружно в два носика, они поняли, что Белый до сих пор на связи.

— Извините, пожалуйста. Мы немного отвлеклись, — всхлипывая, сказала в трубку Вика.

— Я понимаю, — тихо ответил Белый. — Я сам прошёл через непонимание родителей. Через осуждение и неприязнь, но, увы, таков путь немногих из нас, кто уже сейчас впереди других. Поверьте, Вика, что дети, которые будут рождаться через полгода-год, будут иные. У них будут более развиты совсем другие чувства, чем у тех, кто живёт сейчас. Они станут более восприимчивы. Ментально намного сильнее. Я не хочу сказать, что будут сплошные телепаты, которые смогу общаться без слов, но... и таких будет немало. Наша жизнь, наша природа создаёт новых людей, которые должны соответствовать времени и периоду жизни нашей земли. Сама наша матушка Земля создаёт себе защитников, которые смогу почувствовать её боль, страдания от того, что с ней творят люди. И эти, ДРУГИЕ люди, встанут на защиту своей земли, хотите Вы этого или нет. А что касается Кати, то, запретив ей развиваться сейчас, добьётесь лишь обратного результата. Просто она, в более поздний срок, всё равно добьётся своего. Разве что с испорченной психикой и нерной системой. Да и общее здоровье у неё ухудшится. Вы должны это понять и решить для себя — хотите ВЫ, ЛИЧНО, видеть счастливого ребёнка рядом с собой сейчас в данный момент, или, чути позже, наблюдать за озлобленным зверёнком.

— Белый. Вы, такое впечатление, ставите мне ультиматум?

— Ни в коем случае, Виктория. Я повторяюсь. Катя — особенная девочка. Поймите это. Если Вы любите её и хотите добра — попытайтесь выйти за рамки обычного своего восприятия. И тогда у Вас всё будет хорошо. А вообще... ВЫ — мама ребёнка и ВАМ решать её судьбу. Правда, оговорюсь, до её совершеннолетия, а может и ранее. Поверьте. Я НЕ БУДУ ВМЕШИВАТЬСЯ В ЖИЗНЬ КАТИ и, тем более, в жизнь Вашей семьи. А сейчас извините, передайте, пожалуйста, телефон Кате. Я с ней попрощаюсь и оставлю Вас в покое. Если Вы всё же согласитесь с моими доводами и решите дальше развивать свою дочь — сообщите мне на телефон смс-ской.

--

Виктория в последних фразах Белого услышала столько холода и жёсткого тона, что буквально сунула телефон в руки Кате и отодвинулась от неё.

Катя же, с улыбкой выслушав что-то от Белого, довольно спокойно попрощалась с ним, чмокнув в трубку и нажала символ завершения разговора.

Положив телефон с собой рядом на диван, спокойно посмотрела на маму и спросила.

— Мама, может быть мы поговорим? Если ты не можешь или не хочешь сейчас, то давай или позже или завтра. И прошу. Прошу лично Я, не Белый, — не надо об ЭТОМ рассказывать ни папе, ни деду. Если ты это сделаешь, ничего доброго в нашей семье не будет. Я тебя прошу.

Виктория смотрела на дочь и не узнавала её. С ней говорил совершенно ВЗРОСЛЫЙ человек, а не её пятилетняя дочь.

— Мама. Если ты думаешь, что я это не я, то ты ошибаешься. Но той девочки, которая перенесла столько боли и страданий, столько ужаса в свои годы, уже нет. Я не хочу снова

заболеть и вновь испытать то, отчего смогла избавиться. И если бы не Ол...не Белый, я бы умерла. Я это точно знаю. Хочу тебе ещё сказать. Дядя спас меня ценой своей жизни. И просто чудо, что он остался живым. Поэтому сейчас он ТАМ, а я здесь, с тобой. Если ЭТИ слова тебя не убедят, то мне просто ничего не останется, как ждать того момента, когда смогу стать самостоятельной. И пожалуйста. Давай к этому разговору больше не возвращаться. ТВОЙ выбор я приму, но СВОЙ уже сделала. Сделала тогда, когда умирал у меня на руках дядя, и я поняла, что жить за счёт других не смогу. А сейчас извини, мама, я очень устала. Пойду к себе, полежу.

После этих слов. Катя слезла с дивана, поцеловала маму в щёку и ушла к себе, плотно закрыв дверь.

--

Виктория сидела на диване потерянная, ошарашенная тем, что на неё свалось. Она и представить себе не могла того, что услышит от дочери. Кроме растерянности ничего не ощущала. Посидев немного, встала и, словно во сне, пошла к себе в комнату. Легла. Попыталась забыться, а в её голове всё крутились и крутились слова, сказанные Белым каким-то металлическим голосом. Словно это не человек говорил, а какая-то бездушная машина...

--

Очнувшись от дремоты или, точнее, какого-то кошмара, в котором она пребывала, Виктория села на кровати, закрыв лицо руками и, спучтя время, пришла к выводу, что у неё не так и много вариантов. И, как любящая мать, почти не сомневалась в том, что будет делать всё, что бы её дочка, её малышка, была счастлива. Ведь за свои годики она и так перенесла столько, что не каждый взрослый выдержит.

Окончательно решив, встала с кровати, посмотрела на себя в зеркало и пошла в комнату дочери. Постучала и, дождавшись разрешения, вошла. Катя сидела на подушке посреди кровати с совершенно отрешённым лицом, словно ждала приговор от мамы.

— Катенька, Солнышко. Я подумала, и решила, что твой дядя прав. Тебя нельзя прятать в самые тёмные комнаты. Я люблю тебя, маленькая, и ты это знаешь. Поэтому я сделаю всё, что бы ты была счастлива.

С каждым словом мамы личико ребёнка разглаживалось, на её щёчках появился румянец, она стала улыбаться и, с последними словами мамы, она, взвигнув, бросилась ей на шею.

— Мамочка, моя мамочка. Роднулечка. Я очень люблю тебя.

И Виктория ощутила, что ТА Катя к ней вернулась...

На острове бушевала гроза, и ветер поднялся до такой силы, что Олегу пришлось, одев водонепромокаемый костюм, вылезать наружу и дополнительно ставить растяжки, что бы палатку просто не снесло. Потом, аккуратно спустившись по мокрым камням к воде, вытаскивать лодку на берег.

Он выполнял эти работы, а в голове всё крутился разговор с Викторией. Белый до конца не верил, что ему удалось убедить маму Кати в необходимости дальнейшего развития ребёнка, хотя и была надежда на благополучный исход, но и сомнений было достаточно.

Вернувшись в свой домик, переоделся, включил подвесную лампу. Вечер ещё не наступил, но в палатке, из-за непогоды, было темно. Начал готовить ужин, а процесс приготовления пищи его всегда успокаивал, выметая лишние мысли из головы. Потянулся и включил небольшой радиоприёмник, настроенный на его любимую волну, где круглые сутки звучала спокойная музыка.

--

Олег не боялся, что разряд молнии выведет из строя все его радиоэлектронные приборы. Он знал, что кто-то много лет назад какой-то неизвестный человек к верхушке самой высокой сосны на острове, прикрепил самый настоящий громоотвод, протянул железные пластины вдоль ствола и забил в землю толстенный металлический штырь. Белый однажды сам испытал на себе, что это приспособление сработало на все сто процентов. Он тогда только немного оглох от близкого грохота, но ничего из его аппаратуры не вышло из строя. Позже, подойдя к той сосне, он заметил, что железный штырь наверху почернел, но своё предназначение выполнил.

--

Закончив ужинать, залил грязную посуду водой, решив её помыть утром, а не вылезать сейчас под ливень. Залез в спальник с целью посмотреть те программы, которые могли помочь в развитии Кати. Не успел поудобнее устроиться, как затрещала рация, которую ему оставил Дмитрий Михайлович. Вновь вылез из тёплого спальника, взял рацию, нажал тангетку ответа, но кроме треска ничего не услышал. Достал смартфон и набрал деда.

— Деда, ты чего?

— Привет, Олежка. Ты как там живой, тебя не унесло?

— Да вроде пока живой, — ответил Белый.

— А у нас просто страх какой. Крыши с нескольких домов сорвало, а деревья повалило...

— Не. Здесь хоть и гремит, но я с час назад вылезал наружу, что б растяжки дополнительные поставить, так видел, что основная гроза мимо прошла, так что всё в порядке. Ливень только сильный. Такой поток льёт, что завтра будет сложно по острову ходить.

— А по рации чего не ответил? Я тебя минут десять вызывал.

— Деда. Был один вызов. Я сразу ответил, но ничего кроме треска не услышал. Она и сейчас рядом со мной. Так, на всякий случай.

— Ну и славно, если всё в порядке. Ты кушай самое главное и поправляйся, а на МОЮ особо не налегай, а то потом тяжело будет отвыкать.

— Не. Я её по чайной ложечке два раза в день. Наслаждаюсь.

Дед довольно хмыкнул и, чуть замявшись, спросил.

— Слушай, а ты не мог бы посмотреть на одно чудо лесное, когда вернёшься?

— Деда! Опять кого подобрал в лесу? Тебе своих в доме мало?

— Понимаешь, мне через Антипа местный хозяин передал просьбу позаботиться о малыше. А я не смог отказать. Час назад как вернулся.

— Постой. Насколько я помню, то Антип — это твой домовой?

— Ну да. Мы с ним сжились. Не злобливый и ответственный. У нас в городе всего два таких. Сам же знаешь, они камень не любят. Поэтому...

— А с местным Хозяином ты как, в ладах?

— Ровно. В дела друг друга не вмешиваемся, да и не помогаем явно, хоть и делаем одно общее дело. Такую просьбу, как сегодня, впервые от него передали.

— Деда. Как ты понимаешь, я в ТВОИ дела вмешиваться не могу, да и не хочу. Если ты отвечаешь за свои слова, а я в этом уверен, то и хорошо. Если Хозяин ответственный, порядок. Скажи только — заступишься за него в случае чего?

— Он старый уже, а смены нет. Вот и попросил о помощи. А вообще знаю его давно. Людей не привечает, но и откровенно не измывается. Так, похулиганит немного и всё, правда, по делу. А если за него надо будет заступиться — сомневаться не буду, слово скажу.

— Хорошо. И что ж за найдёныш такой?

— Да медвежонок месяцев трёх отроду. Мамка его лежала рядом с перебитыми задними лапами. По-моему и позвоночник пострадал. Как понял, дерево на неё упало, когда она своего кормила, вот мамка из последних сил и вытащила малыша почти на дорогу. Как чувствовала, что подберут. Когда я приехал, она уже отошла.

— Грустно. Их и так у нас осталось мало, а тут ещё одна потеря. И как решил поступить?

— Как как? Не знаю как. Отдавать в приют страшно. Вдруг не выполнят данное мне слово и сбегут или в ширк или, ещё хуже, кому-нибудь в руки. А потом... Не хочу даже думать... В город вести опасно. А у нас, как ты знаешь, только один приют. Пока думаю. Тебя хочу попросить взглянуть на малыша. Может почувствуешь его, да и здоровье помотришь.

— Дмитрий Михайлович, деда. Ты просишь о том, что сам можешь сделать. Или я что-то не понял?

— Олег. Я не могу «пробиться» к малышу. У него как будто блокировка стоит, понимаешь? Да и мы с тобой несколько разные. У тебя мягкий подход, а у меня... Он просто не «пускает» меня и рычит.

— Дед. Я сейчас в таком состоянии, что и себя, если честно, плохо чувствую, а ты предлагаешь мне мишку посмотреть? Давай так. Приеду и взгляну. Если что у меня получится, хорошо, а нет — не сердчай. Твоё дело сейчас — правильно пристроить найдёныша. У тебя ведь зарплата и так мизерная, а этот зверь ест много, так что даже не думай оставлять.

— А я не могу сейчас даже выходить во двор. Он лежит в уголке вольера, там, где тряпки накиданы, и тихонько плачет. Как маленькое дитя. А у меня сердце кровью обливается. Когда забрал и вёз — тот лежал, свернувшись и тихо сопел, а как занёс в вольер, тот, походив вокруг, стал на всех рычать. Со стороны смешно, конечно, но зубки у него уже те.

— Кормили?

— Молока налили, каши положили. Ему сейчас особо грубого и есть-то нельзя. Сам худой, да и мамка его была худущая.

Олега словно ударило током.

— Дмитрий Михайлович. А ты проверял его на ОБОРОТ?

— Ой, Белый. Всё Вашей братии кажется, что не звери вокруг, а нечисть или перевёртыши. Отвечу тебе честно. Проверял. Дважды. Нормальный зверь. Ни белый ни чёрный.

— Спасибо, что сделал то, что должен был. Слушай, деда, а не хочешь на заимку к Кондрату его отвезти? У того сейчас такой же бегаёт. Будет пара.

— Олег. Если бы ты задал этот вопрос год назад, я бы однозначно ответил тебе согласием, а на сегодня... не решаюсь, если откровенно говорить.

— Даже так?

— Да. И не только ты этому виной. Много всякого в последнее время делается не так, как должно.

— Ты думаешь, пора созывать Совет?

— Я, Олег, ничего не думаю. Как ты сам знаешь, я добровольно снял с себя обязанность ХРАНИТЕЛЯ и вышел из Совета. Поэтому не имею никакого права отвечать тебе на твой вопрос, извини. Это решать Вам.

— Деда, но сила же у тебя есть, и не малая. Не спрашиваю, почему ты ушел, ведь ты мне так и не ответил на этот вопрос, но ты же сам знаешь, насколько даже за последний год у нас стало хуже. Если Я попрошу тебя, уже не говоря об остальных, ты вернёшься?

После длительного молчания Дмитрий Михайлович тихо ответил.

— Нет, мой хороший. Не смогу я опять. То, что предстоит — забота молодых, а не стариков. Там нужны ТАКИЕ силы, которых у меня, к сожалению, уже нет. Прости меня, мой мальчик. Ты мне близок и дорог, но всё равно отвечу отказом. Помочь новому ХРАНИТЕЛЮ, если таков будет, помогу, но не более.

— Расстроил ты меня, деда. Надеялся, если честно.

— Если возник такой вопрос — есть у меня ученик двадцати годов. Умный и спокойный. Теорию я дал, и он знает не менее моего, а вот практики... Он лес и зверей чувствует, понимает, а вот «разговоривать» пока не может. ШАГ сделал и остановился. Ему инициация нужна. А главное — у него равновесия нет, а ты, Олег, сам знаешь, что ХРАНИТЕЛЕМ без этого не стать. Парень сейчас как Чапай из фильма — шашку наголо и вперёд, крушить врагов, да я и не просто так говорю — имеет уже на счету три твари. Сам пострадал, но их одолел без моей помощи. И не подставные те были, а случайно забредшие к нам, так что вот тебе задача — устроить такое, что б у моего ученика все мозги в кучку собрались. А парень он хороший. Не подведёт.

— Деда, ты садист. У меня самого мозги в раскоряку. Не знаю, за что хвататься в первую очередь. Надо самому прийти в норму, Катю загрузить самым необходимым, да и других дел полно. А ты мне ученика своего подсовываешь Спасибочки тебе за такой «подарок». Не знаю, помогу тебе или нет, но твою просьбу положу на «полочку».

— Спасибо, сынок. Поверь, плохого я тебе не предложил бы.

— Верю, деда. Плохие люди от тебя сами бегут сломя голову. Не уговорил ты меня, но подумаю.

— Ну ладно тогда, пойду малыша. Ему тоскливо одному. Составлю компанию.

— Давай, деда. Удачи тебе.

--

Закончив разговор, Олег вытянулся в спальнике, расслабился, и мысли в его голове опять заметались со стороны в сторону.

— Подкинул дед задачку, как буд-то своих мало.... Инициацию ему подавай для ученика.

Белый закрыл глаза, а мысли сами собой вернули к той, первой инициации, которую пришлось ему пройти самому.

--

Ему было двадцать три года, когда он после ВУЗа, отслужив в армии срочную, демобилизовался и, вернувшись в город, только-только начал снова привыкать к гражданской жизни. Сложилось так, что в конце службы его и ещё двух сослуживцев с высшим образованием, отправили под Нижний Новгород на курсы офицеров запаса. Там он и познакомился с будущими товарищами из Питера, которые так же, как и он, закончили высшие учебные заведения, где не было военных кафедр. Эти полтора месяца курсов для него стали самыми смешными и забавными за всю службу. Совсем немного военной практики, а потом весь их курс разделили на бригады и отправили занимать всем, кроме самой военной службы. Так потом они, четверо товарищей, и вернулись домой, а через пару месяцев, созвонившись, решили встретиться где-нибудь на природе. Отдохнуть, рыбки половить, грибов пособирать, ну и... «расслабиться».

--

Олег не напивался никогда. Нет, выпить он мог, но потом становился грустным и или уходил тихо из компании, если была возможность сделать это незаметно, или тихо забивался в какой-нибудь угол и наблюдал за другими.

--

В эту поездку к ним, четверым, присоединилась пара девушек и, уже шестером, поехали на залив Вуоксы. Проводником был не Олег, а другой парень, Сергей, который в те места ездил много лет до армии.

У компании было две четырёхместных палатки и так получилось, что две пары заняли одну, а Олег с Сергеем — другую.

Вечер провели хорошо. С костром, шашлыком, танцами под магнитофон и особо никто не напивался. Можно сказать, что были все почти трезвые.

Утром, проснувшись, позавтракали и отправились кто куда — кто на рыбалку, а кто за грибами. Олег был в числе последних. Он с детства любил лес. Прекрасно разбирался в грибах и ягодах, немного понимал в лечебных травах. Всему этому он был обязан маме, которая с самых ранних лет брала сына с собой и учила бережно относиться к лесу.

--

Олег шёл один, еле слышно, словно перетекая с одного места на другое. Почти не касаясь веток деревьев и кустов. Такой ходьбе, выживанию в лесу, его обучал с юности отец. И сейчас Белый двигался, словно исконный житель леса — не ломал ни веток, ни кустов, старался не наступать на цветы. Если можно было обойти кустарник, не проламываясь сквозь него, он это делал не задумываясь.

Набрав уже полкорзины грибов, внезапно услышал какой-то чуждый звук. Похоже было на плач котёнка или, точнее, мяуканье.

Сделав несколько шагов вперёд, Олег вышел на заросший берег небольшого залива, полностью покрытым растениями и превратившемся практически в болото. И там,

буквально метрах в пятнадцати от него, из воды и травы торчал небольшой кусок хвоста и мордочка маленького лисёнка. Белый, не раздумывая, понадеявшись на свою спортивную подготовку, сделал чуть больше десятка быстрых шагов по этому болоту и... провалился по плечи. Его не засасывало, не тянуло вниз, но двигаться в плотной густой массе было очень тяжело. Побарахтавшись, правой ногой случайно наткнулся на камень. Преодолевая сопротивление грязи, в которую порой окунался с головой, хоть и медленно, но смог сдвинуться и встать на камень уже обеими ногами. Повертев головой по сторонам, не увидел на поверхности никаких упавших деревьев. Чуть отдохнув, попытался нащупать ногами рядом другие камни или твёрдое дно, но, окунувшись в очередной раз с головой, понял, что вокруг глубина была больше двух метров.

Освободив себя от обмотавших его растений, Белый немного успокоился от мысли, что его товарищи в любом случае пойдут его искать и найдут, тем более что он показал в каком направлении пойдёт.

Услышал опять мяуканье, глянул в сторону тонущего лисёнка. Он был не так далеко, но достать его руками Олег не мог. Подумав, снял с себя ветровку и рубашку, связал рукава узлом. Потом выдернул ремень из брюк и ещё больше удлинил спасательный «трос». Несколько раз, неудачно кинув в сторону зверя, всё же изловчился и, в очередную попытку, попал кончиком рукава прямо по морде лисёнка. Тот от неожиданности цапнул зубами тряпку, и Олег быстро потащил зверя на себя. Вытянув застрявшую лису, он чуть медленнее стал тащить её на себя, но лис, разжав внезапно зубы, извиваясь, порой прыжками, непонятно от чего отталкиваясь, прошмыгнул мимо Олега на берег. От сознания, что он спас маленького зверёныша, парень улыбнулся, и в душе у него стало радостно.

Простояв так ещё больше часа, стал чувствовать, что замерзает. Ног уже почти не ощущал. Мысль попробовать добраться до берега вплавь отнёс. Это надо было делать сразу, как только он провалился в эту жижу. А сейчас, практически без ног, в густом месиве травы, ила, листвы и каких-то веток, Олег понимал, что ему может не хватить сил пробраться даже метров пять. Покричав, но, так и не услышав ответа, закрыл глаза и замер в ожидании помощи, сохраняя остатки силы.

— Ну что, стоишь? Стой, пока сил хватит. Много вас таких. Сначала герои, а потом грязь в земле. Может тебя чем-нибудь стукнуть, что бы не стоял столбом? Как дерево. Ни эмоций. Ни страха. Нелюдь какая-то...

Эти слова Олег скорее не услышал, а почувствовал какое-то бормотание со стороны берега. Он, не оборачиваясь, негромко ответил.

— Это ты нелюдь. Любой человек помог бы выбраться, а не смотрел бы издеваясь.

— Ой, смотри, а это не пустышка. Ты что, слышишь меня?

— Я не только слышу, но и ощущаю какую-то мерзость вокруг себя.

— Ты это, закрыл бы рот, а то я могу и обидеться.

— Да и хрен с тобой. Обижайся сколько хочешь. Можешь не только на себя, но и на своих родителей, которые выродили такое.

— Ну-ну. Поговри-поговори. Сколько там тебе осталось? Думаю немного. Я подожду.

— Жди сколько хочешь. А я буду стоять до тех пор, пока ты не исчезнешь.

— Долго ж тебе придётся стоять, долго...

Олег храбрился, но понимал, что если его не найдут товарищи в течение часа, а может и

меньше, то он останется здесь навсегда. Не было ни страха, ни ужаса от мысли, что он умрёт так глупо. Было одна, совсем горестная мысль — как мама будет без него...

А ещё через десяток минут он понял, что из его из тела уходит жизнь...

Внезапно со стороны берега послышался шлепок, как будто по лягушке ударили теннисной ракеткой. Не прошло и пары секунд, как рядом с Олегом упал ствол высохшей берёзы, окатив его снова грязью.

— Держись, человек, крепче. Я тебя вытяну, — раздался еле слышный хриплый голос, который Белый опять скорее ощутил, чем услышал.

— Вытянешь, в пояс поклонюсь, — ответил Олег и крепко схватился руками за ствол.

Буквально пара рывков и он оказался на твёрдой земле.

С трудом сняв сапоги с ног, вылил воду и стал растирать руками ступни из всех сил, что бы вернуть им жизнь. Прошло минут пять и красная, как от ожога, кожа ног стала немного покалывать — понемногу возвращалась чувствительность.

Хотел было напялить на себя мокрые вещи и идти на стоянку, но вспомнил своё обещание. Кое-как встал на непослушные ноги и поклонился по-русски, до самой земли, отдавая благодарность и признательность своему спасителю.

— По добру поклон. По-нашему.

— И тебе, спаситель, благодарность от всего сердца.

— Ты, человек молодой, меня СЛЫШИШЬ И ПОНИМАЕШЬ? — в голосе слышалось недоумение.

— Да. И слышу и понимаю. Только не ушами, а как-то... словно картинки в голове, да и сердцем, наверное.

— Странно, давно таких не встречал у себя. Да и по нраву ты мне. Лиса вот спас, не пожалев себя. Он-то меня и позвал тебе на помощь.

И Олег, повернув голову, увидел выглядывающую из-за дерева мордочку лисёнка. Тот словно одновременно и улыбался и был каким-то виноватым.

Белый, совершенно не осознано, присел на корточки и поманил лису к себе, словно маленького ребёнка. И тот... вышел из-за дерева, присел. Потом встал и медленно, шаг за шагом, приблизился настолько, что Белый, протянув руку, смог коснуться лисьей головы. Он её сначала аккуратно погладил, а потом просто положил руку лисёнку на голову и...

— ... Добрый... Смелый... Глупый... Мог умереть... Спас... Большого позвал... Спас Доброго...

Эти слова-картинки промелькнули перед глазами Белого и тот, от неожиданности, шлёпнулся на попу, а лисёнок, от резкого движения, отпрыгнул и мгновенно исчез.

— Человеке. Ты услышал Маленького? — в голосе были слышны нотки удивления.

— Да, — Белый сидел, сам, раскрыв рот. — Я и сам в шоке. Он же не говорил? А как я его услышал и понял?

— А я-то как удивлён...

Олег встал, оглянулся, но никого вокруг не было.

— Ты где? С кем я разговариваю? Ведь это ты меня спас?

— Я рядом, но ты меня не можешь увидишь, хотя... Если попробуешь... нет. Сначала первое. Повернись в сторону воды и не крути головой, замри. А потом попробуй посмотреть направо от себя, только головой не крути.

Олег встал и сделал так, как ему велел незнакомец. Скосил глаза направо и увидел

какое-то марево в воздухе. А в мареве стало проявляться что-то бемформенное, но с яркосиними огромными глазами. Он постарался всмотреться, и... потерял сознание...

... Через несколько минут очнулся от того, что ему на лицо лилась вода.

— Очнись, человек. Хоть ты и юный совсем, но дар у тебя есть. Пока слабый ты, почти слепой, но сможешь встать на ПУТЬ.

— Простите, — тихо спросил Олег. — А кто Вы? И как Вас зовут?

— Имя моё тебе знать не нужно, а кто я таков? По-разному люди меня кличут. Кто Старшим, кто Лешим, а кто и Хозяином. Мне по нраву последнее.

Белый замотал головой. Ну и причудится такое. Скорее всего, он замёрз и простыл за те часы, что стоял в ледяной воде, у него поднялась температура и впал в какой-то бред. А дерево, которое упало рядом с ним?

Опять огляделся, но так ничего и не увидел.

— Кого ищешь? — за правым плечом раздался тихий голос, а потом какое-то клокотание и Олег понял, что это смех.

— Так лешие только в сказках бывают.

— Ну, да, в Ваших сказках. Вот и считай, что тебя кто-то из сказки спас, — и опять раздалось клокотание.

Белый лихородно стал вспоминать, что в сказках говорилось о леших и как их можно их задобрить и отблагодарить...

— Спасибо Вам, Хозяин, за помощь. Не ожидал такой встречи, поэтому не могу Вас отблагодарить сейчас. Нет у меня ничего с собой кроме одежды, но обещаю, что когда вернусь к стоянке, отблагодарю.

— Чем же ты сможешь отблагодарить меня? Мне ничего не надо. Впрочем... взгляну на твои подарки. А сейчас пожуй той травки, что слева от тебя лежит на камушке. Пожуй, но не глотай, выплюни. Даст тебе сил добраться до твоей шумной компании.

Белый повернул голову и в самом деле увидел на небольшом камне крокохный пучок какой-то травы. Не раздумывая, взял в рот и стал жевать.

Трава на вкус была немного кислой с каким-то мятно-горьким привкусом. Прожевав до состояния каши, выплюнул.

— Молодец, что старших слушаешься. А теперь одевайся и иди. Доброго пути, Ученик.

И как будто порыв ветра коснулся Олега и вновь всё стихло. С трудом натянув на распухшие ноги резиновые сапоги, встал, и с трудом, покачиваясь, на непослушных ногах, побрёл в сторону лагеря, с удивлением ощутив, что сил у него хоть немного, но прибавилось.

На середине пути его встретили двое товарищей, которые, забеспокоившись долгим отсутствием Олега, пошли его искать. Подхватив того под руки, быстро вернулись к палатке. Помогли отмыть грязь, которой он был покрыт с головы до ног, переодеться в сухую одежду и парни растёрли его тело докрасна поленцем, смоченным в водке.

Белый лежал в палатке, почти в забытьи, когда его пронзила мысль — он же пообещал поблагодарить за своё спасение. Забрался в рюкзак. Достал непечатую бутылку водки, отрезал полбатона хлеба, взял пару помидорин и болгарский перец и, отойдя от палатки метров сто, положил свои дары на поваленную сосну.

Повернулся в сторону, где почти простился с жизнью, поклонил до земли со словами.

— Дай тебе многих лет и здоровья, Хозяин. Спасибо ещё раз, что спас от смерти. Прими от чистого сердца подарки. Хочу, что бы и ты немного порадовался, да и меня не забывал...

Повернулся и побрёл к лагерю.

--

Вечером компания уже почти со смехом вспоминала пережитый всеми страх, когда наткнулись в лесу на своего товарища, а тот им рассказал, что чуть не утонул. О остальном Олег промолчал. Вскоре легли спать, так как на следующий день им надо было возвращаться в город.

А утром к ним пришёл гость.

--

— Здорово, молодёжь, — приветствовал компанию пожилой мужчина, скорее старик. Он был одет в полувоенную форму с какой-то бляхой на груди, а за его плечом висело охотничье ружьё. — Не помешаю своим присутствием?

— Здравствуйте. Нет, Вы не мешаете. Вы охотник?

— Нет, наоборот. Я егерь здешний, — дед внимательно оглядел палатки, костёр и место, где расположилась молодёжь. — Что ж. Могу только сказать Вам спасибо, что и за костром смотрите и деревья молодые не рубите. Да и чисто у Вас. Молодцы. Надолго здесь?

— Нет. Сегодня снимаемся и в город.

— Смотрю, удочки у Вас есть. Поймали чего?

— На уху наловили, а больше нам и не надо.

— Добрый ответ. А грибов насобирали? Этот год урожайный на дары леса.

— Да, дедушка. Грибов много, но вот вчера провалился в болото главный наш добытчик.

Рассказал, что еле выбрался.

И молодёжь покиваласо смехом на сидевшего в молчании парня.

Дед зыркнул на него, а потом подошёл ближе.

— Что, юноша, небось, мамку вспомнил?

— Да. И не только. Если б не помогли, то там бы и остался.

— А кто помог?

Парень внимательно посмотрел на егеря, на его внимательные глаза и понял, что эти вопросы тот не просто так задаёт.

— Есть добрые души и здесь, как оказалось.

— Добрые? — И дед засмеялся. — Ну-ну.

— Да, добрые. Может и не ко всем, но ко мне лично отнеслись так, как не многие ранее.

Старик нагнулся и, потрепав парня по плечу, шепнув.

— Пойдём на бережок, поговорим, — и, уже обращаясь ко всем, добавил.

— Вы непротив, если я Вашего друга отвлеку ненадолго. Хочу узнать поподробнее, где же его так угораздила. А потом там таблички повешу для других, что бы побереглись.

К этим словам вся компания отнеслась с пониманием и с подколами в адрес Олега.

Дед-егерь подошёл к воде и, севнат камень, похлопал рядом с собой, приглая Белого присесть рядом.

— Что, испугался вчера?

— Да. Подумал, что всё. Но, дедушка, держался я до последнего, хотя и почувствовал, что уж немного осталось.

— Молодец, что держался. Так и надо всегда поступать. Лиха вокруг много, но нельзя поддаваться. Всегда нужно слушать себя и верить тоже нужно только в себя и в свои силы.

— Простите, как Вас зовут?

— Можешь дедом, можешь Дмитрием Михайловичем. Как тебе легче. Что хочешь тебе сказать. Во-первых. Появился я здесь, как ты, наверное, и сам догадался, не просто так. Весточку передали, что в моих угодьях появился человек с Даром. Инициацию вроде прошёл. УСЛЫШАТЬ и УВИДЕТЬ смог то, что почти никто не может. Такие способности есть у каждого человека, но считанные единицы, у которых они проявляются. Как правило, такое случается в моменты, когда тот находится на грани кромки, или сделал маленький шаг уже за неё. По тебе вижу, что ты именно таков. Что ж. У меня есть к тебе предложение. Подумай, сразу не отвечай. То, что ты решишь, может изменить твою жизнь кардинально. И если согласишься, пути назад не будет.

— Простите, Дмитрий Михайлович. Вы так таинственно об этом говорите, что я начинаю уже бояться, — и Олег улыбнулся. — Так что Вы хотите предложить? Какую такую жизнь?

— Ой, юноша. Ты такой же торопыга, как и все. Что ж, расскажу. Только давай начистоту. Врать или обманывать не стоит — я тебя читаю как открытую книгу. Вот и сейчас ты и боишься нового, а душа твоя стремится к этому.

Белый смущённо улыбнулся и опустил глаза.

— Да, это так.

— Хорошо, что сразу не отверг мои слова. Знать вчерашнее приключение тебя научило чему-то. А коль мы договорились говорить начистоту, то ответ — ты СЛЫШАЛ мысли лисы?

— Не слышал ушами, а такое чувство, что у меня в голове появлялись картинки-слова.

— А Хозяина?

Олег смутился и бросил недоумённый взгляд на деда.

Тот сидел и смотрел на парня с какой-то доброй отеческой улыбкой.

— Не бойся, Олег, он же мне сам весточку передал о тебе. Похвалил за отношение твоё к лесу, за стойкость и храбрость, когда ты сломя голову помчался спать маленького лисёнка, не думая о себе. И за подарки особо благодарил. Передал, что такого от людей давненько не получал. Только зря ты ему целую бутылку отдал — он вчера выдул её и завалился спать. Теперь с неделю будет приходить в себя.

Олег с недоумением повернул голову в сторону улыбающегося егеря.

— Я извиняюсь, но почувствовал, что именно ТАК надо было сделать.

— Да не... Всё в порядке. Ты угодил и отблагодарил за помощь ТАК, как давным-давно никто не поступал. Спасибо и тебе за этот добрый поступок. Но вернёмся к нашей главной теме. Что я хочу тебе предложить. Только сначала спрошу — какие у тебя планы на ближайшее время и есть ли свободная пара недель?

— Планов особых нет, да и время есть. Мама у меня несколько дней назад уехала в санаторий почти на три недели. Девушки постоянной нет, да и на работу пока не устроился после армии.

— Хорошо если так. То есть, тебя никто не кинется искать в ближайшее время?

— Нет. Вернусь в город, напишу на всякий случай записку маме и могу уехать. А что, позвонить будет сложно?

— Почему же. Иди на почту и говори. Домашнего телефона у меня нет, так и не провели линию. А в лесничестве, где мы будем, телефон есть. Можешь позвонить оттуда.

— Дмитрий Михайлович. Простите за дурной вопрос. А лешие и в самом деле существуют?

Дед расхохотался во весь голос.

— Ну и вопрос. Скажи, а тебя не удивило, что лис с тобой говорил?

— Ну, у меня было такое ощущение, что, простите, это глюки были.

— Понимаю тебя. Всё новое, к чему не привык человек — списывает на галлюцинации.

Ему ведь так удобнее, я прав?

Олег смутился и, подумав, кивнул.

— Дмитрий Михайлович. А чем я буду заниматься у Вас эти две недели?

— Развивать тебя буду. В тебе проснулся Дар, но он настолько мал и слаб, что если ты не станешь работать над своим сознанием, развивая то, что есть, то через короткое время станешь таким же, как и они, — и дед, мотнул головой в сторону остальной компании.

— И я смогу потом разговаривать с животными и лешим?

Дед опять засмеялся как молодой.

— Для этого, милоч, не один год трудиться надо. То, что ты услышал их на берегу, это было сочетание твоего взвинченного организма, стресса и несколько неадекватного поведения. Такое бывает. Но потом организм успокаивается, и чувство восприятия становится обычным. Хочешь попробовать, как это происходит?

— Да.

— Дай мне левую руку.

Олег протянул деду руку, и та словно попала в клещи.

— Не бойся, не сломаю, — и хватка ослабла. — Есть в тебе данные, а теперь закрой глаза плотно и попробуй потянуться ко мне сознанием. Попробуй увидеть или почувствовать о чём я думаю.

Двое мужчин замолчали на несколько минут. Потом Олег посмотрел в глаза деда и смущённо ответил.

— Не видел картинок, но почувствовал, что я Вам нужен и могу сделать несколько ШАГОВ. Я не совсем понял, о чём это, но, пожалуй, и всё.

— Что ж, совсем неплохо. Я специально держал в голове сумбур, но ты уловил главное. Молодец.

— А потом, спустя две недели, что надо будет делать, как развиваться дальше?

Дед внимательно посмотрел на сидящего рядом парня.

— Да, не зря меня позвал местный Хозяин. Будет с тебя толк. Ведь ты даже не сомневаешься, что будешь учиться, тем более спрашиваешь о дальнейшем. Ладный ты парень. А теперь постарайся подробно мне рассказать о том, что произошло с тобой в заливе. Попробуй как можно подробнее описать свои чувства, ощущения, мысли. Более того. Напряги память и постарайся прокрутить это как кино в своей голове, а я с тобой вместе это посмотрю. — И Дмитрий Михайлович вновь взял ладонь Олега в свои...

--

... Олег вновь падал в воду, пытался выбраться, выпутаться из травы... Ощутил ужас и момент ухода и жизни... Издевательский смех-шопот... Падают дерево рядом... Мордочка лисёнка перед глазами, его мысли-картинки... Синие глаза лешего... Пучок травы, который он жуёт... Товарищи, которые его буквально несут на руках к палатке...

--

Когда Белый очнулся, вынырнув из воспоминаний, деда рядом не было. Оглянулся на компанию — те так же весело о чём-то разговаривали. Олег поднялся и пошёл к товарищам.

--

Через полчаса к палаткам из лесу вновь вышел дед, снова поманив Олега за собой. Вернувшись на прежнее место, сели, ничего не говоря.

— Что ж, повезло тебе. Если бы не лис и не Хозяин, сейчас бы тобой обедала эта тварь, — и дед кинул полиэтиленовый пакет под ноги Олегу.

Тот взял его в руки и увидел внутри какую-то зелёную массу, из которой торчали то ли волосы, то ли шерсть.

— Это что-то такое? — с брезгливостью спросил Белый и вернул пакет деду.

— Правильно. Это не кто, а что. Эта дрянь не местная. Иногда забредает к нам издалека. Ты же героев сказок помнишь? Так это, думаю, что-то похожее на местную кикимору. Только гораздо хуже. ЭТИ, — и дед показал на пакет, — питаются не только эмоциями людей, которые погибают у них на глазах, но и жрут их потом. Местные так не поступают.

— Это то, что от неё осталось?

— Да, Хозяин постарался. Он не пускает чужих в свои владения. А здесь, видно, не почуял вовремя. И ХРАНИТЕЛЬ почему-то не заметил. Так что, Олег, тебе ОЧЕНЬ повезло.

— Дмитрий Михайлович, а кто такие чужие, ХРАНИТЕЛИ?

--

И дед стал рассказывать, как много-много веков назад появились ХРАНИТЕЛИ ЗАЩИТНИКИ. Какие есть местные существа, которых никто не видит, кто такие лешие и чем они занимаются, откуда приходят твари, и чем они отличаются от местных существ и многое-много другое.

--

Закончив рассказ, дед увидел, что вокруг него сидят и внимательно слушают все молодые люди, которые раньше располагались около палатки и костра.

Всё повествование молодёжь воспринимало как очень интересную сказку, в которую поверить было просто невозможно.

— Что, молодёжь, не верите? — с улыбкой спросил дед.

— Трудно поверить в такое, — заявил Сергей. — Я, лично, никогда ничего подобного не встречал ни в лесу, ни на воде.

— Повезло тебе, Сергей, — ответил дед.

Тот недоумённо посмотрел на других, а Дмитрий Михайлович с хитринкой в глазах окинул ладную фигуру парня.

— Вот ты сейчас удивился, откуда я узнал твоё имя, а потом, с полной уверенностью решил, что услышал, как Вы переговариваетесь у костра. Так?

— Да.

— А о своей маме, Нине Георгиевне, ты ведь не рассказывал друзьям?

Парень вытаращил глаза на деда.

— Не бойтесь, я не лихо лесное, о котором повествовал. Просто у меня опыта поболее жизненного, чем у Вас всех вместе взятых, да и умею кое-что.

Внезапно подала голос одна из девушек.

— Простите за такую просьбу. А Вы мне не уделите наедине пару минут?

— Почему нет? Если кто-то хочет со мной поговорить, давайте так — подходите по одному, и я постараюсь ответить на Ваши вопросы. Не сидите вокруг, коль собираться нужно, занимайтесь делами, а как увидите, что место рядом со мной свободно, подходите, не обижу. Только, девочки и мальчики, предупреждаю сразу. Врать не буду, а правду прошу

принять такую, как есть на деле.

И, повернувшись к Белому, спросил.

— Бумага есть и ручка записать мой адрес и телефон, по которому меня можно застать?

Олег кивнул, метнулся в палатку и принёс блокнот и ручку. Записав все координаты Дмитрия Михайловича, посмотрел на него с просьбой, но тот его отправил к другим заниматься сборами.

— С тобой, Олег, мы скоро увидимся и сможешь задать множество своих вопросов. А сейчас уступи место другим, которых я вряд ли ещё увижу...

--

Вот так и состоялось первое знакомство с человеком, который дал путёвку в другую жизнь Олегу. Да и потом, много лет подряд, со всеми самыми сложными вопросами Белый ехал именно к нему, к тому, кто его понимал как никто другой. Единственное, на что Олег намного позже обратил внимание, то на возраст и вид Дмитрия Михайловича. Спустя тридцать лет со дня, как они познакомились и поныне, он выглядел одинаково, совершенно не меняясь. Когда Белый аккуратно попытался узнать сколько ему лет, дед улыбнулся и ответил.

— Не спрашивай, всё равно не поверишь. Одно тебе скажу — я смертен, как и все люди.

--

Через два дня Олег поехал в другой город, точнее на лесную заимку, для своего обучения. Он и сам не предполагал, насколько изменится в дальнейшем его жизнь. Сколько новой информации он получит, порой совершенно фантастической, в которую было трудно поверить. Белый до этого был ярый материалист, а тут столкнулся с тем, что полностью противоречило всему, что он знал и во что верил. Именно тогда он и узнал, что лешего или Хозяина увидеть полностью вообще невозможно. Вся нечисть из сказок (как все в это верили) существовала как бы на стыке двух слоёв реальности или, как объяснял дед, на стыке двух миров. Они могли появляться как здесь, так и там...

— Вот представь себе две тарелки, повёрнутые друг к другу дном. И между ними находятся маленькие песочные часы, — объяснял дед. — Вот верхняя часть этих часов принадлежит верхней тарелке, нижняя часть — соответственно, нижней, а посередине и есть то соединение, через которое к нам или от нас проникают в другие миры порой незваные гости. Таких вот воронок в России, да и в мире несметное количество. Есть такие, которые известны, но большая часть скрыта. А поскольку соединение, или «воронка», как мы его называем, очень мало, то и проникнуть через крохотное отверстие полностью большой объект или живое существо не может. У нас появляется, как модно сейчас говорить, энергетическая составляющая того существа, которое, на самом деле, остаётся в своём мире. Конечно, есть воронки и более крупные, через которые могут попасть и сами существа, но миры устроены так умно, что чуждое нам ощущает себя некомфортно и пытается как можно быстрее вернуться.

— Деда. Как я понял, то лешие находятся рядом с такой «воронкой», поэтому и не могут дальше уйти.

— Молодец. Соображаешь. Именно поэтому Хозяин присматривает за определённым участком леса, где находится «воронка», не допуская его уничтожения, и следит за строго определённой территорией.

— А смысл в его деятельности, коль он сам сюда попасть не может?

— Не смогу ответить на этот вопрос. У НАС много предположений, но единого нет. Де

и сами они не особо желают общаться, тем более рассказывать о своих тайнах.

— Дмитрий Михайлович. Но если, как Вы говорите, леший не совсем материален, точнее, вообще не материален, как он мог кинуть мне ствол дерева, а потом вытащить с этим стволом и меня?

— Вытащить со стволом? Ты уверен?

— Да. Я помню только, как вцепился мёртвой хваткой и буквально после двух рывков оказался на берегу.

— И ствол рядом был? Вспомни. Напряги память.

Через минуту Олег поднял удивлённые глаза на деда.

— Нет. Не было. Я, когда снимал обувь и выжимал одежду, ничего рядом не видел.

— Вот видишь? Скажу больше. После твоего рассказа, я туда сходил, и видел в воде ствол, но отнюдь не на берегу.

— Так что, он сам меня вытащил?

— Олег. Не он тебя вытащил. Ты сам по дереву вылез. Хозяин просто дал тебе сил, энергии. Даже не так. Он дал импульс в твоё подсознание, а организм твой сам сделал то, что должен был.

— А ствол тогда как он мог кинуть рядом со мной?

— Олег, ты обратил внимание — живое то дерево было или нет?

Белый опять вернулся к воспоминаниям и с уверенностью ответил.

— Сухостой. На нём не было даже веток.

— Вот ты и ответил на все свои вопросы сам. Леший может воздействовать только на мёртвую структуру или, скажем, на полуживую. Например, на ту тварь, которая ожидала твоей гибели. Она ведь тоже не находилась полностью в нашем мире, хотя и была почти материальна. Вот именно поэтому Хозяин её и размазал по ближайшей сосне.

--

Спустя пару лет, когда встретились у кого-то на квартире все, кто был в том походе, зашёл разговор о словах деда, что каждый выслушал. Большинство умолчали о своём, или не стали вдаваться в подробности, но то, что прозвучало, доказывало одно — ВСЁ, что говорил им дед, исполнилось в точности.

--

Белый на всю жизнь запомнил те минуты, когда он умирал, стоя в холодной воде и очень часто просыпался ночами в ужасе, вновь ощущая себя там, в липкой густой гуще...

Очнувшись от воспоминаний, Олег посмотрел на экран телефона. Было около девяти вечера.

— Надо поужинать, да и ложиться спать.

Бросил взгляд на стенку палатки. Дождь не только не ослабел, но и, как казалось, стал ещё сильнее. Хотя основная масса грозы чуть сместилась в сторону Ладоги, вылезать из уютного домика совершенно не хотелось.

Поужинав, Белый пересилил лень и всё же пошел к воде мыть накопившуюся за день грязную посуду. Оставлять на ночь уж очень не хотелось.

На озере был шторм. Волны высотой более метра, а на гребнях белые «барашки»...

— Да... Не завидую тем, кому надо будет срочно возвращаться в город. То ли дело мне — никаких проблем — сейчас заварю чаёк, попью в тепле и на боковую. Хотя надо бы отзвониться своим и заглянуть в сообщения — решила Виктория или нет...

Переодевшись и повесив сушиться мокрую одежду, Белый включил автомобильный тепловентилятор, который был подключён к аккумуляторному блоку и, пока делал себе чай, температура в палатке стала как в сауне. Мокрая одежда высохла быстро, да и в самой палатке было уже не так уже влажно, как ранее. Выключил обогреватель и верхнюю лампу и, переодевшись, нырнул в спальник.

Поговорив по телефону с женой и дочерью, получив массу положительных эмоций, открыл сообщения.

Олег всё же сомневался, что Виктория послушает его, но... адрес электронной почты высветился на экране и сразу отправил с планшета на указанный почтовый ящик программу, которую дополнительно сопроводил самыми подробными комментариями.

— «Уважаемая Виктория. Лучше использовать эту программу на планшете. Именно там у ребёнка будет возможность использовать цветной жидкокристаллический дисплей в полной мере. На компьютере у неё не будет возможности касаться экрана пальцем, а это важно. Все задания имеют подсказки и голосовое сопровождение. На каждый следующий уровень можно перейти только после завершения ВСЕХ заданий. Перескочить не получится. Внимательно читайте тест и слушайте голос. Тогда не возникнет вопросов. Не торопитесь с выполнением задач. У вас нет ограничения по времени. В этой игре предусмотрено участия шести человек, поэтому, если будет желание — можете включиться всей семьёй. На первый взгляд всё будет видаться просто, но хотел бы посмотреть, как вы будете реагировать на задания второго уровня. Обращаю особое внимание — игра трёхмерная и в этом есть сложность. Сама программа не «весит» много, так что не волнуйтесь за свой гаджет. Да, ещё. Вирусов нет».

--

Отправленная программа, на первый взгляд, очень напоминала всем известную таблицу цветоощущения Рабкина. (Полихроматическая таблица Рабкина для проверки цветоощущения (тест на дальтонизм. Прим. авт.). Только с той таблицей, с которой сталкиваются все водители на медкомиссии, игра, которую получили в семье Ярого, имела лишь внешние совпадения. Для начала все цветовые пятна и точки на картинке, среди которых были «спрятаны» нужные буквы или цифры, были различной высоты, поскольку

игра была в 3D. А это сразу отличалось от оригинала. Но не это являлось самым сложным. После правильного ответа на первое задание, следовало указание повернуть голову влево или вправо от дисплея, и снова взглянуть, но уже искоса. Потом, расфокусировав зрение по двум указанным точкам на верхних уголках экрана, увидеть то, что было внизу. Самое интересное, что при каждом новом ракурсе, цифра или буква менялись. И это только на первом уровне.

На втором появлялись уже животные.

На третьем — животные двигались по картинке, съедая какой-нибудь цветной овощ или фрукт. При наличии подсказки с названием предмета, основной задачей являлось правильно определить именно цвет. При неверном ответе появлялась надпись, что животное отравилось и погибло и... приходилось начинать игру с начала уровня.

На четвёртом уровне вместо животных были люди, основной же задачей являлось правильно подобрать инструмент для выполнения какой-либо работы. Сами инструменты надо было заметить и выбрать нужный. Например, была изображена клумба с цветами и после долгих поисков спрянных предметов, надо было выбрать лейку и совок, но ни как не молоток или лом. Самая большая сложность заключалась в том, что при прямом взгляде на экран — увидеть что-либо было невозможно. Требовалось не только расфокусировать зрение, а, порой, после подсказки, брать зеркальце и смотреть на экран через плечо...

--

Этот обучающий тест-игру Белый придумал и разработал очень давно, но только с появлением программ на компьютере, позволяющих отцифровать обычные картинки и доработать их в 3D, смогло помочь с реализацией его давней мечты. Белый помнил, сколько он времени посвятил двум программистам, которые тупо не понимали задачи, что перед ними стояла. Потом не понимали, что хочет в результате получить Олег, но позже, когда до них «дошло» и стало что-то реально получаться, работа буквально закипела. Программу, спустя год, окончательно доделали и те же программисты попробовали пройти её с самого начала. Двое парней сутками «сидели» в игре, но, самое интересное, что ни один из них дальше третьего уровня так и не прошёл, хотя все ограничения были сняты. Парни знали итоговый результат, но играли честно. Белый, истратив на прохождение всех десяти уровней почти две недели, с небольшими перерывами на сон и еду, остался доволен работой.

По договорённости с разработчиками, все материалы сохранились только у Белого, хотя программисты и решили отказаться от гонорара, выразив желание вместо денег иметь один экземпляр игры, но Олег был непреклонен. Как узнал позже Белый, те всё же попробовали позже создать что-то похожее, но, поскольку все работы велись только на домашнем компьютере Олега, и не имелось возможности что-либо скачать и вынести, конечный результат был очень и очень посредственный. Ведь саму логику программы, построение этапов и последовательность действий, ни один из приглашённых специалистов в полной мере не знал — каждый из них делал строго определённый участок игры, да и не встречались парни на квартире Белого.

--

Похихикав, Олег выключил планшет и почувствовал, что через какое-то время ему будут обязательно звонить. — Как-там в поговорке? «Сделал гадость, сердцу радость»? Конечно, всё не так, но общий смысл тот же.

Закрыв глаза, представил, что в данный момент творится в квартире полковника.

— «Так. Сейчас или Виктория или её муж ставят программу на планшет. Теперь включают и пытаются поиграть. Небось, пихают друг друга и смеются над неудачами соперника. Скорее всего, подключается дед. Это, предполагаю, заслуга Кати. У того вначале всё получается, но... стопорит. Злится, пробует снова и снова. Наверняка бросает и уходит к себе. (А позже, когда все лягут, заберёт планшет и потихоньку в одиночестве попробует пройти хоть немного). И, буквально увидев эту картинку перед глазами, Олег захохотал в голос. Да уж. Интересно, как будет полковник выглядеть утром, с расфокусированными глазами».

— Ой, блин, я ж забыл их предупредить, что нужно сделать определённый комплекс для глаз после игры, чтобы нормализовать зрение. Если полковник и Дмитрий придут на работу в полном смысле слова косыми, и не смогут заниматься своими прямыми обязанностями, то можно предположить прибытие к нему на остров довольно неприятных визитёров. Ну его на фиг.

Всё ещё улыбаясь, снова включил планшет и отправил Виктории программу для коррекции фокусировки зрения. Чуть позже дополнительно сбросил по телефону СМС-ску с информацией для чего выслан второй файл.

Полежал ещё, успокаиваясь от смеха, почувствовав, что сна ни в одном глазу, вылез из тёплого спальника и, включив газовую плитку, поставил воду, что бы сделать себе ещё чашку чая.

— Позвонить или нет? А то сейчас явно все в игре. Могут и не обратить внимание на звонок, — всё ещё улыбаясь проделке, подумал Олег, но, подержав в руке телефон, раздумал.

И, буквально минут через десять, раздался звонок. Белый глянул — Виктория.

Нажав на ответ, услышал оглушающий хохот множества голосов.

— Белый, добрый вечер, — в трубке, сквозь всхлипы, раздался голос Виктории. — Простите за поздний звонок. Я Вас не разбудила?

— Нет, что Вы, всё нормально. По Вашему голосу понимаю, что «процесс» идёт полным ходом?

— Белый. Где Вы взяли это ЧУДО? Если честно, я поражена этой игрой.

— Вика. Мне приятно слышать от Вас комплементы. Сознаюсь, что это моя разработка. Претворить в жизнь её мне помогли, но основа и методика полностью моя. Скажу больше и предупрежу Вас на всякий случай. Скопировать её нельзя. Там стоит код, который не даст это сделать. Более того, при попытке копирования вполне возможно, что программа, уже поставленная у Вас, потом не будет работать. Кстати. Можете обратить внимание, что и в почтовом ящике, откуда Вы её скопировали, уже ничего нет.

— А к чему такие сложности?

— Знаете такой термин — авторское право? Именно поэтому. А вообще эта программа не столь игровая, как прикладная и не рассчитана на широкий круг пользователей. Она развивает мозг и зрительные функции. Также воздействует на вестибулярный аппарат и моторику организма. Ладно, не буду вдаваться в подробности. Как ВАШИ успехи в прохождении?

Виктория, немного успокоившись, стала говорить более нормальным тоном.

— Катька прошла первый этап довольно легко, а сейчас сидит и хохочет, глядя на нас.

— А у других как дела?

— Мы, естественно, играем по-очереди. Я дошла почти до конца, но срезалась на последнем задании. Дима тормозит на середине, а папа, почти, как и я, дошёл до конца, но не смог выполнить восьмое задание.

— А чего Вы так хохочете?

— Так папа, когда вылетел из игры, несколько минут не мог в руку взять чашку с чаем. Тыкал рукой куда угодно, но чашку так и не смог взять.

В телефоне раздался грохот, а потом очередной приступ истерического смеха.

После паузы Олег спросил.

— А сейчас что было? Кто-то упал?

Из телефона донёсся звонкий голосок Кати.

— Папа. Дверь левее. Слева, а не справа.

И опять взрыв хохота.

Виктория, через всхлипы, поделилась.

— Белый. Дима пошёл в туалет и вмазался со всего разбега в стену рядом с дверью. Сел на пол, смотрит на нас и говорит, что в дверь не успел попасть, потому что та в сторону сдвинулась...

Олег посмеялся, а потом попросил Викторию успокоиться и его выслушать.

— Да. Белый. Я почти успокоилась. Слушаю.

— Вика. Я Вам недавно выслал вторую программу для того, что бы никто из вас не поломал мебель или, ещё хуже, самого себя. Но, поскольку, я понимаю, что Вы не в состоянии сейчас адекватно всё сделать правильно, выслушайте совет, как можно быстро привести зрение в норму. А завтра поставите программу, лучше уже на компьютер, и будет проще нормализоваться.

— Я внимательно Вас слушаю.

— Надо взять в руку карандаш, разместив тот вертикально, и медленно, повторяю, МЕДЛЕННО сфокусировать внимание на кончке. Затем разверните его горизонтально. Закройте глаза на несколько секунд, и вновь сконцентрируйте внимание на кончике карандаша. Упражнение повторите дважды с небольшим перерывом.

— Ясно, спасибо, сейчас скажу своим.

— Да, и не злоупотребляйте этой игрой. Один этап в день, не более. Читайте инструкцию. Иначе завтра все будете ходить с головной болью. Я понятно объяснил?

— Да, Белый, спасибо...

После чего из трубки раздался очередной шум и вновь взрыв смеха и... вызов прервали.

--

Олег подержал смарт в руках, улыбнулся и положил его на стол.

— Да, развлекуха для взрослых не на один день. Что ж. Если они восприняли это только как игрушку, забавно будет взглянуть на них даже дня через два-три. Уверен, что полковник-то точно обратит внимание сначала на оглавление, а потом, через пару дней, и на свою выросшую работоспособность и мышление. Подождём.

Сделав чай, не торопясь и с наслаждением выпил его. Потом, снова забравшись в спальник, под шум непрекращающегося дождя, мгновенно провалился в глубокий безмятежный сон.

* * *

Полковник, забрав себе вечером игру, как и предполагал Белый, всё-таки осилил первый уровень и, довольный результатом, положил планшет рядом на столик.

То, что это не просто игрушка, он понял минут через десять после начала прохождения уровня. Да, на похожие тесты он отвечал при ежегодном медосмотре у психиатра. Но здесь было всё иначе. Объём, неравномерность букв и цифр — всё это сбивало с толку. А потом, когда приходилось смотреть под определённым углом, вдруг первая цифра исчезала, а совершенно в другом углу картинки появлялась другая, которая через несколько секунд так же пропадала. А задачей было определить именно ту, последнюю, после появления на экране вопросительного знака.

Такая, с виду, простая игра, но он еле осилил даже первый уровень, а внучка... Катя слёту прошла, решив все задания на логику и скорость мышления, не вернувшись к началу ни разу. Вика осилила чуть медленнее, вернувшись к началу однажды. Дима начинал пять или шесть раз, а он... Стыдно признать, но Ярый начинал далеко не один и не два десятка раз. И только когда все улеглись, он, в полной тишине, смог сконцентрироваться и всё-таки добиться победы. Сунувшись, не подумав, на второй уровень, понял, что первый — это цветочки по сравнению со вторым.

На втором появились еле заметные фигурки животных, которые буквально оживали под разными углами зрения...

И выскочила табличка с требованием подключить наушники. Именно наушники, а не просто включить звук на планшете.

--

Сергей Павлович мыслями вернулся к тому, что с самого утра мечтал поскорее вернуться домой. Его дочь, поганка такая, решила ему отомстить и не позвонила на работу. Дед и сам понял, что «пережал» со своим наставлением, отправляя дочь и внучку по врачам. Ну не верил он до конца в то, что весь ужас закончился. И, дождавшемся конца рабочего дня, ни секунды не задержался на работе. Его водитель, словно чувствуя настрой «хозяина», старался побыстрее доставить того домой, ведь практически все знали о болезни внучки полковника, и слух, что вроде как какой-то неизвестный врач смог победить болезнь и вылечить девочку, словно снежная лавина пронёсся по Управлению. Немногие поверили в положительный результат. Большинство было тех, кто, как и сам полковник, ждал подтверждения и заключения от врачей.

Поэтому Александр, бессменный водитель полковника, старался не гнать, но, где мог, срезал дорогу, иногда незначительно нарушая правила.

— Саша, — не выдержал Ярый. — Поаккуратнее, пожалуйста. Куда ты гонишь?

— Так, Сергей Павлович, Вы же торопитесь...

— Саш, ну не настолько, что бы ещё в аварию попасть по нашей вине. Давай без нарушений.

— Хорошо.

Полковник заметил, как его водитель старается не терять ни секунды времени, и понял, что его Сашка, как и многие в Конторе, переживает за него.

Выходя из машины у дома, Ярый, прощаясь с водителем, не выдержал.

— Саша. Спасибо тебе. Догадываюсь, что ты в курсе моих домашних проблемм, поэтому ещё раз спасибо за то, что сегодня быстро доставил. А завтра, обещаю, ты первым

узнаешь новости. Только без особого трёпа, хорошо?

Александр широко улыбнулся.

— Спасибо. Не буду болтать... особо...

Сергей Павлович улыбнулся, захлопнул дверь машины и быстрым шагом пошёл в дом. Он бы и побежал, но понимал, что со стороны это выглядело бы несколько комично.

--

Уже дома, перечитав все документы и пересмотрев снимки, трое взрослых обмякли, осознав в полной мере, что их малышу ничто более не угрожает и то, что этот Белый всё-таки смог выполнить обещанное.

Вика, которая сидела в обнимку с мужем, подняла заплаканные глаза на отца.

— Ну что, папа, убедился?

— Да. Сейчас убедился, хотя... до конца и не верится.

— Нам с Димкой тоже, если честно. Пап. Надо как-то отблагодарить Белого. Ведь он сохранил нам Солнышонка, нашу радость.

— Согласен. Но как ты это себе представляешь? Ведь Белый никогда не берёт денег от родителей спасённых им детей. Я это узнал по своим каналам.

— Но это неправильно, как ты не понимаешь? Я не хочу, чтобы потом Катя, когда вырастет, узнала, что мы такие неблагодарные. Да и я сама буду себя чувствовать всё время беспокойно. Тем более что сейчас Белый остался на острове, сам заболел. Как сказала Катя, тот едва не умер, когда её спасал. Ты понимаешь?

— Викусь. Давайте так. Вы подумайте и предложите свой вариант, а я свой. Время нас не подгоняет, поэтому надо прийти к одному варианту, но такому, что бы Белый не смог отказаться.

— Согласна, пап.

Дима встал и пожал руку тестю.

— Спасибо Вам за понимание.

Ярый улыбнулся.

— Ребята. Складывается такое впечатление, что Вы хотите отблагодарить этого человека, а я против. Это совсем не так. Катя для меня значит в этой жизни не менее чем для Вас. Так что отбросьте свой негатив и лучше сейчас сделайте всё, что бы наша малышка быстрее восстановилась, а то худенькая такая, как будто её не кормили месяц. Да. И не забываем проверять продукты. Надеюсь на Вас.

— Пап. Мы делаем это постоянно. Даже когда Катки дома не было, тестер хоть и работал не так быстро, как в её руках, но показывал результаты.

--

А потом пришло сообщение дочери сначала на телефон, а затем Дима, установив программу на планшет, попробовал её снаскоку пройти, но... быстро сник.

Катя, услышав, что Белый прислал для неё обещанную игру-программу обучения, всё время крутилась возле взрослых, а потом...

--

Такого вечера в их семье давно не было. Компания самых близких людей, которая лежала на диване буквально друг на друге, смотря на экран планшета, постоянно хохотала, наблюдая за каждым, кто по очереди пытался пройти первый этап. Крики восторга от прошедших и вопли негодования того, кого выбрасывало из игры, продолжались не один час.

Полковник улыбнулся, вспомнив, как он долгое время не мог взять в руку чашку с чаем.

Как хохотали все, глядя на него. А потом, когда Димка, широко расставив ноги, словно он моряк на палубе корабля, поповавшего в шторм, со всего маха вмазался в стену рядом с дверью. И нет, чтоб скиснуть. Он хохотал громче всех. А Вика, которая, намочив полотенце, пролив мимо много воды, тыкала им почему-то не в лоб, а в рот своему мужу. А чуть позже, когда его дочь, встав с дивана, начала крутиться на месте, совсем потеряв ориентацию, пытаюсь кончиком пальца коснуться носа, а всё её попытки заканчивались тем, что кроме уха никуда более попасть не могла...

Сергей Павлович тихо засмеялся. Спасибо Белому за чудесный вечер. Он давно так не хохотал. А самое главное — Катя, прошедшая испытания первой, села на подушку, обхватив своего медвежонка, весь вечер хохотала, сверху глядя на взрослых. Иногда пыталась заглянуть в планшет и посоветовать что-то, но взрослые, как дети, отворачивались, не давая девочке помочь, что веселило всех ещё больше.

Да, — подумал Ярый. Этот вечер останется в памяти у всех в семье.

* * *

Уже лёжа в постели, Ярый вновь взял планшет в руки и открыл оглавление программы. Вначале он не обратил особого внимание на название уровней, но, чуть позже, когда семья сделал перерыв, был немало удивлён тем, что прочёл.

1 уровень. Адаптивный период*. Расфокусировка зрения. Определение расстояния до объекта, его фиксация, обработка данных и отработка логики действий. Время — 1 сутки**.

2 уровень. Реальные биологические объекты. Двух и трёхмерное восприятие. Определение угрозы объекту и кандидату. Время — 5 суток.

3 уровень. Реальные биологические объекты. Степень взаимодействия с кандидатом. Алгоритм дистанционного воздействия на поведение объекта. Время — 10 суток.

4 уровень. Описание биологических объектов, несущих прямую или косвенную угрозы. Методика действий защиты. Алгоритмы действий. Время — 30 суток.

5 уровень. Ознакомление с живыми и неживыми объектами, их характеристики для выработки алгоритмов действий по нейтрализации угроз. Время — 20 суток.

--

6 уровень. Экзамен для кандидата по уровням 1–5. Оптимизация сознания. Работа над 2 потоками. Время экзамена — 10 минут. Время — 15 суток.

7 уровень. Экзамен для кандидата по уровням 1–6. Определение вероятности действий субъектов. Анализ совершённых поступков. Время экзамена — 10 минут. Время — 15 суток.

8 уровень. Экзамен для кандидата по уровням 1–7. Изучение строения биологической особенности организма субъекта с последующей каталогизацией и соотносением к группам биологических объектов. Время экзамена — 10 минут. Время — 30 суток.

9 уровень. Экзамен для кандидата по уровням 1–8. Судебная теория. Методика анализа. Степень равновесия при вынесении приговора. Практика. Время экзамена — 10 минут. Время — 20 суток. Время практики — 10 суток.

10 уровень. Экзамен для кандидата по уровням 1–9. Судебная практика. Общий итоговый экзамен. Время экзамена — 20 минут. Время практики — 10 суток. Время итогового экзамена — 45 минут.

*(Адаптивный период необходим для постепенного привыкания глазных мышц к расфокусировке зрения. Время — 7 суток. Сутки — 1 час. Далее — прибавляется по 1 часу

каждые сутки. Без периода адаптации к прохождению уровней приступать не рекомендуется.)

** (Оптимальное время работы: 1 уровень — час в сутки. 2–5 уровни — 2 часа в сутки. 6–9 уровни — 3 часа в сутки. Начиная со 2 уровня, время работы кандидата лимитируется с момента входа в программу.)

--

Ярый смотрел на оглавление и понимал, что у него в руках всё что угодно, но только не игрушка для пятилетней девочки. Сухие, порой непонятные обозначения термины. А «биологические... неживые и живые объекты» — это что такое? А судебная теория и ПРАКТИКА для девочки??? Это вообще для чего?

--

Когда полковник нажимал на обозначение уровня, на экране проигрывался 30-секундный анимационный ролик, в котором были изображены люди, животные, какие сказочные персонажи, типа русалки или водяного. При нажатии на символ пятого уровня ролик уже не воспроизводился, зато вместо него выскакивала табличка «Только для тех, кто ступил на ПУТЬ», и появлялся символ судебных весов, но почему-то обвитых змеёй. Такого нелепого знака Ярый никогда не встречал. И что он мог означать?

И вообще... КТО смог создать ТАКУЮ программу? В то, что это творение Белого полковник ни на секунду не поверил. ТАКОЕ смогли бы создать только в крупной компании разработчиков, да и то, не в каждой. Тем не менее, Виктория передала отцу слова Белого, что это ЕГО авторская разработка, поэтому и стоит защита от копирования и взлома. И добавила, что если программу буду пытаться взломать, то у них на планшете тоже не будет всё работать, и не исключено, что и вообще программа исчезнет.

Виктория, по просьбе отца, показала ему полученное письмо в компьютере, но там, кроме сопровождающего текста, уже ничего не было. Ярый тогда про себя выругался всеми словами в адрес Белого, но делать было нечего.

--

— Что это за игра, о которой он никогда не слышал. Ведь это и не игра вовсе, а тест на логику, скорость восприятия и реакцию, психическую устойчивость и работу зрения в разных полях. Кто это мог придумать? Этот тест скорее был из сферы подготовки лётчиков-космонавтов, чем просто грушкой. Именно там использовались похожие программы, но они были настолько элементарными по сравнению с этим, что даже сравнивать нельзя.

— А если использовать эту... (слово «игрушка» у полковника даже вызвала неприязнь) ... этот тест для подготовки оперативных сотрудников, следователей и других специалистов, где нужно быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и мгновенно принимать единственно правильное решение... Так. Нужно сделать всё, что бы эта программа была у меня на работе. Предполагаю, что имея один экземпляр, специалисты Управления смогут сломать защиту и сделать копии, хотя... Зачем идти таким неправильным путём, когда можно просто заинтересовать Белого чем-то или, в конце концов, купить у него хотя бы несколько экземпляров. Тогда будет всё по закону. А чем его заинтересовать? Хотя... известно чем. Он остался без машины, а та, насколько он знал, Белому была постоянно нужна. И, чёрт, как он сделал так, что в отправлении копии программы не осталось? Ладно, утром подумаем и решим.

* * *

Проснувшись, Сергей Павлович первым делом кинул взгляд на столик. Планшета там не было. Он улыбнулся и пошёл умываться.

В коридоре встретился с Димой. Тот выглядел и двигался, словно накануне хорошо выпил. Следом за зятем появилась дочь. Та выглядела не лучше, чем её супруг. Все остановились, глядя друг на друга и хмурые ухмылки постепенно стали переходить в улыбки.

— Да, ребята, хорошо Вы вчера погуляли, — с улыбкой изрёк Ярый.

Виктория, с насмешкой глядя на отца, ответила в том же тоне.

— Пап. А ты на себя сегодня смотрел в зеркало? Если нет — посмотри, а мы пока с Димкой на кухне подождём...

Сергей Павлович, молча открыв дверь в ванной, глянул на себя в зеркало и обомлел. На него глядел какой-то алкаш после недельного запоя. Глаза красные. Под глазами мешки. Да и цвет лица, надо сказать, выдавал не то, что должно было соответствовать полковнику ФСБ. Глубоко вздохнув, он стал с силой растирать кожу лица под потоком холодной воды.

Подняв глаза и снова взглянув на себя в зеркало, только что не заорал от неожиданности. Его лицо было уже не бледно-серым, как вначале, а красно-зелёным, да ещё и в жёлтых пятнах.

Ярый смотрел на себя и потихоньку его начал разбирать истерический смех. И не то, что бы от своего нынешнего вида. Он представил картину, как он с таким лицом вышел бы из кабинета и пошёл на совещани. Ярый, словно на яву, увидел разбегающихся в разные стороны сотрудников Управления и буквально истерически зашёлся в хохоте, согнувшись пополам.

В дверь аккуратно постучали.

— Пап. Ты как там? Всё нормально?

— Вика, — с большим трудом Сергей Павлович взял себя в руки и начал успокаиваться. — Знаешь, дочь. Игрушка, конечно, потрясающая, но вот физиономии у нас, прямо скажем... Хочешь глянуть? Только не бойся. Поверь, это я. — И полковник выглянул в коридор.

Вика сначала подняла руки ко рту, видно, что бы не закричать, а потом с визгом умчалась в комнату и захлопнула дверь за собой. Потом послышался шум сдвигаемой мебели.

— Похоже, дверь баррикадируют, — со смехом пробормотал Ярый и опять захохотал во весь голос.

Подойдя к двери, постучал, но ответа не услышал. Тем не менее, постарался сказать обычным голосом.

— Ребята, это я. Разбирайте баррикады и выходите, — и почти уже еле слышно добавил. — По одному.

За дверью задвигали мебелью, а потом появилось испуганное лицо Димы. Он бы не вышел, но в него сзади упиралась Виктория, не давая мужчине ускользнуть, тихо говоря тому в спину.

— Дима, ты мужчина. Ты первый! Смелее, не бойся, я с тобой!

От этой сцены Сергей Павлович опять захохотал, а чуть позже, поняв, что ничего страшного их не ждёт, засмеялись в голос и Вика с мужем.

— Так, Вика. Доставай всю свою косметику. Ничего не жалея. Будешь нам с Димкой лица делать. Только постарайся, пожалуйста, а то меня в Управление никто не пустит. Все от ужаса разбегутся, и про пистолеты свои забудут.

Всеобщий хохот немедленно перешёл в истерику.

На шум из своей комнаты вышла Катя с планшетом в руках.

— Что Вы так шумите? Мне не сосредоточиться, — изрекла она и, подняв глаза на взрослых, сначала открыла рот от удивления, потом взвизгнула от страха, а ещё через секунду буквально свалилась от хохота на пол.

Ярый посмотрел на Катю. Та была совершенно нормальной, только щёчки от смеха зарумянились.

— Да, ребята, — изрёк глубокомысленно Сергей Павлович. — Белый и Катя сделали нам день.

* * *

В служебной машине, куда сел полковник, царило молчание. Сергей Павлович периодически ловил непонятные взгляды водителя, но молчал, как и тот. Доехав до Управления, полковник, держа данное слово, сказал.

— Саша. Внучка моя здорова. Подтвердили врачи. Это первое. И второе. На лицо не обращай внимание — судя по всему, аллергия на что-то из еды. Не бойся, не заразно.

Водитель ничего не ответил, но, как показалось полковнику, тот набрал воздуха в грудь и, кажется, старался вообще не дышать.

Добравшись до своего кабинета, позвонил другу, Алексею Васильеву.

— Лёш. Привет. Есть время? Не зайдёшь ко мне? Консультация нужна. Если можно, то не тяни.

Через десяток минут в кабинет буквально ворвался подполковник.

— Палыч. Что с тобой? Что с лицом?

— Ничего. Ну, почти ничего, а что?

— Да уже чуть ли не опергруппа собирается на твой захват. Пошёл слух, что вместо тебя какой-то инопланетянин в кабинет зашёл.

Ярый сначала выпучил глаза от удивления и таких новостей, а потом захохотал. Чуть позже, успокоившись, рассказал другу о проведённом накануне вечере и той игре, в которую они дружно играли семьёй.

Васильев сначала долго молчал после рассказа Ярого, а потом, подведя того к окну, несколько секунд смотрел его глаза, постоянно командуя то открыть один глаз, то другой, то зажмуриться... Чуть позже подвёл его к лампе и, включив её, направил свет в глаза полковнику. Что-то решив для себя, сел на стул и изрёк.

— Палыч. Хотя я не офтальмолог по основной специальности, но у тебя незначительное повреждение глазодвигательных мышц. И, судя по всему, повышено глазное давление. Предполагаю, что и общее давление у тебя подпрыгнуло. От этого и отёки и аллергическая реакция кожи лица. Конечно, сейчас тебе первым делом надо обратиться к специалисту. Тот уже точно определит диагноз и даст тебе рекомендации. Если ничего страшного нет, то в течение семи-десяти дней, как я думаю, всё восстановится. Сейчас принесу тонометр, и смеряем давление. Визин для глаз у меня есть, закапаем, и супрастина пару таблеток проглотить, не помешает. Снимем хотя бы внешние проявления. Ну и, главное, сегодня, дружок, как можно меньше занимайся документами и смотри в монитор.

Собираясь уйти, спросил.

— А в этой игре ничего не было написано по поводу нагрузки на глаза? Ну, в смысле,

адаптивный период перед прохождением этапа или определённого лимита времени использования игры? Или медицинские противопоказания?

Полковник задумался. Вадь и в самом деле. Перед условиями игры, да и в перечне уровней, что-то он такое видел, но внимательно не читал. Получается, что он сам виноват? Да... весело... Надо позвонить домой и предупредить дочь. Иначе у Кати тоже могут быть неприятности. Полковник про себя ругнулся и забормотал.

— Да. У меня как у всех. Сначала сломал. Потом разобрал и собрал. И только после всего этого начал искать инструкцию по эксплуатации. Это точно про меня...

--

Вернувшегося вечером домой Сергея Павловича, встретила растроенная внучка. Пожаловалась деду, что до конца второй уровень так и не прошла. Программы обучения закрылась «буквально за чуть-чуть до конца».

Ярый попросил планшет у внучки и, уже внимательно, прочёл оглавление и зачитал вслух всей семье примечания, которые никто из них внимательно так и не прочёл. Катя успокоилась немного, но когда услышала время прохождения каждого уровня, вновь сникла.

Вика, что-то подсчитав в уме, огласила.

— Я посчитала. Это больше 4 месяцев, если заниматься каждый день. Да... Как я понимаю, такой срок дан для постепенного усвоения знаний. К тому же, Катя, как дедушка прочёл, потом тебе перед каждым следующим этапом нужно будет сдать экзамен. Скорее всего, если ты не сдашь, то дальше игра тебя просто не пустит.

— Я всё выучу и сдам экзамен. Мне это надо. Поэтому буду делать так, как написано.

— Катюнь. А что на втором уровне? — как бы невзначай спросил дед.

Девочка вначале хотела было ответить, а потом, спохватившись, ручками закрыла себе рот и, сквозь пальцы донеслось.

— Не фкажу. Сами уфнафайте. — И, приоткрыв ручки, показав всем язык, с хихиканьем умчалась к себе в комнату.

С утра Ярый был не в духе.

На работе вялотекущая работа. Ни по одному фигуранту движения не было. Казалось ещё чуть-чуть и чех «расколется», но нет.

Вечером из Москвы должен был вернуться начальник Управления. Может его присутствие сможет хоть немного сдвинуть замершую глыбу. От всех отделов на совещании, которое проводил Сергей Павлович взамен отсутствующего начальника, слышалось одно — «работаем».

Сегодня его физиономия была вполне рабочей. Аллергия почти сошла на нет, и давление также упало до нормальных показаний. Конечно, состояния ещё полностью не пришло в норму, но, всё же, от него так не шарахались, как накануне.

Оперативно решив текущие дела, занялся тем, что считал важным — узнать о желаниях самого Белого и «прозондировать» объём необходимых средств для приобретения той машины, которая может понравиться ему. В принципе, из-за семьи Ярого, Белый и потерял свою.

Сделав несколько звонков и потратив практически впустую больше часа рабочего времени, встал, походил по кабинету, выпив пару стаканов воды, что бы успокоиться, решив всё же побеспокоить того, с которым не так давно имел беседу в кафе.

Набрал номер на телефоне.

— Виктор Константинович, доброе утро, Ярый беспокоит. Не очень отвлекаю?

— Доброе утро, Сергей Павлович. Нормально всё. Вы по делу или по другим вопросам?

— И по тому и другому.

— Слушаю тогда Вас внимательно.

— У меня такая тема, Виктор Константинович, несколько деликатная. В семье возник вопрос. Белый вылечил Катю, вернув её буквально с того света. При этом, как выяснилось, в принципе, из-за нашей семьи он потерял машину, которая, судя по всему, восстановлению не подлежит. Я бы хотел поинтересоваться у Вас, как человека, который с Белым близок и его давно знает. Какую машину он хотел бы и какие его интересы в этом плане?

— Удивили, если честно, Сергей Павлович. На Ваш вопрос вот так, быстро, и не ответишь. Олег любил свою машину. Таких уже не выпускают года четыре. Поэтому аналог подобрать ему сложно. Сразу скажу — в бэушную он не сядет. Даже в ту, которую эксплуатировали месяц-другой. У нас был с ним однажды разговор на эту тему. Знаю и сам, что дорогую изначально тот не хотел, да и не мог себе позволить. Ему нужна была машина для разездов, во-первых, и, во-вторых, для перевозки походных вещей, лодки и мотора. Он по осени пару ездов делал, что бы вывезти всё в город, так что малолитражка его не устраивала. Купил минивэн от шевроле. Машина неплохая и объёмистая. Когда были в салоне, Олег сел за руль, закрыл глаза и сразу сказал — моя.

— А с деньгами у него как?

— Да никак. Он сбережений особо и не имеет. Денег с пациентов, как сами знаете, не берёт принципиально. Вот с женой и живут на две пенсии, да его половинка ещё и подрабатывает. Так что, можно сказать, достаток ниже среднего. А как сейчас он будет —

даже и не знаю. Кстати. С полгода назад с супругой были у него в гостях. Белый мне открытым текстом сказал, что скоро прекратит свою практику. Ему очень тяжело стало в последнее время переносить такие нагрузки. Так что, Сергей Павлович, отсутствие машины, к которой он привык за последние годы, ускорит его окончательное решение. А на метро и общественном транспорте, как в былые годы, он уже не поедет.

— А если клиенты будут его привозить и увозить?

— На это сразу скажу категорическое НЕТ. Он это не позволял ранее, думаю, что и сейчас не изменит своего решения. А Вам, Сергей Павлович, если честно, повезло. Ваша Катя, чувствую, была если не последним пациентом, то одной из них точно. Я вижу, как Белый устаёт, да и возраст его уже не тот.

— Простите, Виктор Константинович, а сколько ему лет? Моя дочь сказала, что тот выглядит лет на сорок пять.

В трубке засмеялись.

— Сергей Павлович, а шестьдесят два с лишним не хотите? Да. Именно столько. А выглядит Олег моложе, поскольку конституция такая, да занимается тем, о чём я Вам рассказывал. Разные практики очень омолаживают организм, держат его в тонусе. Я уверен, что он и сейчас на острове через силу делает свой комплекс и часами медитирует.

— Да, — протянул Ярый, — удивили Вы меня. Я-то думал, что он наш ровесник или моложе, а оказывается...

— Жизнь у него беспокойная и трудная. Поэтому и старается её немного продлить.

— С денежным вопросом ясно. А какую Вы бы машину посоветовали? Чтобы Белый сел, и доволен остался, что бы не отверг?

— Если честно, трудно сказать, но подумаю. Скоро придётся забирать его из Приозерска домой, хотя бы причиндалы его отвести вместе с самой тушкой. Белый категорически мне заявил, что поедет на электричке, но я не дам ему такой возможности. Слишком близок он мне, что бы не сделать для него такой ерунды. Простите за нескромный вопрос, Сергей Павлович. А Вы что, хотите САМИ купить ему машину? Если так, то я в доле только чтобы Олег не узнал.

— Хороший Вы друг Белому, Виктор Константинович. Да, я решил сам. Вначале у меня были мысли задействовать тех родителей, чьих детей вылечил Белый. Вышел по своим каналам на эту фан-группу, которая существует. Вы ведь знаете о такой.

— Как не знать. Меня периодически дёргают, вызванивают, приглашают на их посиделки. Как телефон узнали — ума не пойму, но узнали. И также знают, что мы с Белым знакомы давно. Пару раз и домой приходили с просьбами, но моя супруга их шуганула так, что больше не тревожат. Простите, и что же Вам ответили эти «фанаты»?

— Да, что не удивительно, ничего. Они там обзвонили больше половины родителей с просьбой помочь в приобретении машины для Белого, но, по предварительной информации, согласились помочь человек двадцать. Это просто ничего. Я позвонил вновь через какое-то время и отказался вообще от помощи, поскольку это и не помощь, а так, фикция.

— А что Вы ждали, Сергей Павлович? Что все скинутся хотя бы по пятьдесят тысяч? Да ВЫ на что надеялись? Ведь СЕЙЧАС их дети здоровы и все страхи и ужасы в их семья давно забыты.

— Ну, так же нельзя. Что они скажут своим детям, которые вырастут и спросят — «А как Вы отблагодарили человека, который меня вернул к жизни?»

— Сергей Павлович, Вы думаете, что из них кто-нибудь скажет ПРАВДУ? Да никто

уверен. Сейчас все те, кого миновала беда, твёрдо верят в то, что, по их мнению, так и должно было быть. Медицина у нас ведь практически бесплатна? И, по их логике, возникает вопрос — а почему мы должны платить тому, который спас нашего ребёнка? Он же для них медик?

Вот пришла в голову аналогия. Не совсем то, но близко. Дружба между людьми. Сергей Павлович. Представьте ситуацию. Дружат две подруги, чуть ли не с самого детства. И вдруг перед ними появляется мужчина, за которого одна из них сможет выйти замуж. Весь из себя такой красивый, обеспеченный, с квартирой, машиной и другими благами. Останутся они потом подругами до конца своих дней? Нет. В лучшем случае — приятельницами, но всегда «вторая» будет вспоминать о своей неудаче. Это, кстати и среди мужчин также.

— Это Вы к тому, к анекдоте, кому из них на самом деле повезёт, а кому нет?

— Именно. Но горечь, если можно так сказать, от «поражения» в этом негласном соревновании, так и останется у них на всю жизнь, а чем больше пройдёт времени, тем слабее будут их отношения, а позже появится осознание своей неполноценности. Так и у родителей тех детей, чья память и благодарность слабеет с каждым днём. А та инициативная группа, которая поддерживает все контакты, вообще не понятно для чего нужна.

— Я с Вами полностью согласен и, знаете, после общения с этими людьми, которые чуть ли не списки на годы вперёд создали, о чём Белый и не знает, мне захотелось разогнать эту компанию. Понимаю, что они не наносят вреда стране своей деятельностью и вроде как не по профилю моей работы, но мерзко как-то.

— Сергей Павлович. Если Вы это сделаете именем Вашей организации, я перед вами шапку сниму. Правда. Ведь там неизвестно что делается. Не исключу, что так называемые «организаторы» этого сообщества неплохие деньги могут имеют за протекже перед Белым. Хотя я знаю точно, что он НИКОГДА с ними напрямую не общался. И выбирает детей, которых будет лечить, непонятно для меня по каким признакам. А как на него выходят родители или он сам узнаёт контакты тех, не знаю, честно скажу.

— Что ж. После Ваших слов, Виктор Константинович, я, скорее всего, дам указания провести проверку в этом сообществе. Предполагаю, что разогнав непонятно для чего созданную группу, сделаю услугу Белому, да и родителям, которые в данный момент ожидают его появления в городе.

— Считаю, что это верный ход. Если эта компания не захотела отблагодарить, с Ваших слов, самым малым человека, благодаря кому их дети живы, то я полностью на Вашей стороне. А с машиной что-нибудь придумаем.

— Придумаем. Ещё один вопрос, с Вашего позволения. Вы с Белым знакомы и дружите чуть ли не с юности?

— Я же Вам рассказывал, как мы познакомились, хотя понял о чём Вы. Если думаете, что я завидую Олегу, что у того есть Дар, чего у меня нет, так ошибаетесь. Хотя, признаюсь, вначале было такое чувство, но очень быстро исчезло, когда пару раз видел Олега после его «сеансов». Я понял, что мне такой жизни не нужно. Хотя, скажу честно, Белый и меня много лет назад гонял по своим тестам и обнаружил, что есть зачатки Дара, но еле-еле живые. После этого я упоился полностью. Белый тогда сказал, что Дар есть у всех людей, но его необходимо развивать каждодневно и на протяжении всей жизни. Мне, увы, это не удалось. Ленивый я, признаюсь.

— Понял Вас. Спасибо за поддержку, Виктор Константинович, и извините, что оторвал от работы. Спасибо Вам ещё раз и всего хорошего.

— И Вам, Сергей Павлович. Если будут вопросы, не стесняйтесь, звоните. Имею в виду личные. По служебным делам и так будете дёргать. До свидания.

— Это так, — усмехнулся последней фразе Ярый и прервал связь.

Разговоры с этим «сообществом» он вёл сегодня с утра. И был, мягко говоря, в бешенстве. На его просьбу отреагировали не то, что с пониманием, а так, как будто это ОН себе машину захотел. Хотя уже знали, что Белый попал в аварию и лишился машины. Но после недолгих разговоров, его попросили перезвонить через полчаса, мол, сейчас свяжутся со всеми и узнают приблизительную сумму, которую смогут собрать.

И когда полчаса прошло, а звонка так и не последовало, Ярый сам позвонил. Там с неприязнью ответили, что ВСЕ люди, мягко говоря, не богаты, поэтому смогут скинуться кто по одной, кто по пять тысяч рублей. Общая сумма, которая прозвучала, была около шестидесяти тысяч. И вслед за этим последовало буквально ТРЕБОВАНИЕ дать информацию о вылеченной Белым внучке и её родителях. На вопрос полковника, зачем такая информация, последовал ответ — мы ведём картотеку и собираем статистику.

Ярый на это тактично ответил, что ОН никакой информации не даст, поскольку всё то, чем они занимаются, является, мягко говоря, противозаконной деятельностью. На том конце трубки это заявление отмели и задали вопрос, после которого Ярый и взбесился. А вопрос был такой — «Когда, наконец, Белый ЯВИТСЯ в город и начнёт заниматься своими прямыми обязанностями. Ведь к нему уже ВЫСТРОЕНА очередь из десятка детей».

Сергей Павлович просто дар речи потерял от такого хамства, да у горло перехватило спазмом, а чуть позже, глотнув из стакана воды, вернув себе спокойствие, очень тихо сказал, что информацией о приезде Белого не владеет, но, от знакомых знает, что Белый заболел и в ближайшее время никем заниматься не сможет, пока не выздоровеет. В ответ прозвучала фраза, после которой он вообще выключил связь — «Что значит заболел? Мы же ОБЕЩАЛИ людям, договорились со всеми».

Полковник сел, вытянул руки и посмотрел на пальчики — они дрожали.

— Мрази и прихлебатели. ОНИ, понимаете, за Белого ВСЁ решили. Кто за кем и когда... И вообще то, что человек заболел — это у них вызвало не сочувствие, а НЕДОУМЕНИЕ....

Немного успокоившись, он и позвонил Константинову.

* * *

В кабинет зашёл помощник и оставил несколько папок с документами, которые Ярый ждал и должен был рассмотреть в срочном порядке.

Открыв первую папку и погрузившись в дела, вначале не ощутил чего-то нового, а потом вдруг остановился и откинулся на спинку кресла.

— «Это что такое? Я, совершенно неосознано, читаю документы и одновременно думаю о совсем другом. Такое впечатление, что у меня в голове параллельно работают два потока сознания, которые не мешают друг другу. Внимательно читаю докладные, делаю пометки, но, одновременно с этим, в голове анализирую свойства той программы, которую передал внучке Белый. И ни одно другому не мешает. Получается, что предположения врачей, высказанные вчера, верны?»

--

Именно вчера днём он съездил в ведомственную поликлинику к окулисту.

Тот внимательно осмотрел его, успокоив, что повреждения мышц незначительны, но категорически запретил в течение двух недель продолжительное время читать документы и книги и сидеть перед монитором компьютера.

Рекомендовал режим — полчаса работы и полтора-два часа на отдых. Прописав капли для глаз и другие препараты, объяснил, что реакция кожи лица на такой стресс хоть и чрезвычайно редко, но встречалась в его практике. А позже зашёл разговор о той программе, после которой и появились вот такие «результаты на лицо». Окулист, немного послушав, попросил его пройти в кабинет заведующей поликлиники. А вот дальше началось самое интересное.

Когда Ярый стал в подробностях рассказывать о игре, заведующая, порой прерывая его рассказ, по телефону вызывала к себе всё новых и новых специалистов. После этого Ярому вновь приходилось рассказывать сначала.

К концу повествования в кабинете находилось уже человек семь-восемь, полковник не запомнил. И после окончания рассказа, буквально «посыпались» всевозможные предположения о назначении этой «игры», но, самое важное, к каким последствиям это может привести.

После долгих и яростных споров, почти все медики пришли к выводу, что благодаря расфокусировке взгляда, трёхмерной графики и выполнения поставленных задач в игре, в мозг поступала заложенная в игре программа обучения, Это было чем-то похоже на известный всем «эффект 25-го кадра». (Ученые установили, что за одну секунду человек сознательно улавливает всего 24 кадра. Именно поэтому дополнительный кадр — двадцать пятый, воспринимается исключительно человеческим подсознанием. Поэтому в этот «невидимый» кадр можно заложить как позитивную информацию, так и отрицательную. До конца не подтверждён. Прим. авт.)

Опять начались споры о достоверности или нет данного эффекта и влияния на человека. Главным же было то, что все, без исключения врачи, хотели посмотреть на эту «игру» своими глазами. И только после этого могли бы вынести своё окончательное решение.

Вообщем, полковник вышел из кабинета в «раздраянном» состоянии, но с ещё большими сомнениями в простоте этой «игры».

- -

И вот сегодня почувствовал, что с его мыслительной деятельностью что-то произошло. И, насколько понял Ярый, сдвиг был в лучшую сторону. Текст он читал намного быстрее. Когда требовалось написать своё мнение или резолюцию, практически не задумывался — рука сама собой писала необходимое — кратко, ёмко и по существу.

Просмотрев уже отработанные материалы, понял, что все его записи были настолько непохожи на обычные, что, создавалось впечатление — писал другой человек.

А ещё, проанализировав скорость своей работы, внимание и концентрацию, Сергей Павлович пришёл к выводу, что продуктивность его деятельности увеличилась раза в два, если не больше. Закрыв глаза и задумался.

— Что же ты нам подсунул такое, господин Ярый? Да и вообще, кто ты такой и откуда???

* * *

А в это время человек, которому должно было «икаться», сидел на берегу озера в непривычно умиротворённом состоянии. Отзвонившись родным, переговорил, посмеялся,

успокоил, что с ним всё хорошо, и пошёл на берег.

Белый с утра заметил, что его организм стал возвращаться к привычному состоянию. Конечно, он ещё был слаб, но, к удивлению, кожа уже не висела складками как два дня назад. И лицо, хоть и было осунувшимся, но такого страха, как в первые дни, он уже не испытывал, глядя на себя в зеркало.

— Свежий воздух, вода вокруг, усиленное питание — что ещё надо? — с улыбкой сказал сам себе Олег, кидая в воду маленьките камушки. — Ещё три-четыре дня и можно возвращаться. Мои, по крайней мере, со страху из дома не выгонят.

--

Он ещё вчера, получив письмо, где Виктория написала всё, что знала о маме, проанализировал и сделал краткую выжимку для себя, дожидаясь теперь только подтверждения данных от Виктора. Белый никогда не надеялся на один источник информации, пытаясь свести в итог два или более подобных. Тем более что результат поисков мог отличаться кординально от совсем незначительной неточности, опечатки или ошибки. Позже, когда сведёт всё в одно, запустит поиск по родословным. Такая программа была у него дома в компьютере, а запустить поиск он мог и удалённо.

— Если мои предположения верны, а не будут очередным бредом, то... Нет. Сейчас не буду ничего выдумывать. Скоро всё выяснится. А пока просто надо наслаждаться погодой, природой и тем, что у меня появилось несколько дней, которые могу посвятить самому себе.

Покрутил головой по сторонам. Гроза закончилась ночью, а сейчас вся природа вокруг просто ожила — листья стали более сочными, трава, такое впечатление, что выросла за ночь. Цветов много новых распустилось...

Олег сегодня не стал бегать по острову. Пару раз подскользнувшись на мокрых камнях, не стал рисковать, зато медитации посветил времени в два раза больше.

Вспомнил вчерашний звонок Виктории и разговор с Катей. Та уже прошла первый этап и почти одолела второй. Порадовался за девочку, но предупредил, что бы та не форсировала обучение, так как каждый уровень нужно проходить не раз, а при новом прохождении всё будет заново. Она увидит это сама. Чуть позже, после рассказа Кати как выглядели родители и дед утром, оба хохотали во весь голос.

Как и предположил Олег, внимательно инструкции по прохождению и максимально безопасному времени, никто из них так и не прочёл.

— Что ж, будет наука, — улыбнулся Олег. — Исходя из того, что рассказала девочка, она прошла первый уровень буквально за десяток минут, а потом только наблюдала за взрослыми. А дед, судя по всему, полночи провёл с планшетом. Поэтому не удивительно, что у него такая реакция кожи и глаз.

--

Предполагая последствия, Белый изначально сделал так, что бы напряжение на глаза на первом уровне было сравнительно небольшим. А вот со второго уровня уже установил лимит времени в день, после чего программа сама закрывала возможность её использования конкретным человеком.

То, что Солнышконок справится со всеми заданиями, Олег не сомневался. А вот до какого уровня дойдут взрослые, это было интересно, но и успешное прохождение даже самого первого этапа влияло на работоспособность человека, концентрировало его внимание и позволяло, если были к тому предпосылки, его сознанию работать в двух

потоках одновременно. Если человек мог быстро приспособиться к своим изменениям, то всё проходило без последствий для организма, но если у него не получалось изначально, то дальнейшее напряжение выливалось в продолжительную головную боль.

--

Вечером опять позвонила Катя, что стало у них традицией. Похвасталась, что прошла второй уровень, но игра её не пустила дальше, отправив на начальный рубеж уровня. Катя стала проходить снова и поняла, что уже пройденный этап совершенно новый.

— Катя, я же вчера тебе говорил об этом. Посмотри. Сколько дней требуется на прохождение второго уровня?

— Пять дней.

— Так ты должна сама была сообразить, что за пять дней ты должна пройти уровень пять раз. Конечно, если ты в какой-то день не дойдёшь до конца, то этот день не будет засчитан.

— Так нечестно.

— Именно честно, малыш. Ты должна и ОБЯЗАНА пройти всё подряд, изучить всё, что тебе необходимо, не перескакивая на другое. Сама ведь только что сказала, что при новом прохождении всё у тебя новое.

— Да. И животные новые, и характеристики их, их продукты новые. Помогает голос, который рассказывает. Я даже не успеваю прочесть надписи, а уже понимаю, что там будет написано.

— Это приятно слышать. Значит, в твою головку знания попадают и остаются там.

— А что, они могут выпасть?

Олег засмеялся.

— Нет, «выпасть» они не смогут, но без усвоения знаний, без повторения материала, ты можешь просто постепенно забыть то, что сейчас знаешь.

— Не, дядь. Я помню всё до самой капельки. Я вот сегодня вспомнила, как проходила первый уровень. Помню всё до деталей.

— Это здорово, малыш. Я надеюсь на твою красивую и умную головку. Ты только одно должна понять и не забывать. То, что ты узнаешь из этой игры, все знания, которые получишь — тебе пригодятся в жизни. Ведь всё то, что ты познаёшь сейчас, собиралось множеством людей на протяжении очень многих лет.

— Дядь Олег. Знаешь, мне сегодня приснился удивительный сон, что вокруг меня бегают друг за другом два маленьких медвежонка. Одного я уже видела во сне, который мне свою шерстку передал. А другой был какой-то необычный. Он всё время старался быть ближе ко мне и рычал на первого, когда тот вытягивал ко мне нос, что бы я его погладила. Как будто или защищал меня или ревновал.

Белый вздрогнул от догадки, но, если честно, не поверил.

— А как выглядел твой новый медвежонок?

— Они похожи, но тот, кого я видела раньше, был обычным, а у нового носик до глаз был светлым, почти рыжим, как я. Он со мной не говорил, только иногда смотрел мне в глаза и как будто улыбался. А ещё, когда он ко мне прикасался, у меня как будто силы прибавлялись. Потом хотела смеяться и танцевать.

— Хороший сон, добрый. Думаю, что ты идёшь на поправку. Как твоё самочувствие? Поправилась хоть немного?

— Да-а-а, — протянула девочка, словно осматривая себя. — Я немного поправилась.

Уже ручки не такие тонкие, как были. И кушаю хорошо. И сплю тоже.

— Приятно слышать, что ты лучше себя чувствуешь...

--

Поболтав еще немного, пожелав девочке спокойной ночи, Белый сразу позвонил Дмитрию Михайловичу.

— Не спится тебе, неугомонный, — проворчал дед, отзываясь на звонок.

— Извини, деда. Так ещё ночь не наступила?

— Белый, Вы, молодые, на время суток не смотрите, а нам, старикам, когда хочется спать, тогда и ночь наступила.

— Извини меня, деда. Не буду тебя тревожить. Только ответь на один вопрос. У твоего найдёныша нос до глаз светлый, рыжий?

Дед словно подскочил. Раздался какой-то шум, словно что-то свалилось на пол. И тревожным голосом спросил.

— Да, именно такой, хотя у медвежат частенько встречается. Уже потом темнеет. А почему спросил?

Белый рассказал сон Кати про особенности как внешнего вида, так упомянул и то, что девочка «заряжается» от этого медведя.

— Знаешь, мой мальчик, неспроста такие сны твоей девочке снятся. Я не припомню, что бы в последние годы было такое, но, в прошлом, случились похожие случаи. Тогда человек был связан с определённым зверем. И, самое интересное, что именно сам зверь выбирал спутника по жизни. Охранял того и, в случае необходимости, делился своей жизненной силой. Служил своего рода «батарежкой». Ты ведь сам знаешь, что человек, по сравнению со зверем, очень слабое существо.

— Я слышал об этом, деда, но, честно говоря, не особо уделял этому внимание. Это ведь не касается моего предназначения на ПУТИ.

— Неверный ответ, мальчик. Глупый и скоропалительный. Почему ты так решил, что тебе не нужна была бы такая «батарежка»? Даже в последнем случае, с Катериной? Если у тебя была бы связь с твоим «спутником», ты намного легче бы перенёс то, что случилось. Да и, возможно, просить о помощи предков не пришлось бы — ты бы не так пострадал, а для зверя это прошло бы почти незаметно. День бы отлежался и всё.

— А как его найти, своего «спутника»?

— А вот это я не смогу тебе сказать. То для меня неизвестно. А вот мишку сейчас уж точно не отдам в чужие руки. Понимаю одно, что нужно будет Катю с ним познакомить. И, желательно, с этим не тянуть. Может быть, тогда у мишки и блок спадёт.

— Вполне вероятно. Ладно, деда, извини меня за беспокойство. Желаю тебе крепкого сна.

— Засранец ты, Белый. Разбудил, огорошил по самое немогу, озадачил, а теперь крепкого сна?

Олег чувствовал, что дед не сердится, а просто для вида ворчит.

— Деда. Я тебя люблю, ты же знаешь. Поэтому и желаю отдохнуть.

— Ладно, — проворчал дед. — Я тебя услышал. Давай. Пока! — И отключился.

Белый упёрся в стенку палатки невидящим взглядом.

— Да, Катенька, удивляешь ты нас с дедом. Забавные сны. Интересно, что будет в следующий раз? Надеюсь, что ты не захочешь позже познакомиться с каким-нибудь

драконом или китом? Вот тогда у меня по-настоящему возникнет проблема, что бы устроить тебе такую свиданку. Да... Маленькие детки маленькие бедки, по истине...

Белый спустился на берег к лодке. Стащил её в воду. Принёс от палатки канистру с топливом для мотора. Сегодня он возвращался домой.

Была мысль попросить Виктора приехать за ним, но отмёл это почти сразу. И так его нещадно и нагло эксплуатировал последнее время.

— Ничего. Доберусь до Приозерска на своей лодочке, а там все вещи за пару раз перенесу к деду в сарай. Думаю, что не особо его стесню. Посмотрю на его зверёныша, а потом и на электричке доеду до города. Вещей с собой много брать не буду — рюкзак да сумку с самым необходимым. Да... Без машины непривычно, но надо как-то привыкать к её отсутствию. Другую сейчас мы не потянем по средствам. Может чуть позже, к следующему лету, если буду жив, попробую приобрести, но как же не хочется садиться в чужую...

--

Накануне вечером, получив данные от Виктора по маме Виктории, сличил с тем, что имел ранее и убедился в полной идентичности. Позвонив супруге, попросил включить его компьютер и, дистанционно загрузив данные, запустил обработку и поиск в архивах. Итоговый результат, как он знал, будет не раньше двух суток.

--

Больше его тревожило и расстраивало, что Руся так и не появилась, хотя и звал её. Олег чувствовал, что та жива и с ней всё нормально, но сердце почему-то ныло. Руслана в тот вечер очень обрадовалась его словам, что Белый не исчезнет, как обычно, а побудет с ней. Тогда почему не пришла? Неужели обиделась на него? Или есть другая причина?..

--

Часа через три, собрав вещи и утрамбовав их в лодке, вновь поднялся к уже бывшей стоянке. Прошёл. Посмотрел — не забыл ли чего или потерял. Нет, всё собрано.

— Место чистое, без мусора, так что другим прибираться за мной не надо будет.

Белый постоял, мысленно поблагодарив остров за приют и, уже спускаясь к воде, внезапно остановился. Его почему-то тянуло туда, на заветную поляну. Не проститься, нет, а такое было чувство, что он просто ОБЯЗАН туда ещё раз сходить. Развернувшись, вновь поднялся по гранитному берегу и пошёл к капищу.

--

На крохотной поляне ничего не изменилось. Те же камни, цветы и трава.

Олег, подобрав несколько упавших веток, выкинул в лес.

Молча постоял у камушка-алтаря в центре поляны.

Вроде бы мог и уйти, но чувствовал какой-то дискомфорт, что не сделал то, что необходимо. Оглянулся. Вроде всё как всегда... и тут обратил внимание на один из камней-сидений. Все остальные вокруг были покрыты мхом и упавшими листьями, а на этом, прямо посередине, рос цветок какого совершенно необычного цвета. Он был похож на колокольчик, но не синего или фиолетового цвета, как обычно, а зелёноватого. И на единственном стебле было ДВЕНАДЦАТЬ цветков. Одинадцать чуть ниже, а самый верхний был наиболее крупным и ярким, почти изумрудным.

Белый осмотрел полянку. Ни одного колокольчика там больше не было видно.

— Неужели это символ жизни? Или предки хотят, что бы я отвёз эту красоту Кате? А если не довезу? Ведь это дикорастущее растение, оно может и погибнуть в домашних

условиях.

Олег постоял в раздумьях, но его словно толкнуло что-то. Отбросив сомнения, аккуратно разобрал мох и отделил корни цветка от камня. Ему показалось, что тот прорастает буквально из гранитного валуна.

Взяв нежно цветок в руки, дойдя до края поляны, обернулся. Поклонился до земли и прошептал слова благодарности тем, кто помог в самую страшную минуту. А позже, с улыбкой глядя на красоту, которую держал в руках, пообещал, что передаст этот цветок девочке, которую ОНИ вместе с ним спасли...

Конец 1 книги.